З. АВАЛОВЪ.

Независимость Грузіи

въ международной политикѣ

1918 - 1921 г.г.

Воспоминанія. Очерки.

PARIS
1924

НЕЗАВИСИМОСТЬ ГРУЗІИ.

Il a été tiré
de cet ouvrage
vingt exemplaires hors commerce
sur papier pur fil Lafuma
numérotés de 1 à 20.

Tous droits réservés.

З. АВАЛОВЪ.

Независимость Грузіи

въ международной политикѣ

1918 - 1921 г.г.

Воспоминанія. Очерки.

PARIS

1924

ეროვნული
ბიბლიოთეკა

საქართველოსთვის აღსრულებულთა

ხსოვნას

ახალთ საიმედოდ

MORTUIS PRO GEORGIA

IN MEMORIAM

JUNIORIBUS

IN SPEM

საქართველოს
პარლამენტის
ეროვნული
ბიბლიოთეკა

Т 110 R 2087.010
3 3-ეს.

ეროვნული ბიბლიოთეკა

POST-SCRIPTUM вмѣсто ПРЕДИСЛОВІЯ

«Я-бы желалъ, чтобы Грузіи вернулась былая сила; чтобъ она не нуждалась въ чужеземной помощи; и была вполнѣ самостоятельна, въ мирное и военное время...

Но такъ какъ мы или теченіемъ времени, или превратностями судьбы, а, можетъ быть, вслѣдствіе того и другого, дошли до такой слабости, что должны подчиняться другимъ, то я считаю самымъ разумнымъ быть въ зависимости отъ тѣхъ, въ комъ больше умѣренности и справедливости, и кто прочно хранитъ дружбу со своими союзниками»...

Слова эти произнесены не вчера. Но сказаны они могли быть и въ наши дни; и сто лѣтъ тому назадъ; и, вообще, всякій разъ когда Грузія вынуждалась избирать политическую связь съ какой либо изъ сосѣднихъ Имперій, вершавшихъ судьбы народовъ.

Приведенная полновѣсная тирада взята изъ рѣчи, вкладываемой раннимъ византійскимъ историкомъ въ уста оратору Айэту, *«знатному человѣку... ненавидѣвшему все римское, всегда тяготѣвшему къ персамъ»*. Произнесены-же были эти слова (въ которыхъ *Грузія* поставлена на мѣсто Лазики-*Колхиды*, точнѣе: *государства* или *республики колховъ*) въ 554 г. по Р. Х., передъ собраніемъ народа, тайно обсуждавшимъ въ какой-то горной трущобѣ политическую злобу дня: то былъ одинъ изъ самыхъ драматическихъ для тогдашняго Закавказья историческихъ моментовъ, когда изъ за него и на его землѣ шла борьба между *персами* и *римлянами* т. е. византійцами, не безъ участія мѣстныхъ народовъ.

Въ словахъ Айэта выражено удивительное, по краткости и ясности, обоснованіе того, что нынѣ именуютъ *политическою оріентаціею*—Грузіи или любого изъ такъ называемыхъ малыхъ

народовъ, отстаивающихъ, въ аналогичныхъ условіяхъ, свою независимость въ борьбѣ могущественныхъ имперій.*)

Въ серединѣ VI вѣка народамъ Кавказа приходилось выбирать между давленіемъ Восточной Римской Имперіи и сассанидской реакціей Ирана. Но, оглядываясь назадъ, дѣятели той эпохи могли припомнить не одну, совершившуюся въ прошломъ смѣну оріентацій. Чѣмъ инымъ, какъ не надлежаще избраннымъ направленіемъ являлась связь, союзничество съ державнымъ и благопріятно далекимъ Римомъ, о чемъ память, навѣрное, была еще свѣжа, и о чемъ до сихъ поръ сохранилось лапидарное свидѣтельство на знаменитомъ ангорскомъ монументѣ (Monumentum Ancyranum) Августовыхъ дѣяній (Index rerum gestarum divi Augusti: *Черезъ своихъ депутатовъ цари иберовъ, албановъ... просили о дружбѣ римскаго народа*), не говоря объ извѣстной мцхетской надписи Веспасіана?

Въ предыдущемъ же столѣтіи, въ дни Помпеевъ и Лукулловъ, во время борьбы Республики съ Митридитомъ Евпаторомъ Понтійскимъ, не ставилъ-ли Кавказъ своей ставки на «плохую лошадь» и не пострадалъ-ли отъ неправильной «оріентаціи»? Далеко, вглубь вѣковъ, могъ озираться патріотъ Колхиды - Лазики или Иберіи VI-го вѣка и многое могъ-бы припомнить. Онъ не зналъ, однако, того, что было впереди, что готовилось въ приближавшемся будущемъ: ни вѣковыхъ тяготъ положенія Кавказа между мірами воинствующаго ислама и столь-же нетерпимаго христолюбія; ни судьбы этихъ странъ, какъ наковальни подъ молотомъ непрестанныхъ вторженій; ни всѣхъ превратностей послѣдующихъ вѣковъ, которыя приводили Грузію, послѣ Багдада халифовъ и Константинополя багрянородныхъ, — и въ Испаганъ персидскаго Возрожденія, и въ Стамбулъ Амуратовъ, и въ Москву «тишайшихъ» царей; а въ наше время, послѣ вѣковой связи съ петербургской Имперіей Романовыхъ, направятъ ее въ 1918 г. къ Берлину, въ 1919 — къ Лондону, а въ 1921 г. опять приведутъ подъ власть Москвы, въ этотъ разъ Москвы Ленина.

---

*) Ср. подлинныя слова, приписанныя Айэту: A g a t h i a e Historiarum III. 9. Стр. 156 изд. 1828. Corpus scriptorum historiae byzantinae. Русскій переводъ въ текстѣ — по сборнику: Лазика и Иберія (*К. Ганъ*. Извѣстія древнихъ писателей о Кавказѣ. Ч. II. Тифлисъ. 1890 г.), но слегка мною подшлифованъ. У Гана *колхике политеіа* греческаго подлинника неправильно передано «царствомъ Колховъ».

Не могли тогда, въ VI-мъ столѣтіи, предвидѣть и того, что должна была осуществиться мечта и о полной независимости, самостоятельности Грузіи — о томъ, что привлекало Айэта *въ прошломъ*. Наступилъ, дѣйствительно, моментъ, когда трудами народа, благоразуміемъ правителей и напряженіемъ національныхъ энергій, Грузія, благопріятствуемая внѣшними обстоятельствами, правильно оцѣненными и искусно использованными, не нуждалась въ выборѣ «оріентацій», но зажила вольною жизнью въ бореніи и трудѣ: отъ Давида Строителя до Тамары (XI-XIII ст.), на протяженіи, примѣрно, срока, положеннаго Ибнъ-Калдуномъ для расцвѣта государствъ, и Грузія пережила радость и плодотворное броженіе великихъ эпохъ. Заботливой рукой новыхъ поколѣній ученыхъ и писателей, сметается постепенно прахъ забвенія съ заброшенной, забытой было страницы прошлаго; и это прошлое, подобно фрескѣ, очищенной отъ копоти вѣковъ, начинаетъ блистать всѣмъ богатствомъ благородныхъ красокъ для прозрѣвающихъ глазъ. Возстановляется старая традиція, которая всегда была традиціей культуры и гуманности.

Въ этой связи и въ такой перспективѣ было-бы тщетно и суетно въ современномъ политическомъ движеніи Грузіи и другихъ народовъ Кавказа видѣть случайное порожденіе внѣшнихъ обстоятельствъ, честолюбій и интригъ. Это, очевидно — новый отпрыскъ на старомъ деревѣ съ корнемъ уходящимъ глубоко въ почву.

Намекая на этотъ корень и приглашая оглянуться на мгновеніе назадъ, авторъ нисколько не собирается отвлекать читателя отъ политическихъ запросовъ нашихъ дней. Предлежащая книга пытается закрѣпить передъ его вниманіемъ нѣсколько лишь нитей въ безконечно сложной ткани жизненныхъ отношеній, которую Исторія, неустанный ткачъ, развертываетъ передъ нами. И если полезно разсказу о событіяхъ и впечатлѣніяхъ, обнимающихъ 1918-1921 г. г., предпослать нѣсколько словъ напоминанія о прошломъ, далекомъ — однако, вовсе не столь далекомъ, — то какъ же оставить безъ краткаго хотя-бы послѣсловія повѣсть, законченную такимъ важнымъ для Грузіи событіемъ, какъ водвореніе въ ней совѣтскаго строя, послѣ вторженія коммунистовъ въ началѣ 1921 г.?

Это возвращаетъ насъ болѣе спеціально къ куску пережитой исторіи, намѣченному въ этой книгѣ.

ეროვნული ბიბლიოთეკა

X

Набрасывая эпопею вопроса о независимости Грузіи въ международной политикѣ Европы 1918-1921 г. г., авторъ мало или почти вовсе не касался внутренней исторіи самой Грузіи за эти годы. Внутреннее ея положеніе всегда какъ-бы постулировалось, преимущественно, въ положительныхъ тонахъ постепеннаго самоустроенія молодой жизнеспособной демократіи.

Такая, совершенно общая оцѣнка не такъ ужъ далека была отъ дѣйствительности: недаромъ, на основаніи наблюденій и сообщеній представителей державъ, вовсе не всегда и не сильно расположенныхъ въ пользу Грузіи, страна эта добилась международнаго признанія своей независимости, одновременно и наряду съ балтійскими республиками.

Въ виду однако быстраго и полнаго крушенія, которому подверглась, для многихъ неожиданно, въ началѣ 1921 г. представительная демократія Грузіи подъ ударами совѣтской политики, необходимо, конечно, внести нѣкоторую *поправку* въ приведенную оцѣнку грузинской демократіи 1918-1921 г. г.

Поправка должна, одновременно, дать ключъ къ уразумѣнію того, чѣмъ облегчилось торжество въ Грузіи Совѣтовъ. Объ ошибкахъ внѣшней политики нѣтъ необходимости здѣсь говорить: онѣ указаны въ этой книгѣ. Проистекали-же онѣ въ сущности изъ того-же доктринерскаго навожденія марксизма, въ нарушеніе правилъ государственнаго искусства, которымъ причинялся такой ущербъ Грузіи и въ ея внутреннихъ дѣлахъ.

Правительство Грузіи мыслилось ея вождями какъ демократическое — въ отличіе отъ строя совѣтскаго.

На дѣлѣ Грузія, конечно, вовсе еще не удовлетворяла требованіямъ представительной демократіи. Внѣшнія формы послѣдней прикрывали здѣсь диктатуру грузинской соц.-дем. партіи.

Въ этомъ не было-бы бѣды. Это было даже полезно въ революціонную эпоху, создавая для правительства на первыхъ порахъ прочную опору въ видѣ хорошо организованной, вліятельной партіи. Но достаточно, по обстоятельствамъ, крѣпкая государственная власть осуществлялась съ чрезмѣрнымъ уклономъ въ сторону партійной доктрины, съ чрезмѣрными нарушеніями неписанныхъ, интуиціей постигаемыхъ, но во многомъ непреложныхъ правилъ государственнаго искусства.

Притомъ, постепенно, такой характеръ грузинскаго правительства не ослаблялся, а усугублялся. Въ ноябрѣ 1917 года грузинскій національный конгрессъ возвѣщалъ, казалось, картину всенароднаго единенія и обѣщалъ, думалось, политику національную. Въ началѣ 1921 года Грузія имѣла и въ лицѣ своего правительства, и въ образѣ Учредительнаго Собранія простую креатуру партійной организаціи. Неустанно и съ упорствомъ неискусныхъ въ государственныхъ дѣлахъ доктринеровъ, все время съуживали самую основу своего существованія, своей будущности.

Въ концѣ пути правительство Грузіи очутилось на столь узенькомъ карнизѣ, что сбросить его внизъ оказалось возможнымъ простымъ щелчкомъ.

Происходило-же это не случайно. Вышедшее изъ революціи правительство Грузіи было все-же въ гораздо большей степени правительствомъ соціальной демагогіи, чѣмъ органомъ демократической и національной политики. Ему надлежало и легко было-бы сдѣлаться послѣднимъ: этого не произошло. Расправа съ земельными собственниками была, въ сущности, главною страстью этого правительства.

Аграрная реформа внушалась и дѣйствительными потребностями крестьянъ, и подавляющимъ примѣромъ и вліяніемъ русской революціи; но и пріемами демагогической революціонной конкурренціи. Реформа эта была неизбѣжна; вылилась-же она въ формы нисколько не соображенныя съ условіями сельскаго хозяйства, съ будущими потребностями и съ укладомъ столь дифференцированной націи, какъ Грузія.

Сознательно наносился уничтожающій ударъ многочисленнымъ группамъ населенія, важной, сравнительно образованной и необходимой части его.*)

А одновременно, послѣ отчужденія въ пользу крестьянъ конфискованной у прежнихъ собственниковъ земли, невольно

---

*) Имѣются здѣсь въ виду, конечно, не тѣ, сравнительно немногіе, потомки вождей и рыцарей, — политическимъ ничтожествомъ и духовнымъ оскудѣніемъ заплатившіе за отказъ свой отъ народной традиціи, но обширный слой прочно связанныхъ съ землей и народомъ земельныхъ собственниковъ, среднихъ и мелкихъ, важное слагаемое и полезный сотрудникъ грузинской демократіи, пожелай она устроиться по-государственному.

усиливалось въ крестьянской массѣ, вообще присущее ей, равнодушіе къ вопросамъ политическаго строя, ослаблялся въ ней всякій инстинктъ сопротивленія вторгающейся извнѣ силѣ, разъ отъ послѣдней не ожидалось опасности для совершившагося надѣленія землею.

Словомъ, аграрная политика Грузіи имѣла уклонъ не въ сторону Европы и ея гражданскихъ кодексовъ и не была согласована съ государственнымъ интересомъ независимой Грузіи.

Прямое-же нежеланіе, по малодушію и непониманію, серьезно заняться устройствомъ вооруженной силы (хотя бы по примѣру коммунистовъ съ 1918 г.), на случай всегда возможнаго вторженія, проистекала изъ той-же основной доктрины грузинскаго правительства, доктрины классовой борьбы и насильственнаго соціальнаго передѣла, которая и помѣшала ему сдѣлаться правительствомъ національнымъ.

Аграрная реформа, обездоливъ, подавивъ однихъ, надѣливъ другихъ *безъ возложенія на нихъ серьезныхъ тяготъ* финансовыхъ и въ видѣ дѣйствительной воинской повинности, сдѣлала крайне затруднительнымъ устройство самой даже скромной арміи въ странѣ, столь богатой строевыми офицерами и въ народѣ, на протяженіи долгихъ вѣковъ выковавшимъ себѣ славу воинской доблести.

Когда Грузію *довели до столкновенія* съ Совѣтской Россіей, не богъ вѣсть какимъ силамъ этой послѣдней не было оказано никакого почти сопротивленія. Все было сдѣлано для того, чтобы наступающая совѣтская армія встрѣтила не «вооруженный народъ» — а группу партійныхъ вожаковъ, обширное сообщество лицъ, причастныхъ къ эксплуатаціи государственной власти, а съ ними небольшую кучку вѣрныхъ мюридовъ.

Сбросить все это въ Черное море оказалось сущимъ пустякомъ.

Твердое знаніе этой внутренней обстановки — этого коренного отсутствія военной организаціи въ Грузіи — и подсказало московскому правительству мысль о необходимости «покончить съ Грузіей», какъ только внѣшняя обстановка (о чемъ сообщено въ книгѣ) сложилась для того благопріятно.

Извлечена была при этомъ великая польза и изъ огромнаго соблазна, неизбѣжно вносимаго въ умы «трудящихся массъ»

Грузіи, кліентовъ и мнимой опоры с.-д. правительства — совѣтскими лозунгами классовой борьбы, отобранія земель и пр. Это было то, на чемъ массы именно и воспитывались въ Грузіи. Какое вліяніе могли имѣть тогда всѣ схоластическія оговорки и разнотолкованія тифлисскихъ начетчиковъ, разъ ихъ-же девизы явственно различались на знаменахъ вторгавшихся войскъ, и привычный престижъ россійскаго могущества принималъ обличіе еще вчера столь горячо лелѣемаго краснаго знамени?

Противопоставить въ послѣдній моментъ страну-націю вторгающемуся въ нее чужеземцу, перейти внезапно съ жаргона международныхъ соціалистическихъ конгрессовъ на языкъ патріотизма и національной экзальтаціи — было дѣломъ запоздалымъ и безнадежнымъ. Если бы съ 1918 года проявлена была въ этомъ отношеніи самая средняя государственная заботливость, не было-бы и надобности въ этихъ внезапныхъ и столь ненужныхъ обращеніяхъ...

Вотъ и произошло, неизбѣжно и неустранимо, крушеніе грузинской демократіи какъ разъ въ моментъ, когда усѣвшись самоувѣренно и самодовольно на узкомъ карнизѣ ею облюбованной партійной исключительности, она, послѣ полнаго международнаго признанія независимости Грузіи въ январѣ 1921, предвкушала еще болѣе полное и болѣе спокойное наслажденіе плодами своихъ, во многомъ цѣнныхъ трудовъ. Въ этотъ-то моментъ она и была, какъ сказано, съ большою легкостью сброшена внизъ.

Прибавить-ли то, какъ этому способствовало неумѣніе согласовать темпъ работы по улаженію споровъ съ сосѣдями и по устройству нужныхъ съ ними союзовъ съ лихорадочнымъ ритмомъ исторіи? Прибавить-ли, какъ послѣ трехъ лѣтъ внѣшней политики, во многомъ удачной, Грузію поставили въ положеніе полной изолированности, подъ вѣчную угрозу удара — Москвы и Ангоры? Остановиться-ли еще на томъ, какъ однимъ и другимъ воспользовалась Москва, и какъ способствовала своему успѣху на Кавказѣ программою союзнаго объединенія закавказскихъ республикъ — силою навязавъ имъ то, чего онѣ не пожелали сами сдѣлать на путяхъ свободы и независимости? или на томъ размежеваніи съ Турціей осуществленномъ московскимъ правительствомъ, въ усло-

віяхъ тягостныхъ особенно для Арменіи (уступка Карса) но и для Грузіи; но которое было все-же *разрѣшеніемъ* вопроса, вѣроятно къ удовольствію многихъ желавшихъ спокойно работать на прирѣзанной и добытой послѣ революціи землѣ?

Здѣсь достаточно намѣтить эти главныя линіи, чтобы, вернувшись опять къ стилю историческихъ созерцаній, сказать, что грузинская демократія 1918-1921 г., бывшая формой диктатуры с.-д., т. е. марксизма праваго крыла, являлась періодомъ подготовительнымъ къ торжеству въ Грузіи диктатуры совѣтской. Всѣмъ содержаніемъ соціальной политики и духомъ своимъ, демократія эта, вопреки несомнѣнно и ярко пробуждавшемуся въ ней народному сознанію, обращена была на дѣлѣ въ сторону Москвы, а не Европы. И этимъ создавалось коренное противорѣчіе съ той европейской оріентаціей ея внѣшней политики, которой Грузія держалась настойчиво до лѣта 1920 г.

Когда въ тяжелые дни февраля-марта 1921 г. Грузію уложили на столъ, и опытный хирургъ, совѣтская власть, произвелъ надъ ней жестокую операцію, онъ зналъ что пацiентъ захлороформированъ и подготовленъ къ операціи не менѣе опытной, хотя и не столь дерзающей рукой грузинскихъ с.д.

То что политически и субъективно было борьбой и казалось переворотомъ, исторически и объективно оказывалось простымъ раздѣленіемъ труда и чередованіемъ фазъ.

Вотъ и все. Это печально, но такіе политическіе пассажи не кажутся значительными въ эпоху, когда милліоны здоровыхъ цвѣтущихъ людей умерщвлялись какъ ни въ чемъ не бывало!

Исторія человѣчества порою принимаетъ формы сумасшедшей пляски. За внѣшними бредовыми формами, за быстрымъ мелканіемъ событій важно видѣть основныя темы, постоянно возвращающіяся прочныя нити.

Стремленіе народовъ къ свободѣ, къ творческому независимому существованію въ таинственномъ единеніи націо-

нальныхъ коллективовъ и есть одна изъ такихъ темъ, одна изъ мнимо лишь прерываемыхъ нитей.

Независимость Грузіи и сосѣднихъ ей народовъ Кавказа, несмотря на событія 1920-21 г. г., вовсе не является простымъ эпизодомъ вчерашняго дня, съ такою скоростью уходящаго въ исторію; напротивъ, она есть и останется живой темой и нашихъ дней и близкаго будущаго. Поэтому и книга эта далека отъ настроенія выраженнаго въ знаменитомъ

Victrix causa diis placuit, sed victa Catoni.

И если здѣсь ничего не прибавляется о томъ, въ какихъ условіяхъ и съ какими превращеніями жизнь Грузіи протекаетъ нынѣ въ навязанномъ ей единеніи съ другими государствами совѣтскаго Союза; какъ рисуется политическое и хозяйственное развитіе на Кавказѣ подъ вліяніемъ всего, созданнаго русскою революціей, положенія; и какъ на дѣлѣ устраиваются взаимоотношенія между кавказскими народами, послѣ отхода къ Турціи значительныхъ территорій по Карсскому миру 1921 г.; — то это лишь потому, что здѣсь передъ нами уже новый, сложный отрѣзокъ исторической ткани, еще не вышедшій изъ рукъ Ткача, и въ которомъ разбираться было бы преждевременно.

И Грузія, и Арменія, и Азербайджанъ существуютъ; прокатившаяся по нимъ колесница всеобщаго уравненія, не стерла ихъ съ лица земли. Исторія ихъ не прерывается въ 1921 году; она протекаетъ въ новыхъ условіяхъ.

Для книги, основанной на прямомъ опытѣ и непосредственныхъ переживаніяхъ, какъ эта, достаточно такихъ общихъ замѣчаній: о политическихъ судьбахъ нашихъ республикъ съ 1921 г. авторъ могъ бы говорить лишь какъ любопытный читатель, во многомъ неосвѣдомленный.

Итакъ — продолженіе, не перерывъ. И никому не слѣдуетъ цѣпляться за прошедшее. Въ настоящемъ гораздо больше реальности, а въ будущемъ — привлекательности.

Что же касается тѣхъ многихъ, къ которымъ авторъ и себя причисляетъ, и кто, пострадавъ отъ политическихъ сумятицъ (насколько, однако, меньше погибшихъ на войнѣ отъ меча, или растерзанныхъ въ гражданскихъ схваткахъ!) не придаетъ сво-

имъ личнымъ ранамъ значенія, и не смѣшиваетъ ихъ съ судьбой дѣла, которому служилъ, имъ остается припомнить слова умницы, давно писавшаго и за себя, и за нихъ:

«*si l'evenement me bat, s'il favorise le party que j'ay refusé, il n'y a remede; je ne m'en prens pas à moy; j'accuse ma fortune, non pas mon ouvrage; cela ne s'appelle pas repentir*». (Montaigne. Essais. Livre III, chap. II.).

Парижъ, сентябрь 1924.

Примѣчаніе. Предполагалось дополнить настоящее сочиненіе вторымъ томомъ, въ который вошли-бы написанные авторомъ и обнимающіе весь періодъ отъ провозглашенія независимости Грузіи вплоть до юридическаго ея признанія великими державами (1918-1921) ноты и меморандумы, подававшіеся по дѣлу Грузіи, за разными подписями, въ различныхъ столицахъ Европы. Документы эти, представляя какъ-бы небольшое собраніе матеріаловъ по новѣйшей исторіи Грузіи и Кавказа, являли-бы, въ то-же время, въ совокупности своей, нѣкоторое единство мысли и стиля, будучи составлены однимъ лицомъ. Въ видѣ-же предисловія и комментарія къ этому сборнику французскихъ писаній, имѣлось въ виду дать краткій обзоръ нѣсколькихъ основныхъ вопросовъ кавказской политики. Отъ мысли этой, къ великому облегченію для читателя и къ еще большему — для автора, пришлось отказаться.

Нелишнимъ, кажется, будетъ также объяснить, почему книга эта, грузинская и кавказская по существу, издается по-русски: авторъ имѣлъ въ виду, что для разбросанныхъ по Европѣ дѣтей Кавказа и для русскихъ, съ Кавказомъ связанныхъ — т. е. для возможнаго круга его читателей русскій является наиболѣе понятнымъ общимъ языкомъ.

Настоящее сочиненіе (съ предисловіемъ) было сдано въ печать до полученія извѣстій о возстаніи въ Грузіи (сент. 1924).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Post-Scriptum, вмѣсто предисловія VII

Оглавленіе XVII

Вступленіе. 1

Глава I. — *Съ Россіей!*

1. Свободная Грузія въ свободной Россіи 3
2. Къ исторіи россійскаго федерализма 5
3. Въ дни Временнаго Правительства 6

Глава II. — *Грузинскій комитетъ въ Петроградѣ.*

4. Дѣла обывательскія 9
5. Дѣла военныя 10
6. Нѣчто о мирѣ брестъ-литовскомъ 11

Глава III. — *Санитарный поѣздъ № 133.*

7. Его удачи 14
8. Злоключенія 16
9. Привалъ въ Пятигорскѣ 21

Глава IV. — *На Кавказѣ.*

10. Снова въ путь 23
11. По Военно-Грузинской дорогѣ 24
12. Въ Тифлисѣ весною 1918 г. 26

Глава V. — *Въ Батумъ къ туркамъ.*

13. Какъ это случилось 30
14. Съ «делегатскимъ» поѣздомъ. 33
15. Чувства и лица. 35

Глава VI. — *Конференція.*

16. Засѣданіе 11-го мая. 40
17. Турецкія предложенія. 41
18. Какъ быть? 43
19. Чернильная война. 45

Глава VII. — *Развалъ Закавказья.*

20. Подъ прессомъ исторіи. 48
21. Изъ батумскаго дневника. 50
22. А Россія? 51

Глава VIII. — *Новый путь.*
23. Независимость Грузіи. 54
24. Дни рѣшенія. 57

Глава IX. — *Курсъ на Германію!*
25. Изъ Батума въ Поти. 63
26. Потійское соглашеніе 28-го мая 1918 г. 65

Глава X. — *Quo vadis, Georgia?*
27. Изъ Поти въ Берлинъ. 70
28. Наши задачи 74

Глава XI. — *Въ Берлинѣ, лѣтомъ 1918 г.*
29. Первыя встрѣчи 77
30. Затрудненія и достиженія 83

Глава XII. — *Турція торжествуетъ.*
31. Батумскіе акты 4-го іюня 1918 г. 92
32. Подкопъ подъ нихъ въ Берлинѣ 96
33. Въ треугольникѣ: Берлинъ-Москва-Константинополь 99

Глава XIII. — *Ставка на Германію.*
34. Основанія «германской оріентаціи» 101
35. «На черномъ камнѣ» 105
36. Германо-русское соглашеніе 27-го авг. 1918 г... 109
37. Турецкая каниталь 112

Глава XIV. — *Береженаго и Богъ бережетъ!*
38. Четъ или нечетъ? 114
39. Въ Христіаніи 116

Глава XV. — *На поворотѣ.*
40. Талаатъ-паша въ Берлинѣ 121
41. Проектъ грузино-германскаго договора 124
42. Переломъ 126

Глава XVI. — *Посреди крушенія.*
43. Съ послѣднимъ «Балканскимъ поѣздомъ» 129
44. Въ Константинополѣ, октябрь 1918 г..... 133
45. По развалинамъ «Срединной Европы» 145

Глава XVII. — *Конецъ «германской оріентаціи».*
46. Въ Берлинѣ, ноябрь 1918 г..... 152
47. Мудросское перемиріе 541

Глава XVIII. — *Курсъ на Западъ!*
48. Берлинъ-Лондонъ 151
49. На новыхъ рельсахъ 168

ეროვნული ბიბლიოთეკა

Глава XIX. — *Новая варіація на прежнюю тему.*
50. Закавказскія распри 165
51. Программа Великой Арменіи 168
52. Теорія буфернаго государства 170

Глава XX.— *Въ Лондонѣ, на канунѣ Парижской конференціи.*
53. Европа и Кавказъ 173
54. Ложный маякъ 175

Глава XXI. — *Подъ солнцемъ Конференціи.*
55. Первыя радости 178
56. Принкипо 180
57. Чхеидзе и Церетели 182

Глава XXII. — *Тѣнь Россіи.*
58. Грузинская делегація въ Парижѣ 188
59. Единая Россія и окраины 191
60. Великія державы и Единая Россія 192

Глава XXIII. — *Грузія и Добровольческая Армія.*
61. Отъ худого мира къ доброй ссорѣ 196
62. «Демаркаціонная линія» 199

Глава XXIV. — *Англія между Россіей и Кавказомъ.*
63. Каждому свое 204
64. Интернаціоналъ и Имперіалисты 207

Глава XXV. — *Три сосѣда.*
65. Грузія, Азербайджанъ, Арменія 209
66. Борчалинскій вопросъ передъ судомъ Интернаціонала 212

Глава XXVI. — *Въ поискахъ мандатарія.*
67. Мандатъ и независимость 214
68. Англія? 220
69. Италія? 221

Глава XXVII. — *Американскій миражъ.*
70. Надежды и предположенія 225
71. Миссія генерала Харборда 228

Глава XXVIII. — *Въ концѣ года (1919).*
72. Послѣднія предубѣжденія 234
73. Наканунѣ признанія 236

Глава XXIX. — *«Фактическое» признаніе (январь 1920 г.).*
74. Верховный Совѣтъ и Закавказскія республики.. 238
75. Передъ «красной» опасностью 243
76. Признаніе добровольцевъ 247

Глава XXX. — *Верховный Совѣтъ въ Лондонѣ.*
77. Русская политика державъ (февраль-мартъ 1920 г) 250
78. Въ комиссіи о границахъ Арменіи 253
79. Борьба за Батумъ и выходъ Арменіи къ морю... 257
80. Между сосѣдями 260

Глава XXXI. — *Кавказскія республики и конференція въ Санъ-Ремо (апрѣль 1920 г.).*
81. Парижское предисловіе 265
82. Англо-кавказскіе переговоры и испытаніе кавказской солидарности 271
83. Крушеніе британскаго плана 280

Глава XXXII. — *Уходъ Европы и возвращеніе Россіи.*
84. Паденіе Баку; грузино-русское соглашеніе.... 283
85. Грузинскій Батумъ и Севрскій договоръ 288
86. Западническія иллюзіи и восточная дѣйствительность 291

Глава XXXIII. — *Лига Націй или «оставьте всѣ надежды».*
87. На первой «ассамблеѣ народовъ» (нояб.-дек. 1920) 294
88. Паденіе Арменіи 301

Глава XXXIV. — *Признаніе Грузіи* de jure *(январь 1921).*
89. «Нынѣ отпущаеши раба твоего» 307
90. Паденіе Грузіи (февраль 1921 г.) 311

Указатель именъ.

Исправленіе погрѣшностей.

—— «» ——

НЕЗАВИСИМОСТЬ ГРУЗІИ
въ международной политикѣ
1918-21 г.г.

ეროვნული ბიბლიოთეკა

გასრულდა მათი ამბავი
ვითა სიზმარი ღამისა.

RUSTHAVELI

ВСТУПЛЕНІЕ.

Стремленіе къ независимости обнаружилось въ Грузіи съ первыхъ же дней россійской революціи. Иначе не могло и быть.

*Условія присоединенія Грузіи къ Россіи были ненормальны; произошло оно, въ свое время (1801 и сл.), далеко не безболѣзненно.**)

Несмотря на значительную энергію и внѣшній успѣхъ руссификаторской политики, несмотря на полную невозможность для Грузіи организовать свою національную жизнь, достаточнаго сліянія, сращенія съ Россіею все-же не произошло.

Вліяніе русской культуры, отчасти разрушительное, въ другихъ отношеніяхъ благотворное, было здѣсь во всякомъ случаѣ глубокимъ и разностороннимъ; политическая лояльность Грузіи по отношенію къ Россійской имперіи оставалась въ теченіе добраго столѣтія прочной, непоколебимой — а все-же руссификація Грузіи въ смыслѣ окончательнаго ея отказа отъ всякихъ собственныхъ національныхъ стремленій была такъ-же мало достигнута въ Грузіи, какъ на другихъ «инородческихъ» окраинахъ. Правду сказать, сама эта программа руссификаціи говорила лишь о скудости государственнаго,

---

*) См. объ этомъ *З. Аваловъ*. Присоединеніе Грузіи къ Россіи. 2-ое изд. 1906. Имѣется еще старая книга *Н. Дубровин а* хорошее небольшое изслѣдованіе *Хелтуплишвили* (въ московскомъ Юридич. Вѣстникѣ 1890-хъ г. г.) и т. д., но предметъ не получилъ еще полной обработки.

ეროვნული ბიბლიოთეკა

творчества, о высыханіи живыхъ источниковъ « имперскаго строительства» въ самомъ государственномъ центрѣ Россіи.)*

Конечно: только революція 1917 года давала серьезную возможность выдвинуть грузинскій вопросъ какъ вопросъ публичнаго права въ Россіи. Но только большевицкій переворотъ и политическая конъюнктура великой войны послѣ Брестъ-Литовскаго мира въ 1918 году сдѣлала возможнымъ — но и необходимымъ — разрѣшеніе этого вопроса (для многихъ неожиданное), въ смыслѣ полной государственной независимости Грузіи, слѣдовательно, уже на почвѣ права международнаго.

Собственно къ этой международной стадіи въ развитіи грузинскаго вопроса (1918-1921 г. г.) и относятся излагаемые здѣсь факты, наблюденія, воспоминанія. Но для ясности придется начать съ нѣкоторыхъ болѣе раннихъ эпизодовъ (преимущественно 1917 г.) — то политическаго значенія, а то и просто бытовыхъ, имѣющихъ, однако, всегда прямое отношеніе къ главной, чисто политической темѣ этой книги.

---

*) Общій очеркъ національнаго вопроса въ Грузіи наканунѣ войны и революціи сдѣланъ былъ мною для сборника: *Формы національнаго движенія въ Европѣ и Россіи*, изданнаго въ 1909 году (Спб. «Общественная Польза»). Другой мой этюдъ о политическихъ проблемахъ Кавказа былъ напечатанъ въ «*Русской Мысли*» П. Б. Струве (1911 г.). Возможно, что въ этихъ работахъ освѣщены тѣ корни, изъ которыхъ — въ нѣсколько тепличной атмосферѣ 1918 года столь стремительно произросло древо независимости Грузіи.

ГЛАВА I.

СЪ РОССІЕЙ!

1.

Когда въ Петроградѣ разразилась февральская революція, т. е. иными словами, когда начала рушиться и распадаться держава Романовыхъ, никто въ Грузіи (исключеній здѣсь было немного) не подумалъ и не сказалъ: «пришло время сбросить русское иго». Однако, понимали, что насталъ конецъ всей системѣ управленія Кавказомъ посредствомъ традиціонной военно-полицейской диктатуры; что, вмѣстѣ съ властью Императоровъ, падаетъ кавказское проконсульство, какъ оно сложилось за вѣкъ русскаго владычества. Государственное самоуправленіе народовъ Кавказа, еще вчера казавшееся недосягаемою мечтою, вдругъ показалось дѣломъ предрѣшеннымъ, непререкаемымъ.

Но Временное Правительство (перваго состава) вовсе не собиралось отказываться отъ русскихъ владѣній на Кавказѣ — или отъ какой-либо другой части историческаго наслѣдія Россіи: оно скорѣе не прочь было это наслѣдіе пріумножить. Съ другой стороны, ни Грузія, ни какая другая часть Кавказа вовсе и не думала тогда *отдѣляться* отъ Русской Имперіи. (Императоровъ больше не было, Имперія, думалось, продолжала быть). Казалось, что революція дастъ всѣмъ возможность соединиться воедино на началахъ, на этотъ разъ, для всѣхъ пріятныхъ и благопріятныхъ. Съ такимъ, повидимому, чувствомъ и Временное Правительство отправляло въ Тифлисъ *«Особый Закавказскій Комитетъ»* (о которомъ скажу нѣсколько словъ ниже).

Но въ духѣ единенія съ Россіей надо разумѣть и тѣ заявленія о независимости Грузіи, которыя дѣлались, начиная съ марта 1917 года, и въ Грузіи, и за ея предѣлами.

Заявленія эти можетъ быть и не имѣли прямого практическаго значенія: однако, по нимъ легко было видѣть, какъ естественно протекала политическая кристаллизація общественнаго мнѣнія въ самой Грузіи и въ разсѣянныхъ по всей Россіи грузинскихъ колоніяхъ. Стержнемъ этой кристаллизаціи была именно идея независимой Грузіи, т. е. созданіе въ ней собственнаго государственнаго правопорядка, съ тѣмъ, однако, чтобы Грузія оставалась въ предѣлахъ общероссійскаго государственнаго союза.

Основанная на этой мысли резолюція, была, напримѣръ, единогласно принята общимъ собраніемъ проживавшихъ въ Петербургѣ грузинъ еще въ мартѣ 1917 года, гдѣ вдохновенную рѣчь произнесъ будущій основоположникъ тифлисскаго университета, извѣстный грузинскій историкъ И. Джавахишвили: устами его вдругъ заговорила какъ-то по-новому тысячелѣтняя политическая традиція Грузіи.*)

Впрочемъ, въ самые первые мѣсяцы революціонной эпохи наиболѣе организованная и численная въ Грузіи политическая партія (соц.-дем.) еще какъ-то чуждалась этого общаго русла народныхъ стремленій и надеждъ — столь простыхъ и естественныхъ. Грузинскіе соціалъ-демократы пребывали всегда въ составѣ *россійской* с.-д. партіи; въ Грузіи они жестоко и, большею частью, побѣдоносно, — такъ по крайней мѣрѣ имъ казалось — боролись со сторонниками автономіи Грузіи, за «централизмъ».

Такая позиція, естественно, была сохранена ими, при Временномъ Правительствѣ, пока россійскій «меньшевизмъ», политическими послѣдователями и пайщиками котораго они были, занималъ вліятельное положеніе въ руководствѣ революціей; въ это время они не очень-то одобрительно смотрѣли на успѣхи лозунга «независимости» въ Грузіи и на другихъ окраинахъ Россіи.

Все это имѣло свои причины и объясненіе, которыя былобы не къ мѣсту здѣсь приводить. Упоминаю объ этомъ только чтобы пояснить, что стремленіе къ независимости обнаружилось въ грузинскомъ обществѣ съ первыхъ же дней революціи; но что именно послѣ октябрьскаго (совѣтскаго) переворота и послѣ вызваннаго имъ отхода грузинскихъ с.-д. на позицію грузинской національной программы, подкрѣпленную за-

*) Я имѣлъ честь предсѣдательствовать въ этомъ собраніи

кавказскимъ (временнымъ: «до Учредительнаго!») сепаратизмомъ, «кристаллизація» грузинскихъ народныхъ стремленій достигла всей желательной полноты. Это достиженіе связано съ грузинскимъ національнымъ конгрессомъ ноября 1917 года (въ Тифлисѣ), гдѣ явлено было дѣйствительное и, если угодно, «священное» единеніе всѣхъ классовъ и группъ грузинскаго народа.*)

2.

Но о томъ чтобы порвать государственную связь съ Россіей, никто не думалъ; такъ же какъ не думали объ этомъ въ Эстоніи, Латвіи, на Литвѣ и на другихъ россійскихъ окраинахъ. Грузія шла въ этомъ отношеніи, можно сказать, въ ногу съ другими.

Мнѣ было тѣмъ легче судить объ этомъ, что въ 1917 году (какъ раньше въ 1905-6 г.г.) мнѣ пришлось принять участіе въ петербургскихъ совѣщаніяхъ окраинныхъ дѣятелей, сторонниковъ федеративнаго переустройства Имперіи. По порученію этого совѣщанія — оно собиралось обыкновенно въ помѣщеніи одного эстонскаго кредитн. общества, на Б. Конюшенной — мною былъ даже составленъ схематическій проектъ нѣкоторыхъ основныхъ положеній этого устройства: изъ обсуждавшихъ его лицъ, иныхъ и слѣда нѣтъ, другіе стали государственными дѣятелями независимыхъ республикъ, какъ напр. Піипъ, позже — премьеръ и министръ иностранныхъ дѣлъ Эстоніи.

Эти совѣщанія 1917 года являлись въ свою очередь прямымъ продолженіемъ такихъ-же совѣщаній 1905-6 г. г., особенно конференціи «автономистовъ», созванной осенью 1905 года въ С.-Петербургѣ, въ помѣщеніи курсовъ Лесгафта. Предсѣдателемъ ея былъ извѣстный лингвистъ проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ и закончилась она принятіемъ составленной мною

*) При этомъ одни, вполнѣ естественно, дорожили прежде всего фактомъ національнаго объединенія, какъ необходимой основой для созданія государственныхъ формъ; другіе, главнымъ образомъ, стремились къ укрѣпленію или обереганію — въ рамкахъ Грузіи или всего Закавказья того, что называли «завоеваніями революціи». На дѣлѣ эти двѣ вещи были тѣсно между собою связаны.

по порученію бюро резолюціи объ автономномъ устройствѣ окраинъ Россіи.*)

Совѣщаніе, созвавшее эту конференцію, позже, въ 1906 г., стремилось къ организаціи особаго Союза автономистовъ въ 1-ой Государственной Думѣ. «Совѣщаніе» устроило пріемъ зараженнымъ этою ересью членамъ Гос. Думы, на квартирѣ всѣми уважаемаго эстонскаго дѣятеля, нынѣ покойнаго, — д-ра Геллатъ. «Союзъ автономистовъ» при 1-ой Государственной Думѣ дѣйствительно образовался (предсѣдателемъ его былъ А. И. Ледницкій, секретаремъ В. Л. Геловани), но ничѣмъ себя не успѣлъ ознаменовать.

Однако, я вовсе не собираюсь писать исторіи лозунговъ автономіи и федераціи въ годы, предшествующіе революціи 1917 года. Многіе въ Россіи, считавшіе раньше эти идеи преступленіемъ, въ лучшемъ-же случаѣ, вздоромъ или чудачествомъ, прониклись ими послѣ 1917-20 г. г. Къ сожалѣнію, ко времени ихъ обращенія уже не существовало главной предпосылки федеративнаго переустройства Россійской Имперіи: не существовало болѣе этой Имперіи. Въ новыхъ-же условіяхъ, т. е. послѣ большевицкаго переворота — лозунгъ автономіи чуть не автоматически превращался въ лозунгъ независимости. Такъ было, въ частности, съ Грузіей, да и съ цѣлымъ Закавказьемъ, не говоря о другихъ окраинахъ.

Но, возвращаюсь къ эпохѣ Временнаго Правительства.

3.

Въ началѣ марта 1917 года (еще по старому стилю) меня какъ-то вызвали по телефону въ Министерство юстиціи къ А. Ф. Керенскому. «Только, ради Бога, не оставайтесь долго — увѣщевали въ пріемной дамы, радѣвшіе о молодомъ министрѣ: ему надо завтракать, и онъ совсѣмъ выбился изъ силъ».

Дѣйствительно, Керенскій былъ въ полномъ изнеможеніи (и было отъ чего!). «Мы рѣшили, заговорилъ онъ наконецъ осипшимъ за эти первые, боевые дни переворота, голосомъ, поставить во главѣ Закавказья комитетъ, куда войдутъ члены Г. Думы. Съ ними же я прошу отправиться Переверзева.**) Мы хотѣли-бы включить въ этотъ комитетъ и Васъ. Согласны-ли

*) Нѣсколько раньше, въ томъ-же 1905 году, мною напечатанъ былъ этюдъ «Областные Сеймы. Федерализмъ» въ сборникѣ «Конституціонное Государство», изданномъ въ Спб. І. В. Гессеномъ и А. И. Каминка.

**) Извѣстный присяжный повѣренный, позже, въ свою очередь, министръ юстиціи (Времен. Правит.).

Вы? Или Вы считаете — скажите откровенно — что лучше сдѣлать членомъ этого комитета Кита Абашидзе»?*)

Близко связанный съ погибшимъ въ 1915 году на Кавказскомъ фронтѣ членомъ Гос. Думы В. Л. Геловани и нѣкоторыми другими грузинскими дѣятелями, А. Ф. Керенскій былъ знакомъ съ политическими теченіями и вопросами Кавказа.

Я высказался за кандидатуру К. Абашидзе. У Керенскаго были нѣкоторыя колебанія. Но они разсѣялись, и онъ согласился съ желательностью этого выбора (вопросъ затѣмъ такъ и былъ рѣшенъ Временнымъ Правительствомъ). Я откланялся будущему диктатору.

———

«Особый Закавказскій Комитетъ» былъ въ сущности делегаціей, для управленія Закавказьемъ, россійскаго Временнаго Правительства. Отъ послѣдняго онъ заимствовалъ свои полномочія — но и свою слабость. На Кавказѣ возникли очень скоро революціонныя организаціи по русскому образцу: совѣты рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ и др. Благодаря ихъ «засилью» и по разнымъ другимъ причинамъ О. З. Комитетъ никогда не могъ стать на дѣлѣ тѣмъ «Закавказскимъ Правительствомъ по назначенію изъ Петрограда», какимъ онъ въ сущности являлся.**)

Временное правительство едва-ли имѣло досугъ чтобы подумать болѣе основательно о взаимоотношеніяхъ Кавказа и Россіи.

Отправивъ въ Тифлисъ «озакомъ»***), оно считало, что снабдило Закавказье временнымъ органомъ, ему нужнымъ. Былъ-ли какой-нибудь дальнѣйшій планъ? Не знаю. По инерціи, по рутинѣ многія «кавказскія» дѣла продолжали «восходить» на разсмотрѣніе «подлежащихъ центральныхъ вѣдомствъ и учрежденій». Нѣкоторые отдѣльные важные

*) Кита (собственно Иванъ) Абашидзе, видный грузинскій литераторъ, одинъ изъ руководителей партіи соц.-федералистовъ. Умеръ въ 1917 году, на посту члена Особаго Закавказскаго Комитета.

**) Предсѣдателемъ его былъ членъ Гос. Думы Харламовъ (к.-д.), а членами — А. Чхенкели, И. Абашидзе, М. Пападжановъ, М. Джафаровъ. Собственно, какъ бы образъ грузино-армяно-татарскаго единенія подъ руководствомъ Россіи. Но этотъ «символизмъ» былъ, кажется, единственнымъ достоинствомъ этого комитета.

***) Сокращенное обозначеніе Особаго Закавк. Комитета.

ეროვნული ბიბლიოთეკა

вопросы обсуждались Временнымъ Правительствомъ: напримѣръ, автокефалія грузинской церкви; позже — введеніе земскихъ учрежденій въ Закавказьи.*)

По основному-же вопросу объ организаціи управленія Кавказомъ, въ условіяхъ, созданныхъ февральскою революціею, ограничились, какъ сказано, созданіемъ «озакома».

Но, повидимому, нѣкоторымъ казалось, что связь Закавказья съ Россіей, съ правительственнымъ ея центромъ въ Петроградѣ, недостаточна обезпечивалась этимъ «озакомомъ», и что, кромѣ того, желательно было вновь (какъ до революціи) объединить высшее управленіе Южнаго и Сѣвернаго Кавказа (разъединенныхъ системою «озакома»).

Для всего этого надъ двумя Кавказами думали поставить особаго *верховнаго комиссара*. Возстановленное, такимъ образомъ, въ новыхъ формахъ, намѣстничество думали, кажется, ввѣрить *Ф. А. Головину*, б. предсѣдателю 2-ой Государственой Думы, а въ этотъ моментъ — комиссару Министерства Императорскаго Двора. Планъ былъ неясный, зачаточный. Но о немъ шла рѣчь въ одномъ частномъ совѣщаніи у Ф. А. Головина (въ Зимнемъ Дворцѣ), куда и я былъ призванъ въ качествѣ «свѣдущаго лица». Другое совѣщаніе на эту тему, съ меньшимъ числомъ участвующихъ и безъ Головина, имѣло мѣсто у В. Д. Набокова, который въ качествѣ управляющаго дѣлами временнаго Правительства, обезпечивалъ формально и связь его съ Кавказомъ. Совѣщаніе это не имѣло ни малѣйшихъ послѣдствій. Все это были въ данный моментъ иллюзіи и мечты кончавшейся эпохи.

Болѣе авторитетное (все относительно!) Закавказское правительство создано было нѣсколько позже *снизу*, а именно совокупностью мѣстныхъ организацій революціоннаго происхожденія (оставшихся вѣрными Учредительному Собранію и не признавшихъ власти Совѣтовъ) — подъ названіемъ «*Закавказскій комиссаріатъ*» (ноябрь 1917 года). Послѣ этого формальное обособленіе отъ Россіи и созданіе особой Закавказской республики зависѣло только отъ внѣшнихъ обстоятельствъ.

---

*) Я вовсе не коснусь здѣсь этихъ двухъ предметовъ, хоть и привлекался къ ихъ обсужденію весною и лѣтомъ 1917 г. въ Петроградѣ.

ГЛАВА II.

ГРУЗИНСКІЙ КОМИТЕТЪ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

4.

Въ концѣ 1917 и началѣ 1918 г. мнѣ довелось быть чле номъ «національнаго комитета» грузинской колоніи въ Петро градѣ. Послѣ революціи такіе комитеты сразу, какъ грибы, появились всюду въ предѣлахъ бывшей Имперіи, отъ Польши до Тихаго океана — гдѣ только имѣлась хотя-бы небольшая горсточка людей грузинской породы. И возникли эти организаціи одновременно, самопроизвольно, свидѣтельствуя, пожалуй, о жизненности и безыскусственности грузинскаго національнаго движенія.

Петроградскій комитетъ занималъ, по соглашенію съ владѣлицей, особнякъ графини Паниной, что на Фурштатской.

Обычныя его функціи — не особняка, а комитета — носили характеръ консульскій (вещь важная при недостаткѣ законной охраны лицъ и имуществъ) и продовольственный (вещь полезная, когда хлѣбъ дѣлался рѣдкостью). Здѣсь, въ комитетѣ, было средоточіе скудныхъ извѣстій, получавшихся изъ Грузіи; здѣсь же попросту сходились, какъ въ клубѣ, чтобы поболтать — эпоха къ тому располагала — нерѣдко за чашкою чая. Въ особыхъ случаяхъ, созывались общія собранія грузинской колоніи.*)

*) На первыхъ порахъ совѣтскія власти относились съ достаточною терпимостью къ этимъ національнымъ комитетамъ. Позже, съ развитіемъ террора, пошли стѣсненія разнаго рода. Предсѣдателемъ нашего комитета былъ сначала А. Коркіа, затѣмъ А. Черкезовъ, долговременный членъ редакціи С.Петербургскихъ Вѣдомостей (+).

Практическая полезность этой организаціи не вызывала сомнѣній: неоднократно комитету удавалось выручать изъ рукъ совѣтской полиціи лицъ зря арестованныхъ; не разъ онъ накормилъ своихъ «подопечныхъ» разными, льготно полученными, припасами. Однажды, по его милости, мы всѣ питались въ теченіе долгихъ дней... телячьими мозгами! Была, затѣмъ, недѣля «гречневая» и т. д.

Боюсь, что наше политическое заданіе — содѣйствовать насколько это было возможно изъ Петрограда и въ Петроградѣ — государственному «строительству» Закавказья (не пріявшаго, какъ извѣстно, совѣтскаго переворота 25 октября 1917 г.) удавалось намъ меньше, чѣмъ эта скромная «обывательская» работа для нуждъ нашей общины. Правильныхъ сообщеній съ Тифлисомъ не существовало. Историческіе пути Россіи и Закавказья явно расходились.

Мы знали, конечно, и объ образованіи въ Закавказьи фактически независимой власти («комиссаріата»), и о программѣ, всенародно принятой въ ноябрѣ 1917 года грузинскимъ національнымъ конгрессомъ въ Тифлисѣ; а, главное, знали, какъ Закавказье было отягощено незавиднымъ наслѣдіемъ бывшаго русско-турецкаго фронта, который, съ распаденіемъ русскихъ армій, приходилось принимать теперь на свои плечи новымъ краевымъ и національнымъ организаціямъ. Но принести въ этомъ отношеніи какую нибудь пользу изъ Петербурга было мудрено.

5.

Въ грузинскихъ, а особенно въ армянскихъ кругахъ Петрограда и Москвы распространены были преувеличенныя и сбивчивыя представленія о численности воиновъ закавказскаго происхожденія, освободившихся отъ службы на россійскихъ фронтахъ и стремившихся обратно на родину — съ готовностью будто-бы ее, т. е. эту мѣстную родину «тамъ» отстаивать отъ внѣшняго врага.

Помню одно посѣщеніе «Смольнаго» вмѣстѣ съ генераломъ Л. Ф. Тиграновымъ, уполномоченнымъ армянскаго комитета. Мы были приняты лицомъ «отъ котораго все зависѣло» — А. Енукидзе; онъ обѣщалъ «содѣйствовать» скорому возвращенію домой освобождавшихся на европейскомъ фронтѣ армянъ и грузинъ; а также отпуску разныхъ предметовъ военнаго снаряженія, до крайности необходимыхъ кавказскому фронту.

Ни эти наши шаги, ни даваемыя намъ обѣщанія не имѣли, разумѣется, ни малѣйшаго вліянія на ходъ событій. Подготовлявшійся тогда миръ между Россіей и германскою коалиціей былъ въ этотъ моментъ единственной дѣйствительной «сферой вліянія» совѣтскаго правительства и здѣсь его работа имѣла чрезвычайное значеніе. Закавказье-же было фактически предоставлено самому себѣ.

«Объединись, какъ слѣдуетъ, Грузія и Арменія — говорилъ Тиграновъ (б. офицеръ генеральнаго штаба) на обратномъ пути изъ Смольнаго, — они смогли-бы и теперь съ турками справиться, и, въ будущемъ, создать неприступный бастіонъ, оплотъ ихъ независимости. Припомните карту» и т. д.

Увы! и Грузія, и Арменія оставались до послѣдняго момента лишь «географическими выраженіями»; Временное правительство противилось формированію національныхъ частей; да еще вопросъ, можно-ли было ихъ создать такъ скоро и въ такомъ количествѣ, какъ требовалось; несомнѣнно лишь, что некому было стать на мѣсто уходившей съ фронта, разложившейся русской арміи! Не буду, впрочемъ, останавливаться ни на этихъ фактахъ, ни на попыткахъ разныхъ «комитетовъ», «съѣздовъ» и лицъ объединить, въ частности, грузинскій военный элементъ въ Россіи и направлять его въ Грузію. Подчиняясь вліянію среды и «текущаго момента» (нелѣпое, но обиходное выраженіе русскаго политическаго жаргона на Кавказѣ!) организаціи эти увлекались и аграрнымъ вопросомъ, и программными спорами партій, а потому мало-что могли сдѣлать для пріумноженія военной силы Грузіи или Кавказа.

6.

Въ дни колебаній, предшествовавшихъ подписанію Брестъ-Литовскаго договора (январь-мартъ 1918 г.), въ Петербургѣ жилось тревожно. Ожидали иногда чуть ли не со дня на день занятія столицы германскими войсками. Чувства по этому случаю выражались довольно разнообразныя, но «обыватель», кажется, не прочь былъ увидѣть на Невскомъ «прусскую каску». Въ чудодѣйственную силу германскаго порядка тогда очень ужъ вѣрили; и не менѣе другихъ тѣ, кто съ особымъ рвеніемъ ненавидѣли нѣмцевъ въ 1914-15 г. г.

Положеніе складывалось такое, что «національнымъ» общинамъ приходилось думать о томъ, какъ быть въ случаѣ

прихода германцевъ. Грузинскій комитетъ имѣлъ даже совмѣстныя съ армянскимъ совѣщанія по этому поводу. Обсуждались разные формальные вопросы, не получившіе, однако, практическаго значенія, ибо германцы въ Петроградъ не пришли.*)

Въ это же приблизительно время — печать была тогда еще довольно свободна въ Петроградѣ — я, по просьбѣ проф. Б. Э. Нольде, написалъ для журнала «Международная политика» статью**) спеціально о постановленіяхъ Брестъ-Литовскаго договора, касающихся Кавказа.

Разрывъ между закавказскимъ комиссаріатомъ и Совѣтскимъ правительствомъ сдѣлался полнымъ послѣ разгона Учредительнаго Собранія (11 января 1918 г.). Однако точныхъ свѣдѣній о томъ, что происходило въ Тифлисѣ въ первые мѣсяцы 1918 года у насъ въ Петроградѣ не было. Но, зная мысли — а еще больше чувства — грузинъ и армянъ, я могъ въ своей статьѣ высказаться съ достаточнымъ основаніемъ о томъ, какъ они отнесутся къ уступкѣ Батума и Карса туркамъ. Я выразилъ увѣренность, что Брестъ-Литовскій договоръ неминуемо приведетъ къ особымъ переговорамъ Закавказья съ Турціей и другими державами и дастъ толчокъ къ формальному, полному отпаденію этого края отъ Россіи — такъ и произошло на самомъ дѣлѣ.***) Но, прибавляло сь възаключительныхъ строкахъ статьи, если такое рѣшеніе и вытекаетъ изъ сложившейся международной обстановки, оно, можетъ быть, окажется временнымъ: «быть можетъ, писалъ я, путь отъ поглощенія Закавказья (Россіей) къ прочной федеративной связи съ Россіей пройдетъ черезъ отдѣленіе отъ Россіи.»

---

*) Одно время большевики дѣлали видъ, что готовы, въ случаѣ чего, оказать и сопротивленіе германцамъ; въ виду этого группа офицеровъ затѣяла организацію добровольческаго «иверійскаго» полка (на такіе предметы можно было въ этотъ моментъ получить авансъ отъ Совѣтскаго правительства). Изъ предпріятія этого ровно ничего не вышло, и полкъ, еще не сформированнымъ, долженъ былъ «расформироваться», а составъ его (кажется, нѣсколько десятковъ человѣкъ) получилъ разрѣшеніе «вернуться» на Кавказъ особымъ эшелономъ. Грузинскій комитетъ, считая всю эту затѣю весьма легкомысленной, относился къ ней вполнѣ отрицательно. О неожиданной ея и трагической развязкѣ придется разсказать ниже.

**) *Батумъ и Карсъ*. Журналъ далъ въ рядѣ статей полное изложеніе и оцѣнку содержанія и послѣдствій Б.-Л. трактата.

***) Только я не ожидалъ, что Сеймъ Закавказья додумается до «возстановленія состоянія войны» съ Турціей!

Едва пять лѣтъ истекло съ того времени, какъ написаны были эти строки, и вотъ, Грузія и все Закавказье, отдѣлившись дѣйствительно отъ Россіи и утвердивъ свою независимость, уже успѣли подвергнуться вторженію совѣтскихъ войскъ (въ 1920-21 г. г.); а съ начала 1923 года и формально возстановили связь съ Россіей. Связь эта именуется федеративной; будетъ-ли она прочной?

Итакъ гаданіе мое начала 1918 года сбылось, къ сожалѣнію, въ 1922-3 годахъ; мнѣ-же, за это время пришлось поработать, главнымъ образомъ, въ томъ направленіи, чтобы оно... не сбылось; во-всякомъ случаѣ, чтобы не сбылось, ни въ такой формѣ, ни въ этихъ условіяхъ!

Трудно было сидѣть себѣ спокойно въ Петроградѣ въ такое время, когда Грузія и весь Кавказъ оказались въ необходимости выяснить и вести *свою* политику. Грузія воскресала изъ мертвыхъ. Хотѣлось быть тамъ, видѣть происходящее.

Въ Петроградѣ меня въ эти мѣсяцы*) удерживала только работа въ книгоиздательствѣ «Огни», ставившемъ себѣ очень широкія задачи, съ 1917 года, когда дѣловое руководство имъ перешло въ руки Н. Б. Глазберга. На моемъ спеціально попеченіи была серія книгъ «Кругъ Знанія», въ которой появился въ, 1917-18 г. г. цѣлый рядъ работъ лучшихъ научно-литературныхъ силъ Петрограда. Назову академиковъ и профессоровъ: Зѣлинскаго, Ростовцева, Бартольда, Карсавина, Пѣснякова, Фармаковскаго и др.

Политическая атмосфера, очевидно, не соотвѣтствовало этимъ занятіямъ. Въ то время, какъ выяснялось безсиліе Учредительнаго Собранія и созрѣвали жестокія событія гражданской войны, мы, въ очередныхъ засѣданіяхъ совѣта «Огней», подъ предсѣдательствомъ Е. А. Ляцкаго, обсуждали вопросы о переизданіи «Книги Маркизы» К. А. Сомова, «Исторіи Русскаго Искусства» А. Н. Бенуа, объ организаціи печатанія учебниковъ и т. д. Какъ всегда въ такихъ случаяхъ, «несвоевременность» или «несовременность» были здѣсь лишь кажущимися...

Однако надо было ѣхать въ Тифлисъ. И вернуться къ лѣту, для продолженія литературно-издательской работы. Уѣхать я уѣхалъ, а вернуться въ «градъ Св. Петра» ужъ не пришлось.

---

*) Въ 1917 году я былъ сенаторомъ 1-го (административнаго) Департамента. Правительствующій Сенатъ, гордое нѣкогда дѣтище великаго Петра, былъ упраздненъ 1-го декабря 1917 года.

ГЛАВА III.

САНИТАРНЫЙ ПОѢЗДЪ № 113.

7.

Весною 1918 года желѣзнодорожное сообщеніе между россійскими столицами и Кавказомъ было далеко не регулярнымъ. Въ сущности, одиночный пассажиръ, необремененный багажомъ, съ исправными бумагами и среднимъ счастьемъ, имѣлъ достаточно шансовъ достигнуть своего назначенія. Гдѣ-то — не-то въ Донской, не то въ Кубанской области — шли военныя дѣйствія между большевиками и «корниловцами»; при отсутствіи точныхъ свѣдѣній и измѣнчивости событій, все это было какъ-бы закрыто туманомъ и не пугало.

Но ѣхать одному, на свой страхъ и рискъ, не было суждено. Грузинскому національному комитету пришлось заботиться объ «эвакуаціи на родину» цѣлаго ряда лицъ, стремившихся въ Тифлисъ, Баку и т. д. по разнымъ основаніямъ; кромѣ прямыхъ «подданныхъ» просились въ партію «эвакуируемыхъ» отдѣльныя лица, довольно таки разношерстныя, которымъ слѣдовало помочь.

Такъ возникъ вопросъ объ отправленіи въ Тифлисъ гражданъ, оказавшихся на попеченіи нашего комитета, и желавшихъ «вернуться на родину», особымъ поѣздомъ. Получено было принципіальное разрѣшеніе властей въ Смольномъ. Но поѣзда намъ дать не могли. Однако сказали: поищите, если найдете сами гдѣ-нибудь подходящій «составъ», приведите его сюда, и мы предоставимъ его въ ваше распоряженіе. Такъ и поступили. Освѣдомившись о томъ, что въ Ярославлѣ задержался и стоитъ безъ пользы санитарный поѣздъ, обору-

дованный на средства города Баку, комитетъ отправилъ въ Ярославль расторопнаго «толкача», который въ одно прекрасное утро привелъ этотъ поѣздъ и поставилъ его на какихъ то закоулочныхъ путяхъ петроградскаго желѣзнодорожнаго узла.

Тѣмъ временемъ, получено было формальное разрѣшеніе отправить «санитарный поѣздъ № 133» въ рейсъ Петроградъ-Баку-Тифлисъ, съ доставкою его, за отвѣтственностью комитета, обратно; составлены списки пассажировъ и ихъ болѣзней (къ этому обязывало обозначеніе поѣзда какъ санитарнаго).

28-го марта мы, къ собственному своему изумленію, тронулись таки въ путь — съ Финляндскаго вокзала. До послѣдней минуты боялись, что какое-нибудь вѣдомство, учрежденіе или вліятельное лицо пожелаютъ отнять у насъ этотъ, казавшійся столь драгоцѣннымъ, Провидѣніемъ ниспосланный поѣздъ!

До Ростова-на-Дону были въ пути одну недѣлю. Странное впечатлѣніе производили пустыя станціи; уже сказывалась во многомъ заброшенность, желѣзныя дороги жили не во-всю, а лишь частично; но чувствовалась еще инерція прежняго уклада. Случались заминки; въ концѣ концовъ всюду проскакивали. Продовольствовались своими запасами; на югѣ можно было кое-что покупать; состоявшіе при поѣздѣ, въ качествѣ прислуги, нѣсколько плѣнныхъ австро-венгерцевъ, были намъ довольно полезны.

Въ Ростовѣ задержались сутокъ на двое. Здѣсь отняли у насъ часть вагоновъ, ссылаясь — признаться, не безъ основанія на недостаточную населенность нашего поѣзда. Впереди чуялась гражданская война, въ самомъ Ростовѣ было неспокойно; въ районѣ вокзала то и дѣло возникала паника; ставились и уводились часовые, появлялись пулеметы, и трудно было разобрать, кто усмиряетъ, кого усмиряютъ, гдѣ зѣваки и гдѣ власть. Было, въ общемъ, жутко; «населеніе» поѣзда, довольно таки безпечное и жизнерадостное до сихъ поръ, замѣтно пріуныло.

...Мы приближались, сами того не зная, какъ слѣдуетъ, къ настоящему театру гражданской войны. На станціи Кавказской насъ отказались пропустить дальше. Вступили въ переговоры съ мѣстнымъ совѣтскимъ начальствомъ, безрезультатно. Говорили по проводу съ Екатеринодаромъ, ссылались на Смольный, на наши бумаги — особаго успѣха не имѣли. Оказалось, что ввиду боевъ съ добровольцами въ рай-

онѣ Екатеринодара,*) нашъ санитарный поѣздъ (имѣвшій при себѣ свой штатъ и оборудованіе) былъ истинной находкой для совѣтскихъ властей: рѣшено было его реквизировать, несмотря на особое назначеніе, данное ему изъ Петрограда. Какъ ни чувствовали мы себя обиженными, но прекословить не могли, да и распоряженіе, правду сказать, вполнѣ оправдавалось жестокими обстоятельствами тѣхъ дней. Разъ были раненые, приходилось, по справедливости, уступить имъ нашъ поѣздъ. Намъ-же, взамѣнъ того, предоставили нѣсколько теплушекъ. Былъ, конечно, произведенъ обыскъ всѣхъ нашихъ вещей. Словомъ, причинены всѣ непріятности, какъ то сразу и такъ позорно вошедшія въ обиходъ русской жизни, послѣ революціи.

Однако насъ отправили дальше вслѣдъ за другимъ поѣздомъ, въ составѣ котораго былъ, какъ оказалось на ст. Кавказской, одинъ вагонъ съ эшелономъ расформированнаго «иверійскаго» полка, о которомъ упоминалось выше.**)

Треволненія были такъ велики, что мы не имѣли времени чтобы оцѣнить, какъ надлежало, переходъ отъ отощавшей, обѣднѣвшей уже внутренней Россіи къ тучнымъ полямъ Кубани, еще богатой хлѣбомъ и всякими дарами.

8.

Ст. Тихорѣцкую прошли съ затрудненіями, но безъ особыхъ обидъ. Передъ самой станціей Армавиръ (это было числа 7-8 апрѣля 1918 г.) продолжительная задержка. Можно было видѣть у станціонной платформы другой поѣздъ и огромную толпу народа вокругъ. Что тамъ происходило — нельзя было разобрать.

Когда, наконецъ, путь освободился, и нашъ поѣздъ подошелъ къ вокзалу, толпа, сильно взбудораженная, только начинала расходиться. Тутъ было много, какъ они раньше назывались, «подонковъ общества» — того оборваннаго, обтрепаннаго, малопривлекательнаго люда, которымъ всегда такъ изобиловали желѣзнодорожные центры Кубанской области; цѣлыя толпы солдатъ явно сбившихся съ толку и съ

*) 28 марта Екатеринодаръ былъ занятъ добровольцами; 29-го вновь занятъ большевиками. Въ ночь съ 30 на 31 марта былъ убитъ подъ Екатеринодаромъ генералъ Корниловъ. Но мы тогда не знали точно этихъ фактовъ.

**) См. стр. 16.

ეროვნული ბიბლიოთეკა

вовсе не привѣтливымъ выраженіемъ лицъ: гораздо меньше казаковъ, коренныхъ кубанцевъ, выглядѣвшихъ довольно таки растерянно. Надвигалось что-то недоброе.

Нашъ поѣздъ немедленно былъ оцѣпленъ, и приказано было не выходить изъ вагоновъ. Слушая изъ дверей теплушки обрывки разговоровъ на платформѣ, мы узнали, что въ переднемъ поѣздѣ найдено было оружіе, и обнаружены «корниловцы» съ «золотыми эполетами» и «печатями».

Поразила меня одна старая крестьянка, особенно напиравшая на эти «печати» и «золотые эполеты», за которые ихъ вотъ, «небось, растрѣляютъ». Заключеніе это представлялось ей совершенно неизбѣжнымъ: какъ-же, вѣдь «кадеты», «корниловцы» — объяснялъ кто-то рядомъ. Какъ не сказать: sancta simplicitas! Но отъ такой святости да упасетъ Господь каждаго изъ насъ.

Мы попали въ одинъ изъ мѣстныхъ фокусовъ гражданской войны, или порождаемыхъ ею случайныхъ безчинствъ: всѣ вольные, прибывающіе съ сѣвера, считались здѣсь подозрительными по «корниловщинѣ».

Пришли обыскивать нашъ поѣздъ: молодые люди, одни съ претензіей на лихость, другіе съ виноватымъ выраженіемъ простецкихъ лицъ: вмѣстѣ съ ними военныя команды со слѣдами недавней еще дисциплины. Были среди насъ люди весьма имущіе, имѣвшіе при себѣ много цѣнныхъ и ненужныхъ вещей: они трепетали, ожидая, что отнимутъ все «до послѣдняго платка» (такіе ходили слухи). На самомъ дѣлѣ, ничего почти ни у кого не отняли. Съ револьверами, конечно, пришлось всѣмъ разстаться. Но теплушки наши продолжали быть подъ стражею, и мы оставались въ полной неизвѣстности.

Несомнѣнно было, что здѣсь, въ Армавирѣ намъ грозитъ терроръ — быть можетъ, случайный, «иррегулярный» — но тѣмъ болѣе опасный. Какъ, однако, отсюда выбраться? Обсуждая этотъ вопросъ съ А. М. Хоштаріа,*) мы быстро нащупали грунтъ. Онъ твердо помнилъ, что одинъ его знакомый, нашъ соотечественникъ Ж., занималъ въ Армавирѣ какую-то должность. Онъ могъ намъ помочь. Но какъ его найти? Очень просто. «Здѣсь имѣется, предположилъ я, буфетъ, а хозяинъ и прислуга въ буфетѣ, навѣрное, грузины. Пошлемъ за «нарзаномъ», принесетъ ее лакей, навѣрное, ловкій и «сознатель-

*) Извѣстный собственникъ концессій въ Сѣверной Персіи, дѣловой человѣкъ большого почина, «американской складки».

საქართველოს პარლამენტის ეროვნული ბიბლიოთეკა

ный», онъ намъ мигомъ разыщетъ вашего спасителя». Проходившій мимо желѣзнодорожникъ согласился, за небольшое вознагражденіе, прислать «минеральной воды» — и вотъ, черезъ нѣсколько минутъ, вода эта уже пѣнилась въ стаканахъ. Пока она пѣнилась, Хоштаріа успѣлъ сказать все — что слѣдовало, а молодой человѣкъ изъ буфета не замедлилъ смекнуть и отвѣтить, что было нужно.

Стоявшій рядомъ часовой, черноземный сѣрякъ, рявкнулъ: «не велѣно тутъ говорить по вашему» — едва-ли онъ понималъ, что изрекалъ цѣлую государственную программу! но буфетный юноша огрызнулся: что, не понимаешь, теперь свобода, каждый можетъ говорить на своемъ языкѣ! (тоже программа!), и съ негодующимъ видомъ побѣжалъ обратно.

Черезъ часъ въ концѣ платформы появился и прошелъ мимо насъ, съ видомъ совершенно посторонняго лица, начальникъ желѣзнодорожной милиціи участка: это и былъ Ж.

Ночь провели въ вагонахъ подъ стражею. Утромъ былъ розданъ кипятокъ, а позже обявили, что поведутъ въ тюрьму. Суматоха, смятеніе, женскіе вопли. Тогда объяснили: не совсѣмъ въ тюрьму, а въ чрезвычайную комиссію; а ужъ оттуда... Выстроились мы въ ряды, окружили насъ цѣпью караульныхъ солдатъ и повели черезъ весь Армавиръ въ комиссію. По улицамъ встрѣчные смотрѣли, какъ на обреченныхъ. Было насъ всего человѣкъ, думаю, 50-60, и допросъ затянулся. Члены комиссіи, такъ себѣ, молодые люди ложно-военнаго обличія, выслушивали наши объясненія сравнительно милостиво. Ж. уже принялъ свои мѣры, и въ «производствѣ» участвовалъ представитель... мѣстнаго грузинскаго комитета. Вполнѣ либерально. Допросъ окончился, и намъ объявили, что мы свободны. Чего-же лучше? Мы почувствовали себя совсѣмъ школьниками. Впрочемъ большая часть нашихъ спутниковъ выѣхала въ тотъ же день изъ Армавира въ Туапсе: эти избрали благую часть. Меньшинство (человѣкъ 10-12) осталось въ Армавирѣ: насъ пріютили на ночь грузины-армавирцы. Мнѣ, вмѣстѣ съ С. Кедіа, выпало воспользоваться гостепріимствомъ одного земляка, служившаго въ Армавирѣ по акцизу, въ грузинской же политикѣ единомышленника націоналъ-демократической партіи: онъ былъ въ полномъ восторгѣ отъ такой чести — предоставить ночлегъ видному лидеру этой партіи, Кедіа, но и мнѣ отъ этого было удобство.

Радовались преждевременно: на слѣдующее-же утро намъ

сообщили въ грузинскомъ комитетѣ, что арестованные въ день нашего прибытія въ Армавиръ офицеры и другіе (числомъ около 40 лицъ) обвиняются въ принадлежности къ добровольческой организаціи, и что ихъ будутъ судить на солдатскомъ митингѣ. Армавиръ совершенно въ рукахъ этихъ солдатъ (ушедшихъ съ кавказскаго фронта). Ни казачьи власти, ни регулярныя большевицкія организаціи ничего не могутъ съ ними подѣлать.

Какъ говорили, при задержаніи этихъ военныхъ, найдено было оружіе, главнымъ образомъ, винтовки, привязанныя подъ вагономъ, и, повидимому, принадлежавшія нѣсколькимъ горцамъ, зачислившимся было въ «Иверійскій полкъ», возвращавшимся въ Терскую область. Печати и другія канцелярскія вещи принадлежали этому-же полку. Что касается офицеровъ, то они частью возвращались въ Тифлисъ по дѣламъ службы, напр., тѣ, что ѣздили въ Петроградъ за бронированными автомобилями для кавказскаго фронта; другіе-же направлялись во-свояси, въ разные города Закавказья.

Были среди этихъ арестованныхъ лица, совершенно случайно попавшіе въ воинскій вагонъ: напр., двое студентовъ, пересѣвшіе къ офицерамъ — играть въ карты — изъ нашего поѣзда чуть не на ст. Кавказской. Всѣ они, безъ исключенія, числомъ 39, были митингомъ солдатъ въ этотъ же день приговорены къ умерщвленію — несмотря на всѣ старанія грузинскаго комитета (среди осужденныхъ было 13 грузинъ) и другихъ организацій. Расправа была произведена тутъ-же, съ помощью пулемета, и съ жестокостью, которая тогда еще поражала, а теперь никого не удивитъ.

Казалось, весь Армавиръ оцепенѣлъ: разгулявшійся, спущенный съ цѣпи, звѣрь могъ грозить каждому. Тѣмъ болѣе, мѣсто богатое, торговое.

Мы сидѣли, притихшіе, подавленные въ помѣщеніи грузинскаго комитета; внезапно одинъ изъ членовъ его прибѣгаетъ съ извѣстіемъ: насъ ищутъ — солдаты кричатъ о вчерашнемъ послабленіи, объ освобожденіи явныхъ «корниловцевъ»; они собираются сами съ нами расправиться; наконецъ, и комитету грозитъ опасность, ибо онъ самъ теперь подъ подозрѣніемъ — словомъ, намъ слѣдуетъ поскорѣе спасаться изъ Армавира.

Благодаря связямъ и толковости Ж., мы немедленно привели въ осуществленіе слѣдующій «планъ»: теплушка съ

нашими вещами будетъ охраняться на станціонныхъ путяхъ милиціонерами Ж.; мы, по двое или по одному, дабы не привлекать вниманія, отправимся на вокзалъ, какъ только стемнѣетъ; послѣ полуночи прибудетъ поѣздъ изъ Тихорѣцкой и ночью-же отойдетъ на Минеральныя Воды (послѣдній поѣздъ, такъ какъ на слѣдующій день, за отсутствіемъ топлива, движеніе прекращалось); къ этому то поѣзду и будетъ прицѣплена въ послѣдній моментъ наша теплушка, на-глухо закрытая — подъ видомъ товарнаго вагона — и, такимъ образомъ, мы выберемся изъ Армавира.

Едва наступилъ вечеръ, мы разными путями направились къ станціи, проникли въ свой вагонъ, и, усѣвшись на вещахъ, стали ждать. Стемнѣло. Милиціонеръ съ винтовкой, довѣренное лицо Ж., сѣлъ къ намъ «на всякій случай». Другой снаружи, имѣлъ «наблюденіе». Насъ куда-то передвинули; потомъ все смолкло. Сидѣли безъ огня; переговаривались вполголоса. Милиціонеръ сталъ разсказывать, монотонно, равнодушно, о казни 39, которую онъ видѣлъ сегодня. «Ничего съ солдатами не подѣлаешь: вотъ и васъ, видно, ищутъ. Должно быть скоро будутъ сюда, къ поѣзду... Да врядъ ли отыщутъ...

«А капитанъ не пожелалъ копать, такъ ему прикладомъ локоть перебили»... возвращается къ своему разсказу нашъ охранитель.

Наступаетъ жуткое, безформенное молчаніе. Позже, начинается разсказъ о томъ, какъ «вотъ на прошлой недѣлѣ здѣсь на сестрѣ милосердія пулеметъ нашли. Артилеристъ стоялъ рядомъ — какъ хватитъ ее саблей по плечу, все плечо разрубилъ; она, какъ ничего, дальше идетъ; тутъ другой ее хвать по другой рукѣ»... и т.д. нашъ стражъ передавалъ всѣ подробности съ такимъ равнодушіемъ, будто рѣчь шла о самомъ будничномъ обстоятельствѣ. — Впрочемъ, это и было «будничное обстоятельство». Послышалось чье-то рыданіе, скоро подавленное — «товарный вагонъ» долженъ безмолвствовать.

Длительная тишина. Позже — внезапный свистокъ — другой — грохотъ приближающагося поѣзда, и, затѣмъ, обычный станціонный гулъ, скоро впрочемъ, заглохшій. Снова какая-то возня, громкіе голоса на вокзалѣ. «Должно, васъ ищутъ», шепнулъ стражникъ.

Слышно было движеніе маневрирующихъ паровозовъ. Толчекъ, и насъ куда-то двинули, перевели на другой путь, къ чему-то прицѣпили. Скоро распознали мы голосъ Ж. говорив-

шаго по сосѣдству съ однимъ изъ милиціонеровъ. Затѣмъ, и нашъ стражникъ, отодвинулъ дверь теплушки, неслышно выскользнулъ въ темную ночь; новый свистокъ — и поѣздъ тронулся изъ Армавира, гдѣ 39 замученныхъ людей брошены были въ ими-же вырытый ровъ.

9.

Прибывъ на станцію Минеральныя Воды, узнали, что движеніе съ часу на часъ должно прерваться, и что едва-ли доберемся до Владикавказа. Пришлось остаться и избрать мѣстопребываніе въ предѣлахъ «группы». Поселились въ Пятигорскѣ, съ крутымъ переходомъ отъ «теплушки» къ комфорту первоклассной гостинницы «Бристоль». Въ это время, т. е. въ серединѣ апрѣля 1918 года въ Пятигорскѣ, да и въ другихъ поселеніяхъ этого района, было сравнительно спокойно. Равновѣсіе общественныхъ силъ еще какъ то держалось и уживалось съ признаніемъ совѣтской власти; пришлаго населенія было сравнительно мало, и изобиліе во всемъ было полнѣйшее.

Въ Пятигорскѣ дошелъ до насъ слухъ о перерывѣ Трапезундской конференціи, о паденіи Карса и Батума, о формальномъ провозглашеніи независимости Закавказья. Еще больше потянуло насъ въ Тифлисъ — между тѣмъ приходилось бездѣйствовать, вдыхая цѣлительный воздухъ и ждать удобнаго случая къ отъѣзду.

Я чуть было не собрался ѣхать во Владикавказъ на дрогахъ, по колесной дорогѣ — весной это даже соблазнительно; но члены грузинскаго комитета (вездѣ на группахъ были такіе комитеты-консульства революціоннаго происхожденія) отговорили отъ этого намѣренія: «убьютъ и ограбятъ въ пути, несомнѣнно». Вотъ вамъ, говорилъ я себѣ, и p a x r o s s i c a, о значеніи которой на Кавказѣ я какъ-то писалъ въ «Русской Мысли»!

Въ условіяхъ пятигорской сытости и довольства (позже и здѣсь все было уничтожено до тла двуногою саранчею!) подошла къ концу эта неожиданная пауза въ нашемъ путешествіи. Иные изъ насъ стали прибавляться въ вѣсѣ; очутившись — явно случайно и явно временно — въ обстановкѣ прежняго, привычнаго для нихъ быта, они легко принимали это мимолет-

ное за постоянное; прежній оптимизмъ и прежняя увѣренность возрождались въ нихъ съ возвращеніемъ утренней ванны и хорошо поданнаго завтрака! Но не есть-ли эта живучесть наивнаго оптимизма одна изъ движущихъ силъ такъ называемаго «буржуазнаго» т. е. всякаго, зависящаго отъ людской предпріимчивости строя?

ГЛАВА IV.

НА КАВКАЗѢ.

10.

Какъ только возстановилось движеніе, мы продолжали нашъ путь, по прежнему, въ товарномъ вагонѣ; снова подвергались обыскамъ, опять объяснялись съ различными молодыми людьми въ «френчахъ» — той несмѣтно расплодившейся во время войны породы, для которой армія и полувоенныя организаціи (учрежденія земскаго, городского союзовъ, Краснаго Креста и т. д.) послужили питательной культурой, и, которая, естественно и неизбѣжно нашла свое примѣненіе въ революціи; встрѣчались съ возвращавшимися въ Россію войсковыми эшелонами и опять убѣждались въ томъ, что война 1914-18 г. г., народу чуждая и непонятная, была со стороны Россіи огромнымъ, кровавымъ недоразумѣніемъ... Здѣсь особенно бросалось въ глаза, что искуственное равновѣсіе Имперіи рушилось и отдѣльныя, составлявшія ее живыя силы или случайные отбросы, выявлялись теперь въ своей особности и въ мѣру своей жизненности — вотъ казачество; вотъ горцы; вотъ городской пролетаріатъ; вотъ бывшія войска имперіи, превращающіяся въ скопища вооруженныхъ бродягъ и т. д.

Казалось, и силы природы не могутъ остаться въ сторонѣ отъ этого всеобщаго передѣла, когда усиліями милліоновъ и сдвигами народныхъ массъ всюду поколеблены старыя грани государственныхъ владѣній, и начато какъ-бы новое «генеральное межеваніе»; казалось, и этотъ горный хребетъ возвращался теперь къ своему изначальному географическому смыслу — быть каменною, чудовищною межою, быть барьеромъ брошен-

нымъ на краю необозримой россійской равнины, дабы на этомъ участкѣ дать форму и предѣлъ безформенному и безпредѣльному.

——

Во Владикавказѣ задержались на короткое время. Грузинская колонія, считая насъ въ числѣ погибшихъ въ Армавирѣ, собиралась было уже служить по насъ панихиду, на которую мы, такимъ образомъ, имѣли всѣ шансы попасть — однако, видя насъ живыми, ее отмѣнили, устроивъ, взамѣнъ того, торжественный обѣдъ. Я же лично, отдѣлившись отъ моихъ спутниковъ и получивъ мѣсто въ автомобилѣ, возвращавшемся въ Тифлисъ, поспѣшилъ туда.

Во Владикавказѣ мы встрѣтили агентовъ Закавказскаго правительства, пріѣхавшихъ закупать зерно. Отъ нихъ узнали болѣе подробно о томъ, какъ провозглашена была независимость Закавказской республики, какъ образовалось правительство подъ предсѣдательствомъ А. И. Чхенкели и о томъ, какъ предполагалось, въ ближайшіе дни, возобновить въ Батумѣ, переговоры съ турками, оказавшіеся столь безплодными въ Трапезундѣ.

Обстоятельства сдѣлали необходимымъ выступленіе Закавказья, отдѣльно отъ Россіи, въ международной политикѣ. Меня чрезвычайно интересовали условія и цѣли этого выступленія: я охотно принялъ-бы участіе въ предстоявшей работѣ. Выѣхавшій вмѣстѣ со мною изъ Владикавказа, близко связанный со вождями грузинскихъ с.-д. (меньшевиковъ), А-дзе увѣрялъ меня, что Закавказское правительство несомнѣнно пожелаетъ воспользоваться моими услугами, и что дѣло собственно за мною.

На окраинѣ Владикавказа наткнулись на заставу въ молоканской слободѣ. Вооруженные до зубовъ бородачи, съ желѣзными прутьями въ рукахъ (для прощупыванія мѣшковъ) обыскали насъ, безъ звѣрства (вообще, эта молоканская застава считалась одной изъ самыхъ суровыхъ), и мы покатили по участку Военно-грузинской дороги, бывшему подъ наблюденіемъ горцевъ-ингушей. Впрочемъ, отсюда до Тифлиса ѣхали уже безъ помѣхъ и задержекъ.

11.

Передъ величіемъ горъ, какъ всегда, казались смѣшными и мелкими раздоры людей, ихъ стремленіе къ взаимному

уничтоженію и мучительству; прекраснѣе и чище, чѣмъ когда либо, были снѣга на верху, и особенно недоступны утесы подъ ними; а встрѣчавшіеся изрѣдка обитатели смежныхъ ущелій были такъ далеки тому, что мы оставили въ Россіи и, зато, думалось, столь близки къ вѣковѣчнымъ взаимоотношеніямъ человѣка и природы.

Пустынно было по Военно-Грузинской дорогѣ. Перевалы только-что очищались отъ снѣга; да и обстоятельства не позволяли посѣщать эти мѣста тѣмъ тысячамъ «Володь» и «Шурочекъ» изъ Костромы и Можайска, которые въ прежніе годы долгомъ считали изображать свои имена на камняхъ, скалахъ и стѣнахъ, показывая стремленіе человѣческой козявки напомнить о себѣ этими жалкими пятнышками тамъ, гдѣ воображеніе искало достойной рамки для великаго страданія Прометея.

Около «замка царицы Тамары». вспоминаю недоумѣніе академика Н. Я. Марра по поводу превращенія Лермонтовымъ величественной, иконописной Тамары грузинской исторіи въ распутницу, сбрасывающую случайныхъ любовниковъ съ Дарьяльской скалы. Мнѣ кажется однако, что такъ занятнѣе... для Шурочекъ и Володь.

Автомобиль нашъ оказался слабосильнымъ. Пришлось заночевать въ Пассанаурѣ, гдѣ всѣ «вакансіи» были заняты армянскими семьями, выбиравшимися изъ Тифлиса въ ожиданіи прихода турокъ. Тяжкій молотъ былъ занесенъ надъ Закавказьемъ, и горе слабымъ, неустроеннымъ!

На слѣдующее утро — въ путь къ Ананауру, Мцхету. Всѣмъ памятенъ пейзажъ на этой сторонѣ хребта, нѣжная округлость тамъ горъ и предгорій, покрытыхъ молодымъ кудрявымъ лѣсомъ, мягкость луговъ, пестрота цвѣтовъ на нихъ, музыка потоковъ. Посреди этого благоуханія башни и церковь Ананурскаго замка говорятъ громко о старой Грузіи, о временахъ рыцарскихъ, о временахъ наивной вѣры и наивнаго обычая.

Около Душета поразительная встрѣча: нескончаемый караванъ «фургоновъ», съ бѣлыми верхами, запряженныхъ четверками; повозки тяжело нагружены всякимъ скарбомъ и добромъ, на которомъ размѣстились дѣти, женщины, старики. Мужчины идутъ рядомъ, ведутъ коровъ, лошадей. Сотни такихъ фургоновъ направляются къ сѣверу. Это молокане изъ Карской области, перебираются на Кубань, куда они заранѣе

посылали ходоковъ высмотрѣть земли; такъ что идутъ не наобумъ. Могучее племя, они на новомъ мѣстѣ только выиграютъ. Въ Карсской области, начиная съ 1914 года, благодаря близости театра войны, имъ было тяжело; а съ уходомъ русскихъ войскъ они и сами предпочли выселиться — махнувъ рукою на насиженныя мѣста, и извѣрившись въ прочность военнаго счастія Россіи еще съ того времени, когда въ декабрѣ 1914 года, во время памятнаго саракамышскаго наступленія турокъ, имъ пришлось хлѣбомъ-солью встрѣчать ихъ на ст. Ново-Селимъ.

Послѣдовавшее за революціей движеніе изъ Закавказья обратно въ Россію русскихъ поселенцевъ, столь знаменательное и стихійное, пророчитъ-ли конецъ той колонизаціонной политики русскаго правительства, которая въ XX-мъ столѣтіи осуществлялась съ энергіей, и крайнимъ выраженіемъ которой, уже во время войны, былъ проектъ созданія «евфратскаго казачества» (русскій варіантъ разрѣшенія армянскаго вопроса)? Во всякомъ случаѣ, съ свободнымъ развитіемъ народовъ Закавказья такая политика была-бы несовмѣстима.

12.

Но... мы уже успѣли пріѣхать въ Тифлисъ. День былъ солнечный, теплый, оживленіе на улицахъ и видъ толпы, явно жизнерадостной и кротко настроенной, такъ рѣзко отличались отъ всего, къ чему мы привыкли за послѣдній годъ въ Россіи: мы почувствовали себя не только въ другомъ климатѣ, но и въ другой средѣ. И здѣсь, очевидно, революція дѣлала свое дѣло: но пути ея здѣсь иные, и формы проявленія не тѣ.

Разлагающая сила общерусской революціи встрѣтилась здѣсь съ ею-же освобожденными, ею-же поощряемыми стремленіями народовъ къ національному и государственному самоутвержденію: это одна изъ причинъ сравнительной сдержанности, сравнительной умѣренности революціоннаго процесса на Кавказѣ въ 1917-18 годахъ.

Таково было общее впечатлѣніе, полученное мною въ Тифлисѣ осенью 1917-го и теперь весною 1918 года. Я не имѣлъ времени особенно углублять его: всего нѣсколько дней пришлось провести въ этомъ Тифлисѣ — столицѣ независимаго Закавказья, съ 9-го апрѣля.

Независимое Закавказье! Нельзя сказать, чтобы этотъ формальный выходъ изъ состава россійской Имперіи былъ сдѣланъ въ порывѣ горячаго національнаго увлеченія. Нѣтъ, онъ былъ вызванъ практическою необходимостью подписать миръ — *свой* «Брестъ-Литовскій» миръ и тѣмъ фактомъ, что Закавказье не признало большевицкаго переворота 25 октября.

Этимъ, во многихъ отношеніяхъ значительнымъ, *непризнаніемъ*, народы Закавказья явно *выключали себя* изъ рамокъ централизованной русской государственности и общественности.

Учрежденный 15 ноября (с. с.) 1917 года закавказскій комиссаріатъ (Е. П. Гегечкори — предсѣдатель) являлся коалиціей революціонныхъ и національныхъ организацій и былъ, фактически, первымъ независимымъ правительствомъ Закавказья. Это было правительство выборовъ въ Учредительное Собраніе (всероссійское) и поддержанія Кавказскаго фронта.

Послѣ фіаско Учредительнаго Собранія въ январѣ 1918 года вопросъ войны и мира остался единственной жизненной связью Закавказья съ Россіей: связь эта была перерублена Брестъ-Литовскимъ договоромъ. Закавказское правительство попыталось отстоять свои интересы путемъ прямыхъ переговоровъ съ Турціей (Трапезундская конференція, февраль-мартъ 1917 года) и путемъ военной обороны («закавказская демократія» противъ «турецкаго имперіализма»). Изъ дипломатическихъ переговоровъ въ Трапезундѣ ничего не вышло, а попытка военной обороны окончилась очень скоро и очень постыдно потерею Карса и Батума (1-го апрѣля). Приходилось, не шутя, подписывать миръ, и для этой цѣли собиралась новая конференція, на этотъ разъ въ Батумѣ. А такъ какъ для подписанія мира Закавказье должно было являться правоспособною стороною, то и требовалось, для сей печальной надобности, провозглашеніе его независимости. Что и было сдѣлано. Одновременно, образовалось новое правительство, съ предсѣдателемъ — А. И. Чхенкели, главнымъ делегатомъ Закавказья въ Трапезундѣ. Это правительство, являвшееся коалиціей національныхъ группъ — уже помимо всякой связи съ Россіей — имѣло передъ собою опредѣленную задачу — вывести Закавказье изъ войны.

...Турки занимали не только Батумъ, но и Озургеты, Ахалцихъ и Абастуманъ; иначе говоря, Тифлисъ и Кутаисъ

были подъ непосредственною угрозою военнаго занятія; армянскія провинціи были частью уже заняты, частью — наканунѣ того. Армянское населеніе Тифлиса особенно должно было опасаться прихода турокъ: многіе выѣзжали уже на сѣверъ, и мы встрѣчали такихъ по Военно-грузинской дорогѣ.

...Несмотря на такое положеніе, тифлисская толпа, повторяю, показалась мнѣ беззаботной и жизнерадостной, когда, 27-го апрѣля 1918 г. нашъ автомобиль остановился у зданія казеннаго театра.

«Помогите намъ» — «Готовъ къ услугамъ, чѣмъ могу», — къ этому, въ сущности, сводился несложный діалогъ мой съ Чхенкели (главою Закавказскаго правительства) и съ Н. Жорданіа, который въ правительство не входилъ, но былъ главнымъ вдохновителемъ краевыхъ политическихъ организацій (совѣтовъ), опираясь на руководимую имъ соціалъ-демократическую партію.

Подъ предсѣдательствомъ Чхенкели приступала къ работѣ комиссія по выработкѣ конституціи Закавказья — въ эту комиссію мнѣ и предложили вступить. Я поморщился. «Вопросъ о конституціи и самомъ существованіи Закавказья разрѣшится въ Батумѣ — не могу-ли я быть Вамъ полезнымъ тамъ?». Рѣшено было воспользоваться моими услугами въ Батумѣ.

Въ одномъ засѣданіи конституціонной комиссіи (4-го мая) пришлось все же присутствовать. Шелъ обмѣнъ мнѣній по общему вопросу: на какихъ основаніяхъ строить закавказскую федерацію? (новое государство уже офиціально именовалось федеративною республикою).

Мнѣнія излагались различныя. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ мусульманъ полагали, что каждая изъ трехъ частей Закавказья должна получить право *самостоятельной внѣшней политики*.

Баку былъ въ рукахъ большевиковъ, а турки находились у самыхъ подступовъ къ Азербайджану: «внѣшняя политика» желательная нашимъ татарамъ, (освобожденіе Баку) могла бы оказаться вовсе не по вкусу армянамъ и т. д. Все это было довольно ясно: страннымъ могло казаться лишь столь скороспѣлое объединеніе весьма разнородныхъ стремленій подъ флагомъ «Закавказской федераціи» или подъ наименованіемъ «демократіи Закавказья».

Нѣтъ, рѣшительно, въ маѣ 1918 года несвоевременно было заниматься разработкою конституціи для Закавказья.

Но силъ было много, онѣ искали своего приложенія; революціонные лозунги казались чудодѣйственнымъ талисманомъ...

Мѣстная демократія давно уже завладѣла дворцомъ б. намѣстниковъ. Съ нею тамъ уживались еще учрежденія кавказскаго фронта, прозябавшія больше по инерціи. Съ того момента, какъ (въ ноябрѣ 1917 г.) такъ наз. красная гвардія подъ водительствомъ Джугели захватила арсеналъ, городъ былъ обезпеченъ отъ посягательствъ со стороны проходившихъ съ фронта въ Россію эшелоновъ, и порядокъ, вообще, охранялся сносно.

Словомъ, если бы не турецкая опасность, Закавказье, можетъ быть и справилось бы со своими внутренними затрудненіями: въ его сборномъ правительствѣ, въ національныхъ совѣтахъ, въ Сеймѣ запросы и чувства его населенія получали достаточно полное выраженіе и трудная работа по организаціи здѣсь республиканскаго федеративнаго строя могла-бы, чего добраго, начаться.

Но... надо было ѣхать въ Батумъ.

ГЛАВА V.

ВЪ БАТУМЪ КЪ ТУРКАМЪ.

Впечатлѣніямъ очевидца Батумской конференціи 1918 г. полезно предпослать нѣсколько словъ о событіяхъ и обстоятельствахъ, вызвавшихъ это первое дипломатическое соприкосновеніе кавказскихъ народовъ съ державами Европы — исторически и политически вся сила была именно въ послѣднемъ, хотя *преимущественно* разговоръ велся съ Турціей*.)

Когда, въ ноябрѣ 1917 года, образовался Закавказскій Коммисаріатъ, невозможность дальнѣйшаго веденія войны противъ Турціи на русско-турецкомъ фронтѣ не вызывала сомнѣній, и рѣшено было заключить съ этою державою *перемиріе*. Условія его были выработаны русскимъ военнымъ начальствомъ фронта, сохранившаго еще свою видимость (къ сожалѣнію, одну только видимость!), и само перемиріе подписано *5 (18) декабря 1917 г.* въ Эрзинджанѣ. Одновременно установлена была между воюющими демаркаціонная линія въ предѣлахъ Азіатской Турціи, отъ Чернаго моря до озера Ванъ.

Нѣсколько позже, по почину турецкаго правительства выдвинутъ былъ вопросъ о начатіи мирныхъ переговоровъ съ Закавказьемъ (начало января с. с. 1918 г.).

Комиссаріатъ, не зная точно о судьбѣ Учредительнаго Собранія и ожидая заключеній по вопросу о томъ, какъ-же быть, хотя-бы отъ существовавшихъ тогда различныхъ государственныхъ (несовѣтскихъ) новообразованій юга Россіи, не былъ въ состояніи дать опредѣленный отвѣтъ на турецкое предложеніе.

---

*) Для дальнѣйшаго см. изданные грузинскимъ правительствомъ *Документы и матерьялы по внѣшней политикѣ Закавказья и Грузіи*. Тифлисъ. 1919 г.

Среди этихъ колебаній, вызванныхъ на только затруднительностью положенія, но и чувствомъ «имперской» лояльности, а также живой еще мыслью о единствѣ россійской революціи и демократіи, драгоцѣнное время упускалось; фронтъ окончательно рушился; «демаркаціонная линія», не поддерживаемая съ этой стороны, не стѣсняла болѣе турокъ; и, подъ предлогомъ насилій, допущенныхъ армянскими частями надъ мусульманскимъ населеніемъ, они начали въ концѣ января (с. с.) 1918 г. наступленіе по направленію къ русско-турецкой границѣ.

Только съ созывомъ Закавказскаго Сейма (10 февр. 1918 г.) было, наконецъ, — съ новыми проволочками — принято рѣшеніе: вести съ турками самостоятельные переговоры о мирѣ, мѣстомъ переговоровъ избрать Трапезундъ — тогда еще занятый кавказскими войсками, и добиваться въ переговорахъ съ Турціей, сохраненія государственной границы *1914 года и автономіи Арменіи «въ рамкахъ Турецкой государственности»*. (16 февраля с. с.). Это — въ такое время, когда кавказскій фронтъ всюду рушился, какъ подгнившее зданіе.

Не успѣли въ Тифлисѣ остановиться на этомъ рѣшеніи, какъ получено было 17 февр. телеграфное сообщеніе Карахана о рѣшеніи Совѣтовъ подписать Брестъ-Литовскій договоръ и объ уступкѣ этимъ актомъ округовъ Карса, Батума и Ардагана, т. е. о коренномъ измѣненіи въ пользу Турціи границы 1914 г. на Кавказѣ. Намѣченныя Сеймомъ основанія мира пріобрѣтали явно утопическій характеръ.

Турція не замедлила, конечно, потребовать полнаго очищенія предоставляемыхъ ей территорій, къ которымъ войска ея уже фактически приблизились (25 февраля с. с.); а Закавказское Правительство еще до того заявило (17 февр.) протестъ противъ уступки закавказскихъ провинцій актомъ «заключеннымъ безъ вѣдома и одобренія Закавказья»*).

Трапезундская конференція, какъ это ни странно, все-же состоялась. Турки, получивъ три санджака изъ рукъ Рос-

---

*) Въ свое время — съ значительнымъ опозданіемъ — Закавказскому правительству было передано приглашеніе принять участіе въ Брестъ-Литовскихъ переговорахъ. Предложеніе это не обсуждалось, повидимому, практически, вслѣдствіе полученныхъ затѣмъ свѣдѣній о разрывѣ переговоровъ въ Брестъ-Литовскѣ. Готовность-же начать отдѣльные переговоры о мирѣ съ Турціей и вообще державами четверного Союза въ это время уже имѣлась на лицо.

сіи и спѣша вступить въ обладаніе ими, очевидно не прочь были имѣть на этомъ пріобрѣтеніи штемпель и Закавказья.

Что-же касается делегаціи послѣдняго, она, какъ видно, надѣялась добиться разрѣшенія поставленныхъ ей задачъ несмотря на коренное измѣненіе политической обстановки послѣ Брестъ-Литовска и несмотря на фактическій развалъ фронта: теперь и Трапезундъ былъ уже опять турецкій.

Трапезундская конференція, начавшаяся 27 февр. (с. с.) и закончившаяся 1-го апрѣля (с. с.) *отозваніемъ обратно въ Тифлисъ* закавказской делегаціи, привела къ слѣдующимъ дипломатическимъ результатамъ: Закавказье — согласно ультимативнаго требованія турокъ — обязалось признать Брестъ-Литовскій договоръ съ его столь тяжкими для Грузіи и Арменіи — но въ данный моментъ неустранимыми условіями; окончательный миръ подлежалъ заключенію Закавказьемъ, конечно, не съ одной Турціей но и съ ея союзниками (Германіей, Австро-Венгріей и Болгаріей); для этого, однако, предварительно должна была быть провозглашена независимость Закавказской республики. Было даже условлено — правда, частнымъ образомъ — что въ работахъ конференціи дѣлается лишь перерывъ — несмотря на отозваніе закавказской делегаціи.

Впрочемъ такъ судили въ Трапезундѣ; въ Тифлисѣ-же Сеймъ, въ порывѣ явной экзальтаціи, призналъ необходимымъ *продолженіе войны*, послѣ увѣреній Церетели, что «итти на условія Брестъ-Литовскаго мира мы не можемъ: народныя массы его не примутъ», и заявленія Гегечкори, что «въ настоящую минуту у Правительства не можетъ быть иного рѣшенія, какъ война съ Турціей».*) На этомъ основаніи делегація и была отозвана изъ Трапезунда (31 марта с. с.). Словомъ рѣшили попытать военнаго счастья — при отсутствіи надежныхъ войскъ и несмотря на открытое заявленіе сеймовыхъ мусульманъ: «принять активное участіе въ этой войнѣ мы не можемъ, и потому активная отвѣтственность не падаетъ на насъ».

Въ этихъ условіяхъ революціонная риторика, парламентскія рѣчи, обращенія къ народамъ, призывы разныхъ ор-

*) Любопытно сопоставить со всѣмъ, что сказано было въ Закавказскомъ Сеймѣ въ защитѣ *революціонной войны* (31 марта с. с.) простое соображеніе *Ленина*, говорившаго, въ довольно аналогичныхъ обстоятельствахъ, противъ такой войны (28 февр. въ Ц. Ком.): «для войны нужна армія, а ея нѣтъ. Слѣдовательно, надо принять условія» и т. д.

ганизацій: «всѣмъ на фронтъ» и пр. замѣняли собою, въ совокупности, то, что въ давнишнихъ китайскихъ войнахъ дѣлалось съ помощью изображеній драконовъ и другихъ страшилищъ.

Недоразумѣніе длилось не долго.

Въ тотъ самый день, когда въ концѣ засѣданія Сейма, насыщеннаго энтузіазмомъ и пафосомъ, Н. Жорданіа заявилъ, что «мы вступаемъ официально на военную арену», турки— совершенно «официально» — вступили въ Батумъ. Одновременно, они подвигались къ Карсу, который былъ занятъ 12 апрѣля (с. с.).

Изъ «военной» линіи, очевидно, ничего не выходило хорошаго, и рѣшено было снова налечь на линію дипломатическую.

9-го апрѣля провозглашена была независимость Закавказской федеративной республики; и, тогда-же постановлено принять мѣры къ скорѣйшему заключенію мира. Но, вполнѣ неизбѣжно и послѣдовательно, правительство Е. Гегечкори вышло въ отставку и замѣнено было первымъ (и, впрочемъ, единственнымъ) кабинетомъ *Закавказской федеративной республики*, сформированнымъ А. И. Чхенкели.

10 апрѣля закавказскимъ командованіемъ данъ былъ приказъ о пріостановленіи военныхъ дѣйствій; турки отвѣтили такимъ-же распоряженіемъ, но поспѣшили, не ожидая полной и методической эвакуаціи Карса, съ вывозомъ всего казеннаго имущества и сдачею имъ затѣмъ крѣпости, немедленно ее захватить, что и произошло 12 апрѣля.

Послѣ этого турецкому главнокомандующему ничего не оставалось, какъ сообщить въ Тифлисъ... о признаніи независимости Закавказья Оттоманскимъ Правительствомъ, и о назначеніи, согласно желанія Тифлиса, Батума мѣстомъ дальнѣйшихъ переговоровъ, (15 (28) апр. 1918 г.)

Турки уже заняли провинціи, доставшіяся имъ въ Брестъ-Литовскѣ; и, одновременно, невозможность для неустроеннаго, потрясеннаго Закавказья веденія самыхъ простыхъ военныхъ операцій была доказана.

Въ такихъ-то условіяхъ собиралась Батумская конференція.

14.

Разсказываютъ: когда закавказская делегація, посланная для переговоровъ въ Трапезундъ, высадилась на берегъ съ

вспомогательнаго крейсера «Король Карлъ», (это было 27-го февраля с. с. 1918 г.) кто-то изъ турокъ замѣтилъ, что если это все населеніе «договаривающейся стороны», то прибывшихъ мало; если-же это только делегація, — ихъ слишкомъ много.*)

Делегація, предназначенная къ отправленію въ *Батумъ*, состояла изъ 45 лицъ — цифра чрезмѣрная, но объяснимая, помимо другихъ причинъ, спеціальными политическими условіями Закавказья — сборностью его власти, наличностью разныхъ недовѣряющихъ одно-другому политическихъ слагаемыхъ.

Делегатовъ было собственно шесть: Чхенкели и Николадзе—отъ Грузіи, Гаджинскій и Расулъ-заде отъ Азербайджана, Качазнуни и Хатисянъ отъ Арменіи. Были затѣмъ совѣтники, представители вѣдомствъ, «національные секретари» т. е. секретари національныхъ совѣтовъ — грузинскаго, армянскаго и мусульманскаго; военная миссія, въ составѣ двухъ генераловъ и трехъ полковниковъ и т. д.

Все пахло импровизаціею: не было ни времени, ни спокойствія, чтобы подготовиться къ дѣлу методически.

Отъѣздъ назначенъ былъ на 5-ое мая, спеціальнымъ поѣздомъ, куда пристроились также многіе, желавшіе ѣхать по своимъ дѣламъ въ занятый турками Батумъ. Трудно было попасть на вокзалъ, если вы не располагали автомобилемъ; но еще труднѣе было поѣзду тронуться съ мѣста; что однако, произошло, поздно ночью.

...Раннимъ утромъ въ Квирилахъ. Какъ не воздать хвалу весенней красѣ полей верхней Имеретіи, такъ прилежно обработанныхъ! Бѣлые церкви селеній; тамъ и сямъ развалины башенъ, по зеленымъ ущельямъ — богата Грузія романтическими пейзажами!

Въ этомъ одно изъ утѣшеній ея бѣдности. Другіе давно къ утѣшенію прибавили-бы и доходъ.

...Мягкость гурійскаго ландшафта (мы уже въ Гуріи) такъ не вязалась съ мыслью, что тутъ по близости окопы, позиціи османлисовъ.

Въ Супса опять остановка: почетный караулъ отъ грузинскихъ частей. Пѣхотинцы, артиллеристы и кавалеристы; всѣ въ пѣшемъ строю безъ оружія.

*) Еще Тиграну, царю Арменіи, приписывалось изрѣченіе: «если это послы, ихъ много; если это — непріятель, ихъ маловато» (при видѣ небольшой арміи Лукулла).

Чхенкели въ развалку проходитъ передъ ними, сопровождаемый военными; говоритъ рѣчь — въ глазахъ офицеровъ, вольноопредѣляющихся какъ будто-бы огонекъ, солдаты-же непроницаемы.

Отвѣтныхъ кликовъ не слышно.

Среди сѣрыхъ шинелей встрѣчаю одного тифлисскаго адвоката — добровольца. Много разговоровъ о томъ, какъ палъ Батумъ, о Чолокскомъ дѣлѣ, гдѣ, какъ здѣсь увѣряютъ, чувствительно пострадали турки (уже послѣ занятія Батума);*) о неправильной пріостановкѣ озургетской операціи «какъ разъ когда Озургеты переходили уже обратно въ наши руки» и т. д.

Этой весной крестьянамъ Гуріи пришлось таки расплачиваться за легкомысліе и опрометчивость съ какой въ Сеймѣ постановили возобновить войну.

Турки на дѣлѣ безъ всякаго сопротивленія, формально-же какъ будто съ боя вошли въ Батумъ.

Все наше положеніе въ предстоящихъ переговорахъ испорчено этою преждевременною, а главное ненужною пробою силъ.

Карсъ и его оборона армянами во всемъ дополняетъ картину.

...Бѣлый флагъ надъ нашимъ поѣздомъ. Вотъ турецкіе окопы, а дальше и расположеніе ихъ войскъ. Корявые, неуклюжіе солдаты. Тоже драгомировская «сѣрая скотинка»... И, можетъ быть, «святая»?.

Прибываемъ въ Батумъ и располагаемся въ Hotel Oriental, на набережной, рядомъ съ морскою таможнею.

15.

И мѣсяца не прошло съ тѣхъ дней, какъ произнесены были въ Сеймѣ страстныя рѣчи на тему: Батумъ или смерть! безъ Батума и жизнь не красна! — и вотъ делегаты независимаго Закавказья оказались въ Батумѣ; но не у себя, а въ гостяхъ у турокъ (6 мая 1918).

Депутаты въ Сеймѣ вовсе не переоцѣнивали значенія Батума для Закавказья и, въ особенности, для Грузіи; оно, дѣйствительно, чрезвычайно велико и общеизвѣстно. Но и Батумъ,

*) Какъ разъ здѣсь, на Чолокѣ, турки понесли жестокое пораженіе въ 1854 г. отъ русскихъ войскъ, подъ начальствомъ кн. И. М. Андроникова. Въ этомъ дѣлѣ «покрыла себя славою», какъ раньше выражались, грузинская милиція и, въ частности, дворянская конница. Этотъ-же Чолокъ кое-кто смѣшивалъ съ болѣе южнымъ и болѣе извѣстнымъ *Чорохомъ*, при обсужденіи русско-турецкой границы на Берлинскомъ Конгрессѣ въ 1878 г.

и Карсъ, какъ части огромнаго военно-пограничнаго оборудованія Россійской Имперіи, расчитаны были на оборону ея обширными средствами. При извѣстныхъ условіяхъ, они могли-бы сдѣлаться(и, возможно, сдѣлаются когда нибудь) элементами планомѣрнаго военнаго устройства собственно Кавказа или Закавказья: это не могло совершиться внезапно, на рубежѣ 1917 и 1918 г. г., когда все рушилось.

Словомъ, оказалось невозможнымъ охранить границы отъ турецкаго вторженія. Легко, однако, было видѣть, что занятіе непріятелемъ напримѣръ, Батума вовсе не могло считаться *окончательнымъ*: это зависѣло-бы отъ общаго исхода войны. Съ Турціей, слѣдовательно, приходилось договариваться въ сущности лишь о нѣкоторомъ modus vivendi; преимущественно, объ обезпеченіи экономической связи Батума съ Закавказьемъ. Но общественное мнѣніе въ Грузіи относилось къ вопросу съ крайней нервностью; а въ частности, с.-д., имѣвшіе въ Батумѣ одинъ изъ главныхъ своихъ приходовъ, труднѣе всего мирились съ тѣмъ, что они — преждевременно и преувеличенно — считали смертельнымъ ударомъ для Грузіи. Опасались также ущерба отъ этой потери вообще для дѣла революціи и демократіи.

Армяне были въ совершенно понятномъ ужасѣ: съ возвращеніемъ Турціи въ Карсъ создавалась угроза всему будущему Арменіи, и казавшіяся такъ хорошо охраненными провинціи русской Арменіи подвергались теперь непосредственной и смертельной опасности. Очевидно, армяне должны были явиться въ Батумъ съ еще болѣе тяжелымъ чувствомъ, чѣмъ грузины.

Въ иномъ положеніи находились азербайджанцы. Они въ туркахъ начинали видѣть сородичей, способныхъ во многомъ имъ помочь; ничто не побуждало ихъ смотрѣть трагически на предстоявшіе батумскіе переговоры.

Изъ этихъ столь различныхъ мотивовъ, оцѣнокъ, опасеній, стремленій, надлежало теперь извлечь общую Закавказскую политику!

Представимъ себѣ также чувства *турокъ* прии занятіи ими Батума. Они какъ-бы *возвращались* сюда, послѣ 40-лѣтняго отсутствія. И хотя то, что они нашли здѣсь въ 1918 году, мало походило на Батумъ, оставленный ими въ 1878 году, они смотрѣли на провинціи (санджаки), уступленные имъ въ Брестъ-Литовскѣ, какъ на воего рода турецкую Эльзасъ-Лотарингію,

возвращенную по принадлежности.*) Къ этому особому чувству присоединялось нѣчто болѣе общее: съ давнихъ уже поръ Турція привыкла терять провинціи и отдавать города. Впервые съ того времени, какъ мощь Султановъ пошла на ущербъ, войска турецкія заняли городъ, достаточно извѣстный и значительный, чтобы успѣхъ этотъ льстилъ тщеславію Стамбула. Какое ни есть утѣшеніе послѣ утраты хотя-бы Багдада (мартъ 1917 г.) и Іерусалима (декабрь 1917 г.) !

Вотъ почему такъ сіяли лица турецкихъ офицеровъ и чиновниковъ въ Батумѣ весною 1918 года, и такими новенькими, яркими казались красные кумачевые турецкіе флаги всюду на общественныхъ и казенныхъ зданіяхъ!

Главнымъ турецкимъ делегатомъ на этой конференціи былъ министръ юстиціи и (временно) иностранныхъ дѣлъ Халилъ-бей, видный дѣятель группы «Единеніе и Прогресъ» (нѣсколько позже — предсѣдатель Константинопольскаго парламента), человѣкъ апоплектическаго склада и обычнаго для турокъ, ложно-французскаго лоска. Въ Батумѣ-же находился въ это время и турецкій главнокомандующій Кавказскаго фронта, Вехибъ-паша, мужчина широкоплечій съ глазами, налитыми кровью, герой столь легкихъ успѣховъ надъ войсками, уходившими, не сражаясь. Пріѣзжалъ при насъ на яхтѣ изъ Константинополя и морской министръ Джемаль-паша, членъ знаменитаго тріумвирата (Талаатъ — Энверъ — Джемаль), фигура представительная и значительная**.) Энверъ-паша побывалъ въ Батумѣ — но еще до нашего пріѣзда, встрѣчали его съ большимъ торжествомъ, и уѣхалъ онъ, какъ говорятъ, далеко не съ пустыми руками.

Наибольшій интересъ вызывала, однако, германская делегація. Непріязненныхъ чувствъ къ Германіи у населенія не было и быть не могло. Въ германцахъ видѣли хорошихъ представителей европейской культуры, европейскаго знанія и умѣнія, видѣли въ нихъ блистательныхъ воякъ, покорителей Балтики, Польши, Украины, Румыніи. Германія въ Батумѣ означала намордникъ для Турціи, а это было главное. Таковъ былъ по крайней мѣрѣ инстинктъ христіанскаго населенія Закавказья. Священной-же ненависти къ германцамъ по сла-

*) Въ территоріяхъ, этихъ кровно связанныхъ съ исторіей Грузіи и Арменіи, древняя христіанская культура постепенно, на протяженіи вѣковъ, вытѣснялась исламомъ.

**) Джемаль-паша былъ убитъ въ Тифлисѣ въ 1922 г., при возвращеніи изъ Афганистана.

вянофильскимъ или другимъ побужденіямъ — она не была, кажется, глубока и въ русскомъ народѣ — не могли, очевидно, питать ни грузины, ни армяне, ни мусульмане.

Полномочнымъ представителемъ Германской Имперіи былъ генералъ-маіоръ баварской службы фонъ-Лоссовъ, состоявшій въ это время представителемъ германскаго верховнаго командованія при турецкомъ правительствѣ*). Его простота и рыцарственность очень скоро обезпечили ему уваженіе всѣхъ. Изъ состава делегаціи назову здѣсь графа Шуленбурга, бывшаго до войны германскимъ генеральнымъ консуломъ въ Тифлисѣ**) и О. фонъ-Везендонкъ, высокообразованнаго и молодого еще дипломата, спеціалиста по ближнему Востоку. Ф. Везендонкъ***)—внукъ извѣстной пріятельницы-меценатки Рихарда Вагнера, Матильды Везендонкъ; и крестникъ знаменитаго Гельмгольца — что впрочемъ отвлекаетъ насъ отъ Батума.

Закавказье — т. е. точнѣе три націи Закавказья имѣли весьма разнообразныхъ представителей. Предсѣдатель делегаціи А. И. Чхенкели, глава Закавказскаго Правительства, аще въ бытность свою членомъ Государственной Думы (4-ой), показалъ себя большимъ любителемъ вопросовъ внѣшней политики; онъ обычно выступалъ по этой части отъ имени с.-демократической фракціи. Въ своей партіи онъ болѣе другихъ размышлялъ о національномъ вопросѣ и о національныхъ интересахъ Грузіи; защищалъ ея автономію, когда это еще считалось плохимъ тономъ среди грузинскихъ соц.-демократовъ. Его почвенный патріотизмъ имѣлъ очевидный корень въ глубокой національной традиціи лучшей части грузинскаго духовенства—среды, изъ которорй вышелъ Чхенкели. Въ то же время его ревность и лояльность во всемъ, что касалось интересовъ всего Закавказья, не вызывала ничьихъ сомнѣній.

Другой грузинскій делегатъ Н. Я. Николадзе несъ съ чрезвычайной легкостью бремя своихъ 75 лѣтъ. Сколько воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ онъ, въ юношескомъ увлеченіи, совѣщался съ Герценомъ о томъ, какъ дать пощечину тогдашнему россійскому шефу жандармовъ! или даже съ того времени,

---

*) Имя генерала ф. Лоссовъ часто упоминалось въ печати, въ связи съ внутреннимъ баварско-германскимъ замѣшательствомъ конца 1923 г. (дѣло Гитлера-Людендорфа и пр.). Онъ командовалъ имперскою вооруженною силою въ Баваріи.

**) Нынѣ (1923 г.) — германскій посланникъ въ Тегеранѣ.

***) Въ 1923 г.—германскій генеральный консулъ въ Тифлисѣ.

когда онъ, будучи редакторомъ тифлисскаго «Обзора», надѣлалъ столько шуму во всей Россіи своимъ литературнымъ процессомъ, о чемъ подробно повѣтствуетъ даже Анатоль Леруа-Болье въ своемъ «Empire des Tsars»! (Какъ все это, однако, «допотопно»!)

Его неистощимая память, знаніе турецко-кавказскихъ отношеній, его блестящій даръ бесѣды, огонь въ глазахъ при бѣлой бородѣ и внушительно осанкѣ — дѣлали присутствіе его очень полезнымъ въ Батумѣ.

Главнымъ армянскимъ делегатомъ былъ А. И. Хатисянъ, врачъ по образованію, изъ армянскихъ уроженцевъ Грузіи, бывшій нѣсколько лѣтъ тифлисскимъ городскимъ головою; persona gratisima во дворцѣ Намѣстника при Воронцовыхъ, типичный и дѣятельный представитель того армянскаго теченія, которое, оберегая и расширяя позиціи занятыя армянами всюду на Каказѣ, надѣялось съ помощью Россіи, построить и турецкую Арменію. Это опытный, всякіе виды видѣвшій и жизнерадостный, краснощекій дѣятель*.)

Остальные трое были до той поры сравнительно менѣе извѣстны въ дѣлахъ закавказской политики, хотя всѣ они призваны были играть важную роль въ судьбахъ своихъ народовъ. Р. Качазнуни çкоро сталъ главою правительства Арменіи; пока, въ Закавказскомъ правительствѣ, онъ считался «министромъ государственнаго призрѣнія». Подобно Хатисяну и Качазнуни М. Гаджинскій (также какъ и послѣдній, инженеръ) былъ въ составѣ образованнаго Чхенкели правительства; онъ входилъ туда съ портфелемъ торговли и промышленности**.)

Второй делегатъ — азербайджанецъ, Расулъ-заде очень выдвинулся въ Сеймѣ. Онъ сдѣлалъ себѣ имя и въ Персіи, работая въ тегеранской печати вмѣстѣ съ дѣятелями персидскаго обновленія. Превосходно владѣя и персидскимъ и турецкимъ языками, онъ показывалъ своимъ личнымъ примѣромъ, какъ значительны и широки могутъ быть политическія связи восточнаго Закавказья, когда оно разовьется политически.

---

*) Позже Хатисовъ былъ главою правительства армянской республики.

**) Впрочемъ, все это распредѣленіе портфелей не имѣло серьезнаго значенія, т. е. дальше распредѣленія ихъ дѣло не пошло за скорымъ исчезновеніемъ Закавказскаго правительства.

ГЛАВА VI.

БАТУМСКАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ.

16.

Теперь перейду къ самой конференціи, внѣшняя лѣтопись которой могла бы быть очень краткой: состоялось всего-навсего одно засѣданіе, 11-го мая, въ зданіи батумскаго клуба.

Халилъ-бей произнесъ (по турецки) привѣтственное слово съ упоминаніемъ о «прекрасной звѣздѣ свободы», взошедшей надъ Кавказомъ, о желаніи Турціи установить доброе сосѣдство и т.д. Орханъ-бей (бывшій секретаремъ у турокъ и въ Брестъ-Литовскѣ) прочелъ французскій переводъ рѣчи.

Затѣмъ обсуждался вопросъ о допущеніи къ участію въ конференціи представителя сѣверо-кавказской Горской республики, Гайдаръ-бея Баммата.

Имѣя весьма важныя связи въ Турціи, горскіе дѣятели, провозгласивъ независимость своей республики поспѣшили искать дипломатическаго и всякаго подкрѣпленія въ Константинополѣ. Тамъ же находился предсѣдатель ихъ правительства Абдулъ-Меджидъ-бей Чермоевъ, чеченецъ родомъ, б. конвоецъ и офицеръ знаменитой «дикой кавказской дивизіи»*), а въ то-же время дѣловой человѣкъ (съ большими интересами въ грозненской нефти. О пріѣздѣ изъ Константинополя, вмѣстѣ съ турками, въ Батумъ на конференцію и горскихъ делегатовъ сообщалось уже въ телеграммѣ Вехибъ-паши увѣдомлявшей о признаніи Турціей независимаго Закавказскаго Правительства. (15-го апрѣля с. с.). Возможному вступленію

*) Отсюда, кстати, видно, какъ горько заблуждался В. Розановъ, когда писалъ, что, послѣ всѣхъ войнъ, возстаній, Шамиля и т. д., кавказскіе горцы закончили свою исторію... въ конвоѣ Е. Импер. Величества!.

Горской республики въ общекавказскую федерацію всѣ очень сочувствовали, и участіе Г. б. Баммата въ конференціи возраженій, конечно, не вызвало.*)

Не успѣли приступить къ дѣлу, какъ обнаружилось коренное расхожденіе между Закавказскою и Турецкою делегаціями по вопросу о Брестъ-Литовскомъ договорѣ, какъ основаніи для переговоровъ. Чхенкели, повторивъ сдѣланное имъ еще въ Трапезундѣ (напослѣдокъ) заявленіе, что Закавказье этотъ договоръ принимаетъ полностью, желалъ, чтобы текстъ его былъ *единственною* основою переговоровъ дабы Закавказью не пришлось дѣлать новыхъ территоріальныхъ уступокъ Турціи, сверхъ предусмотренныхъ Б.-Л. договоромъ. Напротивъ, Халилъ-бей, принимая къ свѣдѣнію это заявленіе, указывалъ на происшедшій разрывъ въ дипломатическихъ переговорахъ, на возобновленіе военныхъ дѣйствій между Турціей и Закавказьемъ, т. е. на новые факты, въ виду которыхъ Турція не согласна считать договоръ единственной основой предстоящихъ переговоровъ и признаетъ за собою право выдвигать *новыя* требованія. Поэтому, Халилъ-бей и предложилъ въ качествѣ основанія для переговоровъ изготовленный уже турками текстъ мирнаго договора, который былъ тутъ же ими предъявленъ.

Представитель Германіи ограничился простымъ принятіемъ къ свѣдѣнію этого разногласія между Турціей и Закавказьемъ**.)

Въ заключеніе наша делегація изъявила согласіе... познакомиться съ турецкимъ проектомъ, и на этомъ засѣданіе конференціи было закрыто.

17.

Турецкій проектъ «договора мира и дружбы между *Императорскимъ Оттоманскимъ Правительствомъ и Кон-*

*) Комиссія, провѣрявшая полномочія, состояла изъ графа Шуленбурга, турецкаго юрисконсульта Нусретъ-бея, самого Баммата и меня (отъ Закавказской делегаціи).

**) Въ этомъ же засѣданіи Закавказская делегація впервые, между прочимъ, получила официальный текстъ Брестъ-Литовскаго договора. До того, у меня по крайней мѣрѣ, былъ лишь текстъ, изданный въ Ростовѣ-на-Дону «Затемерницкой организаціей партіи лѣвыхъ соціалистовъ-революціонеровъ интернаціоналистовъ» и напечатанный въ типографіи Т-ва «Обновленіе» Коллектива Рабочихъ и Служащихъ.

федеративною Закавказскою республикою» состоялъ изъ 12 статей; къ нему имѣлось три приложенія (временныя правила о торговлѣ и мореплаваніи; объ особыхъ льготахъ, примѣняемыхъ къ сношеніямъ въ пограничныхъ мѣстностях въ; о порядѣ устраненія разногласій въ толкованіяхъ договора).

Наконецъ, дополнительный къ основному договоръ касался вопросовъ, связанныхъ съ чисто военными интересами Турціи въ данный моментъ.

Несомнѣнно, наибольшее впечатлѣніе производили *новыя территоріальныя требованія* Турціи. Указанная въ ея проектѣ граница означала для Грузіи отторженіе старыхъ ея областей (подвергшихся позже исламизаціи,) пріобрѣтенныхъ Россіей по Адріанопольскому миру 1828 года и тѣснѣйшимъ образомъ связанныхъ съ б. Тифлисской губерніей: рѣчь идетъ объ ея уѣздахъ Ахалцихскомъ и Ахалкалакскомъ (на послѣдній, впрочемъ, заселенный уже въ XIX столѣтіи армянскими выходцами претендовала Арменія).

Для Арменіи новая граница была равносильна полному почти уничтоженію: Александрополь и большая часть уѣздовъ Александропольскаго и Эчміадинскаго — т. е. наиболѣе такъ сказать армянская часть Арменіи — переходила къ Турціи, вмѣстѣ съ желѣзной дорогой Карсъ — Александрополь и Александрополь—персидская граница.

Въ этихъ условіяхъ Турція обезпечивала себѣ въ сущности не только политическій контроль всего Закавказья, но еще и тѣсное территоріальное примыканіе къ Азербайджану и къ Персіи (т. е. персидскому Азербайджану) — иными словами, къ странамъ съ населеніемъ тюркской-же породы и тюркской рѣчи.

Важную часть турецкаго проекта составляли далѣе требованія, имѣвшія цѣлью облегчить военныя операціи противъ англичанъ въ Сѣверной Персіи. Главнымъ образомъ, имѣлось въ виду использованіе для этой задачи желѣзныхъ дорогъ Закавказья, но также и бакинскаго порта (для возможныхъ операцій на Каспійскомъ морѣ).

Во всякомъ случаѣ, вопросы были поставлены съ полной опредѣленностью. Понятно было для всѣхъ, что турецкія требованія не будутъ сколько нибудь существенно смягчены; что противиться имъ силою мы не можемъ; и что принятіе ихъ поражаетъ въ корнѣ Закавказье, какъ союзъ трехъ народовъ, такъ какъ отъ Арменіи мало что осталось-бы послѣ новаго «размежеванія».

18.

Что въ условіяхъ весны 1918 года турки, овладѣвъ Батумомъ и Карсомъ, пожелаютъ получить еще Ахалцихъ и Александрополь, въ этомъ не было ничего неожиданнаго для многихъ изъ насъ.

Спрашивалось, какъ теперь быть?

Если противъ турокъ можно было получить поддержку, то только дипломатическую; и дать ее могли только германцы. О помощи со стороны англичанъ и французовъ, на чьей сторонѣ наши народы вмѣстѣ со всей Россіей несли тягости войны съ 1914 года, и помину не было: англичане въ Сѣверной Персіи отдѣлены были и разстояніемъ, и большевицкимъ заслономъ въ Баку и вообще, невозможностью установить съ ними сношенія.

Мнѣ лично вопросы территоріальные не казались столь важными, ибо установленіе границъ на могло быть окончательнымъ, пока еще продолжалась война. Я ѣхалъ въ Батумъ съ полнымъ убѣжденіемъ въ томъ, что Германію Закавказье интересуетъ не только въ виду возможности использованія нѣкоторыхъ его рессурсовъ въ войнѣ, но еще больше съ точки зрѣнія общаго плана германскаго проникновенія на ближній востокъ. Германія, думалось, союзникъ Турціи и не станетъ ей поперекъ дороги ни въ томъ, что Турція будетъ дѣлать въ рамкахъ общаго веденія войны, ни въ тѣхъ спеціально турецкихъ домогательствахъ, которыя будутъ хоть сколько нибудь обоснованы, и удовлетвореніе которыхъ будетъ какъ-бы подачкой Турціи за ея труды. Но она несомнѣнно выйдетъ за предѣлы того, что необходимо для войны, или что ей «причитается».

Вотъ тутъ, казалось, поскольку эта союзница позволитъ себѣ какую-нибудь «отсебятину», какую-нибудь вольность, можно будетъ добиться контроля надъ нею, или даже veto ея старшей, болѣе могущественной и болѣе разумной союзницы — Германіи. Для этого нуженъ лишь соотвѣтствующій подходъ, подготовка.

Турки занимаютъ Батумъ, Озургеты и Ахалцихъ: соблазнъ овладѣть Тифлисомъ — для прямой связи съ Баку и для иныхъ выгодъ-великъ! Этому *надо* помѣшать и этому *можно* воспрепятствовать; можно и слѣдуетъ предупредить вторженіе турокъ внутрь Грузіи!

Азербайджанъ пожелаетъ, чего добраго, турецкой помощи и въ борьбѣ съ большевиками, засѣвшими въ Баку, и для про-

тиводѣйствія анархіи: что-же дѣлать! но въ Грузіи намъ турки не нужны. Арменія? Ни въ отдѣльности, ни совмѣстно съ Грузіей воевать съ Турціей она не можетъ, — старый фронтъ распался, а новаго нельзя создать, когда непріятель уже у насъ въ странѣ, и когда нашъ третій партнеръ — Азербайджанъ откровенно, безъ обиняковъ, заявилъ, что съ Турціей онъ воевать *не будетъ*.

Германія поможетъ Арменіи какъ нибудь уцѣлѣть въ эту бурю. Армянскіе делегаты имѣютъ возможность говорить объ этомъ здѣсь непосредственно съ германскимъ представителемъ. Этой возможности они и не упускаютъ. Въ добрый часъ! Но Арменія должна пока какъ-бы притаиться, отказавшись отъ вооруженнаго сопротивленія, которое вѣдь безцѣльно. Позже видно будетъ.

Такъ начиналась выясняться безнадежность *Закавказской* позиціи и подсказывалась — по крайней мѣрѣ, грузинамъ — необходимость и возможность подготовки позиціи *грузинской*. И это не только съ цѣлью выпутаться, найти практическій выходъ изъ жестокихъ условій, какъ они сложились для Закавказья и Грузіи къ лѣту 1918 года, благодаря полному разрушенію Россійской Имперіи: нѣтъ, за этой, неотложной и острой задачей дня выступала, конечно, болѣе глубокая, историческая обязанность нашего поколѣнія содѣйствовать, насколько возможно, возстановленію или созданію, въ этихъ новыхъ условіяхъ, основы для національно-государственной будущности нашихъ кавказскихъ народовъ. Если не теперь, и не нами самими, то когда и кѣмъ долженъ быть заложенъ этотъ фундаментъ?

Надлежало найти, — пользуясь обстоятельствами — пути и формы для осуществленія того, что носилось въ воздухѣ какъ зрѣлая для воплощенія, не воплощенная еще дѣйствительность. Въ двухъ словахъ: предстояло стоять на позиціи *Закавказья* (какъ оно сложилось случайно) до послѣдняго момента; затѣмъ, переходить на позиціи національныя и маневрировать отдѣльно, а, главное, закрѣпить въ государственномъ сознаніи каждаго изъ нашихъ народовъ ихъ независимость; и, при первой возможности, установить, затѣмъ, на упроченной основѣ, политическое цѣлое Закавказья или Кавказа!

Первая часть этой схемы и была осуществлена закавказскою делегаціею; затѣмъ грузинской делегаціей въ Батумѣ

и грузинскими дѣятелями въ Тифлисѣ былъ подготовленъ — путемъ провозглашенія независимости Грузіи — переходъ къ консолидаціи отдѣльно Грузіи, Арменіи и Азербайджана.

Такъ осмыслался этотъ процессъ. Рѣшенія не отъ меня зависѣли; но я могъ вліять на нихъ, будучи совѣтникомъ делегаціи и ея грузинскаго отдѣла по всѣмъ главнымъ вопросамъ.

19.

Мы вступили немедленно въ препирательство съ турками, на почвѣ предъявленнаго ими проекта: въ нашемъ довольно таки плачевномъ положеніи меморандумы и ноты были единственными оружіемъ!

Въ «состязательныхъ бумагахъ» — составленіе ихъ было возложено на меня — мы стали на строго формальную почву: противъ Турціи мы постаралась повернуть тотъ самый Брестъ-Литовскій договоръ, которымъ она еще въ Трапезундѣ желала давить Закавказье.

Здѣсь, въ Батумѣ, Турція предлагала намъ, какъ мы видѣли, во-первыхъ договоръ дружбы и мира, во-вторыхъ, особую конвенцію по военнымъ вопросамъ и, наконецъ, спеціальныя соглашенія, относящіяся къ «доброму сосѣдству» сторонъ.

Мы отвѣтили по поводу этой схемы такъ: *основной* мирный договоръ и *дополнительная* къ нему *конвенція* о военныхъ матеріяхъ должны быть заключены нами не съ одной Турціей, а со *всѣми* державами четверного Союза; остальныя-же предлагаемыя намъ соглашенія («добрососѣдскія») дѣйствительно, могутъ быть заключены между нами и одной Турціей, (меморандумъ Закавк. делегаціи отъ 13-го мая).

Противъ этого турки представили (15-го мая) слѣдующее возраженіе: «не Ваше дѣло высказываться о томъ, какіе вопросы суть общіе для четырехъ союзниковъ, а какіе касаются лишь одного изъ нихъ и Закавказской Республики. Предоставьте объ этомъ судить намъ, союзникамъ, между собою».

Нашъ отвѣтъ на это возраженіе: Вы, слѣдовательно, признали, что есть темы, подлежащія переговорамъ со всѣми четырьмя державами; и другія, касающіяся лишь насъ въ Вами. Отлично. Принимаемъ къ свѣдѣнію. Вы находите, однако, что объ этомъ раздѣленіи позаботятся сами союзники, намъ-же, Закавказью, слѣдуетъ въ данномъ случаѣ молчать. Но мы вовсе и не входимъ въ обсужденіе того, что именно

отнести къ общему договору, и что къ спеціальнымъ! Мы утверждаемъ лишь, что *общій* договоръ будетъ нами заключенъ не съ одной Турціей, а со всѣми четырьмя державами. Намъ, какъ одной изъ договаривающихся сторонъ, кажется, позволено интересоваться тѣмъ, кто именно является другою стороною? (нота Закавк. делегаціи 17-го мая).

Мы продолжали ссылаться и на отсутствіе у турокъ права требовать чего либо *сверхъ* уступокъ, сдѣланныхъ имъ по Брестъ-Литовскому договору. Здѣсь наша позиція была слабовата; однако, на ней приходилось упорствовать, такъ какъ это былъ главный доводъ А. Чхенкели еще съ конца трапезундской конференціи. Ослаблялась же эта точка зрѣнія (т. е. что «не было новыхъ обстоятельствъ, измѣнившихъ между нами международное положеніе — не можетъ быть и новыхъ требованій») такими фактами, какъ весь военно-патріотическій шумъ поднятый Сеймомъ, въ виду нежеланія турокъ отказаться отъ Батума и Карса, рядъ принятыхъ имъ военныхъ резолюцій, отозваніе делегаціи изъ Трапезунда и т. д.

Вслѣдствіе этихъ фактовъ, турки получили возможность утверждать, что заявленіе Чхенкели въ Трапезундѣ о признаніи Брестъ-Литовскаго договора было «дезавуировано» Закавказскимъ правительствомъ Гегечкори, и что возобновленіе войны Закавказскою республикою именно и повлекло за собою измѣненіе въ международномъ положеніи, которое даетъ теперь Турціи право предъявлять новыя требованія.

Словомъ, въ этомъ пунктѣ почва подъ нами была не безъ шаткости. Съ тѣмъ большей твердостью обратили мы противъ турецкаго проекта остріе Брестъ-Литовскаго договора.

«Какъ это? — говорили мы: «вы по-просту включаете теперь (по вашему проекту) въ составъ Оттоманской Имперіи территоріи, государственное и международное устройство которыхъ обставлено условіями ст. 4 Брестъ-Литовскаго договора? Тамъ вѣдь предусмотрены права «сосѣднихъ государствъ»; въ согласіи съ ними и долженъ быть установленъ населеніемъ округовъ Батума, Карса и Ардагана новый порядокъ въ этихъ территоріяхъ. Сосѣднія государства — это, прежде всего, Турція; но, затѣмъ, это и Закавказье; а теперь вы просто забираете эти провинціи, отмѣняя договоръ, не вами одними подписанный, договоръ, предоставившій и намъ извѣстное участіе въ дѣлѣ. Такъ нельзя». (см. Закавк. мемо-

рандумъ 16-го мая). Словомъ, теперь уже мы выступили въ роли блюстителей Брестъ-Литовскаго договора!

Послѣдній доводъ былъ особенно непріятенъ туркамъ, и отвѣтъ ихъ (18-го мая) сверхъ ссылки на факты, измѣнившіе положеніе сторонъ въ эпоху отзыва Закавказской делегаціи изъ Трапезунда и позже, заключалъ въ себѣ слѣдующую угрозу: «*настоянія Закавказской делегаціи высказываться о вышеозначенной (т. е. 4-ой) статьѣ Брестъ-Литовскаго договора могутъ имѣть самыя серьезныя послѣдствія на ходъ текущихъ переговоровъ*».

Мы могли однако позволить себѣ тогда въ Батумѣ роскошь такой полемики главнымъ образомъ потому, что имѣли возможность напоминать Турціи (см. мемор. 16 мая) что «присутствіе здѣсь делегаціи Германской Имперіи служитъ наглядным доказательствомъ того, что *державы, союзныя Турціи и вмѣстѣ съ нею подписавшія Б.-Л. договоръ, принимаютъ прямое участіе въ дѣлахъ, связанныхъ съ ликвидаціей міровой войны на Кавказскомъ фронтѣ*».

Въ этомъ пунктѣ мы состязанія не проиграли. Мы доказали, и показали Турціи, что она не можетъ распоряжаться нашею судьбою единолично.

ГЛАВА VII.

РАЗВАЛЪ ЗАКАВКАЗЬЯ.

20.

Задача чисто дипломатической кампаніи обозначалась достаточно ясно. Можно было надѣяться на нѣкоторе смягченіе предъявляемыхъ намъ требованій съ помощью Германіи. Но не было никакой надежды на то, чтобы вывести Закавказье изъ войны и, поставивъ его въ положеніе страны нейтральной, приступить къ его устройству и успокоенію. Его желѣзныя дороги нужны были воюющимъ сторонамъ: при слабости Закавказья, провозглашеннаго независимымъ, но пока отъ всѣхъ зависѣвшаго, эта рельсовая сѣть призвана была усилить того (изъ «большихъ»), кто первый наложилъ-бы на нее руку.

Всѣ преимущества были тутъ на сторонѣ коалиціи, руководимой Германіей, такъ какъ, владѣя (съ апрѣля 1918 г.) Карсомъ и Батумомъ, турки уже держали за одинъ конецъ рельсовый путь, соединявшій турецкій театръ войны съ персидскимъ. Какъ всякій знаетъ, тотъ же путь велъ къ нефти Баку и къ хлопку Туркестана.

При другихъ условіяхъ дѣло свелось бы къ спеціальной конвенціи о пользованіи желѣзными дорогами; Закавказское правительство и шло на это — по необходимости. Бѣда, однако, въ томъ, что вторженіе турокъ въ предѣлы Закавказья приводило немедленно и фатально къ разнообразнымъ и опаснымъ осложненіямъ. Рельсовый путь въ Персію велъ черезъ армянскія провинціи: турки впадали въ соблазнъ продолженія и здѣсь той политики уничтоженія армянъ, которая ими примѣнялась во время войны въ Турціи; и этимъ приводилась въ

дѣйствіе взаимоистребительная вражда между татарскимъ и армянскимъ населеніемъ взращенная еще при русскомъ владычествѣ. Съ другой стороны, приходили въ броженіе всѣ, кто только по исторической-ли традиціи, по чувству-ли расовой и религіозной общности или вообще «по встрѣтившейся надобности», считалъ себя естественнымъ кліентомъ Турціи, или просился теперь въ ея кліенты. Все это усиливалось, подстегивалось иллюзіей ея побѣдоносности, искусно раздуваемой многочисленными тайными и явными ея агентами. Да и прислала вѣдь Турція на Кавказъ «*армію Ислама*»...

Вотъ почему, самъ по себѣ несложный вопросъ о пропускѣ турецкихъ войскъ по линіи Александрополь-Джульфа (съ цѣлью противодѣйствія англійскимъ войскамъ, какъ писалъ Вехибъ-паша) вызвалъ чрезвычайныя тренія между закавказскою и турецкою делегаціями.

Александрополь*) былъ захваченъ турецкими войсками; армянскія части оказались не въ силахъ его защищать. Армяне, какъ и другіе делегаты, признавали всю неизбѣжность предоставленія желѣзной дороги турецкому командованію; но желательны были, конечно, опредѣленныя гарантіи и предварительное взаимное соглашеніе по такому щекотливому предмету. Турки-же, ссылаясь на невозможность, по военнымъ обстоятельствамъ, промедленія, шли на проломъ.

Причинено было много страданій мѣстному армянскому населенію, и много непріятностей закавказской делегаціи. Дѣлу можно было нѣсколько помочь лишь разрѣшивъ съ помощью германцевъ весь вообще вопросъ о взаимоотношеніяхъ нашихъ съ державами четверного Союза. Протесты же и ссылки на «попираемый суверенитетъ», которыя заявлялись А. Чхенкели въ перепискѣ по этому дѣлу, были необходимы, но и безплодны.

Подобныя осложненія дѣлали всю обстановку конференціи крайне тяжелой. Руководители къ тому-же вовсе не давали примѣра хладнокровія и выдержки.

Не было ни чувства пропорцій, ни спокойнаго различенія между достижимымъ и фантастическимъ, между явленіями перваго плана и второстепенными, между длительнымъ и преходящимъ.

Въ многолюдной и нервной кулисѣ окружавшей конференцію внезапно появлялись и потомъ исчезали то пріѣзжавшіе изъ Тифлиса дѣятели-гастролеры, представители партій, націй

*) Военная база и узелъ линій на Тифлисъ, Карсъ и Джульфу.

или группъ, то отдѣльные добровольцы-политики, порою прямые авантюристы. Мѣстные батумскіе дѣятели, томившіеся въ бездѣліи; наши плѣнные офицеры; политическіе ходатаи изъ разныхъ мусульманскихъ провинцій, всего Кавказа, многіе въ новенькихъ фескахъ, сразу придавшихъ ихъ лицамъ «оттоманское» выраженіе; турки кавказскаго происхожденія — все это гудѣло, волновалось сплошнымъ роемъ вокругъ насъ.

Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ записей того времени.

Май 1918 г.

Въ Батумѣ — постоянное ощущеніе парника. Отъ знаменитыхъ его осадковъ — бамбукъ, чай и все пресловутое субтропическое; и отъ осадковъ-же рѣдко когда ясенъ горизонтъ, рѣдко видны линіи горъ, и природа всегда готова къ дождю.

«Бульваръ», конечно, наряденъ; и южному морю полагается быть красивымъ. Но въ самомъ Батумѣ мало интереснаго, потому-что мало характернаго. Улицы такъ себѣ, не безъ опрятности. Единственный, кажется, уголокъ съ «лица необщимъ выраженьемъ» — такъ называемая Греческая улица.

Я сказалъ: «опрятность». Она скоро пострадаетъ. Въ полѣ моего зрѣнія (изъ окна гостинницы) уже съ недѣлю какъ появилась дохлая кошка, на улицѣ. Что-то будетъ здѣсь черезъ годъ-два? Но засидятся-ли здѣсь турки?

Всюду полумѣсяцъ со звѣздою на красномъ полѣ; и фески пріумножились; но частью это — политическій маскарадъ, частью-же онѣ пришлыя, временныя. У пристани мало пароходовъ; зато закопошился тамъ анатолійскій приморскій людъ, около своихъ парусниковъ. И извѣчная левантинская толпа.

Условія формированія нашей делегаціи таковы, что трудно было избѣжать чудовищнаго, несуразнаго. Почему-то приходитъ на память сборная селянка, pot-pourri и т. п. вещи.

...Какъ хорошо, что большинство не понимаетъ и не чувствуетъ всей тяжести наносимыхъ ударовъ. Повседневность мыслей и чувствъ. Люди вертятся, какъ сухіе листья подъ осеннимъ вѣтромъ.

Нестройное громыханіе клавишъ разбитаго инструмента. Несносный скрипъ несмазанной телѣги.

Визитъ трехъ турецкихъ вельможъ: Джемаль-паши, Халила и Вехиба. Они пожелали познакомиться ближе съ на-

шими делегатами. Усѣлись втроемъ на диванъ, прочно занявъ его. Подано кофе. По сю сторону, цѣлымъ архипелагомъ размѣстились въ небольшой гостиной закавказскіе делегаты. Я приглашенъ въ качествѣ «сотрудника». Сначала вольные разговоры; затѣмъ наши гости просятъ, чтобы каждая изъ нашихъ національныхъ секцій высказалась по душѣ.

Чхенкели всегда въ восторгѣ, когда выпадаютъ случаи вести «международные» разговоры. Здѣсь передъ нимъ три столба Порты Оттоманской, лицомъ къ лицу съ глашатаями трехъ кавказскихъ націй. Эта цифра три мистически на него подѣйствовала, и онъ, имѣя трехъ мусульманъ передъ собою, и двухъ въ своей делегаціи, началъ съ того, что, «хоть онъ, какъ соціалистъ, и не придаетъ большого значенія религіознымъ догматамъ, но что подобно тому какъ Богъ, хотя въ трехъ лицахъ, но единъ, такъ и Закавказье, хотя включаетъ въ себя три націи, но» и т. д. Какова сила богословской закваски*) и атавизма?

Затѣмъ говорилъ Николадзе, просто, кратко и вѣско о пользѣ закавказской независимости для самой Турціи, о необходимости не лишать сначала-же Закавказье элементовъ, необходимыхъ для его жизненности и т. д. Хатисовъ выбралъ темою армянскій вопросъ, напомнилъ Джемалю-пашѣ о его командованіи въ Палестинѣ и добромъ отношеніи къ христіанамъ, о его товарищахъ-армянахъ (Зохрабъ и др.), соратникахъ по турецкой революціи.

Х., очевидно, наступилъ на больное мѣсто: Джемаль-паша сдѣлалъ серьезное лицо и посовѣтовалъ вопроса этого не касаться — послѣ всего, что произошло. (По глубокому убѣжденію самихъ турокъ, армяне въ Турціи поразили ихъ ножомъ въ спину, въ войнѣ 1914-15 г. г.).

Третье слово было сказано Мамедъ-Гасаномъ Гаджинскимъ: онъ говорилъ привѣтливо; выражалъ надежды, изъявлялъ радость - благоразумно избѣгая и теологіи и острыхъ національныхъ вопросовъ.

Послѣ живой общей бесѣды наши гости уѣхали.

22.

Въ маѣ 1918 года Россія казалась тѣмъ, кто былъ въ Батумѣ, такой далекой. Совѣтская власть не простиралась на Закавказье. Независимость была объявлена. На Сѣверномъ

*) Ч. былъ въ духовн. семинаріи.

Кавказѣ — положеніе перемѣнчивое, неопредѣленное; благодаря естественной границѣ — Кавказскому хребту, получалась какъ бы изоляція отъ того, что бушевало въ Россіи. Въ Баку (передъ которымъ стоялъ закавказскій военный заслонъ) и въ другихъ пунктахъ Каспійскаго побережья существовали, правда, совѣтскія группы подъ разными сложными и предлинными названіями. Но, вообще говоря, обширныя неустроенныя пространства отдѣляли пока Закавказье отъ истинныхъ центровъ Совѣтской Россіи, хотя аванпосты ея были разбросаны по близости.

Европейская война достигла зенита. Германія была кровно заинтересована въ установленіи на Востокѣ хотя-бы временнаго равновѣсія. Этому служили договоры, Брестъ-Литовскій и Бухарестскій, и вся «политика окраинныхъ государствъ», отъ Балтики до Чернаго моря; для этого-же Германія старалась теперь какънибудь согласовать интересы Турціи и Закавказья.

Надлежало выяснить также взаимоотношенія между Закавказьемъ и Совѣтской Россіей. Это было необходимо и вообще для устойчивости порядка, который былъ-бы устроенъ трудами батумской конференціи въ Закавказьи, а въ частности, для мирнаго разрѣшенія вопроса о Баку и о бакинской нефти (вопроса всегда остраго для Россіи, но получившаго теперь, по разнымъ побужденіямъ, остроту и для Германіи, и для Турціи съ Азербайджаномъ).

Посредничество, съ цѣлью примиренія Закавказья съ Совѣтами, и было предложено германскимъ правительствомъ въ Москвѣ въ серединѣ мая, т. е. въ самый разгаръ батумской конференціи. Переданное графомъ Мирбахомъ, предложеніе это вызвало со стороны народнаго комиссаріата заявленіе о необходимости привлеченія къ участію въ Батумской конференціи представителя Россіи и, одновременно, указаніе на самозванность «такъ называемаго Закавказскаго правительства» ,противъ котораго повсюду-де высказываются массовые народные митинги и т. д.

Намъ не трудно было опровергнуть такую оцѣнку полномочій Закавказскаго правительства (19 мая). Да и сами комиссары, очевидно, не придавали ей значенія, такъ какъ совѣтское правительство не замедлило *принять германское посредничество* въ вопросѣ о признаніи Закавказья Россіей. Сообщая намъ объ этомъ (21-го мая), фонъ-Лоссовъ прибавлялъ, что собирается извѣстить Мирбаха

въ Москвѣ о большевицкихъ угрозахъ Закавказью со стороны Сухума и Баку (такія угрозы были), и что Германія вообще настоятельно совѣтуетъ русскому правительству не наступать на Закавказье.

Въ 1918 году время для такого наступленія еще не приспѣло. Но и принять участіе въ Батумской конференціи совѣтскому представителю не пришлось. При посредствѣ Германіи условлено было лишь, что представитель Закавказья вступитъ въ переговоры съ Совѣтскимъ Правительствомъ гдѣ либо въ предѣлахъ Совѣтской Федераціи, недалеко отъ Закавказья (предложеный Германскимъ правительствомъ, Кіевъ Чичеринъ считалъ мѣстомъ неудобнымъ)*). Но и эта мысль, по измѣнившимся обстоятельствамъ, осталась безъ осуществленія. Однако, впервые поставленъ былъ вопросъ о признаніи независимости Закавказья Россіею: и выяснилось, что, въ условіяхъ середины 1918 года, ключъ къ этому признанію лежалъ въ Берлинѣ.

---

*) См. относящуюся къ этому вопросу переписку ib. N N 146, 151, 152, 156.

ГЛАВА VIII.

НОВЫЙ ПУТЬ.

23.

Треволненія, вызванныя домогательствами турокъ, достигли крайняго напряженія, когда делегація наша получила отъ генерала ф.-Лоссова формальное предложеніе добрыхъ услугъ въ качествѣ посредника, въ виду безуспѣшности сношеній между оттоманскими и закавказскими представителями (19-го мая). Большинство находило, что за это предложеніе слѣдовало ухватиться. Однако мусульмане, какъ выяснилось въ совѣщаніи делегаціи, боялись принятіемъ германскаго посредничества обидѣть турокъ: ихъ надлежало-бы предварительно спросить и т. д. По мнѣнію Гаджинскаго, вообще, не слѣдовало затягивать переговоры. «Надо кончать, говорилъ онъ, такъ или иначе: для восточной части Закавказья несогласія не существенны». Эти несогласія были очень существенны для Грузіи и Арменіи. Мы стояли на перекресткѣ: однимъ было по пути съ турками, другимъ — не по пути.

Фонъ-Лоссову тогда-же отвѣтили принятіемъ его предложенія.

Близилась развязка. Побѣдоносная Турція какъ сильно дѣйствующій реактивъ вызывала распаденіе слабаго еще, не устроеннаго, потрясеннаго войною и революціей агломерата-Закавказья. Отъ него естественно отваливался мусульманскій Азербайджанъ, влекомый къ Турціи магнитною силою ея притяженія. Голосъ породы оказался сильнѣе вѣкового предубѣжденія шіитовъ противъ суннитъ, особенно въ тѣхъ образованныхъ слояхъ, шіитское рвеніе которыхъ значительно остыло подъ вліяніемъ русско-европейской культуры.

Этимъ однимъ для Закавказья уже исключалась возможность единаго политическаго маневрированія, т. е. единой внѣшней политики. Каждая часть его должна была сама о себѣ позаботиться.

Что Грузія была къ тому готова, сравнительною организованностью своей, съ такой увѣренностью мы пріѣхали въ Батумъ. Что она должна дѣйствовать самостоятельно, выяснилось окончательно послѣ занятія турками всей мусульманской части Грузіи — отъ Батума до Боржомскаго ущелья, и въ виду неудержимой тяги ихъ къ берегамъ Каспійскаго моря.

Быть этапнымъ корридоромъ для «арміи ислама», хотя-бы временно, насъ не соблазняло. Прогнать турокъ силою мы не могли. Единственный выходъ — политика германскаго «намордника». Но для этого нужно: *выступленіе независимой Грузіи; уговоръ съ Германіей и опредѣленная германская поддержка.*

Практическая злоба дня побуждала именно такъ ставить вопросъ: но гораздо болѣе глубокія побужденія толкали на тотъ же путь. Какъ было не услышать въ этотъ единственный моментъ клокотанія историческихъ стихій, какъ было не внять голосу всѣхъ, кого уже давно нѣтъ; какъ не подумать и о тѣхъ, что еще придутъ? Сколько поколѣній создавали грузинскую націю и тщетно искали для нея условій вольнаго развитія подъ солнцемъ? Вотъ независимость застучала въ дверь — какъ не броситься ей на встрѣчу! Если упустишь это мгновеніе, какъ отвѣтить потомъ передъ тѣми, кто будетъ послѣ насъ? Или этотъ народъ рожденъ только для рабства, для подчиненія, и ему окончательно превратиться въ «этническій матеріалъ», изъ котораго штампуются, смотря по обстоятельствамъ то персы, то турки, то русскіе? Нѣтъ, онъ *помнитъ*; онъ желаетъ воспрянуть и стать опять самимъ собою. Онъ этого не желаетъ? Онъ вздохнетъ о своей тюрьмѣ какъ «Шильонскій узникъ» Байрона? пусть это теперь и обнаружится! Перевертывается страница исторіи.

Впрочемъ, въ такихъ размышленіяхъ не было надобности: однимъ, немногимъ, они давно были знакомы. Другіе проникались скорѣе тактическими соображеніями. У большинства и вопроса не возникало: воля, инстинктъ, подсознательное несли ихъ въ эту сторону. «Шахматный» же расчетъ былъ не богъ вѣсть какой сложный: прежде всего, опираясь на Германію, оградиться отъ турокъ и организоваться. Въ организован-

номъ видѣ, какъ нація, ждать окончанія міровой войны — положеніе наше тогда и опредѣлится, причемъ мы и сами будемъ факторомъ, его опредѣляющимъ, — хотя-бы и скромнымъ. И соотношеніе съ Россіей выяснится тѣмъ-же путемъ.

Въ откровенныхъ бесѣдахъ съ членами Германской делегаціи, подготовлена была намѣчавшаяся позиція Грузіи — въ предвидѣніи неизбѣжнаго развала Закавказской коалиціи. Всего нѣсколько лицъ были, такъ сказать, въ секретѣ. Пріѣхавшій изъ Тифлиса Н. Жорданіа, по своему положенію предсѣдателя грузинскаго Національнаго Совѣта, лидера соц.-дем. партіи въ Зак. Сеймѣ и въ Грузіи, былъ лицомъ, на чью долю выпала трудная задача проведенія въ Тифлисѣ основныхъ актовъ (провозглашенія независимости Грузіи и самоотмѣны Закавказскаго Сейма). У него были, повидимому, колебанія, вполнѣ понятныя и законныя: независимость Грузіи мало вязалась и съ доктриною всей его прежней работы, и съ принадлежностью его къ россійской соц. демократ. партіи. Но разъ «увѣровавъ» онъ взялся за проведеніе новой программы искусною рукою.

22-го мая онъ уѣхалъ обратно въ Тифлисъ. Работа «германо-грузинская», параллельно съ «закавказско-турецкой» шла полнымъ ходомъ.

24 мая генералъ фонъ-Лоссовъ извѣстилъ насъ о безуспѣшности попытокъ его посредничества. 25-го предсѣдатель Закавказской делегаціи получилъ отъ генерала увѣдомленіе, что въ виду предстоящаго, по его свѣдѣніямъ, распаденія Закавказской республики и измѣненія, въ связи съ этимъ, всей обстановки, ему необходимо личное сношеніе со своимъ правительствомъ, вслѣдствіе чего онъ рѣшилъ покинуть Батумъ вечеромъ-же на пароходѣ «Минна Хорнъ».

Германская делегація дѣйствительно отбыла въ этотъ вечеръ изъ Батума.

26-го мая Закавказская делегація получила ультиматумъ Турціи съ требованіемъ принятія совокупности турецкихъ предложеній (дополненныхъ новымъ измѣненіемъ границъ въ пользу Турціи) въ 72-часовый срокъ. Въ моментъ полученія ультиматума Закавказская республика уже не существовала: ровно за 4 часа до того въ Тифлисѣ послѣдовало объявленіе независимости Грузіи. Вотъ, впрочемъ, нѣсколько отрывковъ которые лучше выразятъ смѣну событій.

Батумъ, 21 мая 1918.

Утромъ обозрѣваемъ съ Н. Жорданія и Николадзе по картѣ необходимыя намъ границы. Въ крайнемъ случаѣ готовы «отдать» Закатальскій округъ. Никакихъ другихъ исправленій границъ въ пользу Азербайджана не допускаемъ. Турки пристали буквально съ ножемъ къ горлу — но Ахалцихъ, Хертвиси должны остаться въ Грузіи.

Днемъ—совѣщаніе грузинъ съ татарами о взаимной границѣ. Съ одной стороны — Николадзе, Жорданіа, Сургуладзе и я; съ другой — ханъ Хойскій, Хасмамедовъ, Сафикюрдскій, Пепиновъ, Усубековъ, Джафаровъ. Армяне отказались отъ частей Елисаветпольской губ. (Карабагъ), и мусульмане... согласны на образованіе особаго армянскаго кантона въ Закавказьи (примѣрно, по схемѣ «Александропольской губерніи» недавней эпохи земскихъ мечтаній). У насъ они не прочь отхватить части уѣздовъ Сигнахскаго, Тифлисскаго и Борчалинскаго (каково слышать объ этомъ царямъ въ мцхетскихъ могилахъ!), но соглашеніе здѣсь возможно: они уступятъ. По ахалцихскому вопросу Пепиновъ выдвигаетъ самоопредѣленіе (разумѣя присоединеніе къ Турціи).

Въ общемъ, наши друзья-мусульмане увѣряютъ, что «тріединое » Закавказье будутъ отстаивать всячески; но, говорятъ они, какъ быть, если турки отъ своихъ требованій не откажутся, и одинъ изъ проектируемыхъ «кантоновъ» будетъ отсутствовать? Они желали-бы сохранить въ этомъ случаѣ Закавказье хотя-бы «двуединымъ»...

Мы отвѣтили, что если Закавказью будетъ дѣйствительно нанесенъ такой ударъ въ Батумѣ, то мы будемъ считать себя свободными, и каждая сторона должна будетъ осмотрѣться.

Ну, не преждевременно-ли было приступать къ сочиненію Закавказской конституціи въ Тифлисѣ?

Позже, прогулка въ «закавказскомъ» автомобилѣ; спутники мои — Чхенкели, Жорданіа уже болѣе года какъ освоились съ этой цѣнною прерогативою революціонной власти. Вверхъ по ущелью Чороха, до впаденія Аджарисъ-цкали. Насколько этотъ пейзажъ, эти мощныя коренныя деревья пріятнѣе приморскихъ «субтропическихъ» ухищреній.

Группы муловъ съ вьюками и проводники ихъ едва-ли были иными въ дни блаженнаго отца нашего Григорія изъ Хандзты, который здѣсь по близости, въ грузинской Ѳиваидѣ

— Кларджетіи, вмѣстѣ съ другими иноками молился за грѣхи наши — тому назадъ свыше тысячи лѣтъ.

Это бѣженцы, разсѣянные русско-турецкими сшибками, возвращаются обратно.

— Поздно ночью помогаю генераламъ Одишелидзе и Корганову въ просмотрѣ, вмѣстѣ съ двумя турецкими офицерами, текста спеціально военнаго соглашенія. Жаль генераловъ.

22 мая.

Рѣшительное совѣщаніе, въ виду угрожающаго Закавказью крушенія, — о необходимости провозглашенія независимости Грузіи. Схема та, о которой давно уже въ качествѣ «совѣтника» я твержу здѣсь, и съ которою Чхенкели и другіе согласны. Независимость и территоріальная цѣлость Грузіи обезпечиваются Германіей. Восточное Закавказье получаетъ свободу дѣйствій и устраивается съ помощью турокъ. Армяне также должны будутъ провозгласить свою независимость; главная ихъ забота въ данный моментъ — оградить жизнь населенія отъ турецкихъ пріемовъ. Они добиваются заступничества и помощи Германіи и, навѣрное, получатъ ее. Позже они, да и мы можемъ расчитывать на болѣе справедливое разграниченіе съ Турціей. Но это, какъ и устройство нашихъ закавказскихъ взаимоотношеній и пр. — вопросъ дальнѣйшій.

Написалъ примѣрный проектъ провозглашенія независимости Грузіи — пора уточнять, дѣйствовать. Чхенкели, Николадзе, Жорданія, Сургуладзе одобрили. Жорданія взялъ этотъ проектъ съ собой въ Тифлисъ.*) Мы особенно пожимали ему руку на прощанье. Ему придется арранжировать нешуточную пьесу. Подумать только объ этой чащѣ всякихъ организацій, совѣтовъ и еще болѣе густой чащѣ предразсудковъ! Впрочемъ, онъ уже, очевидно, подготовилъ послѣдній актъ: остается дернуть за шнурокъ.

23 мая.

Послѣ облачной, необычно прохладной погоды яркое солнце.

Рѣшили, что *временное соглашеніе съ Германіей* надъ которымъ мы спѣшно работаемъ (точнѣе, соглашенія — будетъ нѣсколько документовъ) должно быть, согласно брестъ-литов-

*) Я не оставилъ себѣ его копіи, и не знаю, пользовались-ли имъ при составленіи «Акта независимости Грузіи» 26 мая 1918 г.

ской модѣ, изложено на двухъ языкахъ: по-нѣмецки и по-грузински. Сегодня, между прочимъ, читаемъ проектъ соглашенія о предоставленіи временнымъ грузинскимъ правительствомъ Германіи въ пользованіе всего находящагося въ гаваняхъ Грузіи тоннажа.

Если конрагенту это пріятно, отчего не уступить ему того, что и не существуетъ въ природѣ? Каково! Договоръ о грузинскомъ тоннажѣ! Съ Германіей!

24 мая.

Напряженная работа. Считываю съ Везендонкомъ окончательные проекты. Многіе начинаютъ догадываться, что за сценою идетъ глухая работа, что декораціи мѣняются. Поздно вечеромъ составляю слѣдующую телеграмму, которая отправляется въ ночь на 25-ое мая, за подписью Чхенкели:

Тифлисъ, генералу Квинитадзе.

«Передайте президіуму Національнаго Совѣта Грузіи слѣдующее: дальнѣйшее промедленіе провозглашенія независимости повлечетъ за собою непоправимыя послѣдствія. Попытка германскаго посредничества не удалась. Остается одно: противопоставить турецкому нашествію независимую Грузію, поддерживаемую Германіею. Ея представителемъ при грузинскомъ правительствѣ будетъ графъ Шуленбургъ, котораго необходимо признать немедленно по провозглашеніи... Подготовленъ уже къ подписанію рядъ временныхъ соглашеній съ Германіею... Жду скорѣйшаго сообщенія объ актѣ».

Генералъ И. З. Одишелидзе собственноручно зашифровалъ эту телеграмму. Георгіевскій кавалеръ (еще за Японскую войну), б. военный губернаторъ Самаркандской области, начальникъ штаба одной изъ русскихъ армій на западномъ фронтѣ и пр.,!

До чего Вы дошли, генералъ! — А онъ ничего, радъ.

25 мая.

Полнымъ ходомъ заканчиваемъ закулисную работу.

Германцы покидаютъ вечеромъ Батумъ на «Minna Horn».

Въ послѣднюю минуту пріѣхалъ за текстами адъютантъ фонъ-Лоссова. Дали ему все, что было готово...

Гудокъ. «Minna H.» отчалила — куда, никто не знаетъ. Но мы знаемъ. Лишь бы не запоздало провозглашеніе независимости!

Поздно ночью толкуемъ о нашихъ шансахъ съ Чхенкели и Николадзе. Изъ Тифлиса депеша: независимость будетъ провозглашена завтра, 26 мая. Вопросъ проведенъ по всѣмъ инстанціямъ. Только татары просятъ повременить.

26 мая. Воскресенье.

Пишу для Тифлиса проектъ нѣкоторыхъ нужныхъ актовъ, а также письмо на имя ген. фонъ-Лоссова, которое повезетъ въ Поти Артуръ Лейстъ. Делегація начинаетъ распалзываться — но закулисная, по необходимости, работа наша прошла незамѣченной. Никто, кажется, не подозрѣваетъ того, что произойдетъ сегодня и завтра.

За табль-дотомъ обычная болтовня. Мой сосѣдъ, сроднившійся съ Грузіей нѣмецъ-литераторъ бесѣдуетъ о Римѣ. Отличная тема когда кругомъ всѣ плачутся — кто по Ахалциху, кто по Александрополю.

Позже улучаю нѣсколько минутъ, чтобы посидѣть на морскомъ берегу. Вотъ у самой воды, сблизивъ стулья, довѣрительно и серьезно обсуждаютъ что-то Халилъ и Вехибъ-паша.

Море голубое какъ никогда. Зелень горныхъ лѣсовъ вокругъ угадывается: она закрыта полупрозрачною голубою мглою. Дельфинова морда все выскакиваетъ изъ воды — какой онъ жесткій и мокрый! Бакланъ плаваетъ, ныряя и оставаясь подолгу внизу. На плажѣ гуляютъ группами константинопольскіе чиновники — молодежь съ видомъ манекеновъ изъ магазина готовыхъ платьевъ, турецкіе офицеры и германцы въ турецкой формѣ, чиновники стараго режима съ какимъ-то постороннимъ видомъ, ихъ дебелыя дамы, наши офицеры, не имѣющіе вида плѣнниковъ.

Музыка поблизости играетъ что-то наивно-пошлое, прогудѣлъ наверху аэропланъ — лодка подъ парусомъ рѣзво прошла берегомъ...

Итакъ, клинъ клиномъ вышибай; но мы заслонимся отъ турокъ германцами. «Заслонъ» больше символическій, такъ какъ войска у нихъ здѣсь нѣтъ; впрочемъ, въ Нотанеби уже

образовался германскій пикетъ (изъ военноплѣнныхъ). Вопросъ, не соблазнитъ-ли турокъ близость городовъ и надежда на добычу?

Другого пути нѣтъ: мы организуемъ независимость. Германія будетъ держать за фалды турокъ; за это поживится у насъ кое-чѣмъ. Азербайджанъ будетъ пока подъ вліяніемъ Турціи. Арменія — подъ турецкимъ нажимомъ, смягчаемымъ присутствіемъ германцевъ.

Въ 9 час. вечера меня и Николадзе зовутъ къ предсѣдателю делегаціи. Пакетъ отъ Халилъ-бея. Ультимативное требованіе въ 72 часа принять полностью полученныя нами 11-го мая турецкія условія. Притомъ, турки прихватили теперь уже и Нахичеванскій уѣздъ (Эриван. губ.), т. е. желѣзную дорогу Карсъ-Александрополь-Джульфа цѣликомъ.

О существѣ этого ультиматума наши мусульмане знали еще днемъ. Мотивировка его была облегчена жалобами, шедшими изъ извѣстныхъ круговъ татарскаго общества: послушать теперь Халилъ-бея, мусульманъ вездѣ грабятъ и рѣжутъ, и турки не могутъ отдать ихъ на съѣденіе бандитамъ-революціонерамъ и т. д.

Турція опять захватываетъ Ахалцихскій уѣздъ, древнюю Месхетію; и хребетъ, окаймляющій Ріонскую долину съ юга, который такъ хорошо виденъ съ балкона митрополичьяго дома въ Мартвильскомъ монастырѣ, снова дѣлается границею между Исламомъ и Грузіей...

Ультиматумъ — а наши соглашенія съ Германіей еще не подписаны. Брр...

...Приносятъ депеши изъ Тифлиса. Полковникъ К., командующій въ Нотанеби, поздравляетъ... но вотъ телеграмма Н. Жорданія и Н. Рамишвили: «*сегодня въ пять часовъ пополудни Національный Совѣтъ провозгласилъ Грузію независимою республикою. Предсѣдатель правительства — Рамишвили, министръ иностранныхъ дѣлъ Чхенкели. Закавказскій Сеймъ призналъ себя упраздненнымъ, и единство Закавказья прекратилось*».

Такимъ образомъ за четыре часа до полученія нами турецкаго ультиматума, Закавказская республика, огромный моллюскъ — безъ позвоночника—перестала существовать.

Немедленно составляю текстъ письма на имя Халилъ-бея съ извѣщеніемъ, что ультиматумъ, адресованный имъ прави-

тельству Закавказской Республики не могъ быть врученъ по принадлежности, въ виду распаденія ея и состоявшагося провозглашенія независимости Грузіи.

Тѣмъ временемъ, въ кабинетъ Чхенкели приходятъ Хатисовъ, Качазнуни, ген. Одишелидзе. На этотъ разъ вопросъ «что новаго?» не остается безъ отвѣта. Хатисовъ недоумѣваетъ: что-же будетъ съ Тифлисской Обсерваторіей, Закавказскимъ Повивальнымъ Институтомъ и другими общекраевыми учрежденіями? Вообще, въ Тифлисѣ грузины въ меньшинствѣ и т. д.

Какіе тутъ повивальные институты! Закавказье объявили федераціей трехъ народовъ раньше чѣмъ организовали каждое изъ этихъ слагаемыхъ. Правда, цѣлый рядъ обстоятельствъ заставилъ начать постройку съ крыши, а не съ фундамента. Теперь новыя обстоятельства возвращаютъ насъ къ необходимому началу, т. е. къ организаціи Грузіи, Арменіи и Азербайджана, какъ самостоятельныхъ единицъ, союзное соединеніе которыхъ должно быть осуществлено при первой-же возможности, т. е. какъ только Турція перестанетъ играть здѣсь роль разлагающаго фактора.

Разъ вопросъ ставится такъ — впрочемъ такъ онъ уже *разрѣшенъ* сегодня! — то Тифлисъ будетъ какъ всегда столицей Грузіи, армяне имѣютъ Эривань, а татары обоснуются въ Ганджѣ, пока не освободятъ Баку.

ГЛАВА IX.

КУРСЪ НА ГЕРМАНІЮ.

25.

Съ германскою делегаціею было условлено, что выработанныя въ Батумѣ временныя соглашенія будутъ подписаны въ Поти, куда германцы выѣхали, какъ мы видѣли, 25-го мая вечеромъ. Тамъ предстояла встрѣча ихъ съ Н. Рамишвили и А. Чхенкели; послѣдній долженъ былъ затѣмъ вмѣстѣ съ германской делегаціей отправиться въ Берлинъ, для болѣе основательныхъ и регулярныхъ переговоровъ съ германскимъ правительствомъ.

Временнымъ представителемъ Германіи въ Тифлисъ назначался графъ Шуленбургъ, о принятіи котораго въ этомъ качествѣ, а также г. Андерса, консульскимъ представителемъ въ Поти, грузинское правительство уже извѣстило генерала фонъ-Лоссова.

Однако офиціально мы просто возвращались въ Тифлисъ, въ виду измѣнившихся обстоятельствъ. Вмѣсто закавказской должны были явиться въ Батумъ делегаціи трехъ новыхъ республикъ.

Легко представить себѣ смятеніе, царившее въ Hotel Oriental 27-го мая, когда всѣ узнали, что закавказская делегація приказала долго жить. Рѣшили уѣхать спеціальнымъ поѣздомъ, вечеромъ того-же дня. Остались кое-кто изъ состава военной миссіи, драгоманъ д-ръ Гамбашидзе и др.

На вокзалѣ ждемъ цѣлую вѣчность отхода поѣзда. Пришлось долго занимать разговоромъ Вехибъ-пашу, пріѣхавшаго провожать членовъ б. Закавказской делегаціи. Ему всего 42 года, по его словамъ; но видъ у него человѣка пожилого.

Сколько ночей, говоритъ, приходилось мнѣ, командиру, проводить въ автомобилѣ, а на обѣдъ довольствоваться стаканомъ молока и однимъ яйцомъ вкрутую! Родомъ онъ албанецъ изъ Янины, но мать его была грузинка-мусульманка изъ Ахалкалаки. У нихъ въ семьѣ — 17 офицеровъ, 3 командующихъ арміей. Нусретъ-бей, юрисконсультъ, тоже албанецъ изъ Янины.*).

Наконецъ, уѣхали изъ Батума. Въ Нотанеби (пограничная станція) энергичная фигура полковника К. Толпа солдатъ свободной Грузіи. Но вотъ новость — германскій офицеръ въ каскѣ. Это — импровизація , съ нашей помощью, графа Шуленбурга. Офицеръ въ роли пугала, явно балтійскаго происхожденія, но главное — каска: знакъ того, что туркамъ здѣсь нечего дѣлать. Инымъ изъ нашихъ спутниковъ каска эта не очень по вкусу: они видятъ въ ней ущербъ для фески. Какое множество «различій» выражено различіемъ этихъ головныхъ уборовъ!

На узловой станціи Самтреди вагонъ съ тѣми, кто долженъ ѣхать въ Поти, отдѣляется. Остальной поѣздъ продолжаетъ путь на Тифлисъ: изъ его пассажировъ мало кто и знаетъ о назначенномъ въ Поти свиданіи.

Ночью пріѣхалъ изъ Тифлиса нашъ премьеръ Рамишвили, котораго я видѣлъ впервые. Представительная фигура, не безъ изящества. Но что скрывается за этимъ фасадомъ?

Рано утромъ у насъ совѣщаніе съ Рамишвили и Чхенкели, въ виду предстоящаго подписанія соглашенія съ Германіей. Тѣмъ временемъ поѣздъ приближается къ Поти по мѣстности, плоской какъ столъ, заболоченной, въ вѣковомъ ожиданіи дренажа и другихъ меліорацій — одна изъ любимыхъ темъ грузинскаго словеснаго прожектерства!

Въ Поти знакомыя лица — П. Сургуладзе, бывшій здѣсь при германской миссіи, І. Гоголашвили, съ готовыми уже печатями, бумагами и прочимъ канцелярскимъ оборудованіемъ новорожденной республики, графъ Шуленбургъ. Ѣдемъ дальше, въ портъ. На молу развѣвается германскій флагъ, въ ожиданіи грузинскаго. У пристани германскій стаціонеръ изъ Константинополя Loreley; рядомъ гордо возвышается купчиха Minna Horn. Торжественно поднимаемся по крутому трапу: я, за мною Чхенкели, за «его превосходительствомъ» ордина-

*) Нынѣ (1924) Вехибъ-паша — эмигрантъ въ Италіи, а Нусретъ-бей — уполномоченный ангорскаго м-ства иностран. дѣлъ въ Константинополѣ.

рецъ Ахметъ-бекъ Бежанидзе, офицеръ весьма внушительнаго вида, изъ грузинъ-мусульманъ и другіе — сцена достойная... недѣльной хроники кинематографа.

Генералъ фонъ-Лоссовъ очень насъ торопитъ: чѣмъ скорѣе въ путь, тѣмъ лучше. Всѣ-ли въ сборѣ и т. д. Недостаетъ только Николадзе, который прибудетъ въ послѣднюю минуту. Тѣмъ временемъ мы приступаемъ къ дѣламъ, и нѣсколько позже, я отправляюсь за Рамишвили, который, въ свою очередь, поднимается наверхъ, салютуемый на борту часовыми. Послѣ трехчасового обсужденія (въ перерывѣ мы завтракаемъ съ германской делегаціей), соглашенія, наконецъ, подписываются.

По просьбѣ Шуленбурга пишемъ бумагу для германскаго лейтенанта барона П., посылаемаго, съ небольшимъ пикетомъ въ Сухумъ.

Еще разговоръ на пристани съ германскимъ консуломъ и съ графомъШ., который проситъ «передать привѣтъ Германіи»; отъѣздъ близится; на пристани собралась огромная толпа... наконецъ, отчаливаемъ, часовъ, кажется, въ пять. Берегъ сталъ быстро удаляться: мнѣ, даже мелькомъ, не пришлось видѣть независимой Грузіи!

26.

Въ чемъ-же заключалось существо временнаго грузино-германскаго соглашенія 28 мая 1918 г.? Вопросъ не лишенъ историческаго интереса ни для того, кто изучаетъ методы и цѣли Германіи въ послѣднемъ фазисѣ міровой войны, ни кому интересна исторія Ближняго Востока вообще и отдѣльно судьба Грузіи и Кавказа послѣ русской революціи.

Основное «временное соглашеніе по установленію предварительныхъ взаимоотношеній между Германіей и Грузіей», договоренное въ *Поти* между Германскимъ Императорскимъ Правительствомъ, въ лицѣ королевско-баварскаго генералъ-маіора *фонъ-Лоссова*, и Грузинскимъ Правительствомъ, въ лицѣ министра иностранныхъ дѣлъ Акакія *Чхенкели*, состояло всего изъ пяти статей.

По ст. 1. Грузія признавала постановленія Брестъ-Литовскаго договора 3 марта 1918 г. основою своихъ взаимоотношеній съ Германской Имперіей.

По ст. 2 Грузія разрѣшаетъ германскому правительству

пользоваться, до окончанія войны, грузинскими желѣзными дорогами, для перевозокъ войскъ и военныхъ матеріаловъ четырехъ союзныхъ державъ. Для контроля желѣзныхъ дорогъ съ этою цѣлью, учреждается въ Тифлисѣ особая комиссія подъ руководствомъ Германіи, дѣйствующая совмѣстно съ грузинскимъ правительствомъ. Предусматриваются германскія команды на желѣзнодорожныхъ станціяхъ и въ Потійскомъ порту.

Ст. 3 и 4 касаются установленія взаимнаго дипломатическаго и консульскаго представительства; и, наконецъ, ст. 5 гласитъ о возможно скорой замѣнѣ настоящаго соглашенія (вступающаго въ силу одновременно съ подписаніемъ) формальнымъ трактатомъ между договаривающимися сторонами — посколько не будетъ заключено общаго договора между четырьмя союзными правительствами, (т. е. германскимъ, австровенгерскимъ, турецкимъ и болгарскимъ) съ одной стороны, и грузинскимъ правительствомъ — съ другой.

Главная сила этого (основного) соглашенія лежитъ, конечно, а) въ фактическомъ признаніи грузинскаго правительства германскимъ и б) въ установленіи, на время войны, германскаго контроля надъ желѣзными дорогами Грузіи.

Одновременно заключено было два дополнительныхъ соглашенія. Изъ нихъ первое касается тѣхъ хозяйственныхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ будетъ имѣть значеніе для заключенія грузинскимъ правительствомъ въ Германіи займа. Это какъ бы программа будущаго экономическаго соглашенія, связаннаго съ этимъ займомъ.

Такъ какъ предполагалось, что доходы отъ желѣзныхъ дорогъ и отъ порта Поти могли-бы служить обезпеченіемъ платежей по займу, то грузинское правительство заранѣе (ст. 1) декларируетъ, что желѣзныя дороги Грузіи составляютъ собственность государства, что потійскій портъ перейдетъ въ государственное управленіе; и что оно согласно на учрежденіе особой грузино-германской комиссіи, для контроля эксплоатаціи названныхъ дорогъ и порта (если ихъ доходами будетъ обезпечиваться погашеніе займа).

Ст. 2 намѣчаетъ созданіе, на паритетныхъ началахъ, грузино-германскаго горнопромышленнаго общества, которому грузинское государство передастъ исключительное право эксплоатаціи нѣдръ, предварительно закрѣпивъ за собою, въ законодательномъ порядкѣ, монополію горнаго промысла.

Общество это будетъ находиться подъ надзоромъ государства; особыми законами будетъ осуществлена, путемъ соглашеній, ликвидація существующихъ горныхъ предпріятій и пріобрѣтенныхъ правъ. Экспорту добываемыхъ рудъ не будетъ чиниться препятствій.

Если изложенная здѣсь схема очень соотвѣтствуетъ господствовавшимъ съ особой силой во время войны идеямъ государственнаго соціализма и объединеннаго планомѣрнаго предпринимательства, то въ ст. 3 выразился чрезвычайный интересъ Германіи къ сырью, вся наличность котораго, за покрытіемъ мѣстныхъ нуждъ, могла быть пріобрѣтаема и вывозима Германіей.

Въ ст. 4 Германія обѣщала наладить пароходное сообщеніе съ Грузіей, и облегчить привозъ въ послѣднюю фабрикованчныхъ товаровъ, полуфабрикатовъ и продовольственныхъ грузовъ.

Второе дополнительное соглашеніе (всего изъ двухъ статей) имѣетъ въ виду интересы нѣмцевъ-колонистовъ, поселенныхъ въ Грузіи русскимъ правительствомъ еще въ первой половинѣ XIX-го вѣка; сохраненіе ихъ привилегій, свободу возвращенія въ Германію, право ея заступничества за нихъ.

Сверхъ вышеизложенныхъ трехъ соглашеній, создающихъ, въ совокупности, основу грузино-германскихъ взаимоотношеній, въ Поти были подписаны еще три отдѣльныя конвенціи: о временномъ допущеніи германской валюты въ качествѣ платежнаго средства наряду съ туземными деньгами, по особому курсу, и о порядкѣ установленія этого курса особымъ соглашеніемъ правительствъ; о средствахъ и способахъ къ скорѣйшему размѣну плѣнныхъ (въ дополненіе къ постановленіямъ Брестъ-Литовскаго дополнительнаго договора); о предоставленіи въ распоряженіе германскаго правительства, находящагося въ грузинскихъ портахъ тоннажа.

Необходимость первой изъ этихъ спеціальныхъ конвенцій связывалась главнымъ образомъ съ предстоявшимъ прибытіемъ въ Грузію, по соглашенію съ правительствомъ послѣдней, германскихъ войсковыхъ частей (подобныя-же конвенціи были Германіей заключены въ свое время съ Болгаріей и Румыніей). Вторая едва-ли нуждается въ особыхъ поясненіяхъ; значеніе третьей было, вообще, очень невелико.

Потійскія соглашенія разрѣшали злободневные вопросы, вытекавшіе изъ войны; съ другой стороны, они предусматри-

вали помощь Германіи, т. е. главнымъ образомъ германскаго капитала въ государственномъ строительствѣ и экономическомъ развитіи Грузіи. Германія обезпечивала себѣ немалыя преимущества-особенно въ будущемъ; но и Грузія извлекала выгоды-притомъ непосредственныя-изъ соглашенія.

Благодаря послѣднему, она избавилась отъ бремени грозившей ей турецкой оккупаціи: и *никто*, кромѣ Германіи, не могъ этого дать — по крайней мѣрѣ, лѣтомъ 1918 года. Въ то же время, Германія оказалась — и только она могла, въ данный моментъ, сыграть эту роль — воспріемникомъ государственной независимости Грузіи. Благодаря ея поддержкѣ, вопросъ этотъ получалъ значеніе международное.

Въ секретномъ письмѣ, адресованномъ генераломъ фонъ-Лоссовымъ грузинскому правительству, тогда-же т. е. 28-го мая 1918 года въ Поти, онъ бралъ на себя обязательство добиться того, чтобы «германское правительство объявило свою готовность оказать поддержку Грузіи въ переговорахъ съ русскимъ правительствомъ относительно выступленія Грузіи изъ состава Россійской имперіи и, послѣ отдѣленія ея, признать Грузію свободнымъ и независимымъ государствомъ». Равнымъ образомъ, уполномоченный Германіи обязывался приложить старанія къ тому, чтобы «Германія оказала Грузіи помощь въ дѣлѣ обезпеченія ея границъ и при установленіи взаимоотношеній Грузіи съ сосѣдними государствами».

Въ томъ же письмѣ давалось общее опредѣленіе территоріальнаго состава Грузіи: границы ея охватываютъ прежнія губерніи Тифлисскую, Кутаисскую и Сухумскій округъ. Согласно этого опредѣленія, Батумская область исключалась изъ предѣловъ Грузіи (что, впрочемъ, соотвѣтствовало Брестъ-Литовскому договору); но заявленныя только-что въ Батумѣ новыя претензіи Турціи на два уѣзда Тифлисской губ. (Ахалцихскій и Ахалкалакскій) не принимались во вниманіе представителемъ Германіи. Это былъ результатъ нашихъ настояній и переговоровъ. Разумѣется, лишь позже, въ Берлинѣ, могло выясниться, насколько Германія дѣйствительно пожелаетъ взять на себя обязательство, въ пользу котораго генералъ фонъ-Лоссовъ обѣщалъ всемѣрно стараться.

Любопытна, равнымъ образомъ, слѣдующая оговорка, изложенная въ письмѣ: Сухумскій округъ (включая Гагры) составляетъ часть Грузіи до тѣхъ поръ, пока Грузія образуетъ отдѣльное государство въ предѣлахъ Кавказа. Въ случаѣ-же

образованія конфедераціи кавказскихъ народовъ, съ участіемъ въ ней Грузіи, — населенію Сухумскаго округа должно быть предоставлено рѣшеніе вопроса о положеніи его среди кавказскихъ странъ.

Иными словами, населеніе Абхазіи имѣло-бы въ этомъ случаѣ выборъ между соединеніемъ съ Грузіей, вступленіемъ въ Союзъ горскихъ народовъ, или участіемъ въ Кавказской конфедераціи въ качествѣ особаго государства-кантона.

Отсюда видно, какое значеніе придавалось плану политическаго объединенія кавказскихъ народовъ въ тотъ самый моментъ, когда обстоятельства сдѣлали необходимымъ расторженіе Закавказскаго Союза!

Остается прибавить, что вышеозначенное письмо ген. фонъ-Лоссова заканчивалось сообщеніемъ о предстоящемъ прибытіи въ Поти германскихъ войсковыхъ частей: это знаменовало для Грузіи возможность приступить къ первымъ актамъ своей государственной жизни, не опасаясь дальнѣйшаго турецкаго наступленія. Первѣйшая наша задача близилась, такимъ образомъ, къ осуществленію. Болѣе опредѣленные результаты, разграниченіе съ Турціей, согласованіе грузинскаго вопроса съ положеніемъ вещей въ Россіи и т. д., могли быть добыты лишь въ Берлинѣ: нашъ путь туда и велъ.

ГЛАВА X.

QUO VADIS, GEORGIA?

27.

Шли прямымъ рейсомъ — въ эти мѣсяцы 1918 г. Черное море было по-просту германскимъ озеромъ — на Констанцу. Погода была превосходная, качка незначительная; отсутствіе другихъ пассажировъ, кромѣ делегацій; много свободнаго времени: всѣ данныя для непринужденнаго обмѣна мнѣній.

Кромѣ ген. фонъ-Лоссова, О. фонъ-Везендонка и еще двухъ членовъ германской делегаціи, мы имѣли попутчиками одного полковника генеральнаго штаба, возвращавшагося въ Константинополь, и журналиста Вейцъ, сотрудника «Франкфуртской газеты», бывшаго равнымъ образомъ въ Батумѣ. Съ нами ѣхали делегаты Арменіи: А. Зурабовъ, (нынѣ умерш.), котораго я помнилъ еще по Петербургу свирѣпымъ студентомъ-лѣсникомъ. Профессіональный революціонеръ по роду занятій и по темпераменту, с.-д. по партійной принадлежности, онъ былъ членомъ Государственной Думы (2-ой) отъ Туркестана, прошумѣлъ, помнится, какой-то выходкой по адресу арміи, а теперь ѣхалъ въ Берлинъ за поддержкой для своихъ единородцевъ, расчитывая, конечно, не на «генеральскую» Германію, а на Genossen. Мало схожъ былъ съ нимъ другой армянскій уполномоченный, д-ръ Амазаспъ («Амо») Оганджанянъ, человѣкъ мечтательно-революціоннаго склада, патріотъ и народолюбецъ.

Грузинская делегація состояла изъ Чхенкели, Николадзе и «моей малости», какъ выражаются нѣмцы*)

*) Съ того момента какъ наши с.-д. «комитаджи» запряглись, волею-неволею, со всею своею организаціею, въ государственную работу по устроенію Грузіи, сотрудничество съ ними представлялось для меня обязательнымъ. Собственно въ Берлинъ я вовсе не собирался, предпочитая вернуться изъ Поти въ Тифлисъ. Къ сожалѣнію, въ послѣдній моментъ оказалось необходимымъ мнѣ ѣхать, и на этомъ настояли.

Былъ еще съ нами, въ качествѣ депутата отъ грузинскихъ соціалъ-демократовъ къ германскимъ товарищамъ, Ладо Ахметели, заслуженный журналистъ и партійный работникъ, семинаристъ, поучившійся затѣмъ въ Германіи, родомъ изъ одной грузинской провинціи, знаменитой буйволами, сильнымъ крестьянствомъ и многочисленными поповичами*)

Упомяну, наконецъ, о ѣхавшемъ съ нами кн. Тундутовѣ, б. гвардейскомъ офицерѣ и адъютантѣ Вел. Кн. Николая Николаевича, въ бытность Кавказскимъ Намѣстникомъ. Теперь онъ считался атаманомъ астраханскихъ казаковъ-калмыковъ, у которыхъ фамилія его пользуется традиціоннымъ почетомъ. Этотъ любезный молодой человѣкъ съ породистымъ лицомъ чистѣйшаго монгольскаго типа ѣхалъ въ Берлинъ за помощью противъ большевиковъ.

На борту было человѣкъ 200 б. военноплѣнныхъ, преимущественно австрійцевъ. Военный бюллетень, получавшійся по безпроволочному телеграфу, расшифровывался младшими членами германской делегаціи поздно вечеромъ, а утромъ прочитывался плѣннымъ т. е. освобожденнымъ изъ плѣна. Каждый день сообщалось о новыхъ успѣхахъ (это было время побѣдоноснаго и, какъ думали, рѣшительнаго наступленія во Франціи). У аудиторіи не замѣчалось особаго одушевленія: восторгъ при чтеніи военнаго бюллетеня предполагаетъ географическую фантазію, особое, чисто газетное, воспитаніе и еще — это главное — обывательскую отрѣшенность отъ поля сраженія.

Наши германскіе спутники, народъ весьма образованный и любознательный, были для насъ съ Николадзе пріятными

*) Ахметели какъ и личнаго секретаря, скорѣе, келейника Чхенкели, С. К., посадили на пароходѣ за столъ не въ каютъ-компаніи съ делегатами, а въ другомъ этажѣ, съ младшими судовыми офицерами: дѣло происходило до германской революціи! Но исторія готовила милѣйшему Ахметели скорый и полный реваншъ: генеральская іерархическая Германія рухнула, а онъ, Ахметели — сдѣлался грузинскимъ *посланникомъ* въ Берлинѣ.

собесѣдниками: они слушали насъ болѣе чѣмъ охотно, и дѣлились собственнымъ обширнымъ опытомъ и знаніями. Мы имѣли досугъ обозрѣть всѣ, связанные съ Востокомъ, вопросы, отъ Геркулесовыхъ Столповъ до Памира. Болѣе спеціальные и опредѣленные разговоры велись, естественно съ генераломъ ф. Л. и съ Везендонкомъ о Грузіи, о Кавказѣ.

О военномъ положеніи на западномъ фронтѣ насъ просвѣщалъ — въ самой сдержанной формѣ, надо признать, баварскій полковникъ. Сотрудникъ-же германскихъ газетъ передавалъ впечатлѣнія своей поѣздки по Восточной Анатоліи. Узкоколейная дорога Сарыкамышъ-Эрзерумъ (русской постройки) уже разрушается, по его словамъ; «все въ ихъ рукахъ неминуемо придетъ въ упадокъ».

Имѣли на борту и дѣловое совѣщаніе съ германской делегаціей, 29 мая. Здѣсь опять обсуждался вопросъ о возстановленіи закавказскаго единенія. Мы указывали на нежелательность слишкомъ рѣзкаго противопоставленія христіанъ — мусульманамъ, при тѣсной связанности ихъ интересовъ и созданія двухъ, рѣзко размежеванныхъ сферъ. По мнѣнію Чхенкели, Германія должна съ большимъ интересомъ отнестись къ татарамъ, которые-де сознаютъ важность экономической связи съ Германіей и т. д.

Генералъ фонъ-Лоссовъ находилъ, со своей стороны, что Германія въ данное время можетъ заняться только Грузіей и Арменіей, чьи представители обратились къ ней за поддержкой. Татары ея помощи не просятъ: они ожидаютъ ея отъ турокъ, и отнюдь не просятъ германской поддержки *противъ* турокъ.

При такихъ условіяхъ, по мнѣнію генерала, Германіи нечего навязывать своихъ услугъ татарамъ. Надо достигнуть соглашенія съ Турціей и оградить отъ нея Грузію. Это основа нашей работы, которую надо затѣмъ продолжать методически.

Разбирали доводы, которыми Германія могла-бы склонить Турцію къ отказу отъ ея послѣднихъ поползновеній на грузинскую территорію, а также вопросъ о значеніи и характерѣ Горской Республики. Сильно волновала генерала опасность, грозившая армянскому населенію. «Для Германіи, говорили мы ему, огражденіе жизни этого населенія является теперь вопросомъ чести». Надо будетъ добиться очищенія турками опредѣленныхъ районовъ — таково было практическое заклю-

ченіе фонъ-Лоссова. Но на эту тему онъ совѣщался спеціально съ армянскими делегатами

31-го мая прибыли въ Констанцу, проплававъ неполныхъ трое сутокъ: скорость сносная для «купца», къ тому-же пробуравленнаго торпедою въ Мраморномъ морѣ, вытянутаго изъ воды и заштопаннаго.

Вотъ видны уже зданія, элеваторъ, баки для нефти. Портъ вымеръ: ни парохода, ни души. Впрочемъ, военноплѣнные бельгійцы выгружаютъ уголь. Солдаты — турки, германцы, болгары. Плакаты съ надписями на трехъ языкахъ.

Выходимъ въ городъ по особымъ пропускамъ. Германцы играютъ здѣсь первую скрипку: отъ болгарской оккупаціи, говорятъ, очень ужъ страдало населеніе.

Прекрасная набережная — пустая. Дальше пошли чистенькія улицы. У памятника Овидія молодой болгарскій прапорщикъ ухаживаетъ за барышнями-румынками, на нѣмецкомъ языкѣ.

Послѣдняя трапеза на «Minna Horn». Подаютъ, какъ всегда, и съ тѣми-же благопріятными послѣдствіями, кахетинское вино, изъ подваловъ б. Удѣльнаго Вѣдомства въ Тифлисѣ: подарокъ грузинскаго правительства германской делегаціи. Habent sua fata... vina.

Раннимъ утромъ 1-го іюня отправились въ Берлинъ спеціальнымъ поѣздомъ. Знаменитый Чернаводскій мостъ на Дунаѣ былъ взорванъ во время румынской кампаніи 1916 года: черезъ этотъ рукавъ (Borcea) мы переѣхали на паромѣ, а затѣмъ дошли до Fetesci, гдѣ насъ ждалъ новый поѣздъ.

Въ Бухарестѣ часть германской делегаціи отдѣлилась. Ея путь въ Константинополь.

Пересѣкали большую и малую Валахію. Былъ жаркій день; всюду зеленѣли всходы кукурузы, фасоли, пшеницы. Женщины, дѣти пропалывали поля. Подлинно, царство земледѣлія! Страна эта порабощена, временно. Неужели она потеряетъ всю Добруджу, Констанцу?...

Послѣ Крайовы еще зеленѣе. Пошли лѣса. На одной сторонѣ предгорья Трансильванскихъ альпъ, на другой — возвышенность около Дуная. Тамъ — Сербія, задавленная, стреноженная, на которой тяжко усѣлся побѣдитель.

Слѣдующій день — несемся поперекъ Венгріи, посреди прекрасно обработанныхъ полей — пшеница, маисъ, виноградники, фруктовые сады. Все зелено, нивы мягко колышатся.

обработано всюду, куда хватаетъ глазъ. Не странно-ли, что Германія вынуждена подкармливать Австрію? здѣсь не отказываются даже отъ пирожнаго и не умѣютъ «раціонировать» какъ слѣдуетъ.

Въ Будапештѣ насъ прицѣпили къ обычному экспрессу. 3 іюня утромъ, спустя ровно 48 часовъ по отъѣздѣ изъ Константцы (какая блестящая скорость!), мы прибыли въ Берлинъ, Берлинъ великой войны, откуда дѣйствуютъ такъ сокрушительно по пресловутымъ «внутреннимъ линіямъ».

28.

Въ Берлинѣ (іюнь-ноябрь 1918 года) намъ довелось быть поистинѣ, свидѣтелями величія и паденія Германской Имперіи. И дѣйствовать пришлось, сообразуясь сначала съ «величіемъ», а позже, выпутываясь изъ «паденія».

Уже съ 1917 года было видно, что Грузія способна организовать у себя внутри государственный порядокъ, на основѣ такъ наз. «завоеваній революціи». Мы видѣли выше, каковы были затѣмъ обстоятельства, вызвавшія ея полное политическое обособленіе. Но Грузія не имѣла теперь, конечно, ни возможности, ни основанія принять какое-либо дальнѣйшее участіе въ міровой свалкѣ.

При несомнѣнности, лѣтомъ 1918 года, военнаго и политическаго преобладанія Германіи въ районѣ Чернаго моря, и въ виду явной гегемоніи ея по отношенію къ Турціи, единственное что мы могли сдѣлать, — это противопоставить германскій контроль чрезмѣрнымъ аппетитамъ турокъ. Мы и постарались извлечь для себя, что можно, изъ самого существа германо-турецкой союзнической дисциплины.

Задача, стоявшая передъ нами въ Батумѣ, требовала именно такого, притомъ неотложнаго разрѣшенія. Мы достигли — немедленно, путемъ потійскаго соглашенія — такого modus vivendi въ Закавказьи и въ Грузіи, при которомъ можно было кое-какъ существовать.

Въ Берлинѣ мы, естественно, стремились прежде всего къ обезпеченію и упроченію этихъ непосредственныхъ, уже достигнутыхъ результатовъ. Но мы подходили теперь къ гораздо болѣе сложному вопросу о взаимоотношеніяхъ Грузіи и Германіи на основѣ признанія и обезпеченія независимости

первой и предоставленія второй опредѣленныхъ экономическихъ и политическихъ выгодъ.

Разрѣшеніе этой второй задачи зависѣло, конечно, отъ исхода войны, который трудно было съ точностью предусмотрѣть въ маѣ-іюнѣ 1918 г.

Однако, въ перговорахъ нашихъ мы исходили и должны были естественно исходить изъ предположенія, изъ допущенія, что Германія выйдетъ изъ войны или побѣдительницей или, во всякомъ случаѣ, съ честью: въ этомъ предположеніи (а то и увѣренности), многое дѣлалось, готовилось и мыслилось на всемъ огромномъ протяженіи отъ «финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды»! Подготовлять позицію Грузіи въ *этомъ* предположеніи было тѣмъ болѣе необходимо, что такимъ именно путемъ, т. е. «музыкою будущаго» — мы достигали, во-первыхъ, упроченія необходимаго *въ данный моментъ* въ нашей странѣ modus vivendi; во-вторыхъ, могли надѣяться на улаженіе, съ помощью Германіи, отношеній съ Совѣтской Россіей, и, наконецъ, укрѣпляли вообще положеніе Грузіи, какъ *государственной, организованной единицы*, въ эпоху, полную напастей и неожиданностей.

Несомнѣнно, Германія сверхъ возможныхъ *въ будущемъ* выгодъ, получала и нѣкоторое непосредственное вознагражденіе благодаря кое-какому сырью, ей нужному, и имѣвшемуся у насъ въ наличности (въ очень скромныхъ размѣрахъ); а *въ случаѣ* продолженія войны и развитія операцій противъ англичанъ въ Мессопотаміи и Персіи, она имѣла бы (вмѣстѣ съ Турціей) базу для операцій въ Закавказьи.

Такова была оборотная сторона медали. Но Закавказье своими силами, тѣмъ болѣе одна Грузія, не могла и никогда не собиралась брать на себя такую задачу, которая и для Россіи была-бы тяжела: задача закрытія для Германіи и Турціи закавказскихъ подступовъ къ Персіи. Въ сущности, объ этомъ должна была позаботиться Англія. Быть можетъ, явись она *своевременно* въ Тифлисъ, съ небольшими хотя-бы силами, она могла-бы содѣйствовать болѣе успѣшной организаціи мѣстной обороны противъ турокъ. Такая мысль у нея была: но отъ мысли далеко до воли, и еще дальше до осуществленія*). Злосчастная высадка англичанъ въ Баку въ концѣ лѣта 1918 года, показала, насколько правильно было не разсчитывать на помощь съ этой стороны.

*) Въ этомъ отношеніи см. интересныя данныя въ книгѣ Major-General *L. C. Dunsterville*. The adventures of Dunster-

Во всякомъ случаѣ, рѣчь въ Берлинѣ могла быть лишь объ условіяхъ обезпеченія мира Грузіи съ Турціей (и ея союзниками); объ участіи въ войнѣ на сторонѣ четверного союза никогда, конечно, и упоминанія не было, да и не могло быть! Нейтралитетъ въ международной войнѣ (насколько онъ былъ осуществимъ!), нейтралитетъ въ гражданской войнѣ по ту сторону Кавказскаго хребта — таковъ, правильно или неправильно, былъ основной догматъ грузинской политики.

Обстоятельства войны и революціи, а также географическія причины (отрѣзанность отъ Запада, благодаря закрытію проливовъ) привели насъ въ Берлинъ, и пріѣхали мы туда съ опредѣленной схемой соглашенія. Соглашеніе это было подписано, съ германской стороны, лицомъ, формально представлявшимъ германское правительство, но на дѣлѣ ближе всего связаннымъ съ германскимъ *верховнымъ командованіемъ*. Эта инстанція была рѣшающей: намъ приходилось, однако, вступить теперь въ соприкосновеніе съ регулярнымъ аппаратомъ германской внѣшней политики, съ вѣдомствомъ иностранныхъ дѣлъ, которое не могло не внести въ «производство» нашего дѣла своего метода и рутины, свойственной машинѣ такихъ размѣровъ и такого построенія.

Послѣ этихъ необходимыхъ разъясненій, приведу нѣсколько выдержекъ изъ моихъ записей того времени.

---

force. L. 1920. Когда кавказско-персидскій фронтъ сталъ распадаться (съ осени 1917 г.), то, по мнѣнію англичанъ, дѣлу можно было помочь лишь снарядивъ немедленно особую британскую миссію въ Тифлисъ, для реорганизаціи обороны противъ турокъ и для должнаго объединенія мѣстныхъ военныхъ элементовъ — русскихъ, грузинскихъ и армянскихъ. По заключенію автора, въ виду явнаго ухудшенія качества турецкихъ войскъ (сравнительно съ 1916 г.) цѣли можно было-бы достигнуть съ сравнительно небольшими средствами и силами. Во главѣ миссіи былъ уже поставленъ самъ авторъ, который отправился въ путь съ передовою партіею изъ Багдада, въ январѣ 1918 года. Фактически, однако, все ограничилось англійскою экспедиціей изъ Решта въ Баку, гдѣ англичане высадились въ серединѣ августа 1918 года, и откуда ушли обратно 15 сентября, (чтобы вернуться позже уже послѣ общей капитуляціи турокъ).

Путь для англійской помощи Закавказью въ 1917-18 г. г. — изъ Багдада черезъ Персію и Каспійское море-былъ очень ужъ кружный и далекій! Жаль, что этотъ англійскій планъ не осуществился. Все Закавказье выиграло-бы отъ этого. Другой вопросъ-что сказали-бы многіе русскіе, если-бы образовался противъ Турціи англо-кавказскій фронтъ!

ГЛАВА XI.

ВЪ ВЕРЛИНѢ (ІЮНЬ 1918).

29.

4 іюня. Приступилъ къ письменному изложенію того, для чего мы сюда пріѣхали, и чего добивается Грузія.

Познакомился съ группою грузинъ-эмигрантовъ, бывшихъ здѣсь съ начала войны — отъ которой они ждали какимъ-то образомъ освобожденія своей родины. Всѣ считали ихъ сумасбродными: теперь имъ кажется, что они-то и были правыми. Заблужденіе! Ставшее необходимымъ и разумное въ условіяхъ 1918 г., послѣ событій 1917 г., было необоснованнымъ, безпочвеннымъ, а потому и безуспѣшнымъ въ 1914-17 г. г. Ихъ работа, ихъ пропаганда подготовила, однако, многое.

5 іюня. Сегодня, въ м-ствѣ иностранныхъ дѣлъ, сначала продолжительная бесѣда съ тайными совѣтниками фонъ-Розенбергомъ*) и д-ромъ Геппертъ,**) а затѣмъ были приняты министромъ Р. фонъ-Кюльманомъ въ прекрасномъ кабинетѣ съ Ленбаховскимъ портретомъ Бисмарка. Кюльманъ произвелъ впечатлѣніе здоровенной дѣловой головы. Но большіе чиновники всего міра такъ похожи другъ на друга.

Вечеромъ генералъ ф. Лоссовъ уѣхалъ въ ставку Вильгельма: вмѣстѣ съ нимъ калмыцкій атаманъ Т.

6 іюня. «Углубляемъ» съ ф. Розенбергомъ и Геппертомъ темы о формальномъ признаніи Грузіи, о взаимоотношеніяхъ Грузіи съ Россіей и т. д.

Я посовѣтовалъ Чхенкели, какъ *министру*, не присутствовать въ такихъ совѣщаніяхъ — съ чѣмъ онъ согласился. У него похвальныя качества: упорство, натискъ. Напрасно

---

*) Въ 1923 г. — м-ръ иностранныхъ дѣлъ.

**)Нынѣ — посланникъ въ Гельсингфорсѣ.

только онъ читаетъ германцамъ поученія о ихъ собственныхъ интересахъ, о возможномъ ущербѣ для ихъ престижа, если они не сдѣлаютъ того-то и пр.

8 іюня. Берлинъ представляется мнѣ спокойнымъ, увѣреннымъ, серьезнымъ и утомленнымъ.

Въ Рейхстагѣ, въ совѣщаніи представителей партій мнѣ пришлось (за внезапно заболѣвшаго Ч.) сдѣлать импровизированный пространный докладъ о событіяхъ въ Закавказьи, о Грузіи, о будущей кавказской конфедераціи. Былъ тамъ Шейдеманъ, Эрцбергеръ, Ф. Науманъ, Давидъ и цѣлый рядъ другихъ представителей.

Ставились затѣмъ разнообразные вопросы. Особую пытливость обнаруживали Эрцбергеръ (который постоянно завтракаетъ въ нашей гостинницѣ Adlon) и авторъ «Срединной Европы», Науманъ.

9 іюня. Свиданіе, очень продолжительное, съ директоромъ юридическаго департамента въ М. И. Д., д-ромъ Криге. До меня у него сидѣлъ Іоффе.

Криге стоитъ на строго формальной точкѣ зрѣнія: Россія-де съ нами въ мирѣ, и намъ трудно признать часть ея отдѣльнымъ государствомъ, разъ мы не сдѣлали этого въ Брестъ-Литовскѣ. Мы не можемъ ссориться съ Россіей въ моментъ столь великаго напряженія на французскомъ фронтѣ; начало самоопредѣленія народовъ признано русскимъ правительствомъ, но на него нельзя ссылаться третьимъ государствамъ и т. д.

Позже, вмѣстѣ съ другими, на пріемѣ у ф. В. Были тамъ молодые дипломаты, журналисты, оріенталисты. Любопытно было познакомиться съ Таки-заде, небезызвѣстнымъ персидскимъ революціонеромъ, о которомъ много писалось въ 1906 году по поводу событій въ Тавризѣ и Тегеранѣ.

10 іюня. Въ общемъ, чтобы успокоить Криге, требуется представить доказательства того, что Грузія отдѣлилась отъ Россіи, не нарушая ея правъ. Задача головоломная.

Тундутовъ вернулся вмѣстѣ съ ген. ф.-Лоссовымъ (котораго я, шутя, называю «импрессаріо») изъ ставки.

По словамъ Т. Вильгельмъ принялъ его привѣтливо и долго съ нимъ бесѣдовалъ. Императоръ-де находитъ, что Россію надо раздѣлить на 4 части: Великороссію, Украину, Сибирь и Юговосточный Союзъ съ Кавказомъ (центръ — Тифлисъ). Ой, не путаетъ-ли Т.? Или путаютъ оба?

Т. ѣдетъ сегодня съ германскимъ офицеромъ въ Новочеркасскъ, черезъ Варшаву и Кіевъ. Будутъ дѣйствовать согласованно противъ большевиковъ — изъ калмыцкой степи и со стороны Ростова. (Интересно было-бы знать «заключеніе» д-ра Криге по сему поводу! Вотъ оно, различіе «легальной» и «безотвѣтственной» дипломатіи).

Въ Бельгіи, послушать Т., «не видно большихъ ужасовъ — много нарядной публики, пирожное, оживленіе. То же самое во Франціи». Ну, очевидно, разъ «императоръ» и «пирожное» — то все великолѣпно.*)

Генералу ф.-Лоссову Вильгельмъ разсказалъ, изъ своихъ дѣтскихъ воспоминаній, что отецъ его, кронпринцъ Фридрихъ присутствовалъ на бракосочетаніи Александра III и видѣлъ тамъ «грузинскую царицу, съ короной въ родѣ римской крѣпостной». Интересна эта памятливость и романтическое умоначертаніе германскаго императора. Каково: корона Грузіи!

Что-же касается самого факта, онъ неправдоподобенъ. Въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія не было въ живыхъ ни одной «королевы Грузіи». Быть можетъ то была послѣдняя владѣтельница Мингреліи? Не существенно.

Фонъ-Лоссовъ признаетъ, что здѣшнее министерство иностранныхъ дѣлъ не вполнѣ раздѣляетъ политику, которую онъ лично рекомендуетъ, и что тамъ смотрятъ на все очень ужъ осторожно, формально. Но самъ императоръ, Гинденбургъ и Людендорфъ — дѣло другое. Не даромъ онъ такъ торопился сюда изъ Поти. Теперь намъ слѣдуетъ поскорѣе представить нашу схему. Ему думается, что связь Грузіи съ Германіей должна быть тѣсная, при полной независимости Грузіи. Но форма этого единенія — вопросъ спеціальный, здѣсь онъ не компетентенъ.

Онъ часто возвращается къ мысли объ отвѣтственности Германіи въ армянскомъ вопросѣ и о необходимости предотвратить дальнѣйшія избіенія армянъ.

Получили копію вѣрительнаго письма, за подписью канцлера графа ф. Гертлингъ, генералу бар. *Кressъ фонъ-Крессенштейнъ*, который назначается дипломатическимъ представителемъ Германіи при грузинскомъ правительствѣ. Это — настоящій шагъ. Баронъ Кressъ слыветъ здѣсь человѣкомъ

*) Въ мемуарахъ экъ-императора Вильгельма упоминается о разговорахъ съ кн. Тундутовымъ.

отборнымъ, выдающимся.*) Тѣмъ лучше. Онъ, какъ и Лоссовъ, баварецъ.

Въ Поти прибыло два батальона германской пѣхоты. Словомъ, создается необходимое для насъ фактическое положеніе, что важнѣе всего; а мы здѣсь исподволь обслѣдуемъ обстановку и сообразимъ какъ быть съ «вѣдомственной рутиной» и какъ преодолѣть колебанія д-ра Криге.

11 іюня. На Wilhelmstrasse у гехеймрата д-ра *Симонса.* **) Этотъ помягче Криге и совсѣмъ милъ. Я сообщилъ ему главныя положенія моего меморандума, который посылается только завтра. Вижу все отчетливѣе, какъ расходятся линіи штатская (Кюльманъ) и военная (Людендорфъ). Но это расхожденіе скорѣе формъ и способовъ, чѣмъ по существу.

12 іюня. Получили первое сообщеніе изъ Тифлиса (радіо пока скверно работаетъ) о вынужденномъ подписаніи мира съ Турціей, въ Батумѣ, о томъ что отнимаютъ Ахалцихскій и Ахалкалакскій уѣзды.

Тонъ нѣсколько плаксивый. Ясно, что разъ не могли воевать, то пришлось подписать. Если вообще чего-нибудь можно добиться — мы здѣсь этого добьемся.

Вечеромъ мы всѣ званы обѣдать въ клубъ «Deutsche Gesellschaft 1914», по приглашенію Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Это хорошій признакъ, разъ насъ угощаютъ въ такое тяжелое, для кормленія, время.

Отправились туда всей «труппой», съ ген. Лоссовымъ, Чхенкели, Николадзе, я, М. Церетели, Г. Мачабели и Эр. Бернштейнъ (грузинско-подданный, германскаго происхожденія, плававшій, какъ рыба въ водѣ, въ пріятной влагѣ грузино-германскаго сближенія).

Формально хозяиномъ былъ посланникъ фонъ-Розенбергъ. Съ германской стороны были ф. Кюльманъ, Симонсъ, Геппертъ, Іоганнесъ (директоръ экономическаго Д-та въ М. И. Д.) ф. Везендонкъ и еще многіе другіе . Выражаясь по-репортер-

---

*) Такъ отзывается о немъ и б. начальникъ германской военной миссіи въ Турціи, Лиманъ ф. Сандерсъ: «der Oberst Freiherr v. Kress, ein ganz hervorragender, tüchtiger Offizier». См. *Liman von Sanders,* Gen. der Kavallerie. Fünf Iahre Turkei. B. 1920. S. 58. Баронъ Крессъ былъ начальникомъ штаба арміи (4-й) Джемаль-паши (бывшаго одновременно морскимъ министромъ; см. выше стр. 37) во время извѣстной операціи противъ Суэцкаго канала въ 1915 г. Онъ-же оборонялъ позже Газу противъ англичанъ.

**) Министръ иностранныхъ дѣлъ Германіи въ 1920-21 г. г.

ски, за обѣдомъ господствовала непринужденная атмосфера, и оживленная бесѣда затянулась до и т. д.

Чхенкели пріютился около ф. Розенберга, а Кюльмана посадили между мною и Николадзе. Министръ, человѣкъ большой культуры и опыта, оказался очаровательнымъ собесѣдникомъ: ничто человѣческое ему не чуждо. К., въ бытность совѣтникомъ германскаго посольства въ Константинополѣ, побывалъ и на Кавказѣ. О Тифлисѣ у него лучшія воспоминанія: онъ оцѣнилъ «высокій соціальный уровень тифлисскаго общества»; ему даже случилось присутствовать на одной свѣтской свадьбѣ и т. д. Онъ называлъ имена; справлялся о судьбѣ Вел. Кн. Николая Михайловича, котораго зналъ, о Боржомѣ. Услышавъ отъ меня, что именно этотъ кругъ лицъ неизбѣжено и жестоко пострадалъ отъ революціи — хотя пока режимъ ея въ Грузіи былъ мягче, чѣмъ въ Россіи, — К. подробно распрашивалъ о размѣрахъ соціальнаго потрясенія въ нашей странѣ и о характерѣ грузинскаго правительства, «партійнаго, какъ онъ слышалъ, и очень радикально настроеннаго». Я постарался, соотвѣтствующимъ образомъ, удовлетворить его любознательности, изобразивъ государственныя стремленія нашихъ министровъ, ихъ работу въ рядахъ закавказскаго правительства, обнаруженную тогда ловкость и пр. Приводилъ дѣйствительные факты, «стилизуя» лишь ихъ сообразно цѣли нашей миссіи въ Берлинѣ и интересамъ нашей страны.

Какова причина длящагося успѣха большевиковъ въ Россіи*) — этотъ вопросъ очень привлекалъ моего собесѣдника, имѣвшаго тріумфъ въ Брестъ-Литовскѣ. Причинъ, очевидно, много; но главная заключается въ возстановленіи волевой основы, волевого напряженія государственной власти, катастрофически рухнувшей въ мартѣ 1917 года; въ искусствѣ, съ которымъ было скомбинировано заключеніе мира и, одновременно, развертываніе аграрной революціи и разрушеніе буржуазныхъ силъ, — съ невиданнымъ хаотическимъ перемѣщеніемъ матеріальныхъ цѣнностей (денегъ, вещей, домовъ...), изъ однихъ рукъ въ другія, что повлекло за собой образованіе многочисленныхъ группъ населенія, кровно связанныхъ съ новымъ режимомъ, готовыхъ его поддерживать или терпѣть и т. д.

---

*) Успѣхъ этотъ «длился» всего какихъ нибудь 7 мѣсяцевъ въ это время!

Много распрашивалъ К. о судьбѣ петербургскаго Эрмитажа, Кремля и вообще художественныхъ богатствъ Россіи.

Упомянутъ былъ фактъ опустошенія винныхъ погребовъ Зимняго Дворца. «Это опустошеніе и сохранность дворцоваго погреба въ Тифлисѣ можетъ служить иллюстраціей различія между двумя революціями. Только... о тифлисскомъ погребѣ — ни слова вашимъ союзникамъ — вы понимаете какимъ». — «О да, будьте спокойны».

Послѣ чего К., получивъ у меня справку о Николадзе, перешелъ въ руки послѣдняго и подвергся крещенію и по части сырья, и по части среднеазіатскихъ рынковъ, и относительно ВРР.*) Я-же обратился на лѣвый флангъ, къ д-ру Симонсу, съ которымъ у меня завтра дѣловой разговоръ: сегодня мы болтаемъ о германской литературѣ, объ университетахъ, о недавно умершемъ проф. Лабандѣ, соорудившемъ такъ блестяще всю Германскую Имперію изъ юридическихъ понятій... о нѣкоторыхъ общихъ знакомыхъ въ Петербургѣ.

13 іюня. У д-ра Симонса въ М. И. Д.

Наша тема: возможная форма взаимоотношеній Германіи и Грузіи. Политическая цѣль Грузіи: упрочить свое государственное существованіе, создать себѣ условія свободнаго національнаго развитія, опираясь на Германію. Связь съ послѣдней должна быть, очевидно, довольно тѣсной: простой союзъ здѣсь недостаточенъ.

Д-ръ Симонсъ находитъ, что если-бы не географическая удаленность Грузіи, ей *правильнѣе всего было-бы вступить въ германскіую федерацію (!)*. Географія, отвѣчаю я, противится этому. Положеніе Грузіи (на югѣ) могло-бы скорѣе быть сравнено съ положеніемъ Финляндіи (на сѣверѣ). Оно сложнѣе, т. к. связывается съ вопросомъ о созданіи кавказской или закавказской конфедераціи. Упроченіе ея и нейтрализація — вотъ цѣль, которую естественно ставить въ эпоху, когда русская имперія вступила въ періодъ переплавки, повидимому, въ духѣ федеративномъ. Грузія — основной элементъ этой «буферной» постройки на Кавказѣ. Обезпечивъ — дипломатическую поддержкою и своимъ политическимъ вліяніемъ независимость Грузіи, Германія получитъ весьма существенныя выгоды экономическія и т. д. Но достиженіе этого, фактически

*) В Р Р — предложенная мною тогда, для краткости, формула, объемлющая смѣлыя идеи Н. Я. Николадзе о направленіи торговли Срединной Европы съ Дальнимъ Востокомъ черезъ Поти (Берлинъ-Поти-Пекинъ).

благопріятнаго для Германіи положенія, вполнѣ вяжется съ формальною независимостью Грузіи.

Эти взгляды встрѣтили полное сочувствіе д-ра С. Что касается *формы правленія* это, признавалъ онъ, есть внутреннее дѣло Грузіи. «Какъ у васъ смотрятъ на этотъ вопросъ? есть-ли тамъ сторонники монархіи?».

«Въ Грузіи настроеніе опредѣленно республиканское — старыя монархическія традиціи заглохли, новыхъ теченій этого рода нѣтъ, крушеніе монархіи въ Россіи еще больше поколебало эту идею. Симпатіи къ монархической формѣ, б. м., сохранились въ нѣкоторыхъ кругахъ; найдутся и республиканцы, полагающіе, что, при опасномъ географическомъ положеніи Грузіи, и, если ей придется опираться на помощь средне-европейскихъ имперій, монархическая форма могла-бы быть выгодна Грузіи. Это какъ бы монархизмъ по разсчету и благоразумію — какъ въ Норвегіи въ 1905 году или какъ въ Финляндіи въ настоящее время. Но въ Грузіи этотъ «оттѣнокъ» сейчасъ не имѣетъ никакого значенія».

Несомнѣнно, всѣ эти «короны» мало интересуютъ Wilhelmstrasse: эти мечтанія возникаютъ въ другихъ сферахъ.

Напослѣдокъ, я ставлю моему собесѣднику слѣдующій «діагностическій» вопросъ: «какъ Вы рисуете себѣ, въ будущемъ, положеніе представителя Германіи въ Грузіи?». — «По формѣ — это обычный дипломатическій представитель; по существу онъ, быть можетъ, приближался-бы къ *англійскому резиденту при самостоятельномъ индійскомъ государствѣ*. Разумѣется, я имѣю въ виду юридическую схему, а не бытовую или соціально-политическую сторону дѣла... И я знаю что грузины — не индусы».

14-го іюня. Вечеромъ пріемъ у ф. В. Опять молодые дипломаты, оріенталисты и пр. Былъ тамъ впрочимъ еще одинъ крупный импортеръ персидскихъ ковровъ и шерсти (линія-Поти-Тифлисъ-Тавризъ!), а также одинъ изъ заправилъ Имперскаго банка, фонъ-Глазенаппъ оказавшійся университетскимъ товарищемъ К. Ѳ. Гана, учителя нѣмецкаго языка многихъ поколѣній въ 1-ой Тифлисской классической гимназіи.

30.

16 іюня. Сегодня «общее присутствіе» делегаціи выслушало мой второй меморандумъ. Первый изображалъ — кто мы такіе; второй — чего мы собственно, желаемъ отъ Германіи.

М. Церетели и Г. Мачабели — цѣнная находка; они водятъ

А. Чхенкели въ люди, и служатъ хорошей приправой къ этому солидному, но не столь легко переваримому блюду.

«Рутина» нашей канцеляріи хромаетъ. Обязанностями секретаря обременили Спиридона Кедіа, одного изъ немногихъ въ Грузіи парламентаріевъ, прекраснаго оратора и журналиста: ему теперь-бы въ Тифлисѣ работать, а не возиться здѣсь съ «дѣлами».

17-го іюня. Генералъ фонъ-Лоссовъ сообщаетъ, что турки — въ Тавризѣ. На мѣсто Вехиба назначенъ братъ его Эссадъ-паша. Въ офиціальномъ сообщеніи, опубликованномъ въ Константинополѣ послѣ возвращенія Халилъ-бея изъ Батума, говорится, что подписанныя въ Батумѣ соглашенія не окончательны. Это уже отбой, по мнѣнію Лоссова. Онъ посылаетъ наши меморандумы въ главную квартиру.

18-го іюня. Посѣтили втроемъ (Чхенкели, Николадзе, я), въ зданіи министерства народнаго хозяйства (Reichswirtschaftsamt) барона ф. Штейнъ, государственнаго секретаря по сей части. Онъ находитъ, что было-бы, пожалуй, правильнѣе, вмѣсто устройства *одного* общества по разработкѣ горныхъ богатствъ Грузіи (см. выше стр. 66), создать рядъ обществъ—по отдѣльнымъ отраслямъ.

Штейнъ, какъ всѣ они, интересовался хлопкомъ, шерстью и т. д.

Въ Тифлисѣ два германскихъ батальона (1800 чел.), Быть можетъ, прибудетъ еще артиллерія.

Нефти въ Грузіи всего на 3 недѣли: нефтяная зависимость отъ Баку полная.

Еще извѣстіе (изъ германскихъ источниковъ): въ Борчалинскомъ уѣздѣ «банды» потребовали присоединенія къ Азербайджану. Благодаря оказанному противодѣйствію, осложненій не было.

На станціи Евлахъ убитъ татарами австрійскій офицеръ. За этими татарскими гримасами чуется злоба турокъ на союзниковъ — невѣрныхъ.

Кстати, Австро-Венгрія также посылаетъ въ Тифлисъ своего представителя — барона фонъ-Франкенштейнъ.

Вечеромъ опять втроемъ, въ М. И. Д. Сначала у фонъ-Розенберга и д-ра Гепперта. Сообщаю имъ вкратцѣ положенія нашего 2-го меморандума, до нихъ еще не дошедшаго: Грузія — независимое государство; привилегированность положенія Германіи, вытекающая изъ совокупности договоровъ и т. д. Затѣмъ долго сидѣли у товарища министра, барона фомъ-Буше.

По дорогѣ къ нему, фонъ-Розенбергъ говоритъ: «а мы думали, что рѣчь будетъ идти о болѣе тѣсномъ единеніи съ Германіей, и что Грузія будетъ нашимъ Schutzstaat'омъ». «Знаете, отвѣчаю я, по существу я не боюсь протектората: но этотъ терминъ Schutzstaat звучитъ теперь для меня немного... какъ-бы сказать?... по африкански».

Вернувшись отъ фомъ-Буше, продолжаемъ бесѣду. Чхенкели, по своему обыкновенію, настаиваетъ на историческомъ правѣ Грузіи на независимость, автоматически будто-бы воспрянувшемъ съ «уходомъ русскихъ», на трактатѣ 1783 года и т. д. Геппертъ къ этимъ доводамъ относится скептически.

Однако, было-бы безплодно препираться объ этихъ вещахъ. Чтобы создать болѣе практическую основу для отдѣленія отъ Россіи, почему не обратиться къ плебисциту?

Другой ихъ совѣтъ былъ: постараться устроить такъ, чтобы бакинскій нефтепромышленный районъ не былъ совсѣмъ оторванъ отъ Россіи. Тогда, по ихъ мнѣнію, облегчился бы и вопросъ о признаніи Грузіи Россіею.

Эти соображенія я нахожу очень интересными: они показываютъ практическое стараніе германской дипломатіи измыслить путь для установленія компромисса между московскимъ и тифлисскимъ правительствами. Чхенкели они не пришлись по вкусу: насъ, говорилъ онъ, Россія должна и такъ признать, мы были независимое государство, мы не были завоеваны, подобно другимъ провинціямъ Кавказа и т. д.

Вечеромъ долго сидѣлъ здѣсь Paul Rohrbach, публицистъ, «идеологъ» германскаго имперіализма. Онъ родомъ балтіецъ (увѣряетъ, что Германія способна очень скоро колонизовать Курляндію, благодаря слабой рождаемости латышей!), бывалъ часто въ Грузіи, знаетъ даже Сванетію, Месхетію. О многомъ допытывался, между прочимъ, о формѣ правленія.«Есть-ли въ Грузіи потомки старой династіи?».

Рорбахъ утверждаетъ, что изъ всѣхъ членовъ Рейхстага едва-ли найдется человѣкъ 30, которые знаютъ — гдѣ Грузія. (Такъ-ли это важно, когда 1800 германцевъ въ Тифлисѣ?).

20 юня. Вчера генералъ Крессъ долженъ былъ выѣхать иза Константинополя въ Поти.

Въ Константинополь пріѣхали грузинскіе делегаты: Гегечкори, Одишелидзе, Гвазава и др. Здѣсь почему-то вообразили, что это прескверно, что теперь Турція разстроитъ нашу

работу въ Берлинѣ. Цѣлая паника! Все пропало, восклицаетъ Николадзе (!?). Мих. Церетели затянулъ что-то заунывное. Я старался доказать имъ, что мы только выигрываемъ отъ пріѣзда этой делегаціи (Но зачѣмъ она такая многочисленная?) въ Константинополь; что съ Турціей слѣдуетъ говорить дружелюбно; что такіе непосредственные разговоры укрѣпляютъ насъ здѣсь, и заставятъ торопиться съ признаніемъ независимости Грузіи самое Германію.

Болѣе того: полагаю, что совершенно недипломатично было нашему министру иностранныхъ дѣлъ ѣхать сюда, какъ-бы игнорируя Константинополь: своимъ присутствіемъ тамъ онъ, напротивъ, успѣшно маскировалъ-бы нашу работу здѣсь.

Чхенкели вызвалъ телеграфно Гегечкори въ Берлинъ.

21 іюня. Вдвоемъ съ Чхенкели въ М. И. Д., у д. т. с. д-ра Криге для рѣшительнаго разговора о возможности формальнаго признанія Германіей независимости Грузіи. Генералъ фонъ-Лоссовъ, которому, какъ военному, нѣсколько докучаютъ всѣ эти тонкости регулярной дипломатіи, совѣтовалъ говорить съ Криге поэнергичнѣе и настаивать на особыхъ правахъ Грузіи: этими «особыми правами» и трактатомъ 1783 года браваго генерала начинилъ Чхенкели.

Итакъ, заговорили о признаніи.

Криге. Германія не можетъ этого сдѣлать раньше Россіи, потому что, разъ заключенъ Брестъ-Литовскій миръ, такое признаніе было-бы актомъ враждебнымъ по отношенію къ Россіи. Тамъ, въ Брестъ-Литовскѣ, Россія предлагала намъ признать право народовъ на самоопредѣленіе въ значеніи *общаго принципа международнаго права*. Мы это предложеніе тогда категорически отвергли; какъ же можемъ мы теперь, на основаніи состоявшагося акта самоопредѣленія Грузіи, признать независимость части Россіи, объявившей себя самостоятельной? Мы уподобились-бы крестьянину, который отказался на-отрѣзъ купить коня по предложенной ему цѣнѣ, а затѣмъ пожелалъ-бы попросту вывести его изъ стойла, на томъ основаніи, что ему предлагали его купить...

Вы говорите далѣе, что у Грузіи свои особыя права... Не вдаваясь въ ихъ критику, скажу, однако, что Грузія, если и была государствомъ, то перестала имъ быть. Позднѣйшіе факты создали новое положеніе вещей. И во всякомъ случаѣ: ссылка на *особыя права* умѣстна въ отношеніяхъ между Россіей и Грузіей, но не между Россіей и третьей державой.

Не проще-ли рѣшить вопросъ плебисцитомъ? Противъ этого большевики едва-ли станутъ возражать.

Чхенкели, разумѣется, настаивалъ на особыхъ правахъ Грузіи; недоумѣвалъ, какъ можно ихъ оспаривать; утверждалъ, что о правахъ этихъ знаютъ въ Америкѣ, Англіи, Франціи (!), и что только Германія ихъ почему-то не признаетъ. Я указалъ на неудобство плебисцита послѣ состоявшагося уже торжественнаго провозглашенія независимости, на нежелательность агитаціи въ такое время и пр.

Кригге. На основаніи Б.-Л. договора опредѣленныя части вышли изъ состава Россіи; другимъ выговорено особое положеніе и т. д. Все остальное продолжаетъ быть подъ суверенитетомъ Россіи. Что касается Кавказа, имѣются лишь указанія о трехъ округахъ, отошедшихъ отъ Турціи въ 1878 г. и только!

А. Однако, тамъ прямо говорится, что въ устройствѣ этихъ округовъ извѣстный голосъ принадлежитъ, кромѣ Турціи, еще «сосѣднимъ государствамъ», (только не Россіи).

Ссылками на текстъ ст. IV Б.-Л. договора и на представленную въ Рейхстагъ объяснительную записку германскаго правительства, я стараюсь доказать, что въ Брестъ-Литовскѣ опредѣленно имѣлись въ виду закавказскія «новообразованія».

Кригге. Это ваше пониманіе. Мы такъ не смотрѣли. Впрочемъ, вы понимаете, что мы не можемъ въ такое время, когда война вступаетъ, можетъ быть, въ послѣднюю фазу, рисковать необходимостью снять съ французскаго фронта хотя-бы нѣсколько корпусовъ...

А. Великолѣпно. Но если Грузія и Закавказье принадлежатъ Россіи, какъ могла Германія участвовать въ Батумской конференціи, въ которой эта, по вашему, русская территорія выступала въ качествѣ стороны, въ качествѣ государства, признаннаго, во всякомъ случаѣ, вашимъ союзникомъ Турціей?

Кригге. Участіе это было, такъ сказать, фактическое, подъ условіемъ предварительнаго признанія Россіи...

А. Не фактическое, а регулярное, на основаніи правильнаго полномочія. *Не было сдѣлано ни малѣйшей оговорки ни о «фактическомъ» характерѣ этого участія, ни о правахъ Россіи* — ни устно, ни письменно! Болѣе того, даже когда, во время батумскихъ переговоровъ, стало извѣстно о перепискѣ графа Мирбаха съ московскимъ правительствомъ (относитель-

но участія послѣдняго въ батумской конференціи*)) — ни Германія, ни Турція не вспоминали и не напоминали намъ о правахъ Россіи! Наконецъ, какъ это вы «конструируете» наличность въ Тифлисѣ, по соглашенію съ грузинскимъ правительствомъ, германскихъ войскъ?

Криге. Такъ какъ Россія не осуществляетъ тамъ фактически фласти, то, для защиты своихъ интересовъ, Германія вынуждена была послать туда своихъ солдатъ...

А. И что-же, это послѣдовало съ разрѣшенія Россіи, или хотя-бы съ увѣдомленія ея... какъ суверена?

Криге... Въ общемъ, стало-быть, Вы находите, что мы столько уже грѣшили, что намъ слѣдуетъ только продолжать!..

А. Нѣтъ; но согласитесь, что всѣ факты противорѣчатъ Вашей, строго формальной теоріи Брестъ-Литовскаго договора. Чѣмъ дальше, тѣмъ это противорѣчіе будетъ болѣе разительнымъ. Проще стать на ту точку зрѣнія, что новыя государства въ Закавказьи уже имѣлись въ виду Германіей и Россіей во время брестъ-литовскихъ переговоровъ...

Криге. Что дѣлать, мы другъ друга не убѣдили. Я высказываю мнѣніе, которое здѣсь раздѣляется всѣми въ министерствѣ. Я юристъ, и разсуждаю исключительно какъ международникъ. Какъ наше правительство смотритъ на политическіе вопросы — этого я не знаю. Такіе вопросы рѣшаетъ канцлеръ, императоръ...

Людендорфъ, прибавилъ я мысленно. Впрочемъ я вполнѣ признаю необходимость предварительнаго согласія Россіи на отдѣленіе Грузіи; послѣ чего признаніе со стороны Германіи не замедлитъ, такъ какъ политически она къ этому вполнѣ расположена.

Вечеромъ у супруговъ М., встрѣча съ Максиміліаномъ Гарденомъ и Теодоромъ Вольфомъ... Гарденъ очень скептически высказывался по вопросу о результатахъ войны. Н., не понимая нѣмецкаго языка, дремалъ; Ч. тщетно пытался увлечь этихъ князей берлинской журналистики съ большой дороги общихъ вопросовъ въ закоулокъ грузино-азербайджанскихъ дѣлъ, имѣющихъ, по словамъ Ч., мировое значеніе: ничего изъ этого не вышло.

---

*) См. выше гл. VII.

22 іюня. Доводы д-ра Криге вполнѣ понятны, но путь этотъ (сначала получить благословеніе изъ Москвы) далекій. Какъ-бы въ Константинополѣ не переоцѣнили, намъ во вредъ, этихъ колебаній Берлина! Вотъ почему, въ сегодняшнемъ нашемъ совѣщаніи съ ген. фонъ-Лоссовымъ, я обратилъ его вниманіе на своеобразное отношеніе Е. П. д-ра Крига къ его, Лоссова, дипломатіи, и на проистекающую отсюда неопредѣленность, двойственность нашего положенія. Въ сущности, Грузія могла-бы столковаться съ Россіей непосредственно и получить признаніе; не трудно было-бы ей сговориться и съ Турціей. Въ Берлинъ мы пріѣхали ради болѣе далекихъ перспективъ. Но если здѣсь дѣло будетъ чрезмѣрно тормозиться, то и т. д.

Въ «проволочкахъ», если есть таковыя, Л. не виноватъ: все же, надо иногда говорить въ этомъ тонѣ.

22 іюня. Сегодня, въ Рейхстагѣ, слушали изъ дипломатической ложи обсужденіе смѣты канцлера и министерства иностран. дѣлъ.

Большая, сильная рѣчь ф.-Кюльмана. Для новѣйшей исторіи Грузіи она получитъ историческое значеніе. По его словамъ, чуть ли не на дняхъ соберется въ Константинополѣ конференція представителей союзныхъ державъ и кавказскихъ народовъ для разрѣшенія выдвинутыхъ войною вопросовъ (т. е. конференція, ради которой наши делегаты уже пріѣхали въ Константинополь, и созывъ которой, какъ высшей инстанціи для пересмотра актовъ, подписанныхъ въ Батумѣ 4-го іюня — былъ однимъ изъ главныхъ мотивовъ нашего пріѣзда въ Берлинъ)*).

Съ другой стороны, К. съ точностью установилъ необходимость предварительнаго обмѣна мнѣній съ русскимъ совѣтскимъ правительствомъ относительно выхода изъ состава Россіи опредѣленныхъ государственныхъ новообразованій, послѣ чего сдѣлается возможнымъ *окончательное дипломатическое признаніе* этихъ новообразованій

Въ частности, процедура эта относится и къ Грузіи, которую К. считаетъ въ національномъ отношеніи наиболѣе консолидированнымъ изъ новыхъ кавказскихъ государствъ. Коснувшись, затѣмъ, Арменіи и Азербайджана, К. упомянулъ о стремленіи этихъ трехъ республикъ къ объединенію въ одно цѣлое.

*) См. ниже гл. XII. На самомъ дѣлѣ, конференція эта такъ и не была созвана.

По поводу движенія турецкихъ войскъ вглубь Закавказья К. объяснилъ, что движеніе это, а также занятіе линіи Батумъ-Джульфа-Тавризъ объясняются стратегическимъ положеніемъ въ сѣверной Мессопотаміи и необходимостью обезпечить себѣ соединеніе, этимъ путемъ, черезъ персидскій Азербайджанъ съ долиною Тигра.

Кюльманъ намекнулъ на занятіе турками, при этой операціи, такихъ территорій, *длящаяся оккупація которыхъ или анексія отнюдь не вытекаетъ изъ Брестъ-Литовскаго договора.* Впрочемъ, прибавлялъ онъ, продвиженіе турокъ на Кавказѣ пріостановилось, и всѣ эти вопросы, какъ сказано, будутъ разсмотрѣны на предстоящей конференціи въ Константинополѣ.

«Съ Грузіей, говорилъ К., мы вступили въ дружескія отношенія: мы уже признали ее de facto. Мы находимся въ дружескомъ обмѣнѣ мыслей съ присланнымъ сюда ея министромъ иностранныхъ дѣлъ. Съ своей стороны, мы послали съ дипломатическою миссіею въ Тифлисъ генерала ф.-Кресса. Мы желаемъ прочной будущности грузинскому государству, этому храброму народу и богатой странѣ и съ радостью сдѣлаемъ, что отъ насъ зависитъ, для установленія дружескихъ отношеній между Грузіей и Германіей». Это слова вызвали дружные апплодисменты.*)

Итакъ, наши старанія въ Батумѣ, Поти, Берлинѣ не были тщетны. Мы нашли «управу» на Турцію. Вопросъ о признаніи поставленъ практически.

Но самое главное: Грузія, Кавказъ вошли въ европейскую политику и исторію. Конецъ провинціально-россійской фазѣ нашего существованія!

Грузія — Грузіей, но важнѣе всего то общее, что было сказано Кюльманомъ о войнѣ. Отвѣтственность за нее онъ

*) Въ тѣхъ же дебатахъ — 24-го и 25 іюня 1918 года — Грузіи и вообще Кавказа коснулись слѣдующіе ораторы: докладчикъ смѣты, принцъ zu Schonaich Carolath (нац.-либ.); Гроберъ (центръ); д-ръ Давидъ (соц.); графъ фонъ-Вестарпъ (конс.); д-ръ Штреземанъ (н.-л.); Гаазе (незав. соц.); д-ръ Вернеръ (нѣм. свобод.). См. кромѣ стенограф. отчетовъ и газетъ, брошюру in-folio *Das Neue Georgien.* Eine Denkschrift mit statistischen Tabellen und einer Kartenskizze von *Michael von Tseretheli*, гдѣ приведены выдержки всѣхъ этихъ рѣчей.

Въ общемъ, депутаты отнеслись съ симпатіей къ Грузіи и съ большимъ интересомъ къ распространенію на нее германскаго вліянія. Въ тѣхъ же рѣчахъ многое было сказано въ пользу армянъ, страдающихъ отъ турецкихъ гоненій.

всецѣло возложилъ на Россію (благо, большевики не будутъ противъ этого спорить!).

Объ успѣхахъ германскихъ войскъ онъ говорилъ сдержанно и выразилъ сомнѣіе въ томъ, чтобы война эта была рѣшена одною силою оружія! Жизненныя требованія Германіи онъ свелъ къ свободѣ развитія въ поставленныхъ исторіей границахъ, къ свободѣ мореплаванія и къ колоніальнымъ владѣніямъ, соразмѣрнымъ экономической силѣ германскаго народа.

Все это, очевидно, неопредѣленно: но К. за необходимость обмѣна мыслей между воюющими о мирѣ. Слѣдовательно, К. не вѣритъ въ торжество германскаго оружія. Это необычайно важно.

ГЛАВА XII.

ТУРЦІЯ ТОРЖЕСТВУЕТЪ.

31.

Прежде чѣмъ продолжать разсказъ о томъ, какъ развернулись и къ чему впослѣдствіи привели — или не привели — наши берлинскіе переговоры, необходимо вернуться вспять и изложить вкратцѣ взаимоотношенія Грузіи и Турціи послѣ того какъ провозглашеніемъ независимости Грузіи прервана была Батумская конференція (26 мая 1918 г.).

Это былъ именно перерывъ. Турецкая делегація осталась въ Батумѣ, ожидая появленія, вмѣсто распавшейся Закавказской «стороны», трехъ отдѣльныхъ делегацій — отъ Грузіи, Арменіи и Азербайджана (провозгласившихъ вслѣдъ за Грузіей свою независимость — 28-го мая). Делегаціи эти и не замедлили появиться. Грузинская включала министра-предсѣдателя Рамишвили, генерала-отъ-инфантеріи Одишелидзе, г. г. Гвазава и Рцхиладзе. Одинъ полный генералъ и представители трехъ партій: с.-д., нац.-дем., соц.-фед. — таковъ была аппаратъ, двинутый для подписанія актовъ завѣдомо неокончательныхъ, а по содержанію для Грузіи весьма прискорбныхъ!

Началось, 31-го мая 1918, съ запроса: относится-ли ультиматумъ, предъявленный 26-го мая Закавказской делегаціи, къ вновь возникшей грузинской республикѣ? «Естественно, относится», отвѣтили турки незамедлительно и прибавили: просимъ отвѣта не позже 12 час. ночи.

Рамишвили послѣ этого выразилъ желаніе установить «добрососѣдскія отношенія съ Турціей», съ тѣмъ однако, чтобы «южная граница Грузіи была опредѣлена согласно Брестъ-

Литовскаго договора»—т. е. онъ отбрасывалъ (за N 2) территоріальныя требованія турецкаго ультиматума, но затѣмъ (за N 3) согласился ихъ принять.

Оставалось подписать всѣ эти акты, что и произошло, въ гор. Батумѣ, 4-го іюня, т. е. на слѣдующій день послѣ прибытія другой грузинской делегаціи въ Берлинъ.

Простая по существу процедура глотанія столь горькой пилюли не обошлась безъ рѣчей, — какъ того, кто эту пилюлю поднесъ, такъ и того кто ее проглотилъ.

Халилъ-бей высказался въ томъ смыслѣ, что за дополнительныя (къ Брестъ-Литовскому миру) непріятности пеняйтемолъ на себя: зачѣмъ было сопротивляться нашему вступленію въ Батумъ и въ Карсъ? Вообще же, *образованіе на Кавказѣ сильно организованнаго и прогресивнаго государства онъ объявилъ вопросомъ жизненнымъ для Оттоманской Имперіи*. Такое государство, прибавлялъ онъ, должно имѣть основою взаимную дружбу кавказскихъ народовъ, *главнымъ же образомъ сила его должна зиждиться — на дружескихъ отношеніяхъ между кавказскими мусульманами и грузинами*.

Рамишвили изъявилъ въ свою очередь, удовольствіе въ виду прекращенія войны, этого «наслѣдія царскаго правитель ства и въ объявленіи которой грузинскій народъ не принималъ никакого участія»; выразилъ надежду, что «народъ нашъ будетъ постоянно пользоваться правомъ мирнаго интеллектуальнаго развитія» (!) и т. д.

По словамъ Рамишвили «наше государство объявило себя *нейтральнымъ* въ этой войнѣ» — заявленіе отнюдь не необходимое и, въ такой формѣ, далекое отъ точности — коль скоро желѣзныя дороги Грузіи предоставлялись въ распоряженіе одной изъ воюющихъ сторонъ.

Предсѣдатель грузинской делегаціи, вслѣдъ за своимъ отвѣтнымъ словомъ, прочелъ вновь декларацію, уже сдѣланную имъ раньше, при частномъ обсужденіи условій мира (которое предшествовало формальному засѣданію конференціи) — декларацію, въ которой говорится о подписанномъ въ Поти 28 мая соглашеніи о военныхъ перевозкахъ Германіи и ея союзниковъ по грузинскимъ желѣзнымъ дорогамъ и объ *обязательности этого соглашенія* для Грузіи. Нарочитость этой ссылки на «обязательность» грузино-*германскаго* соглашенія дала Халилъ-бею поводъ потребовать отъ словоохотливаго Рамишвили — признанія такой-же «обязательности» *турецко-*

грузинскаго (дополнительнаго) соглашенія по тому-же предмету.

Наконецъ, всѣ соглашенія были подписаны, съ турецкой стороны — Халиломъ и Вехибомъ, съ грузинской — четырьмя названными выше представителями. Послѣ этого, предсѣдатель грузинской делегаціи говорилъ еще о необходимости скорѣйшаго признанія Грузіи Турціей и ея союзниками, и о желательности скорѣйшаго установленія дипломатическихъ сношеній между Грузіей и Турціей. Халилъ-бей полагалъ, что сношенія эти скоро будутъ установлены, и что «заключеніе только что подписанныхъ договоровъ является уже формальнымъ признаніемъ» независимости Грузіи.*)

Основной, подписанный въ Батумѣ, *договоръ мира и дружбы* между Грузіей и Турціей подлежалъ (ст. XIII) ратификаціи въ мѣсячный, по возможности, срокъ. Ратификація эта такъ и не состоялась, и самый договоръ въ силу никогда не вступалъ.

Грузино-турецкая граница, въ общемъ, опредѣлялась здѣсь соотвѣтственно русско-турецкой государственной границѣ до Адріанопольскаго трактата 1828 года. Это означало возвращеніе къ предѣламъ Грузіи эпохи ея присоединенія къ Россіи. Турція пріобрѣтала обратно и утраченные въ 1878 году санджаки Батумъ, Ардаганъ, Карсъ (уже полученные по миру въ Брестъ-Литовскѣ), и санджаки Ахалцихъ (Akhaskha) и Ахалкалаки (Akhilkelek), обѣщанные еще Екатериною II Грузіи Ираклія II въ случаѣ отвоеванія,**) дѣйствительно отвоеванные въ 1828 году и, впослѣдствіи, вошедшіе въ составъ Тифлисской губ.

Сравнительно съ первоначальнымъ текстомъ договора, предъявленнымъ Закавказской делегаціи 11 мая 1918 года, мирный договоръ съ Грузіей 4 іюня содержитъ одно несомнѣнное улучшеніе — изъ состава Ахалцихскаго уѣзда Грузія сохраняетъ двѣ мѣстности: Абастуманъ (извѣстный климатическій курортъ) и Ацкури (на Курѣ, выше Боржомскаго ущелья). Въ этой уступкѣ сказалось и вліяніе Германіи, и желаніе

*) См. протоколъ засѣданія конференціи, подписанный въ Батумѣ 5-го іюня 1918 секретарями делегацій: д-ромъ В. Гамбашидзе и Орханъ-беемъ. Протоколъ этотъ не напечатанъ въ «Документахъ и матеріалахъ etc.». Тексты договоровъ см. ib. подъ N N 172-179.

**) См. 4-ый «сепаратный артикулъ» къ грузино-русскому договору о протекторатѣ 1783 г. у *Буткова*. Матеріалы для новой исторіи Кавказа. Т. II, гл. 108. Спб. 1869.

турокъ хоть немного утѣшить Грузію, терявшую всѣ свои историческія территоріи верхней Куры и Чорохскаго бассейна.

Протоколы о взаимномъ разграниченіи между Грузіей, Арменіей и Азербайджаномъ должны быть впослѣдствіи включены въ текстъ этого договора и сдѣлаться его составной частью (ст. III).

Одновременно съ мирнымъ договоромъ были подписаны: временныя правила о торговлѣ и мореплаваніи (приложеніе I къ трактату), соглашеніе объ особыхъ льготахъ въ сношеніяхъ между приграничными мѣстностями .(приложеніе II), и правила о духовномъ управленіи мусульманъ въ Грузіи.*)

Болѣе непосредственное значеніе имѣлъ однако подписанный 4-го іюня *дополнительный договоръ* между Оттоманской Имперіей и Грузинской республикой, (вступавшій въ силу со дня его подписанія, однако, съ размѣномъ ратификацій черезъ мѣсяцъ: ст. VI), согласно которому производилась демобилизація грузинскихъ войскъ, устанавливался въ пользу Турціи извѣстный контроль военныхъ силъ республики, давалось обязательство удалить всѣхъ офицеровъ и чиновниковъ государствъ, бывшихъ въ войнѣ съ Турціей, — находившихся на грузинской территоріи (о солдатахъ «антанты» и не упоминалось: ихъ появленіе въ Грузіи въ это время признавалось, повидимому, вообще немыслимымъ!), а, главное, опредѣлялся порядокъ пользованія желѣзными дорогами для военныхъ перевозокъ. Охрана путей, въ принципѣ, возлагается на грузинскія войска.

Особымъ *приложеніемъ къ дополнительному соглашенію*, подписаннымъ генералами Одишелидзе и Вехибомъ, устанавливался порядокъ размѣна военноплѣнныхъ.

На тѣхъ-же основаніяхъ и въ тотъ же день были подписаны въ Батумѣ мирные договоры (съ дополнительными соглашеніями) между Турціей и Азербайджаномъ (въ лицѣ М. Гаджинскаго и Расулъ-Заде), а также между Турціей и Арменіей, представленной уже извѣстными намъ Р. Качазнуни и А.

---

*) Правила эти, въ общемъ, совпадаютъ съ текстомъ аналогичныхъ соглашеній, заключенныхъ Турціей напр. съ Болгаріей и Грецій въ эпоху балканскихъ войнъ 1912-13 г. г. Но въ ст. VI основного договора (абз. 2: «имя Е. И. В. Султана будетъ произноситься въ публичныхъ молитвахъ мусульманъ») турки подсунули грузинскимъ делегатамъ текстъ безъ необходимой оговорки «имя Е. И. В. Султана *какъ халифа*», принятой въ договорахъ съ другими государствами. Текстъ былъ подписанъ безъ этой оговорки.

Хатисовымъ, и еще М. Пападжановымъ*). Желѣзная дорога Карсъ-Александрополь-Джульфа со всею прилегающею территоріею переходила въ обладаніе турокъ: черезъ Арменію и родственный кавказскій Азербайджанъ Турція пробилась, простерла руку въ столь-же родственному Азербайджану персидскому: важное показаніе магнитной стрѣлки стихійнхыъ политическихъ устремленій!**)

Чтобы закончить краткій обзоръ международныхъ актовъ, подписаніемъ которыхъ, подъ сѣнью батумскихъ пальмъ и бамбуковъ, молодыя Кавказскія республики начинали карьеру своей независимости, надо упомянуть еще *конвенцію о поддержаніи въ исправности керосинопровода* Баку-Батумъ, подписанную представителями Азербайджана, Грузіи и Турціи, и соглашеніе трехъ кавказскихъ республикъ и Турціи о распредѣленіи между ними подвижного состава б. Закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ, пропорціонально протяженію желѣзнодорожныхъ линій, пришедшихся на долю каждаго.

32.

Что Халилъ-бей не пожелаетъ уѣхать изъ Батума съ пустыми руками; что побѣдоносная, благодаря разложенію противника, Турція заставитъ новыя правительства подписать нужный ей миръ, это легко было предвидѣть. Бороться противъ навязаннаго намъ въ такихъ условіяхъ Турціей сепаратнаго мира; обратиться къ ея союзникамъ, заставить ихъ вмѣшаться въ дѣло и добиться, этимъ путемъ, насколько возможно, смягченія территоріальныхъ условій мира, весьма разрушительныхъ для Грузіи — это было первое, о чемъ мы должны были подумать, пріѣхавъ въ Берлинъ. Германское правительство было, конечно, въ курсѣ нашихъ намѣреній и надеждъ, благодаря генералу фонъ-Лоссову: теперь отъ насъ требовались формальные шаги.

Мы начали, разумѣется, съ нотификаціи Германскому Правительству акта провозглашенія независимости Грузіи 26 мая, и образованія правительства г. Рамишвили.***)

«Такимъ образомъ, говорилось въ нашей нотѣ по этому

---

*) Б. членъ 4-ой Государствен. Думы; б. членъ Особаго Закавказскаго Комитета (въ 1917 г).

**) Турки и раньше владѣли временами Тавризомъ.

***) Тогда-же мы увѣдомляли о состоявшемся распаденіи Закавказской республики.

поводу, (отъ 6-го іюня) послѣ болѣе чѣмъ столѣтняго владычества Россіи въ Грузіи, народъ грузинскій вновь занялъ свое мѣсто среди независимыхъ націй.

Соединенная съ Россіей политическими договорами, заключенными съ цѣлью обезпечить себѣ полную внутреннюю свободу и цѣлость своей территоріи, Грузія скоро стала свидѣтельницей нарушенія своихъ правъ; свобода ея была поколеблена, а вольности ея замѣнены режимомъ полной анексіи.

Съ того момента какъ русское правительство вывело войска свои изъ Закавказья, и въ частности изъ Грузіи, предоставляя ее своей судьбѣ, никакія связи не соединяли болѣе Грузію съ Россіей. Свободная отнынѣ отъ всѣхъ обязательствъ по отношенію къ другому государству, Грузія провозгласила себя независимой республикой и стремится нынѣ установить свои международныя отношенія, сообразно своимъ жизненнымъ интересамъ, въ видахъ обезпеченія своей, вновь обрѣтенной, независимости и свободы дальнѣйшаго развитія». О скорѣйшемъ признаніи этой новой республики мы и просили германское правительство.

О подписаніи мира 4-го іюня между Грузіей и Турціей намъ стало извѣстно въ Берлинѣ на слѣдующій же день. 6-го іюня, т. е. одновременно съ формальнымъ оповѣщеніемъ германскаго правительства о провозглашеніи независимости Грузіи, мы заявили министерству иностранныхъ дѣлъ, что «поскольку Грузія оказалась, подъ прямымъ давленіемъ Турціи, вынужденной къ подписанію какого-либо соглашенія съ одной Турціей, обязательства, подписанныя въ этихъ условіяхъ, должны почитаться ничтожными», и что «совокупность вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію между *четырьмя союзными державами* и Грузіей» подлежала-бы разсмотрѣнію въ особой конференціи, для выработки договора между Грузіей съ одной стороны, и всѣми державами четвернаго союза — съ другой, на основѣ Брестъ-Литовскаго договора.

Это наше стремленіе имѣть, такъ сказать, свой собственный Брестъ-Литовскъ*), съ цѣлью, улучшить въ нашу пользу условія навязанныя Грузіи въ Батумѣ, мы съ еще большей отчетливостью выразили въ другой нотѣ отъ того-же числа (т. е. 6-го іюня), заключающей формальное предложеніе

*) По существу это было именно такъ — не въ обиду будь сказано нашимъ соц. дем. лидерамъ, съ такимъ негодованіемъ клеймившимъ *тѣхъ* за «большой» Брестъ-Литовскъ.

созыва конференціи для установленія между Грузіей и четырьмя союзными державами «длительныхъ отношеній дружбы и сотрудничества на основахъ Брестъ-Литовскаго договора».

Эта кампанія — продолженіе нашего состязанія съ турецкой делегаціей въ Батумѣ (см. выше п. 19) — строилась на той мысли, что «полученное въ Брестъ-Литовскѣ въ порядкѣ четверного соглашенія можетъ быть приращаемо и видоизмѣняемо въ томъ же порядкѣ, т. е. общимъ, а не сепаратнымъ соглашеніемъ съ противною стороною». Предлагая на этомъ основаніи новую конференцію, мы, тѣмъ самымъ, не только создавали инстанцію для пересмотра батумскихъ рѣшеній 4-го іюня, но и выигрывали время, необходимое для упроченія нашихъ связей съ Германіей и режима независимости въ самой Грузіи; и имѣли, слѣдовательно, шансы явиться на эту конференцію уже въ нѣсколько окрѣпшемъ видѣ.

И такъ какъ предложеніе созвать конференцію совпало, повидимому, и съ необходимостью обереганія междусоюзнической дисциплины, и съ будущими интересами Германіи, намѣчавшимися въ Грузіи и вокругъ Грузіи — то и случилось такъ, что Левіаѳанъ попался таки на заброшенную нашими слабыми руками удочку.*)

«Императорское Германское правительство, писалъ 9-го іюня фонъ-Кюльманъ на имя предсѣдателя грузинской делегаціи, въ отвѣтъ на наши ноты отъ 6-го іюня: имѣетъ честь заявить, что *оно готово отнестись благопріятно къ этимъ предложеніямъ* (о созывѣ конференціи) *и не приминетъ войти по этому предмету въ сношенія съ правительствами союзныхъ державъ*».

Германское правительство находило, что, по практическимъ соображеніямъ, конференціи слѣдовало бы собраться въ Константинополѣ, и что она, въ частности, могла-бы разсмотрѣть вопросъ о признаніи четырьмя державами (т. е. Германіей, Австро-Венгріей, Турціей и Болгаріей) независимости новой республики. «Императорское правительство, прибавлялъ государственный секретарь по внѣшнимъ дѣламъ, признавая уже въ настоящее время правительство Грузинской республики правительствомъ de facto, *расположено, въ принципѣ, высказаться въ пользу формальнаго признанія республики*, пос-

*) См. въ книгѣ Іова, гл. 40-20. «An extrahere poteris leviathan hamo et fune ligabis linguam ejus?».

лѣ благопріятнаго завершенія переговоровъ, начатыхъ между Грузинской республикой и Московскимъ правтиельствомъ»*).

33.

Сношенія Германіи съ союзными державами относительно созыва конференціи не затянулись, и, какъ мы видѣли, ф. Кюльманъ имѣлъ возможность возвѣстить Рейхстагу о рѣшеніи союзниковъ встрѣтиться на новой конференціи по кавказскимъ дѣламъ уже въ рѣчи своей 24-го іюня (см. выше стр. 93) Тогда-же онъ съ окончательной опредѣленностью заявилъ о необходимости, для формальнаго («дипломатическаго») признанія Грузіи (и другихъ отпавшихъ окраинъ Россійской Имперіи) независимыми государствами предварительнаго на то согласія русскаго (совѣтскаго) правительства.

Это согласіе, въ свою очередь, зависѣло отъ исхода русско-германскихъ переговоровъ, завязавшихся по цѣлому ряду трудныхъ вопросовъ, возникшихъ уже послѣ ратификаціи Брестъ-Литовскаго договора.**)

Добиться согласія Москвы на такое признаніе было, опять таки, легче германскому правительству во время переговоровъ съ г. Іоффе въ Берлинѣ, чѣмъ молодому грузинскому правительству, отношенія котораго къ московской совѣтской власти обѣщали, къ сожалѣнію, быть съ самаго начала отвратительными — благодаря антагонизму раздѣлявшему грузинскихъ соціалъ-демократовъ и совѣтскихъ дѣятелей.(къ большей паубѣ для Грузіи, чѣмъ для Россіи!) Да и сообщеніе Тифлиса съ Москвой было въ это время очень затруднительнымъ благодаря огромной политической черезполосицѣ. Не подлежало сомнѣнію: по вопросу о формальномъ признаніи Грузіи германскимъ правительствомъ приходилось терпѣливо ждать исхода русско-германскихъ переговоровъ.

Что-же касается возвѣщенной константинопольской конференціей, то организація ея оказалась также дѣломъ болѣе труднымъ, чѣмъ это рисовалось въ объясненіяхъ Кюльмана, данныхъ Рейхстагу 24 іюня. Турція имѣла свои довольно сложныя заботы на Кавказѣ, и разрѣшить эти задачи, напр., по упроченію своего вліянія въ Азербайджанѣ, по организа-

*) Грузинская делегація высказывалась, въ отвѣтной нотѣ, за созывъ конференціи въ Берлинѣ или другомъ мѣстѣ, но не въ Константинополѣ.

**) Обмѣнъ ратификацій послѣдовалъ 29 марта 1918 г.

ціи плебициста въ областяхъ, предусмотрѣнныхъ Б.-Литовскимъ договоромъ и т. д. она предпочитала собственными средствами, *до* открытія работъ конференціи. Поставивъ цѣлью укрѣпленіе мусульманскаго Кавказа и, вообще, разрѣшеніе кавказскихъ вопросовъ въ духѣ собственнаго тамъ преобладанія, Турція пригласила въ Константинополь цѣлый рядъ делегацій, тщетно и долго ждавшихъ открытія конференціи и тосковавшихъ въ сладостномъ бездѣйствіи, на иждивеніи оттоманскаго правительства, въ лучшихъ гостинницахъ Перы, въ то-время какъ велись, съ проволочками и безрезультатно, переговоры съ Германіей и другими союзниками по подготовкѣ возвѣщенной уже конференціи. Недѣля шла за недѣлей, а конференція все не созывалась.

Такое положеніе вещей давало намъ въ Берлинѣ время съ большею основательностью разсмотрѣть вопросъ о возможныхъ отношеніяхъ между Грузіей и Германіей. Какъ быть, если ничего не выйдетъ изъ русско-германскихъ переговоровъ и изъ константинопольской конференціи? Требовалось найти такое обоснованіе грузино-германскихъ отношеній, которое обезпечило-бы намъ и въ этомъ случаѣ признаніе Германіи и ея поддержку: лѣтомъ 1918 года признаніе это и поддержка являлись для Грузіи политическимъ факторомъ рѣшающаго значенія, безъ возможности его замѣны какимъ либо другимъ.

ГЛАВА XIII.

СТАВКА НА ГЕРМАНІЮ.

34.

Приступая на этотъ разъ къ регулярнымъ переговорамъ съ германскимъ правительствомъ, мы какъ то молчаливо согласились оставить пока въ сторонѣ соглашенія, подписанныя въ Поти, хотя главная ихъ основа (обусловленность экономическихъ выгодъ, предоставляемыхъ Германіи, — политической поддержкой дѣла независимости Грузіи) не могла отвергаться или быть измѣнена. Въ этомъ смыслѣ, наши берлинскіе переговоры были, конечно, продолженіемъ и завершеніемъ начатого въ Батумѣ и Поти.

Прежде всего надлежало изложить основныя политическія и экономическія данныя, относящіяся къ проблемѣ независимости Грузіи. Н. Я. Николадзе составилъ экономическій обзоръ; я-же взялъ на себя задачу историческаго и политическаго освѣщенія вопроса о независимости Грузіи.

Въ особомъ «объяснительномъ меморандумѣ» дается сжатое изображеніе судьбы Грузіи, преимущественно, послѣднихъ эпохъ — сначала подъ русскимъ протекторатомъ, затѣмъ подъ непосредственнымъ управленіемъ Россіи — и главнѣйшихъ фактовъ изъ исторіи обособленія Закавказья въ 1917 году, полнаго его отдѣленія и, наконецъ, провозглашенія независимости Грузіи 26 мая 1918 года.

Данныя эти резюмированы въ п. 9 этого меморандума въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Соединенная съ Россіей на основаніи политическихъ соглашеній, заключенныхъ грузинскими династами, Грузія, не бывъ завоевана силою русскаго оружія, оставалась и подъ

столѣтнимъ владычествомъ Россіи — живымъ національнымъ организмомъ, ожидавшимъ лишь благопріятнаго времени для осуществленія своихъ непогашаемыхъ національныхъ правъ и для заявленія своихъ политическихъ требованій.

Оставаясь вѣрной Россіи втеченіе великой войны до заключенія Брестъ-Литовскаго мира, Грузія не могла отнестись равнодушно къ дѣйствіямъ русскаго правительства, открывшаго ея границы вторженію непріятеля и уступившаго ему по договору грузинскія области. Предоставленная такимъ образомъ своей участи, Грузія, послѣ крушенія и полнаго уничтоженія русской государственности въ Закавказьи, содѣйствовала сперва упроченію здѣсь независимаго государственнаго строя, а затѣмъ приступила къ организаціи своего собственнаго государства, свободнаго, силою происшедшихъ событій, отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ Россіи, правительство которой признало, впрочемъ, особымъ декретомъ полную свободу каждаго народа входившаго въ составъ Россіи избрать подходящій для него политическій режимъ, включая полное отдѣленіе отъ Россіи.

Вернувшись такимъ образомъ, вновь къ осуществленію своихъ правъ, пріостановленному во время русскаго владычества, грузинскій народъ предполагаетъ нынѣ устроить свое государство и свои международныя связи свободно и такъ, чтобы ему обезпечено было длительное пользованіе своими возстановленными правами, на благо Грузіи и всего Кавказа».

Этимъ документомъ*) имѣлось въ виду показать, что провозглашеніе независимости Грузіи было естественнымъ, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ стародавней исторической традиціи, національнаго сознанія молодой грузинской демократіи и last but not least — распаденія Россійской Имперіи въ 1917 году.

Вслѣдъ за этимъ поясненіемъ обстоятельствъ и причинъ, вызвавшихъ провозглашеніе независимости Грузіи, 26 мая 1918 года, необходимо было изложить существо политическихъ цѣлей, которыя мы преслѣдовали, и характеръ поддержки, которой мы искали въ Берлинѣ.

---

*) При составленіи его приходилось, конечно, считаться съ официальною доктриною грузинскаго правительства по вопросу, какъ она выразилась въ «Актѣ независимости Грузіи» 26-го мая 1918. Текстъ акта получилъ широкую огласку, на разныхъ языкахъ. См. русскій переводъ въ «Документахъ и матеріалахъ», N 165.

Иными словами: надлежало дать мотивировку и выразить точный смыслъ той т. наз. *германской оріентаціи*, которую, весною 1918 года, мы избрали. И это послѣ того какъ всего только въ ноябрѣ 1917 года необходимость сохраненія *россійской оріентаціи* была признана грузинскимъ національнымъ совѣщаніемъ!

Чтобы понять эту перемѣну, надо вспомнить, что между двумя этими датами произошло крушеніе всероссійской демократіи (благодаря разгону Учредительнаго Собранія) и крушеніе россійской Имперіи, засвидѣтельствованное въ Брестъ-Литовскѣ.

Распаденіе Россіи было дѣйствительнымъ событіемъ. Прежней Имперіи уже не существовало въ началѣ 1918 г. А на границахъ неустроенной еще Грузіи стояли турки: и выше достаточно подробно разсказано, какъ, почему и съ какимъ успѣхомъ Грузія избавилась отъ непосредственной опасности благодаря «германской оріентаціи» — т. е. политическому курсу, подсказанному фактическими условіями тѣхъ дней.

Но этого объясненія *злободневными обстоятельствами* далеко недостаточно: въ этой «германской оріентаціи» было сначала-же нѣчто болѣе глубокое, нѣчто непосредственно связанное съ осознаніемъ путей и потребностей развитія и самоутвержденія націи, явно хирѣвшей въ условіяхъ русской государственности XIX и начала XX вѣка.

Здѣсь сказалось и стремленіе примкнуться болѣе непосредственно къ Европѣ, къ тому, что мыслилось средоточіемъ и главнымъ очагомъ культурныхъ движеній; и желаніе высвободиться изъ слишкомъ обременительныхъ и опасныхъ тисковъ односторонняго русскаго вліянія; и надежда обосновать прочнѣе національную будущность Грузіи, включивъ ее какъ самостоятельное звено въ будущую политическую систему ближняго востока...

Какова будетъ эта система, трудно было предвидѣть; но выступить, какъ политическая единица, какъ одинъ изъ факторовъ, принимаемыхъ въ расчетъ,—было и естественно, и благоразумно.

Такъ намѣтился тотъ варіантъ «примыканія къ Европѣ», который легъ въ основаніе грузинской политики начиная съ батумской конференціи мая 1918 года, и который можно назвать «германскимъ» или «среднеевропейскимъ» — направленіе этого варіанта точно соотвѣтствовало политической об-

становкѣ востока Европы и Ближняго Востока въ моментъ, когда Грузіи пришлось впервые рѣшаться и выбирать.

Въ свое время «россійская оріентація» Грузіи была также исторически необходимымъ и географически предопредѣленнымъ «варіантомъ» примыканія къ миру христіанской культуры и образованности: въ XVIII столѣтіи попытки Грузіи найти поддержку въ Зап. Европѣ были безнадежны и безуспѣшны . Въ 1918 году условія представлялись иными: соприкосновеніе съ Европой благодаря ея интересамъ и вліянію на Востокѣ достигалось сравнительно легко, становилось уже вопросомъ практической политики, источникомъ осязательныхъ достиженій. Но, повторяю: этотъ первый варіантъ европейской оріентаціи Грузіи гласилъ, по необходимости: Германія, «Срединая Европа».

Отъ этихъ разъясненій перейду къ изложенію второго меморандума (отъ 17 іюня 1918 г.), въ которомъ именно и излагались политическія цѣли Грузіи и намѣчалась схема ея взаимоотношеній съ Германіей.

Послѣ ссылки на причины и послѣдствія присоединенія Грузіи къ Россіи въ началѣ XIX вѣка, въ этомъ документѣ говорится о желаніи грузинскаго народа опереться на такую державу, со стороны которой нѣтъ основанія опасаться поглощенія (анексіи), и интересы которой легко согласуются съ политическими задачами Грузіи.

Каковы же эти задачи?

Прежде всего, упроченіе своей государственности; организація властей и отраслей управленія, военныхъ силъ, финансовъ; признаніе другими державами и установленіе съ ними правильныхъ международныхъ сношеній.

Во-вторыхъ, созданіе союзническихъ связей между Грузіей и ея сосѣдями, христіанами и мусульманами, какъ въ Закавказьи такъ и на Сѣверномъ Кавказѣ и, затѣмъ, подготовка *Кавказской Конфедераціи*, призванной играть важную роль въ будущей политической системѣ, имѣющей установиться въ этихъ краяхъ въ результатѣ міровой войны.

Эта конфедерація будетъ нейтрализована и достаточно устроена въ военномъ отношеніи, чтобы защищать свой нейтралитетъ отъ нападеній извнѣ.

Однако, прежде всего надлежитъ обезпечить будущность Грузіи, поддержавъ ея независимость: независимая Грузія сдѣлается краеугольнымъ камнемъ Кавказской Конфедераціи; черезъ Грузію-же политическое и экономическое вліяніе Гер-

маніи найдетъ болѣе легкій доступъ въ сосѣднія страны. Это — въ будущемъ; но Германія отнынѣ-же получитъ участіе... въ разработкѣ богатствъ Грузіи въ связи съ предоставленіемъ послѣдней займа.

Изъ этихъ посылокъ дѣлается заключеніе, что взаимоотношенія Грузіи и Германіи должны строиться на началахъ союзническихъ, съ полнымъ, признаніемъ независимости и суверенитета Грузіи и съ предоставленіемъ Германіи фактически привилегированнаго положенія, на основаніи совокупности договоровъ и конвенцій, опредѣляющихъ участіе ея, главнымъ образомъ, въ экономическомъ строительствѣ и, въ частности, въ организаціи военныхъ силъ для обороны Грузіи.

Особо оговаривалось германское содѣйствіе въ дѣлѣ международнаго признанія Грузіи; заемъ въ Германіи для созданія денежной системы и т. д.

На изложенныхъ основаніяхъ — заключалъ меморандумъ — могло-бы возникнуть плодотворное и длительное сотрудничество между Грузіей и Германіей. Грузія получила-бы, вмѣстѣ съ возможностью экономическаго расцвѣта, гарантію своей государственной назависимости. Германія извлекла-бы изъ этого сотрудничества не меньшія выгоды: оно облегчило-бы ей защиту и развитіе ея интересовъ на Востокѣ.*)

35.

Уже изложеніе подписанныхъ въ Поти временныхъ соглашеній (см. гл. IX) показало, какое значеніе Германія придавала развитію экономическихъ связей съ Грузіей.

Здѣсь, въ Берлинѣ, на эту сторону дѣла приходилось обращать такое-же вниманіе, какъ на чисто дипломатическіе переговоры. При тѣсной связи крупной промышленности и банковъ съ правительствомъ достиженіе результатовъ въ области экономическихъ интересовъ открывало путь къ скорѣйшему завершенію и политическихъ нашихъ задачъ. Въ самомъ дѣлѣ, намъ пришлось договариваться съ наиболѣе мощными и, слѣдовательно, вліятельными предпріятіями германскаго торгово-промышленнаго мира.

*) Особая записка объ экономическихъ выгодахъ для Германіи союза съ Грузіей и о природныхъ богатствахъ послѣдней была тогда-же составлена Н. Я. Николадзе, и сообщена германскому правительству одновременно съ изложенными въ текстѣ двумя меморандумами. Эти три документа и явились, можно сказать, основою нашихъ переговоровъ въ Берлинѣ.

Главный предметъ этихъ переговоровъ опредѣлялся безъ затрудненія. Не надо было его ни изобрѣтать, ни навязывать. То былъ Чіатурскій марганецъ, гдѣ у германскихъ фирмъ уже давно были свои интересы, и значеніе котораго для европейской металлургіи стали вообще очень велико.*)

На этомъ «черномъ камнѣ (шави-ква — такъ называется по-грузински марганецъ) воздвигнется зданіе германо-грузинскихъ отношеній, думалось не безъ основанія.

Къ переговорамъ приступили немедленно, послѣ предварительнаго свиданія съ министромъ народнохозяйственнаго вѣдомства (Reichswirtrchaftsamt) барономъ фонъ-Штейнъ, и велись они въ помѣщеніи этого министерства, принимавшаго въ нихъ извѣстное участіе. Что же касается нашихъ германскихъ контрагентовъ, то здѣсь была вся такъ называемая «тяжелая индустрія»: акціонерное общество Фридрихъ Круппъ (Эссенъ), Гельзенкирхенское горнопромышленное акц. общество, Deutsch-Luxemburgische... Aktiengesellschaft (Bochum), Gewerkschaft Deutscher Kaiser и т. д. — одно упоминаніе которыхъ говоритъ о шахтахъ доменныхъ печахъ, дивидендахъ и рабочемъ вопросѣ въ масштабѣ циклопическомъ . Руководящую роль въ переговорахъ съ этой стороны игралъ Фрицъ Тиссенъ.**)

Рѣшено было упорядочить вывозъ марганца заграницу (а онъ обыкновенно вывозился полностью въ Европу и Америку) посредствомъ созданія особаго акціонернаго общества (по грузинскимъ законамъ), получавшаго монополію вывоза марганца. А для того чтобы экспортъ былъ въ техническомъ отношеніи оборудованъ «по послѣднему слову», и для созданія, вообще, извѣстнаго единства и планомѣрности въ этомъ дѣлѣ, рѣшено было учредить одновременно еще два акціонерныхъ общества: одно для эксплоатаціи желѣзнодорожнаго подъѣздного пути Чіатури—Шорапани***), по которой перевозится марганецъ, чтобы, затѣмъ, по главной линіи, достигнуть Поти; а другое — для эксплоатаціи Потійскаго порта.

Дѣловое руководство всѣми тремя обществами обезпе-

---

*) См. всѣ свѣдѣнія въ книгѣ *D. Ghambashidze*, F. R. G. S. Mineral resources of Georgia and Caucasia. Manganese industry of Georgia. London 1919.

**) При занятіи Рура французами въ началѣ 1923 г. его, за неисполненіе ихъ требованій, посадили въ тюрьму, и имя этого крупнѣйшаго промышленника было тогда очень популярно въ Германіи.

***) Чіатури — средоточіе добычи марганцевой руды; Шорапани — станція на магистральной линіи Тифлисъ-Поти.

чивалось за группою вышеозначенныхъ предпріятій. Съ германской стороны выражалось горячее желаніе получить все это дѣло полностью въ свои руки, т. е. сдѣлать эти общества по составу акціонеровъ чисто-германскими, но одновременно установить въ пользу грузинскаго правительства весьма существенныя отчисленія и вообще финансовыя выгоды. На дѣлѣ же была принята, въ виду настояній грузинскихъ делегатовъ, другая схема, а именно: паритетное участіе въ акціонерномъ капиталѣ грузинской группы, наряду съ германской; предоставленіе грузинской группѣ одной (изъ трехъ) директорскихъ вакансій въ правленіи, и предсѣдательствованія (при равенствѣ членовъ) въ Совѣтѣ каждаго изъ трехъ акціонерныхъ обществъ. Словомъ, германская группа получала преимущество въ активной администраціи, грузинская — въ надзорѣ, при полномъ равенствѣ въ участіи.

Составленные на этихъ основаніяхъ три договора были подписаны 12 іюля, такъ-же какъ особое соглашеніе съ министерствомъ народнаго хозяйства (Reichswirtschaftsamt) — въ лицѣ товарища министра д-ра Гепперта*) — о возможности предоставленія тѣмъ же т. е. германскимъ промышленнымъ кругамъ и на тѣхъ-же основаніяхъ эксплоатаціи одной еще не существующей въ Чіатури «марганцевой» отрасли, а именно, выплавки ферромангана и другихъ соединеній, съ примѣненіемъ водной силы; о разверсткѣ министерствомъ акцій (германской половины) между заинтересованными группами и т. д.

Въ этотъ-же протоколъ былъ внесенъ слѣдующій (6-ой) пунктъ: «грузинское правительство признаетъ эти договоры окончательными лишь послѣ заключенія финансоваго соглашенія (переговоры по которымъ ведутся) и послѣ выясненія политическихъ отношеній между Грузинской республикой и Германской Имперіей».

Подписаніе этихъ договоровъ ознаменовано было (16 іюля) торжественнымъ обѣдомъ, хозяиномъ котораго былъ министръ баронъ ф.-Штейнъ. Присутствовалъ здѣсь вице-канцлеръ von Payer, имперскій министръ финансовъ и многіе другіе.**)

*) Старшій братъ того д-ра Гепперта (м-ство иностранныхъ дѣлъ), о которомъ уже не разъ упоминалось.

**) По болѣзни Чхенкели отсутствовалъ, и меня посадили рядомъ съ вице-канцлеромъ: онъ далъ за меня хлѣбный купонъ (у меня не было съ собой) метръ-д'отелю, который только послѣ этого положилъ мнѣ на тарелочку ломтикъ чернаго хлѣба.

Финансовое соглашеніе о займѣ съ группой главнѣйшихъ банковъ Германіи было нами подписано довольно скоро (15 августа) такъ что для осуществленія «марганцевыхъ» договоровъ надо было выжидать лишь исхода нашей дипломатической кампаніи — т. е. прежде всего формальнаго признанія со стороны Германіи.

На дѣлѣ договорамъ этимъ вовсе не суждено было осуществиться. Теоретически-же они, какъ мнѣ кажется — и съ этой именно цѣлью я надъ ними много работалъ — открывали дѣйствительно передъ Грузіей тотъ путь сотрудничества съ иностраннымъ культурнымъ капиталомъ,*) которымъ достигалось-бы быстрое развитіе природныхъ богатствъ, расширеніе хозяйственныхъ горизонтовъ, вносились-бы дѣловые навыки, создавались-бы заработки и для рабочихъ, разрѣжая тѣмъ самымъ чрезмѣрную гущу крестьянства, и для «интеллигентныхъ» пролетаріевъ. А послѣднее очень важно въ Грузіи, какъ и въ другихъ отсталыхъ странахъ Востока, гдѣ пріобщеніе къ разнымъ «идейнымъ теченіямъ Запада» умножило далеко свыше необходимости политикановъ, агитаторовъ и т. д., при массовомъ невѣжествѣ и при отсутствіи необходимыхъ кадровъ лицъ, нужныхъ для хозяйственнаго роста и для развитія и удовлетворенія потребностей страны.

Мы были въ Берлинѣ въ такое время, когда, подъ вліяніемъ военной «экономики» и преобладавшихъ общихъ теченій, Германія переживала чуть-не психозъ «сырья». Какъ обезпечить себя — не только на время войны, но и вообще, для бу-

---

Такова была строгость военно-продовольственныхъ регламентовъ.

Вице-канцлеръ, симпатичный старикъ — вюртембержецъ, спрашивалъ, между прочимъ, о своихъ землякахъ-колонистахъ, поселенныхъ въ Грузіи при Александрѣ I, выходцахъ изъ Вюртемберга.

Говорили о русской революціи, о революціяхъ, о мартѣ 1848 года. «Мы сами не знаемъ, замѣтилъ фонъ-Пайеръ, какъ мы счастливы. Примѣръ Россіи показываетъ, какъ мы должны цѣнить блага правопорядка. Нарушенія гражданской свободы всегда волнуютъ нашъ Рейхстагъ, и эта его чуткость — лучшій стражъ законности».

Послѣ банкета сидѣли долго за стаканомъ вина. Въ 12 часовъ пришли, согласно правиламъ военнаго времени, гасить электричество: общество безпрекословно разошлось, а здѣсь было три министра и много высшихъ чиновъ разныхъ вѣдомствъ.

*) Т. е. то «развитіе производственныхъ отношеній», котораго грузинскіе марксисты не безъ благодушія ожидали отъ «объективнаго хода исторіи».

дущей хозяйственной конкурренціи, нужнымъ сырьемъ? Чудовищная промышленность Средней Европы должна располагать неизмѣримымъ количествомъ руды, шерсти, хлѣба, нефти, кожъ и т. д. Когда на восточномъ фронтѣ разжато было кольцо блокады, Германія съ вожделѣніемъ потянулась ко всѣмъ запасамъ, нѣдрамъ, возможностямъ, которыя внезапно тамъ открылись...

Такое настроеніе служило почвой не только для практическихъ плановъ, но и для фантазіи. Какъ часто здѣсь разсчетъ возбуждалъ мечту, или мечта окрыляла статистику! Въ эту Wahrheit und Dichtung сырья, въ эти призывы къ экономическимъ просторамъ и мы внесли свою долю: собенно Н. Я. Николадзе. Вполнѣ естественно и неизбѣжно зерно положительныхъ переговоровъ, о которыхъ разсказано выше, обволакивалось пеленою гаданій, предположеній, соображеній, гдѣ неистощимость дѣйствительныхъ или мнимыхъ рессурсовъ шла навстрѣчу безграничной жаждѣ достиженія и обладанія.

Рѣки и потоки Кавказа превращались въ милліоны ретивыхъ коней (HP) въ стальной упряжи, готовыхъ двинуть колесницу германскаго капитализма вглубь Азіи; древесина пихтовыхъ, еловыхъ и иныхъ лѣсовъ въ горныхъ ущельяхъ претворялась въ бумагу; нечего и говорить о мѣди! нечего и говорить о нефтяныхъ продуктахъ!

Долженъ оговориться- что кое-что изъ этихъ «сырьевыхъ» и иныхъ разговоровъ имѣло подъ собою основаніе. Но у насъ не было времени для болѣе практической постановки этихъ вопросовъ. Впрочемъ, вѣдь все — какъ «положительное», такъ и «фантастическое»— одинаково предназначалось къ небытію... И въ самой «положительной» части мы, какъ оказалось, «фантазировали» больше всего—правда, въ обществѣ самого вышколеннаго правительства въ мірѣ, самыхъ мощныхъ дѣловыхъ людей Европы и наиболѣе «современныхъ» банковъ.

36.

Послѣ сдѣланнаго ф. Кюльманомъ въ Рейхстагѣ заявленія по грузинскому вопросу и подписанія договоровъ съ германскими промышленниками, ближайшая цѣль нашего пріѣзда въ Берлинъ могла считаться достигнутой.

Независимая Грузія устраивалась тамъ на мѣстѣ, какъ могла и какъ умѣла, преодолѣвая внѣшнія и внутреннія затрудненія. Присутствіе въ Тифлисѣ генерала Кресса и небольшого германскаго отряда дѣйствовало благопріятно, удерживая турокъ въ опредѣленныхъ рамкахъ.

Въ концѣ іюня 1918 года, во главѣ грузинскаго правительства сталъ Ной Жордапіа, и этимъ достигнута была извѣстная координація правительственной машины и разныхъ партійныхъ и революціонныхъ организацій, руководителемъ которыхъ онъ считался. Въ небольшомъ масштабѣ грузинскихъ отношеній было избѣгнуто то раздвоеніе «правительства» и «совѣта», которое оказалось столь роковымъ для Россіи въ 1917 году. Но однимъ этимъ объединеніемъ, конечно, еще не обезпечивалось государственное искусство, ни твердость, ни дальновидность въ государственномъ управленіи.

Трудныя, отвѣтственныя, но и чрезвычайно интересныя задачи возникали передъ тифлисскимъ правительствомъ. Надо было установить нормальныя отношенія между Грузіей и сосѣдними республиками. На пути къ этому лежало много препятствій: но выбора не было. Сближеніе съ сосѣдями должно было осуществиться — или все строилось на пескѣ. Каждый мѣсяцъ былъ дорогъ; откладывая трудные вопросы, лишь отсрочивали.. приговоръ надъ собою.

Между тѣмъ, грузинскій министръ иностранныхъ дѣлъ изнывалъ отъ бездѣйствія въ Берлинѣ, сокрушаясь надъ формализмомъ и медлительностью (такъ ему казалось) германской дипломатіи — какъ разъ въ то время, когда его упорство и прилежаніе могли быть полезны въ Тифлисѣ! А тамъ отсутствующаго министра замѣняли совсѣмъ случайные люди, креатуры партійныхъ вожаковъ.

Чхенкели никакъ не мирился съ желаніемъ германскаго правительства получить сперва согласіе на то Россіи и ужъ затѣмъ признать независимость Грузіи. Онъ упрямо повторялъ, что положеніе Грузіи особое, что ея государственная независимость никогда не была формально отмѣнена, а потому можетъ быть признана теперь Германіей, помимо согласія на то Московскаго правительства. Наконецъ, рѣшено было получить по этому вопросу заключеніе какого-либо именитаго германскаго юриста, мнѣніе котораго могло бы (какъ надѣялся Ч.!) повліять на германское правительство и преодолѣть формализмъ д-ра Криге. Такое заключеніе и было, по нашей просьбѣ, дано извѣстнымъ ученымъ, криминалистомъ и международникомъ, берлинскимъ профессоромъ, Францемъ фонъ-Листъ*).

---

*) Prof. Dr. Franz *v. Liszt.* Geheimer Justizrat. Die völkerrechtliche Stellung der Republik Georgien. Ein Gutachten. Berlin. 1918. Отпечатано особою брошюрою.

Въ своемъ превосходно написанномъ разсужденіи Листъ беретъ, конечно, за основаніе не положеніе Грузіи до 1783 года (когда былъ заключенъ договоръ о протекторатѣ между Ираклiемъ II и Екатериною II), и не положеніе предшествующее присоединенію къ Россіи (1801), — позиціи, погашенныя «нормативною силою факта» — а положеніе вещей въ 1918 году. Онъ приходитъ къ выводу, что не имѣется *юридическихъ* препятствій къ формальному признанію Германіей независимости Грузіи.*)

Но и политическія помѣхи были уже устранены въ моментъ, когда фонъ-Листъ писалъ свое заключеніе. Уже въ серединѣ іюля 1918 г. мы знали, что московское правительство готово допустить признаніе Грузіи Германіей. Германо-русскій *добавочный договоръ* (къ Брестъ-Литовскому) послѣ разныхъ проволочекъ и послѣ поѣздки совѣтскаго представителя Іоффе изъ Берлина въ Москву, былъ, наконецъ, подписанъ въ Берлинѣ, 27-го августа 1918 года.**) Въ ст. 13 здѣсь говорилось: «*Россія заявляетъ свое согласіе на то, что Германія признаетъ Грузію самостоятельнымъ государственнымъ организмомъ*».

Теперь всѣ правила соблюдены, всѣ сомнѣнія устранены: Германія безпрепятственно дастъ Грузіи свое формальное, «дипломатическое» признаніе. Такъ казалось. Но произошло иное. Повернулось «колесо фортуны», и «признаніе» съ такимъ трудомъ подготовленное, такъ нетерпѣливо ожидаемое, — германское признаніе такъ и не состоялось!

Впрочемъ не стану забѣгать впередъ: пока что, въ концѣ

*) Вотъ, впрочемъ, въ переводѣ, выводы проф. ф. Листъ (нынѣ уже покойнаго; онъ умеръ въ 1919 году):

1) Грузія является уже нынѣ (августъ 1918) самостоятельнымъ и совершенно независимымъ, тѣмъ самымъ суверенным государствомъ и, какъ таковое, имѣетъ международно-правовое притязаніе на признаніе другими державами. 2) Грузинская республика уже признана, въ качествѣ существующаго de facto новаго члена совокупности государствъ, Германской Имперіей и ея союзниками, открыто либо черезъ конклюдентныя дѣйствія. 3) Противъ формальнаго признанія не имѣется юридическихъ возраженій. Оно не было-бы и «недружелюбнымъ дѣйствіемъ» по отношенію къ Россіи, открыто и торжественно провозгласившей право свободнаго самоопредѣленія народовъ, «включая отдѣленіе и образованіе самостоятельнаго государства».

**) Договоръ этотъ, получившій нѣсколько позже ратификацію, подписанъ былъ съ германской стороны г-омъ фонъ-Гинце (который замѣнилъ ф.-Кюльмана въ м-ствѣ иностранныхъ дѣлъ) и д-ромъ Криге; съ русской — Іоффе.

лѣта 1918 года все, казалось, было готово для полнаго выясненія грузино-германскихъ отношеній и приданія имъ, одновременно съ признаніемъ независимости Грузіи, опредѣленной формы. Спеціально объ этой формѣ приходилось говорить время отъ времени на Wilhelmstrasse. Но съ этимъ не такъ спѣшили.

37.

Раньше требовалось разрѣшить затрудненія съ Турціей. Рѣчь идетъ не объ однихъ затрудненіяхъ грузино-турецкихъ. Они были разнообразны. Турецкіе происки обнаруживались въ Абхазіи (турки даже высадили войска въ Сухумѣ въ самомъ началѣ іюля), въ Борчалинскомъ уѣздѣ и пр. Эти сравнительно мелкія угрозы, приводившія однако въ неописуемое волненіе нѣкоторыхъ изъ грузинскихъ государственныхъ мужей, недостаточно хладнокровныхъ и выдержанныхъ, легко устранялись благодаря противодѣйствію грузинскаго правительства, а особенно вліяніемъ германской миссіи въ Тифлисѣ. Важнѣе было выясненіе границы между Турціей и Грузіей къ предстоявшей константинопольской конференціи. До офиціальнаго посредничества Германіи въ этомъ дѣлѣ такъ ине дошло; и какихъ уступокъ въ пользу Грузіи добивалась въ дѣйствительности Германія у Турціи, этого я не знаю. Но обмѣнъ мыслей между ними происходилъ.

Въ разговорахъ же по этому вопросу, которые пришлось имѣть въ Берлинѣ, намѣчалась, естественно, граница *компромиссная* между границей Брестъ-Литовскаго договора (тогдашнее грузинское требованіе!) и границей Батумскаго трактата 4-го іюня 1918 года (турецкая точка зрѣнія). Эта средняя линія возвращала-бы Грузіи Ахалцихъ и Поцховскій участокъ Ардаганскаго округа.*)

Германія, несомнѣнно, собиралась настаивать на превращеніи Батума (который она не бралась «выцарапать» въ пользу Грузіи у турокъ) въ вольную гавань и на облегченіи связи его съ Грузіей.

Однако, главныя затрудненія между союзниками — Гер-

*) Удалось-ли бы Германіи навязать такую границу Турціи, если-бы конференція состоялась? Во всякомъ случаѣ, это было-бы нелегкимъ дѣломъ, такъ какъ еще въ августѣ мѣсяцѣ 1918 г. *Энверъ-паша* предлагалъ одному изъ грузинскихъ делегатовъ въ Константинополѣ территоріальную уступку въ другомъ районѣ, лишь бы Грузія отказалась отъ Абастумана и Ацкура, т. е. пунктовъ въ Ахалцихскомъ уѣздѣ, оставленныхъ Грузіи по Батумскому трактату 4-го іюня (см. выше стр. 94).

маніей и Турціей — на Кавказѣ относились, какъ кажется, не къ Грузіи, а къ восточному Закавказью. Турки явно отвлекались отъ военныхъ задачъ въ Сиріи и Месопотаміи своей диверсіей въ Азербайджанѣ, гдѣ ихъ вліяніе утвердилось, какъ мы видѣли, параллельно германскому вліянію въ Грузіи. Но Баку, главный городъ и нефтяная сокровищница Азербайджана, источникъ многихъ бѣдъ для него,еще не находился въ рукахъ азербайджанской республики. Турки устремились на эту добычу по многимъ и весьма понятнымъ основаніямъ. Московское, же правительство, въ своихъ переговорахъ съ Германіей лѣтомъ 1918 г., настаивало на установленіи въ Закавказьи (т.е. въ Азербайджанѣ) демаркаціонной линіи, восточнѣе которой турки не должны были производить военныхъ операцій, и которая, именно, исключала Баку изъ сферы турецкой окупаціи. Германіи приходилось бы такимъ образомъ какъ бы придерживать турокъ за шиворотъ — задача нелегкая, когда рѣчъ идетъ о захватѣ Баку.

Такое обязательство Германія дѣйствительно на себя взяла въ ст. 14 добавочнаго договора 27 августа. Если въ ст. 13 московское правительство говорило: «признавайте себѣ, сколько угодно, независимость Грузіи», то въ ст. 14 оно прибавляло: «только турокъ въ Баку не пускайте».

Однако, турокъ старались не допустить въ Баку не столько германцы, сколько... англичане, какъ разъ въ это время, т. е. въ концѣ августа 1918 года высадившіеся въ Баку. Только ничего изъ этой высадки не вышло (см. выше стр. 75) и турки, вслѣдъ за азербайджанскими добровольцами, вступили въ Баку 15 сентября 1918 г.!

Всѣ эти затрудненія и вопросы, требовавшіе, но не получавшіе предварительнаго разрѣшенія между союзниками,*) были причиною постояннаго откладыванія константинопольской конференціи. Делегаты разныхъ народовъ и различныхъ республикъ ждали у моря погоды, въ Константинополѣ

А «погода» эта все не прояснялась

*) Кстати, упомяну еще о произведенномъ турками въ іюлѣ 1918 г. референдумѣ въ Батумской области. Протесты противъ этого референдума и нѣкоторыхъ другихъ дѣйствій Турціи въ трехъ пресловутыхъ санджакахъ заявлены были и грузинскимъ правительствомъ въ Тифлисѣ и нами въ Берлинѣ. Въ концѣ августа въ Берлинъ пріѣхали даже особые депутаты отъ грузинъ-мусульманъ Зіа-бегъ Абашидзе и Кадиръ-бегъ Шервашидзе. Они собирались жаловаться константинопольской конференціи на турецкій референдумъ. Конечно, турки показали-бы *своихъ* депутатовъ, которые говорили-бы иное.

ГЛАВА XIV.

БЕРЕЖЕНАГО И БОГЪ БЕРЕЖЕТЪ !

38.

Формальное признаніе Грузіи германскимъ правительствомъ близилось. Вопросъ о будущихъ грузино-германскихъ взаимоотношеніяхъ съ достаточной откровенностью освѣщался въ переговорахъ, а состоявшееся уже подписаніе дѣловыхъ соглашеній также дѣйствовало ускоряюще. Константинопольская конференція, правда, откладывалась неопредѣленно «на осень»; но ожидавшійся въ сентябрѣ 1918 г. пріѣздъ въ Берлинъ великаго визиря Талаатъ-паши давалъ надежду на улаженіе и нашихъ спорныхъ съ турками вопросовъ. Забота же *текущаго дня* перестала быть столь гнетущей: благодаря политической поддержкѣ Германіи и собственнымъ силамъ грузинская республика стала не на шутку устраиваться.

Этой паузою въ берлинской нашей работѣ я рѣшилъ воспользоваться для попытки «соприкосновенія» съ правительствами великихъ державъ, бывшихъ въ войнѣ съ Германіей.

Грузія была въ это время отдѣлена отъ державъ запада не только фронтомъ великой войны, тянувшимся поперекъ всей Европы и передней Азіи, но и огромными непроницаемыми пространствами революціонной Россіи, Украины и т. д. Тифлисъ былъ отрѣзанъ также отъ Баку и Тавриза, что лишало возможности связаться какъ нибудь съ англичанами въ Сѣверной Персіи. Впрочемъ, дѣлались-ли изъ Тифлиса попытки этого рода? Мы о нихъ не слышали въ Берлинѣ.

Пора была серьезно подумать объ установленіи такой связи, особенно-же въ виду общихъ перспективъ международ-

ной политики, какъ онѣ намѣчались во второй половинѣ лѣта 1918 года.

Мы пріѣхали въ Берлинъ въ тѣ дни, когда результаты германскаго наступленія во Франціи предвѣщали, какъ казалось общественному мнѣнію въ Германіи и въ многихъ другихъ странахъ, скорый конецъ войны и побѣду Германіи.*) Марна появилась снова въ бюллетеняхъ, Парижъ обстрѣливался изъ дальнобойныхъ орудій. Увѣренность — сдержанная, твердая увѣренность въ успѣхѣ *наблюдалась всюду*.

Германія искала теперь рѣшенія на Западѣ, послѣ того какъ подъ ударами ея рухнулъ русскій фронтъ, и длиннымъ рядомъ трактатовъ и соглашеній «Срединная Европа» закрѣпляла свои позиціи на огромномъ пространствѣ отъ Финляндіи до Персіи.*)

Кажется, до конца лѣта, а можетъ быть до середины сентября 1918 г., увѣренность огромнаго большинства германцевъ въ успѣхѣ не колебалась. Самое худшее, что имѣли въ виду, это миръ почетный, съ признаніемъ все-же за Германіей разныхъ новыхъ выгодъ и пріобрѣтеній. Въ этой атмосферѣ и намъ довелось работать.

Катастрофа пришла неожиданно для всѣхъ. Вопросъ въ томъ когда сталъ явно примѣтенъ *поворотъ колеса Фортуны*.

Мнѣ лично такой поворотъ особенно почуялся послѣ рѣчи Кюльмана 24-го іюня («война не можетъ быть рѣшена одною силою оружія»).

Въ теченіе іюля постепенно крѣпло впечатлѣніе, что Германія войны *не выиграетъ*, и что съ германо-грузинскимъ трактатомъ... не слѣдуетъ торопиться; что надо выжидать и, въ то же время, поскорѣе расширить кругъ дипломатическихъ связей за предѣлы «Срединной Европы». Но какъ это сдѣлать? Въ моемъ положеніи члена грузинской делегаціи въ Берлинѣ практическое исполненіе задачи было вовсе нелегкимъ. Съ конца іюля представился къ счастью формальный поводъ (частнаго характера) для поѣздки въ нейтральное мѣсто — въ Христіанію, и я рѣшилъ туда поѣхать, для оповѣщенія за-

---

*) 27 мая 1918 г. германцы начали знаменитое нападеніе на Chemin des Dames. 30 мая они достигли Марны.

*) Эта работа продолжалась, по инерціи и тогда, когда успѣхъ началъ *явно* ускользать изъ рукъ Германіи: только катастрофа положила этой работѣ предѣлъ, сразу превративъ ее какъ-бы въ безплодную суетню...

падныхъ правительствъ о нашихъ дѣлахъ, черезъ ихъ представителей въ норвежской столицѣ.

Осуществленіе плана пришлось отложить, изъ-за дѣлъ въ Берлинѣ. Кромѣ того, глава нашей делегаціи Чхенкели противился сначала этой поѣздкѣ, считая ее преждевременной, неудобной по отношенію къ германскому правительству (!) и т. д. Чхенкели, какъ и Николадзе, подъ вліяніемъ германской среды, были совершенно непоколебимы въ своей вѣрѣ въ германскій успѣхъ. Николадзе, ссылаясь на отчеты о дѣлѣ французскаго министра Мальви, увѣрялъ даже, что Франція вотъ-вотъ рухнетъ. Указанія на то, что дѣло теперь не въ Мальви, а въ Фошѣ, въ единомъ командованіи, и въ поразительномъ ростѣ американскаго участія въ войнѣ — не дѣйствовали. Но Николадзе все-же одобрялъ затѣю; далъ наконецъ, свое благословеніе и Чхенкели, и, послѣ недѣльныхъ хлопотъ по полученію паспорта и визъ, я выѣхалъ въ Норвегію 28-го августа, т. е. на другой день послѣ подписанія въ Берлинѣ германо-русскаго добавочнаго договора, говорившаго о независимой Грузіи.

39.

Быстро мчался поѣздъ по направленію къ морю. Всюду молотьба въ полномъ ходу — каждое зерно на учетѣ. Въ Sassnitz'ѣ основательный контроль, для меня облегченный. На пароходѣ уже Швеція — кроны, хлѣбъ, сахаръ и т. д. Все на славу. Пароходъ называется «Король Густавъ V»; имѣется здѣсь и «королевская комната».

Гляжу вокругъ себя на шведовъ — прочный, кряжистый народъ. Каждое лицо — единица. Нѣтъ, какъ въ иныхъ мѣстахъ, множества несложившихся личностей, съ нулевыми физіономіями.

29 августа прибылъ въ Христіанію, но сначала долженъ былъ поѣхать дальше въ Лиллехамеръ. Привлекательное мѣсто: славится воздухомъ и благоустройствомъ поселенія; природа свѣжая, зеленая, луговая, лѣсная и полугорная — снопы хлѣбовъ на поляхъ, въ оправѣ изъ скалъ и хвои, а рядомъ озеро и потокъ съ могучимъ водопадомъ.

Паспорта не спросили ни здѣсь, ни позже, въ Христіаніи. Въ воюющей Европѣ сохранились и такія мѣста! Но война кажется далекой, когда съ высоты Хольменколлена, раннимъ

осеннимъ утромъ глядишь внизъ: фіордъ слегка затуманенъ, но все его вырѣзы видны, сквозь рѣшетку елей у балкона.

---

7 сентября посѣтилъ французскаго посланника г-на Бапстъ*) и вручилъ ему ноту о провозглашеніи независимости Грузіи. Онъ бывалъ на Кавказѣ — даже въ такихъ захолустьяхъ, какъ Сигнахъ!

Познакомилъ его съ главными событіями, послѣдовавшими за распаденіемъ кавказскаго фронта и объяснилъ неизбѣжность нашего обращенія къ Германіи. Такъ какъ посланникъ торопился въ англійское посольство, то я просилъ его сообщить сэру Мансфельдтъ К. Финдлей о моемъ намѣреніи быть у него. Съ г. Бапстомъ условились снова встрѣтиться на слѣдующій день — онъ просилъ меня «не ходить въ англійское посольство до второго нашего свиданія».

Второе посѣщеніе у французскаго посланника было очень основательное. Пришлось отвѣчать на самые разнообразные вопросы. Разговоръ коснулся также провинцій С. Кавказа, Дона и т. д. Это была эпоха высадокъ въ Архангельскѣ, на Мурманскомъ побережьи, и я былъ не совсѣмъ неправъ, доказывая г. Бапсту, что Германія на югѣ, а воюющіе съ нею союзники на сѣверѣ дѣлаютъ въ сущности, одно дѣло: содѣйствуютъ локализаціи большевизма въ предѣлахъ Московской Руси и возстановленію государственнаго порядка въ отдѣльныхъ частяхъ бывшей Имперіи. Мой собесѣдникъ соглашался съ тѣмъ, что Грузія не могла дѣйствовать иначе, чѣмъ она поступала, и что было-бы неправильно въ провозглашеніи независимости Грузіи видѣть «германскую махинацію».

9 сентября былъ принятъ англійскимъ посланникомъ, въ присутствіи совѣтника посольства, г. Esmond Ovey.

Время было незаурядное, а потому посланникъ вполнѣ хладнокровно и привѣтливо встрѣтилъ человѣка, пріѣхавшаго прямо изъ непріятельскаго Берлина, и сообщившаго, въ официальномъ тонѣ, какъ о самой естественной вещи, о провозглашеніи независимости Грузіи и о надеждѣ этой республики получить признаніе Великобританіи, державы, которая и т. д. Фактическія обстоятельства — географіи и политики — за-

---

*) Онъ былъ скоро послѣ того назначенъ посломъ въ Токіо.

ставили насъ начать работу съ Берлина — съ помощью Германіи мы стараемся создать противовѣсъ турецкому нашествію на Кавказъ; но, по существу, скорѣе дѣло и призваніе Англіи намъ помочь и т. д.

Финдлей высказалъ увѣренность въ дружественномъ расположеніи Англіи къ Грузіи; онъ лично такъ много слышалъ объ этой странѣ отъ Оливера Уордропа*)... Но едва-ли Германія, союзница Турціи, можетъ оказать помощь Грузіи противъ ея вѣкового врага!

Отвѣтъ: не слѣдуетъ, конечно, преувеличивать вассальнаго положенія Турціи. Послѣдняя имѣетъ *свои основанія* для политики на Кавказѣ... Фактически, однако, движеніе турокъ къ Тифлису удалось задержать.

Финдлей. Все-же изъ того, что вы сообщаете о батумскомъ договорѣ 4-го іюня, видно, что турки захватываютъ позиціи, господствующія надъ Грузіей и остальнымъ Закавказьемъ!

Отвѣтъ. Къ сожалѣнію это такъ. Но мы не считаемъ этого положенія постояннымъ. Да и договоръ 4-го іюня не получилъ ратификаціи. Наша ближайшая цѣль была не допустить турецкой оккупаціи. Она достигнута. Признаніе-же независимости Грузіи Берлиномъ, Константинополемъ и Москвою — намъ нужно было и для скорѣйшей консолидаціи правительства внутри страны, и по соображеніямъ принципіальнымъ: независимость Грузіи есть цѣль, выходящая за предѣлы случайныхъ военныхъ обстоятельствъ.

Финдлей. Но само русское правительство не представляетъ русскаго народа, и что значило-бы его признаніе!

Заговорили о Баку. По мнѣнію сэра М. Финдлея, «это, очевидно, Германія толкнула Турцію въ сторону Баку».

— Едва-ли. Германія только что обѣщала совѣтскому правительству удержать турокъ отъ занятія Баку. Ей приходится все-же считаться съ желаніями Россіи, чтобы не вызывать осложненій на восточномъ фронтѣ! Движеніе турокъ на Баку объясняется достаточно и привлекательностью этой близкой добычи, и весьма важнымъ обстоятельствомъ: сближеніемъ Турціи и Азербайджана, на почвѣ тюркской солидарности... Въ общемъ, прибавилъ я, закавказскія дѣла, интриги и увлеченія приковали къ нашимъ краямъ много турецкихъ

---

*) О. Уордропъ (нынѣ сэръ О. У.) былъ какъ разъ въ это время британскимъ генеральнымъ консуломъ въ Бергенѣ. Совпаденіе весьма для насъ благопріятное!

войскъ и вниманія. Въ результатѣ вы только выиграли отъ этого — и въ Палестинѣ, и въ Мессопотаміи.

Ф. Было-бы очень важно, чтобы вы составили письменный обзоръ всѣхъ этихъ предметовъ. Изучивъ вашъ мемуаръ, я попрошу васъ снова побесѣдовать со мной... Отвѣтъ: Съ Удовольствіемъ исполню ваше желаніе. Но не правда-ли, мы будемъ считать, что мною, отъ имени грузинскаго правительства, уже сдѣлано официальное заявленіе англійскому правительству о провозглашеніи независимости Грузіи... Ф. Да, я смотрю на прочитанную вами ноту, какъ на официальный документъ. Я немедленно сообщу въ Лондонъ о вашемъ шагѣ.

Таково было первое соприкосновеніе независимой Грузіи съ официальной британской дипломатіей.

На слѣдующій день я получилъ записку французскаго посланника, который просилъ сообщить ему данныя о русско-германскомъ добавочномъ соглашеніи; онъ увѣдомлялъ, что о моемъ посѣщеніи и заявленіяхъ онъ уже телеграфировалъ въ Парижъ м-ру иностранныхъ дѣлъ Пишону. Я постарался, конечно, всячески удовлетворить любопытству г. Бапста.

Скандинавскія столицы были во время войны центрами развѣдки и контръ-развѣдки воюющихъ державъ. Въ небольшомъ сравнительно городѣ, какъ Христіанія, слѣдовало быть очень осторожнымъ, такъ какъ мнѣ предстояло вернуться очень скоро въ Берлинъ.

Для необходимыхъ формальностей пришлось побывать у германскаго генеральнаго консула. Когда я снова завернулъ къ нему за бумагами, онъ передалъ просьбу германскаго посланника посѣтить его.

Г. фонъ-Муціусъ недавно занялъ постъ въ Христіаніи, освободившійся лѣтомъ, вслѣдствіе назначенія г. фонъ-Гинце министромъ иностранныхъ дѣлъ. Онъ служилъ въ Россіи (во время японской войны), въ Турціи — въ первые годы міровой войны, и былъ тѣсно связанъ со всѣми, кто на Wilhelm strasse имѣлъ отношеніе къ нашимъ дѣламъ. Въ очень деликатной формѣ онъ намекнулъ на желательность, въ виду враждебнаго отношенія Норвегіи къ Германіи — помѣщенія въ норвежской печати статьи, освѣщающей безкорыстное содѣйствіе Германіи дѣлу свободы Грузіи и т. д. Желаніе вполнѣ естественное! Какъ однако, его выполнить? Выходъ удалось найти: наканунѣ я снабдилъ фактическими данными относительно турецко-кавказскаго фронта одного стараго

знакомаго (еще по Петербургу, гдѣ онъ былъ корреспондентомъ англійскихъ газетъ) г. Норрегоръ, виднаго норвежскаго военнаго обозрѣвателя, статьи котораго часто цитировались въ европейской печати. Онъ держался скорѣе лагеря «Срединной Европы», и я былъ увѣренъ, что онъ найдетъ случай похвалить Германію. Но это было ужъ его дѣло.

Меморандумъ, о которомъ просилъ англійскій посланникъ, былъ изготовленъ и сообщенъ представителямъ великихъ державъ Согласія. Послѣ этого оставалось только спѣшить обратно въ Берлинъ, куда меня торопилъ телеграфно, застрявшій тамъ дальше всѣхъ сроковъ, министръ иностранныхъ дѣлъ Грузіи.

121

ეროვნული ბიბლიოთეკა

ГЛАВА XV.

НА ПОВОРОТѢ.

40.

Вернувшись послѣ трехнедѣльнаго отсутствія въ Берлинъ, я не нашелъ большихъ перемѣнъ въ настроеніяхъ тѣхъ, съ кѣмъ сталкивался. По инерціи, все дѣлалось и говорилось, какъ еслибы не предстояло никакихъ разочарованій; несмотря на явный ущербъ военнаго положенія, существовала, какъ мнѣ кажется, еще увѣренность въ томъ, что Германія, перейдя на оборону, способна очень долго держаться, и что ужъ во всякомъ случаѣ она выйдетъ изъ войны съ честью, не потерявъ лица.

Положеніе нашихъ собственно дѣлъ было слѣдующее: на основѣ сообщеннаго мною какъ то въ августѣ схематическаго проекта грузино-германскаго договора былъ составленъ трудами германскаго министерства проектъ, который намъ предстояло теперь разсмотрѣть. Что-же касается вопроса о границѣ между Турціей и Грузіей, то этой темы, вмѣстѣ со многими другими, коснулись въ совѣщаніяхъ вѣдомства иностранныхъ дѣлъ съ турецкимъ великимъ визиремъ Талаатъ-пашею, только что прибывшимъ въ Берлинъ.

Цѣль этого пріѣзда заключалась, конечно, не въ одномъ разрѣшеніи текущихъ вопросовъ, но и вообще въ выясненіи того, какъ Германія могла-бы выручить Турцію въ эту трудную минуту, когда англичане стали серьезно тѣснить турокъ на главномъ теперь для нихъ — палестинскомъ фронтѣ. Германія-же нуждалась особенно остро въ томъ, чтобы турецкій союзникъ не дрогнулъ именно теперь, когда отъ твердости, устойчивости зависѣлъ весь исходъ войны.

15 сентября турки и азербайджанцы заняли Баку, заставивъ англійскій десантъ вернуться въ Персію. Эта неудачная попытка англичанъ оправдывала, въ сущности, турецкую опе-

рацію, и облегчала положеніе Германіи по отношенію къ Совѣтскому правительству: послѣднее, очевидно, не могло ожидать, чтобы Германія, находившаяся въ войнѣ съ Англіей,какъ и Турція, удерживала послѣднюю отъ военныхъ дѣйствій противъ общаго (для турокъ и германцевъ) непріятеля, занявшаго Баку.

Но въ Палестинѣ дѣла принимали плохой оборотъ. Почти одновременно съ успѣхомъ турокъ въ Баку, главныя ихъ силы, подъ командой ген. Лиманъ-фонъ-Сандерсъ, отражали наступленіе ген. Алленби на сѣверѣ отъ Іерусалима. 20-го сентября былъ занятъ Назаретъ, главная квартира турокъ. Англійскіе всадники изъ метрополіи и колоній проходили практическій курсъ библейской географіи. Турки начали непоправимо слабѣть.

Въ такой моментъ естественно было ждать, что Турція съ большей готовностью, чѣмъ раньше, выслушаетъ совѣтъ Германіи — не требовать на Кавказѣ больше того, что она, Турція, имѣла въ силу Брестъ-Литовскаго договора. Въ министерствѣ говорили, что есть шансы на это, но увѣренности пока нѣтъ. Турки обѣщали-де равнымъ образомъ очистить и Азербайджанъ, гдѣ должны были остаться только мѣстныя татарскія части, правда, подъ командою турецкихъ офицеровъ.

Съ другой стороны, изъ германскихъ-же круговъ намъ стало извѣстно, что Талаатъ упрекалъ Германію за то «предпочтеніе», которое она оказывала Грузіи, и послѣдствіемъ котораго было упоминаніе одной Грузіи въ русско-германскомъ добавочномъ договорѣ 27 августа (см. выше стр. 111). Германіи будто-бы пришлось даже обѣщать великому визирю — назначить немедленно консуловъ въ Азербайджанъ и Арменію.

24-го сентября состоялось свиданіе наше съ Талаатомъ: для этого надо было всего только перемѣститься изъ одного этажа гостинницы «Адлонъ» въ другой. Въ кабинетѣ великаго визиря былъ еще молодой человѣкъ кавказско-османскаго обличія , съ иголочки одѣтый, весь глянцовитый — отъ помаженныхъ волосъ до лакированныхъ ботинокъ: сынъ турецкаго наслѣдника, слѣдовательно, племянникъ султана Фаррухъ-Эфенди. Онъ присутствовалъ при нашемъ разговорѣ, не проронивъ слова.

Знаменитый тріумвиръ, изъ мелкихъ почтовыхъ чиновниковъ достигшій визирства и ставшій по этому «высочествомъ», принялъ насъ съ отмѣнною любезностью. Этотъ чужій смуглый помакъ (отуреченный болгаринъ) съ пламе-

немъ въ глазахъ и вовсе не сентиментальнымъ выраженіемъ лица повторялъ на разные лады: «мы все устроимъ, всѣ спорные вопросы уладимъ къ обоюдному удовольствію... *Мы должны держаться вмѣстѣ на Кавказѣ*. Вотъ еще сегодгя Іоффе, русскій посолъ, говорилъ мнѣ, что они, русскіе, не признаютъ даже Грузіи, хоть и согласились на признаніе ея Германіей! *Вы видите, мы должны быть союзниками*: и затѣмъ, мы займемся совмѣстно тамъ на Востокѣ большою политикою... какъ мы говорили съ г. Николадзе».

Подъ этой «большой политикой» разумѣлась кавказская конфедерація, но особенно — политическая организація тюркскаго востока, отъ Анатоліи до Туркестана.

«Бросьте германцевъ — будьте съ нами» такъ слѣдовало понять Талаата.

— Ваше высочество не считали-бы возможнымъ подтвердить, что въ вопросѣ о нашихъ границахъ усвоена какая нибудь опредѣленная формула, напримѣръ — указанія Брестъ-Литовскаго договора? — «Я не могу войти сейчасъ въ подробности. Но могу васъ увѣрить, что все будетъ сдѣлано... Пріѣзжайте въ Константинополь, и все устроится».

«Мы не можемъ ѣхать въ Константинополь, не зная, что насъ тамъ ожидаетъ. Г. Чхенкели могъ-бы взять на свою отвѣтственность лишь такое рѣшеніе, которое не нарушало-бы нашихъ жизненныхъ интересовъ. Въ противномъ случаѣ, было-бы, пожалуй лучше оставить вопросъ открытымъ...»

— «Я постараюсь убѣдить въ Константинополѣ моихъ товарищей. Я доложу Султану. Я поставлю васъ въ извѣстность о моихъ попыткахъ, и вы будете знать о результатахъ передъ поѣздкой въ Константинополь».

На прощанье еще порція взаимныхъ любезностей, упоминаніе о сосѣдствѣ, братствѣ по Востоку, и чуть-ли не родствѣ и свойствѣ...

Вечеромъ того-же дня мы (Чхенкели, Николадзе, я) были на Anhalter Bahnhof въ числѣ провожавшихъ Талаата, вмѣстѣ съ армянскимъ делегатомъ д-ромъ А. Оганджаняномъ. Вся Wilhelmstrasse была тамъ, въ блестящихъ цилиндрахъ, съ напряженнымъ, серьезнымъ выраженіемъ лицъ.

«Ты не измѣнишь намъ... Не правда-ли, ты намъ не измѣнишь?» читалось въ нихъ. Условная учтивость маскировала надежды и сомнѣнія.

Великій визирь еще разъ повторилъ намъ свои обѣщанія; онъ обошелся съ нами какъ со «своими». «Здѣсь холодно, въ

Берлинѣ! говорилъ онъ: «у насъ въ Константинополѣ тепло, хорошо»... «Да, мы будемъ тамъ чувствовать себя какъ дома, у себя».

«Конечно... вѣдь всѣ мы дѣти одного Востока».

— Балканскій поѣздъ поплылъ.

На слѣдующій день мы узнали въ министерствѣ, что Талаатъ ничего не подписалъ въ Берлинѣ. Но имѣется протоколъ, составленный и оглашенный въ его присутствіи, въ который внесено, между прочимъ, заявленіе великаго визиря о согласіи его съ необходимостью для Турціи придерживаться на Кавказѣ границъ Брестъ-Литовскаго договора.

По словамъ д-ра Гепперта: Талаатъ ѣхалъ сюда съ полною увѣренностью, что получитъ санкцію Германіи по всѣмъ предметамъ батумскихъ договоровъ 4-го іюня 1918 г., уѣхалъже съ твердымъ намѣреніемъ удовлетворить какъ можно болѣе желанія Грузіи и другихъ кавказскихъ республикъ.

Однако, все это были намѣренія и обѣщанія — подъ давленіемъ Берлина... или Палестины. Требовалась большая опредѣленность. Мы получили завѣреніе въ томъ, что германское правительство поддержитъ насъ и дальше въ вопросѣ о грузино-турецкомъ разграниченіи на Кавказѣ. Рѣшено было, что я одинъ отправлюсь въ Константинополь: если результатъ будетъ успѣшный, тогда Чхенкели пріѣдетъ «подписать».

Подписать, подписать! Теперь, когда дѣло доходитъ до подписей, почва начинаетъ колебаться.

41.

Прежде чѣмъ отправляться въ Константинополь надо былъ подготовить въ Берлинѣ къ «подписи» нѣчто болѣе важное: проектъ договора между Грузіей и Германіей. 23 сентября я былъ по этому дѣлу у д-ра Криге. Онъ казался очень довольнымъ: съ своей точки зрѣнія формалиста, онъ полагалъ, что теперь, послѣ того какъ Россія изъявила согласіе на признаніе Грузіи Германіею, ничто уже не можетъ помѣшать этому признанію. Онъ поздравилъ меня съ успѣхомъ и передалъ выработанный имъ, на основѣ моего первоначальнаго проекта, текстъ договора между Грузіей и Германіей.

Послѣ представленія съ нашей стороны замѣчаній и нѣкотораго препирательства, проектъ въ окончательной формѣ былъ установленъ и парафированъ 3-го октября.

Во вступленіи говорилось о желаніи сторонъ, въ виду провозглашенія самостоятельности и независимости Грузіи, установить на твердомъ основаніи дружескія отношенія между обѣими странами и содѣйствовать, такимъ путемъ, политическому и хозяйственному развитію Грузіи.

Первая изъ восьми главъ проекта («дружественныя отношенія между Германіей и Грузіей») содержала, прежде всего, признаніе независимости Грузіи, и обѣщаніе содѣйствовать признанію ея другими державами (ст. 1). Далѣе, здѣсь же говорится о желаніи сторонъ пребывать въ мирѣ и дружбѣ (ст.2) и о примѣнимости къ ихъ взаимоотношеніямъ постановленій Брестъ-Литовскаго договора, поскольку не постановлено иное въ настоящемъ договорѣ (ст.3).

Глава вторая касается установленія дипломатическихъ и консульскихъ сношеній (ст.4-6). Глава третья — примѣненія германо-русскихъ государственныхъ договоровъ (бывшихъ въ силѣ до войны 1914 г.). Здѣсь же предусматривалась ихъ замѣна новыми соглашеніями, «отвѣчающими измѣнившимся взглядамъ и отношеніямъ». (ст. 7-8).

Въ главѣ 4-ой содержится нѣсколько общихъ постановленій о хозяйственныхъ отношеніяхъ между Грузіей и Германіей. Предусмотрѣно заключеніе особаго торговаго договора (ст. 9-10).

Въ 5-ой главѣ говорится о размѣнѣ военноплѣнныхъ и интернированныхъ гражданскихъ лицъ (ст. 11-12).

Гл. 6-ая посвящена колонистамъ германскаго происхожденія въ Грузіи. Если они пріобрѣли германское подданство до 31 декабря 1920 года, то должны получать увольненіе изъ грузинскаго подданства, даже оставаясь въ Грузіи (ст.13). Имъ должны быть возвращены отнятые въ силу русскихъ законовъ во время войны недвижимости, горныя права и т. д. (ст. 14). Имъ обезпечивается равенство съ остальными жителями въ отношеніи занятій, промысловъ и пр., а также въ отношеніи налоговъ и повинностей (ст.15).

Седьмая глава выговариваетъ нѣкоторыя гарантіи въ пользу германскихъ церковныхъ общинъ, школъ и ученыхъ установленій (ст. 16-18). Германскимъ ученымъ разрѣшено будетъ производить археологическія раскопки въ Грузіи. Въ ихъ распоряженіе поступитъ половина предметовъ, добытыхъ ихъ раскопками, причемъ послѣднія производятся по соглашенію съ мѣстными установленіями (ст. 19).

Наконецъ въ «заключительныхъ постановленіяхъ» восьмой главы говорится о порядкѣ ратификаціи договора (ст. 20).

Договоръ этотъ дополнялся слѣдующими болѣе спеціальными взаимными обязательствами, изложенными въ особыхъ нотахъ, которыми стороны дожны были обмѣняться при подписаніи вышеизложеннаго договора:

Германія должна была оказать помощь грузинскому правительству предоставленіемъ послѣднему, по его желанію, совѣтниковъ для содѣйствія въ дѣлѣ устройства различныхъ отраслей управленія въ Грузіи. Въ частности давалось обѣщаніе облегчить условія снабженія неоходимыми матеріалами грузинской арміи и желѣзныхъ дорогъ.

Съ другой стороны, грузинское правительство обѣщало, не отказываясь отъ общихъ рамокъ государственнаго надзора, признавать за германскими церковными общинами, школами и учеными установленіями право полнаго внутренняго самоуправленія, не стѣснять ихъ въ отношеніи языка, плановъ преподаванія и т. д.

Таково было существо постановленій, которыя, вмѣстѣ съ раньше изложенными соглашеніями о монополіи вывоза марганца, о «марганцевой» желѣзной дорогѣ, о Потійскомъ портѣ и о займѣ, должны были содѣйствовать упроченію государственной независимости Грузіи и помочь ея экономическому развитію.

3 октября 1918 года все было готово. Оставалось лишь «подписать». Чхенкели только этого и жаждалъ: ради этого онъ томился съ 2 іюня въ Берлинѣ. Но вотъ на бѣду, «другая сторона» не могла-бы этого сдѣлать. Старый канцлеръ (графъ Гертлингъ) и статс-секретарь иностраннаго вѣдомства (фонъ-Гинце) ушли въ отставку. Новыхъ еще не было. И не до Грузіи имъ будетъ теперь!

Германія шла быстро отъ канцлерскаго кризиса къ парламентскому, отъ парламентскаго—къ революціи. Оказалось, что не такъ то легко перейти на «короткій фронтъ» и тамъ обороняться. Могучая стальная пружина германской государственности—германской воли, вмѣсто того чтобы упруго сжаться — неожиданно сломилась.

42.

Если не ошибаюсь, германское министерство иностранныхъ дѣлъ впервые получило опредѣленное извѣстіе о предстоящемъ отпаденіи Болгаріи — 25 сентября, т. е. наканунѣ отъѣзда

изъ Берлина Талаатъ-паши. Когда, въ ближайшіе дни, объ этомъ всѣ заговорили, то при всей тревогѣ, вызванной извѣстіями изъ Софіи, общее настроеніе въ Берлинѣ нисколько не было унылымъ. Имѣю, при этомъ, въ виду не народную массу, которая извѣстіями этого рода, кажется, не интересовалась, но людей служилыхъ и дѣловыхъ высокаго разряда, съ которыми приходилось такъ часто бесѣдовать въ послѣднія числа сентября и въ первые дни октября 1918 года.

Дѣло въ томъ, что такъ сильна была вѣра въ военную мощь Германіи, что вопросъ о болгарской бреши разрѣшался просто: туда будетъ отправлено... уже отправлено столько то дивизій! Вотъ и все.

На западномъ фронтѣ — оборона на короткомъ фронтѣ; одновременно — внутри, отступленіе на фронтъ «парламентаризма».

Эти два отступленія дадутъ возможность ждать и добиться сноснаго мира.

Повторяю: всѣ ждали, что пружина сожмется. А она — сломалась.

Впрочемъ, это произошло—или сдѣлалось явнымъ — спустя мѣсяцъ. Пока — только начинался сдвигъ массовой психологіи, начиналось политическое шатаніе — главнымъ образомъ вслѣдствіе трудности положенія на западномъ фронтѣ. Конечно, болгарскія событія особенно ярко показывали всю перемѣну сравнительно съ іюнемъ мѣсяцемъ, когда мы сюда пріѣхали!

29 сентября.

... Въ это свѣжее, осеннее воскресенье, какое оживленіе, какая толпа въ Берлинѣ! Какъ всѣ спокойны, какъ обыкновенно выглядятъ, а между тѣмъ... «Срединная Европа» дала несомнѣнную трещину! Дрогнула Болгарія — и въ эту дверь вольется изголодавшаяся по успѣху желѣзная рать!

Здѣсь еще надѣятся, что трещина будетъ задѣлана. Все же, наступаютъ разительныя перемѣны и неожиданности.

Мы окажемся здѣсь отрѣзанными отъ нашей страны. Возможенъ и уходъ германцевъ изъ Грузіи...

30 сентября.

Всѣ разрѣшенія и визы для поѣздки въ Константинополь «Балканскимъ поѣздомъ» получены. Надо только, чтобы по-

ѣздъ этотъ отправился — и чтобы онъ, миновавъ Софію, попалъ въ Константинополь. Кто за это поручится?

Вильгельмъ согласился на «народное правительство» — болгарскіе делегаты въ Салоникахъ — сербы около Ускюба — англичане въ Камбрэ...!!

Неужели у самаго финиша мы споткнемся съ нашимъ признаніемъ. Педанты изъ Auswârtiges Amt тянули, колебались — и вотъ теперь эффектъ германскаго признанія будетъ совсѣмъ другой.

Вся обстановка мѣняется. Но намъ нечего бояться, и не отъ чего отрекаться: «признаютъ» насъ и другіе, лишь бы твердо желали своей независимости и защищали ее у себя.

3 октября.

Послѣнее свиданіе съ однимъ изъ помошникомъ д-ра Крига: окончательно установленъ текстъ нашего договора, протокола и нотъ...

Въ корридорѣ нашей гостинницы наткнулся на... сундуки фельдмаршала ф. Гинденбурга. Онъ въ городѣ, также какъ Императоръ.

Шейдеманъ (с. д.) — статс-секретарь Имперіи; о, Umsturzgesetz!*)

---

*) Знаменитый исключительный законъ, изданный при Бисмаркѣ въ 1878 г. противъ соціалистовъ.

ГЛАВА XVI.

ПОСРЕДИ КРУШЕНІЯ.

43.

Въ пятницу, 4-го октября 1918 г. я отправился, наконецъ, Балканскимъ поѣздомъ*) въ Константинополь. Трудно было ждать теперь толку отъ этой поѣздки, въ круто измѣнившихся условіяхъ: однако, казалось интереснымъ оцѣнить обстановку съ новаго наблюдательнаго пункта.

Товарищъ мой по купэ, отставной турецкій генералъ, по имени Мехмедъ-паша пугливо разговаривалъ о политическомъ положеніи; поздравлялъ съ независимостью Грузіи; угощалъ хлѣбомъ и сахаромъ; познакомилъ тутъ-же въ поѣздѣ съ генералъ-адъютантомъ недавно умершаго султана Магометъ-Решада, Салехъ-пашею; этотъ тоже съ сокрушеніемъ покачивалъ головою.

Вообще, въ поѣздѣ преобладали турецкіе офицеры разныхъ ранговъ, гражданскіе турки (левантинцы высшей марки), а также германскіе офицеры турецкой службы.

До Бѣлграда ѣхали съ точностью, по росписанію: здѣсь-же, въ ночь на воскресенье, задержались нѣсколько часовъ. Благодаря загроможденію пути воинскими поѣздами, опозданіе наше все возростало, и въ Нишъ мы пріѣхали въ 5 час. пополудни вмѣсто 5 часовъ утра.

---

*) «Балканскій поѣздъ», связывавшій во время войны столицы четверного союза скорымъ сообщеніемъ (два раза въ недѣлю) былъ своего рода чудомъ организаціи и пунктуальности. Его маршрутъ былъ: Берлинъ-Прага-Вѣна-Будапештъ-Бѣлградъ-Софія-Константинюполь. Мнѣ случилось быть пассажиромъ послѣдняго «балканскаго поѣзда». Переустройство Срединной Европы послѣ 1919 г. сдѣлало ненужнымъ, т. е. невозможнымъ «балканскій поѣздъ». Вмѣсто него возстановился «Восточный экспрессъ» (Парижъ-Константинополь).

Огромное зданіе у вокзала — не то арсеналъ, не то казармы — занято подъ госпиталь. Движеніе небольшихъ частей, обозиковъ взадъ и впередъ. Непроницаемо-сѣрое небо, неперестающій дождикъ; налетъ чего-то свинцоваго на всей странѣ, — а въ то же время чувствуется, какъ слабое пламя надежды уже затеплилось въ сердцахъ жителей — они какъ будто пріободрились — уже передаютъ другъ другу на ухо извѣстія о томъ, что такъ долго казалось невозможнымъ; а временные властители начинаютъ терять свою увѣренность, и вотъ вотъ станутъ готовиться къ отходу.

— Непріятель въ 80 километрахъ отъ Ниша — таинственно сообщаетъ вагоновожатый.

Что должны чувствовать сербы, ступившіе на родную почву?

...Однако, мы основательно застряли въ Нишѣ! Въ вагонѣ-ресторанѣ узнаемъ объ отреченіи Фердинанда Болгарскаго, о восшествіи на престолъ сына его Бориса и объ условіяхъ болгарскаго перемирія! Вотъ такъ брешь пробита!

Довольно поздно намъ говорятъ, что балканскій поѣздъ дальше Ниша не пойдетъ, что завтра утромъ будетъ другой поѣздъ — на Софію, для желающихъ, а также обратный — на Бѣлградъ. Любопытно было видѣть всеобщее волненіе при извѣстіи о такомъ «безпорядкѣ». Германскіе офицеры всѣ исчезли въ комендантуру; турки совѣщались отдѣльно, какъ имъ быть; «штатскіе» стали просить обратно билеты и багажъ, забѣгали безъ толку.

Я рѣшилъ ѣхать на Софію и преспокойно улегся спать. Мой турокъ сообщилъ, что всѣ они возвращаются въ Будапештъ и поѣдутъ на Констанцу. Германцы и вообще всѣ почти пассажиры также возвращаются — изъ опасенія быть задержанными въ Болгаріи.

На слѣдующее утро (7-го октября), простившись съ удобствами экспресса (нѣтъ больше «балканскихъ поѣздовъ»!), выѣхалъ изъ Ниша съ немногими, рискнувшими пробраться въ Софію, какимъ-то сомнительнымъ поѣздомъ, неясно какого вѣдомства. Позже подсѣло множество демобилизованныхъ болгарскихъ солдатъ. Вспомнилась Россія.*)

---

*) Заключенное 30 сентября 1918 года перемиріе вступало въ силу 10-го октября. Тогда-же былъ отставленъ болгарскій генералиссимусъ Жековъ. Но демобилизація началась, повидимому, самочинно.

По шоссе тянулись безъ конца обозы, груженные чѣмъ угодно: сѣномъ, снопами, скарбомъ, дровами. Болгары, видимо, не желали возвращаться домой изъ Сербіи съ пустыми руками! Вотъ подлинная война «хозяйственныхъ мужичковъ».

Послѣ семи часовъ пути прибыли въ Софію. Не безъ сходства съ русскими губернскими центрами, напр. Харьковомъ, чему, конечно, помогаетъ шрифтъ вывѣсокъ. Вокругъ вокзала неописуемая слякоть. Сравнительно нарядный кварталъ около дворца, гдѣ на дняхъ завершилась, довольно безславно, одна изъ самыхъ необычныхъ политическихъ карьеръ конца XIX-го вѣка.

Въ гостинницѣ Gd Hôtel de Bulgarie живется не дурно. Здѣсь уже края, неспособные къ самоотверженности и педантизму германскаго постничанія!

Грубоватыя, жесткія лица прочной фактуры: тонкости ни малѣйшей. «Тонкое» и не выдержало-бы грубости вѣкового турецкаго рабства.

Софія теперь тупикъ, изъ котораго никуда не выскочишь, и гдѣ нечего дѣлать. Правда, вопросъ о турецко-грузинской границѣ теперь и не столь... злободневенъ; да и рѣшеніе его не будетъ зависѣть отъ Грузіи съ Турціей; все же лучше продолжать путь на Константинополь.

Турція еще въ войнѣ: каждую минуту болгаро-турецкая граница можетъ быть закрыта, поэтому надо торопиться.

8 октября.

Въ 5 час. отойдетъ поѣздъ на Филиппополь (болгарскій *Пловдивъ*) и Кулели Бургасъ. Съ невѣроятными затрудненіями. благодаря помощи комиссіонера, получаю пропускъ и даже устраиваюсь въ офицерскомъ купэ (!). Вагонъ основательно набитъ солдатами.

Демобилизація и отреченіе Фердинанда успокоили народъ; большевицкое движеніе погашено, говорятъ, при самомъ возникновеніи. Объ этомъ не могу судить, но вижу, какъ *солдаты съ пѣснями спѣшатъ по домамъ, поѣзда отходятъ отъ станцій при громогласномъ ура!* Народъ въ очевидномъ восторгѣ — отъ конца войны.

Спутники офицеры объясняютъ все происшедшее утомленіемъ народа. «Какъ можемъ мы выносить тяжесть войны въ теченіе столькихъ лѣтъ, мы, примитивный земледѣльческій

народъ безъ всякой промышленности, которому навязали цѣлый фронтъ! Вдобавокъ, къ прежнимъ непріятелямъ прибывилась еще Грецiя! И какъ намъ теперь быть съ милліардами нашего военнаго долга!?».

Ночью ѣхали безъ огней — говорятъ, изъ опасенія аэропла новъ. Въ Софіи германцевъ было еще много, но, казалось уже, что они на отлетѣ, — и горничная въ гостинницѣ многозначительно сообщала, что «у насъ поселился французскій майоръ» (!).

Проѣхали Филиппополь. Населеніе поѣзда стало рѣдѣть; остались кому надо было въ Дедеагачъ, Гюмурджину и тому подобныя милыя мѣста.*)

9 октября.

Утромъ подползли къ Адріанополю — буйволы пасутся въ степи, а за ними вдали минареты знаменитой мечети — и достигли, наконецъ, *Кулели-бургаса*. Здѣсь пересѣлъ въ турецкій вагонъ, очень удобный, но ѣзда отвратительная. А ѣды вовсе никакой! все какъ саранчею уничтожено. Выручили запасливые спутники — единственные, поѣхавшіе въ Константинополь, изъ состава нашего, печальной памяти, экспресса: купецъ изъ «салоникскихъ», венгерскій офицеръ съ деньщикомъ («не желаете-ли? онъ вамъ платье почиститъ»). да австріецъ, директоръ Союзнаго Вѣнскаго банка въ Константинополѣ. Этотъ австріецъ, г. Ш., былъ лѣтомъ въ Тифлисѣ, въ качествѣ «экономическаго» совѣтника при австро-венгерской миссіи. Онъ толково и съ симпатіей говорилъ о нашихъ дѣлахъ, выражалъ желаніе вернуться туда и поработать, какъ слѣдуетъ («Славная публика нѣкоторые ваши министры, генералы и др.: но романтики, и по-дворянски недѣловые: совсѣмъ какъ у насъ и въ Венгріи лѣтъ 50-60 тому назадъ!»). Ну, насчетъ «романтизма» онъ заблуждался.

Спаньолъ разсказывалъ о своихъ дѣлахъ, спрашивалъ, можно-ли достать въ Грузіи отбросовъ шелка (его спеціальность) — если-бъ онъ только зналъ, сколько тамъ всякихъ «отбросовъ»! — и ругалъ сіонистовъ: не Палестина нужна евреямъ, а просторъ и возможность работать всюду!

На одной изъ станцій жандармъ сообщилъ о паденіи

---

*) Центръ Болгаріи связывался съ этими, тогда (1918) болгарскими городами рельсовымъ путемъ черезъ турецкую территорію.

правительства Талаатъ-паши*) и о предстоящемъ назначеніи великимъ визиремъ Тевфикъ-паши (это — миръ!). Не везетъ намъ съ министрами — они таютъ межъ пальцевъ какъ комья снѣга. Ной Жорданія оказался пока прочнѣе Кюльмана, Гинце и Талаата! Впрочемъ, зачѣмъ ему падать — никто вѣдь его и не толкаетъ.

———

Глубокой ночью, теплою, южною, пріѣхалъ въ Константинополь. «Фаэтонъ» — и гайда въ Перу! Еще кое-гдѣ открыты фруктовыя лавки — дыня теплымъ оранжевымъ пятномъ ютится около яблокъ и винограда. Пахнетъ свѣже-испеченнымъ хлѣбомъ. Югъ, мягкій, богатый плодами и овощами, наполовину уличный, беззаботный, чувствовался съ остротою — пара крѣпконогихъ лошадей цѣпко взбиралась на Перу — вотъ и Pera-Palace. Добрался таки до Константинополя.

44.

10 октября.

Только попалъ сюда съ опозданіемъ въ цѣлыхъ 64 часа! Опять надо отвыкать отъ точности. Нашъ константинопольскій делегатъ Г. Гвазава**)—онъ оставался здѣсь одинъ; остальные члены делегаціи, прибывшей сюда еще лѣтомъ (!) вернулись во-свояси — чувствовалъ себя какъ на дачѣ.

Отъ него видъ на Золотой рогъ, прямо на мечеть султана-Завоевателя; на-лѣво — акведукъ; направо — византійская крѣпостная стѣна, мечеть Эюба. Небо голубое, солнце яркое — радовали послѣ берлинской осени, послѣ балканской слякоти! Опрокинутыя чаши куполовъ, острія минаретовъ, веретена кипарисовъ, груды развалинъ и неожиданныя плѣши посреди густо застроенныхъ кварталовъ — весь этотъ знакомый кавардакъ зданій и улицъ, отлившійся на древнихъ холмахъ въ законченную форму огромнаго города подъ божьимъ солнцемъ, между водъ трехъ морей и двумя материками — вотъ онъ, такъ долго грозный, такъ долго хитроумный, теперь ослабѣвшій, наивный въ своей старости Константинополь!

———

*) Онъ вышелъ въ отставку 8 октября, спустя двѣ недѣли послѣ своего отъѣзда изъ Берлина.

**) Тифлисскій адвокатъ, б. членъ Закавк. Сейма, Грузин. Нац. Совѣта, Учред. Собр. и т. д.; нац.-дем. Былъ въ составѣ закавказской делегаціи на Трапезундской конференціи.

Изъ моего окна видъ на городской садъ, на «малыя поля», на вдовствующій пока флагштокъ англійскаго посольства, на водораздѣльный кряжъ между Босфоромъ и Золотымъ рогомъ.

...Внизу, все знакомыя по батумской конференціи лица; вотъ Расулъ-заде; вотъ П. — отуреченный грузинъ, примкнувшій теперь къ азербайджанцамъ (и на здоровье!); вотъ Гайдаръ-бей Бамматъ и другіе. Но дальше-дальше — казанскіе татары, туркмены, сарты и другіе туркестанцы — своеобразная окрошка! и въ этомъ растворѣ наша делегація мариновалась столько времени!

Познакомился съ «мехмандаромъ» т. е. приставомъ кавказскихъ делегацій. Это — особа. Но при каждой делегаціи состоитъ еще свой т. сказать «мехмандарчикъ».

...Зато кормятъ здѣсь великолѣпно. Сахаръ, кофе, бѣлый хлѣбъ, масло — все что въ Берлинѣ казалось рѣдкостью и роскошью — здѣсь на каждомъ шагу. Дороговизна значительная, но нѣтъ переулка, гдѣ не пестрѣла-бы груды овощей; круги сыра и фрукты рядомъ съ тушами мяса, — а окна кондитерскихъ забиты всякими сластями.

Германія и въ военный постъ этихъ лѣтъ старалась вносить всю строгость кантовскаго «категорическаго императива»; но отказаться отъ сладостей было-бы превыше силъ константинопольскихъ. Впрочемъ, уже въ Венгріи чуялась большая вольность по части яствъ — кое-гдѣ мелькали какія-то легкомысленныя булочки и т. д.

Въ Берлинѣ чуть-ли не каждое яблоко глотаютъ съ чувствомъ грѣховности, здѣсь-же и дыни, и персики, и фиги, и виноградъ — каждый день.

Армянскіе делегаты живутъ въ отелѣ Токатліана. Видѣлъ тамъ Аветиса Агароняна*) Пападжанова и другихъ.

12 октября.

Посѣтили насъ члены здѣшней грузино-католической конгрегаціи, во главѣ съ Піо, молодымъ еще человѣкомъ, брюнетомъ черноты непостижимой. Все это коренные *месхи*, народъ простой, добрый, вѣрующій, большіе патріоты.

Позже у генерала фонъ-Лоссова, въ германскомъ посольствѣ. Изъ пріемной обширный видъ на Скутари и Босфоръ. На стѣнѣ, между прочимъ, гравюра, сдѣланная по эскизу

*) Даровитый армянскій писатель, позже предсѣдатель делегаціи въ Парижѣ.

императора Вильгельма: нѣкто въ «блестящемъ вооруженіи» безмолвно оберегаетъ входъ въ чертогъ, гдѣ мирно играютъ дѣти и работаютъ жены; а извнѣ ползетъ всякая нечисть. Автографъ кайзера, въ Іерусалимѣ.

Лоссовъ говорилъ о нашихъ уѣздахъ съ Иззетъ-пашею и совѣтуетъ скорѣе закончить дѣло. Но все это теперь такъ устарѣло!

13 октября.

Здѣсь все еще нѣтъ правительства; но визиремъ видимо будетъ Иззетъ-паша. А между тѣмъ, какія времена, какія обстоятельства! Положительно, исторія пустилась вскачь! Гдѣ то время, когда въ Петроградѣ насмѣшливо вопрошали (по поводу затяжной траншейной войны): Ахъ, messieurs, ужъ не assez-ли, вамъ сидѣть у Лабассэ? или въ этомъ родѣ.

Теперь вопрошателей давно уже обкарнали большевики, Россія въ войнѣ больше не участница, а «сидѣльцы» у Лабассэ готовятъ Германіи чуть ли не капитуляцію и уже заставили центральныя державы стать подъ знамя демократіи.

Сообщенія съ Софіей прерваны: тамъ уже французы; въ Нишѣ сербы. А Германія согласилась очистить занятыя части Бельгіи и Франціи — близится миръ.

Новый министръ иностранныхъ дѣлъ Азербайджана Али-Марданъ-бекъ Топчибашевъ*) собирается въ Германію и вообще въ Европу. Онъ сторонникъ полной независимости Азербайджана и союза его съ Грузіей. Здѣсь также министръ юстиціи Хасмамедовъ (тоже б. депутатъ Г. Думы). По его словамъ, порядокъ теперь въ Азербайджанѣ образцовый — съ тѣхъ поръ какъ Нури-паша (братъ Энвера) появился въ Ганджѣ (Елисаветполѣ). Турція вообще во многомъ ихъ поддержала. Теперь тамъ уже 20000 войска (своего), скоро будетъ и сто. Съ Россіей и Грузіей возобновился товарообмѣнъ; въ народѣ дисциплина болѣе строгая, чѣмъ, напримѣръ, въ Грузіи, скоро будетъ созванъ парламентъ и т. д.

Слишкомъ ужъ все хорошо обстоитъ тамъ, если послушать Х.! Между тѣмъ, сколько трудностей представитъ тамъ хотя-

---

*) Б. членъ 1-ой Госуд. Думы, видный дѣятель, позже предсѣдатель делегаціи Азербайджанской республики въ Парижѣ.

бы вопросъ о формѣ правленія...*). Оба мои собесѣдника — люди хорошей русской университетской выучки.

Въ другомъ родѣ — Расулъ-заде. Персидскіе дѣятели, мелькомъ видѣнные въ Берлинѣ, — оказывается, его старые друзья. Съ ними вмѣстѣ онъ работалъ въ Тегеранѣ, издавая газету на персидскомъ языкѣ. Позже Расулъ-заде перенесъ свою дѣятельность въ Константинополь, а затѣмъ — въ Баку. Свое нарѣчіе, турецкій и фарсійскій онъ знаетъ одинаково хорошо. У него широкіе взгляды на необходимость національзированія и демократизированія культуры на востокѣ. Несчастіе Персіи онъ видитъ (и не онъ одинъ!), напримѣръ, въ томъ, что тамъ выродившійся иранскій югъ держится тюркскимъ сѣверомъ, свѣжимъ и жизнеспособнымъ, которому навязанъ чуждый персидскій языкъ отрывающій тамъ верхи отъ массъ. По мнѣнію Р. должно произойти раздѣленіе Персіи на двое, причемъ сѣверъ вмѣстѣ съ закавказскимъ Азербайджаномъ можетъ образовать одну единицу, а иранскій югъ — другую, способную развиваться въ сторону Афганистана, Белуджистана, Индіи. Эти двѣ единицы могли-бы соединиться въ унію — а въ дальнѣйшемъ, войти въ болѣе сложную систему, вмѣстѣ съ другими государствами передней Азіи!

Все это очень интересно; однако, различеніе сѣвера и юга можетъ привести и къ простому различенію сферъ вліянія — какъ это и было еще недавно! Прежде всего, необходимо чтобъ данъ былъ показательный примѣръ жизнеспособнаго самостоятельнаго мусульманскаго государства!

Въ общемъ, у нашихъ татаръ наилучшія надежды. Пріѣхавъ сюда, они вдругъ почувствовали себя въ блестящей, знатной столицѣ большого родственнаго государства, почувствовали себя членами обширной тюркской семьи; сознаніе

---

*) Въ 1918 году почва въ Азербайджанѣ была довольно благопріятна для учрежденія *эмирата*. Это, вѣроятно, вполнѣ соотвѣтствовало взглядамъ и чувствамъ большинства населенія: я не говорю, конечно, о промышленномъ, рабочемъ Баку.

На эмиратъ этотъ были, повидимому, и турецкіе претенденты (совершенно аналогично германскимъ притязаніямъ на короны Финляндіи, Венгріи, Балтикума и пр.). Я какъ то, помню, совѣтовалъ азербайджанцамъ поискать въ извѣстномъ каталогѣ мусульманскихъ династій Stanley Lane-Poole (Mahommedan Dynasties. 1894) «предковъ» для опредѣленія нужнаго имъ «потомка». Впрочемъ, они и безъ меня знали, что въ Остъ-Индіи найдутся близкіе имъ по крови и по традиціи Тимуриды.

этой связи должно было подкрѣпить ихъ духъ, ихъ самоувѣренность. Послѣднія неудачи Турціи задержали нѣсколько полетъ ихъ намѣреній, но не уменьшили пока ни ихъ оптимизма, ни ихъ надеждъ.

Да, турецко- азербайджанское сближеніе — фактъ немалаго историческаго значенія: и послѣдствія его будутъ разнообразны. Что выростетъ изъ этихъ сѣмянъ 1918 года — трудно еще сказать.

Положеніе нашихъ горцевъ здѣсь, конечно, иное. Но связи у нихъ огромныя — на каждомъ шагу, повсюду въ Турціи, у нихъ родичи. Кто этого не знаетъ?

Какъ удивился-бы Шамиль, если-бы увидѣлъ въ 1918 году министра иностранныхъ дѣлъ горской республики (Бамата), воспитаннаго по европейски и говорящаго по французски!

Когда, проѣздомъ изъ Калуги... въ Мекку, Шамиль остановился въ Константинополѣ, султанъ Абдулъ - Азизъ на пріемѣ поцѣловалъ ему руку — знакъ необычайнаго уваженія мусульманскаго міра къ знаменитому Имаму. Спустя полвѣка провозглашеніе независимости горскихъ народовъ встрѣчено было съ радостью на всемъ Востокѣ — даже такими давними выходцами съ Кавказа, какъ знатные черкесскіе роды Египта.

Но надеждъ на *практическую* помощь Турціи, несмотря на всѣ эти чувства и традиціи, наши горцы, мнѣ кажется, не должны питать. Впрочемъ, не мѣсто здѣсь углубляться въ эту тему.

...При всемъ опасномъ ихъ географическомъ положеніи горцы С. Кавказа живутъ тамъ у себя, на родинѣ.

Насколько тяжелѣе положеніе тѣхъ, которые и здѣсь, въ Турціи, не могутъ отречься отъ сознанія своей породы, а въ то-же время видятъ, что нѣтъ здѣсь *своего* будущаго. Такіе попадаются еще между потомками массовой эмиграціи 60 и 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, вызванной такъ наз. замиреніемъ и покореніемъ Западнаго Кавказа. И остается у нихъ, кромѣ тоски и недовольства, только черкеска, гордая поступь — и нѣсколько гортанныхъ или свистящихъ звуковъ — и то у тѣхъ лишь, кто еще сопротивляется смывающей ихъ волнѣ исторіи.

14 октября.

Отправились съ визитомъ къ Махмутъ-пашѣ, такъ наз. Чуруксули, изъ грузинскаго рода Тавдгиридзе. Приняты были крайне привѣтливо въ домѣ полуевропейскаго устройства, на одномъ изъ подъемовъ отъ площади Топ-хане. Паша, бывавшій и раньше министромъ, долженъ былъ войти въ правительство Тевфикъ-паши, если-бы оно сформировалось. По его словамъ, онъ все готовъ сдѣлать для Грузіи, въ предѣлахъ, совмѣстимыхъ съ интересами Турціи. Теперь отъ послѣдней можно ожидать болѣе сдержанной и умѣренной политики. Самъ онъ не разъ уже внушалъ, кому надо, необходимость сохраненія связи между Батумомъ и Грузіей. Онъ обѣщалъ поговорить съ новымъ великимъ визиремъ о желательности разрѣшенія спорныхъ между нами и Турціей вопросовъ немедленно, нынѣже. Послѣ традиціонной чашечки чернаго кофе, поданного слугою-матросомъ, мы откланялись любезному хозяину. Голова и хвостъ бесѣды были грузинскія, тѣло — французское.

— —

Странно, гуляя въ Перѣ, видѣть всѣ эти скрытыя за рѣшетками и покинутыя посольства. Вотъ, напримѣръ, старое владѣніе Франціи: любопытна его окаймляющая съ одного бока «Польская» улица; а вотъ благородный фасадъ дворца Россіи — нынѣ ея государственныя эмблемы на зданіи задернуты чернымъ флеромъ.

Турція становится на колѣни — она уже на колѣняхъ передъ «западными демократіями»: ее непремѣнно попросятъ вонъ и изъ Батума. Какъ бы , однако, при этомъ не произошло путаницы! И какъ сообщить этимъ демократіямъ о нашихъ желаніяхъ? Отправились къ посланникамъ нидерландскому, а затѣмъ — шведскому. Оба посольства, какъ водится, укрыты внутри двора и сада; кавасы, прислуга въ должномъ количествѣ. Нидерландецъ отстаиваетъ здѣсь интересы Франціи и Англіи, шведъ — С. Штатовъ. Оба были очень озадачены, услышавъ отъ насъ просьбу: нельзя-ли *довести до свѣдѣнія* Западныхъ державъ, что, при очищеніи турками территорій, занятыхъ ими по Брестъ-Литовскому договору,—а такого очищенія у нихъ, конечно, потребуютъ — Батумъ и батумская область могли-бы немедленно быть заняты грузинскимъ правительствомъ?

Вѣроятнѣе всего, эти державы сами «изволятъ» занять Батумъ: все таки полезно имъ сообщить, что мы считаемъ это добро своимъ и можемъ имъ управлять.

Посланники обѣщали «подумать»... о способахъ исполненія нашей просьбы. Но они видимо находили такую просьбу эксцентричною.

«Какъ могу я, замѣтилъ одинъ изъ нихъ, выступать противъ интересовъ правительства, при которомъ я аккредитованъ?» «Но Ваше П-ство аккредитованы теперь при всѣхъ народахъ, стремящихся къ благамъ мира!» и т. д.

...Видите, говорю я своему любезному спутнику Г. на обратномъ пути: почтенные люди, почтенныя державы, а какая чувствуется робость! Какимъ же тономъ будемъ говорить мы, такіе, можно сказать, оборванцы, сравнительно съ Швеціей, Нидерландами? Впрочемъ, всѣ эти «независимости» для нихъ нѣчто непредусмотренное, и Готскій альманахъ еще молчитъ о насъ! Вотъ они и въ смущеніи.

15 октября.

Заѣхали къ болгарскому посланнику Голушеву — съ тою же просьбою. Этотъ былъ въ курсѣ вопроса и обѣщалъ телеграфировать своему правительству — для передачи американскому представителю въ Софіи, что такъ и такъ, Грузія добивается чтобы и т. д.

Сидимъ у него долго, обсуждаемъ шансы мира. Болгаринъ не вѣритъ ни въ лигу народовъ, ни въ искорененіе войны, но готовъ все это «попробовать».

Случайно, былъ представленъ въ гостинницѣ новому великому визирю, Иззетъ-пашѣ. Завтра онъ насъ принимаетъ.

Въ армянской делегаціи. Обсуждаемъ наши общія дѣла. Теперь у нихъ возрождаются всѣ надежды, и скоро забудутся «александропольскіе» и другіе черные дни. Рано или поздно турки очистятъ все что занято ими въ Арменіи и Грузіи. Но гдѣ кончается одна, гдѣ начинается другая? Неужели разграниченіе не подготовлено еще тифлисскимъ и эриванскимъ правительствами?

16 октября.

Патеры заходятъ къ намъ чуть не ежедневно, передаютъ городскія новости: правительствомъ всѣ недовольны, турокъ всѣ проклинаютъ, въ субботу ждутъ сюда англичанъ (!)... Въ

турецкой печати все заговорило ласково о «децентрализаціи», «автономіяхъ» и т. д. Готовятся къ суду не безъ страха, что

Quidquid latet adparebit
Nil inultum remanebit...

Позже, изъ Галаты, отправляли б. плѣнныхъ обратно въ Грузію, а затѣмъ поѣхали въ Высокую Порту. Иззетъ-паша безъ обиняковъ заявилъ — это, впрочемъ, теперь и не могло быть иначе —что все занятое ими въ Грузіи сверхъ границъ Брестъ-Литовскаго договора будетъ очищено. Что касается провинцій, полученныхъ въ силу этого договора (Батумъ) то, если возвращеніе ихъ окажется необходимымъ (въ силу такъ наз. принциповъ президента Вильсона), они ихъ вернутъ. О подробностяхъ намъ слѣдуетъ условиться съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Наби-беемъ (который, по вызову великаго визиря, присутствовалъ при нашей бесѣдѣ).

На слѣдующій день, 17-го октября мы имѣли дальнѣйшій разговоръ съ министромъ и съ товарищемъ министра Решадъ-Хикметъ-беемъ.*)

По вопросу объ очищеніи Ахалцихскаго и др. уѣздовъ (т. е. что «сверхъ» Б.-Литов. мира) они подтвердили свое согласіе ихъ немедленно очистить, хотя и сдѣлали замѣчаніе о мусульманскомъ характерѣ «Ахаски», объ истинныхъ желаніяхъ населенія и пр. «Тѣмъ не менѣе, заявилъ Решадъ-Хикметъ, мы отказываемся отъ того, что выходитъ за линію Брестъ-Литовскаго договора и желаемъ жить въ наилучшемъ сосѣдствѣ съ грузинами, наиболѣе на Кавказѣ и т. д.», тутъ пошли «сладости». Мы обсудили затѣмъ, въ подробностяхъ, вопросъ о порядкѣ очищенія этихъ территорій и получили обѣщаніе, что обо всемъ сдѣлано будетъ телеграфное распоряженіе.**)

Затѣмъ перешли къ батумскому вопросу, и, сосредоточились на вчерашнемъ, очень условно выраженномъ тезисѣ Иззетъ-паши, что «*если* Турція будетъ вынуждена очистить три санджака (Батумъ, Ардаганъ, Карсъ), то *грузинскую* часть

---

*) Этотъ дипломатъ, нынѣ уже умершій, пользовался большою репутаціею.

**) Дѣйствительно, очищеніе турками территорій, о которыхъ здѣсь говорится, началось 18-го октября 1918. Тогда-же произошли первыя армяно-грузинскія столкновенія изъ-за невыясненности взаимныхъ границъ. См. изданный груз. правительствомъ сборникъ: *Изъ исторіи армяно грузинскихъ отношеній. 1918 годъ.* Тифлисъ. 1919.

этой территоріи она готова уступить Грузіи». По этому предмету наши собесѣдники были уклончивы и выражались не безъ угрюмости. Они, кажется, надѣются сохранить «по Вильсону», то что получили «по Брестъ-Литовску». Это съ ихъ стороны остроумно.

Оттуда, подъ щедрымъ октябрьскимъ солнцемъ, скачемъ въ германское посольство, къ генералу фонъ-Лоссову, по его просьбѣ. Тамъ-же былъ и А. Агаронянъ. Лоссовъ, равнымъ образомъ, видѣлся съ Иззетъ-пашею и получилъ тѣ-же завѣренія, что и мы. Теперь онъ совѣтовалъ намъ отправиться къ великому визирю совмѣстно съ армянами, и подтвердить, между прочимъ, что внутреннее размежеваніе очищаемыхъ территорій между Грузіей и Арменіей мы произведемъ сами. Мы съ удовольствіемъ приняли этотъ совѣтъ.

...Оставшись одни съ генераломъ, мы продолжаемъ бесѣду. Онъ находитъ, что надо щадить самолюбіе турокъ. Не слѣдуетъ, поэтому, чрезмѣрно торопиться съ разрѣшеніемъ напр. батумскаго вопроса, который въ свое время получитъ свое разрѣшеніе.

Въ заключеніе, ф. Лоссовъ высказалъ увѣренность, что дѣло независимости Грузіи и Арменіи поставлено прочно, возможность-же осуществленія самостоятельности Сѣвернаго Кавказа и Азербайджана — сомнительна.

И это — точка зрѣнія. Правильная-ли, и въ какой части правильная — это вопросъ другой.

Позже отправились къ армянамъ, поговорить о совмѣстномъ шагѣ, согласно совѣту, данному при Агаронянѣ. Оказалось, однако, какъ сообщилъ намъ ихъ секретарь, что они уже поѣхали... къ великому визирю и министру иностранныхъ дѣлъ.

18 октября.

Сегодня, въ мусульманскій праздникъ, въ день селямлика, при радостномъ солнцѣ и полныхъ народомъ улицахъ, около полудня внезапно загремѣли орудія, затрещали пулеметы. «Аэропланы, аэропланы» — раздалось всюду. Надъ Золотымъ Рогомъ видны были хлопья — черныя и бѣлыя — отъ разрывовъ, а затѣмъ разглядѣлъ и аэропланы — до шести — быстро проносившіеся надъ Стамбуломъ. Раздавался грохотъ и отъ взрывовъ — въ одномъ мѣстѣ, надъ гребнемъ холма поднялся

огромный черно-сѣрый столбъ дыма. Неожиданность налета, смѣлость воздушныхъ наѣздниковъ, низко спустившихся, прежде чѣмъ подняться, смятеніе однихъ, любопытство другихъ — все это при залпахъ, стукахъ сверху, снизу, вокругъ...

Спустя два-три часа налетъ повторился — бросали прокламаціи, которыя блестящими точками, какъ-бы каскадами блѣдныхъ искръ, носились высоко въ воздухѣ.

20 октября.

Происходитъ какая-то комедія: уже нѣсколько дней, какъ на всѣ лады повторяется и подтверждается о переговорахъ, которые ведутся съ Англіей смирнскимъ вали Рахми-беемъ, съ участіемъ Рауфъ-бея.*) Официозно свѣдѣнія эти опровергаются — но въ формѣ, ихъ подтверждающей.

Лилль, Рубэ, Дуэ очищены германцами, послѣ 4-лѣтняго занятія.

Турція плошаетъ, и наши мусульмане, естественно и неизбѣжно, возвращаются въ орбиту «кавказской конфедераціи».

Для горцевъ кавказское объединеніе теперь все. Мысль правильная — придется лишь уточнить данныя о горской республикѣ, и говорить объ этомъ тамъ, на мѣстѣ.

Но и татары пригорюнились. Ворчатъ на Германію, которая предала-де Азербайджанъ большевикамъ (въ вопросѣ о признаніи независимости), нарушила интересы Турціи и т. д. Реакція вполнѣ понятная!

21 октября.

Здѣсь рѣшительно нечего дѣлать. Дальнѣйшіе разговоры были-бы явно безплодны. Ни изъ Тифлиса, ни изъ Берлина отъ Чхенкели, нѣтъ извѣстій. Кавказскія делегаціи возвращаются обратно въ Батумъ. Ѣхать-ли съ ними или отправиться въ Брайлу?

И двухъ недѣль нѣтъ моему здѣсь пребыванію, между тѣмъ уже не въ моготу стало. А всѣ остальные «мурахаслар» уже 4 мѣсяца въ Константинополѣ!

Нашъ «мехмандарчикъ» совѣтуетъ ѣхать не завтра, а 26-го, съ пароходомъ «Решадъ-паша», болѣе быстроходнымъ.

*) Рауфъ-бей, выдающійся морякъ, предсѣдатель турецкой делегаціи на Трапезундской конференціи весною 1918 г. Позже одинъ изъ главныхъ дѣятелей анатолійскаго движенія. Родомъ абхазецъ изъ Сухумскаго округа.

22 октября.

Сегодня погрузилось и отплыло большинство азербайджанцевъ и горцевъ. съ пароходомъ, который, Богъ вѣсть, когда доберется до Батума.

23 октября.

Всѣ наши берлинскіе труды на смарку? Генералъ фонъ-Лоссовъ не смотритъ такъ: ему кажется, что кому нибудь изъ насъ слѣдуетъ поскорѣе отправиться въ Гаагу и подготовить державы «того» лагеря къ одобренію нашихъ берлинскихъ договоровъ.*)

Что-же, Чхенкели это легче сдѣлать изъ Берлина, чѣмъ мнѣ — отсюда. Константинополь сейчасъ отосвюду отрѣзанъ; и мнѣ лучше-бы вернуться въ Тифлисъ. По прежнему — безъ извѣстій.

Поѣхали, въ сопровожденіи брата Петре изъ грузинской конгрегаціи, къ апостольскому делегату, монсиньору Анджело Дольчи, въ Панкальди. Домъ благороднаго итальянскаго обличія, на спускѣ въ переулкѣ.

Монсиньоръ съ крайней привѣтливостью вышелъ къ намъ въ богатый салонъ — полнокровный, сіяющій здоровьемъ прелатъ, въ полномъ расцвѣтѣ. Говорили о Грузіи, о католицизмѣ въ Грузіи, объ интересѣ къ ней папскаго престола, о войнѣ, о Германіи. Въ чемъ разница между православіемъ и католицизмомъ? Filioque etc.? Этого даже теологи никогда не могли уловить. Еще часъ, и мы бы вышли на улицу католиками.

24 октября.

Встрѣчаю Фарухъ-бека Визирова*) вчера отплывшаго съ другими на пароходѣ. Изъ-за сильнаго шторма они не могли выйти въ открытое море и вернулись въ Босфоръ. Онъ кое-какъ выбрался на берегъ и очень тому радъ. Качка неописуемая! Разъѣздъ начинается въ неуютныхъ условіяхъ.

Константинополь окончательно присѣлъ передъ Западными демократіями. Печать только и говоритъ объ особомъ

*) Теперь (1923) кажется невѣроятнымъ, что серьезный человѣкъ могъ на это надѣяться!

*) Крупный татарскій промышленникъ и хлопководъ, нынѣ покойный.

призваніи Турціи къ усвоенію и приложенію «принциповъ президента Вильсона» и т. д.

25 октября.

Перемиріе приближается. Отсюда спѣшно отправляются германскія и австрійскія части. Вѣроятно, мы наканунѣ открытія проливовъ; англійскій флотъ войдетъ въ Черное море. Германцы, пожалуй, удалятся изъ Грузіи; но это, думаю, не опасно въ новыхъ условіяхъ.

«Решидъ-паша» опять задержится. Ужъ не кардифскаго-ли угля дожидаются для него? Тѣмъ временемъ, сегодня новый налетъ аэропланов и пальба по нимъ. Все небо было испещрено хлопьями отъ разрывовъ.

26 октября.

Отходъ парохода отложенъ на неопредѣленное время. Въ теченіе столѣтій владѣть морями и не умѣть теперь наладить сообщенія между Константинополемъ и Батумомъ! Неужели и эта война ихъ не исправитъ?

...Германское посольство сообщаетъ телеграмму Чхенкели изъ Берлина (отъ 18-го!) Проситъ меня немедленно вернуться въ Берлинъ. Прибавляетъ обычную свою сентенцію о томъ, что «теперь мы должны энергично работать» и т. д.

Правду сказать, какъ меня ни тянетъ въ Тифлисъ, придется, дѣйствительно, возвращаться въ Берлинъ и направиться оттуда на Западъ. Послѣ моей лѣтней поѣздки въ Христіанію, мнѣ это легче сдѣлать. Отъ Чхенкели ждать такого перемѣщенія не приходится! Теперь надо все передѣлывать. Словомъ, собирался въ Батумъ, а поѣду въ Берлинъ!

28 октября.

Заколебался тронъ Вильгельма II; ушелъ въ отставку ген. Людендорфъ. Конецъ войнѣ?

29 октября.

Завтра плыву на Tigris въ Брайлу: сегодня мой послѣдній вечеръ въ этомъ неправдоподобномъ городѣ, въ невѣроятное время. Г. рѣшилъ ѣхать со мною — ему сообщили, что «Решидъ-паша» не отправится. Ожидается подписаніе перемирія, и всѣ теряютъ голову.

45.

30 октября.

Вотъ я на Tigris. Дрянной транспортъ, но выбора теперь нѣтъ! да и сюда мы попали по сильной «протекціи». Каютъ для насъ нѣтъ; пришлось сложить вещи на верхней палубѣ. Было холодно, дождливо, сурово: мой Г. палъ духомъ и отказался ѣхать въ такихъ условіяхъ. Можно и заболѣть! Онъ съѣхалъ обратно на берегъ. Добрый патеръ Піо выполнилъ за меня формальности, безъ которыхъ нельзя было уѣхать, привезъ бумаги и затѣмъ простился.

Отошли очень поздно, но скоро стало темнѣть, и бросили якорь... въ Босфорѣ.

Дождь не переставалъ. Это уже не Pera-Palace!.

1 ноября.

Судовый поваръ уступилъ за хорошее вознагражденіе свою каюту; но кормить меня онъ не можетъ — у нихъ нѣтъ и лишней унціи! На борту у насъ нѣсколько офицеровъ, нѣсколько десятковъ солдатъ — все авіаторы изъ Дарданеллъ, 5-6 «вольныхъ». Капитанъ и помощникъ — нѣмцы: экипажъ — греки.

Вчера весь день дождь. Сегодня — солнце выглянуло — и опять дождь. Вечеромъ подошли къ устью Дуная — что за печальная картина! Въ Сулинѣ простоимъ всю ночь, а завтра пустимся вверхъ по Дунаю.

При видѣ радуги солдаты говорили: вотъ вѣстникъ мира! Бѣдные: не сладко быть безпрестанно образцомъ дисциплины и исполненія долга.

Брайла, 3 ноября.

Поѣздка изъ Константинополя на этой калошѣ Tigris длилась не три, а пять дней, и вмѣсто двухъ ночей я провелъ въ моей случайной каютѣ — четыре.

Утромъ, 2 ноября, погода прояснилась. Мы вошли въ гирло, вслѣдъ за быстро насъ обогнавшей... «Минна Хорнъ»! и поплелись противъ теченія. Было солнечно, кругомъ — довольно пустынно. Машина наша капризничала и вдругъ останавливалась какъ бы въ параличѣ. Позже, нагнали «M. Horn», стоявшую почему-то на якорѣ. Прошли мимо, но насъ повер-

нули обратно: капитанъ, старый знакомый по рейсу Поти-Константа, прокричалъ въ рупоръ, что у него для насъ телеграмма. Оказалось: приказъ всѣмъ пересаживаться на «Minna Horn», а Тигрису — возвращаться куда-то. Всеобщее изумленіе, поспѣшные сборы, переноска вещей...

Стали бортомъ къ борту: всѣ палубы Minna Horn переполнены были солдатами. Ихъ везли изъ Поти (значитъ, уходятъ изъ Грузіи!). Внезапно — новое распоряженіе: оставаться всѣмъ на Tigris-ѣ, который по состоянію своей машины и за неимѣніемъ угля не можетъ начинать новаго плаванія. Потерявъ много времени, продолжали путь. Утромъ, на разсвѣтѣ, проходили Тульчу, довольно красиво расположенную. День выдался отмѣнный. Странно было смотрѣть на бессарабскій берегъ и на знать, что тамъ за государство. Мимо прошелъ пароходъ «Лучъ» подъ украинскимъ флагомъ. Въ Рени нѣсколько строеній, разрушенныхъ огнемъ; у станціи много вагоновъ.

Въ Галацѣ огромная рѣчная флотилія; много баржъ съ греческими названіями или буквами. Тамъ-же какіе-то колесные пароходы, приведенные, повидимому, изъ Сербіи, а также новенькій австрійскій мониторъ. Въ Брайлѣ цѣлый часъ понадобился пароходу, чтобы причалить, и успѣло совершенно стемнѣть. Съ берега данъ былъ приказъ «штатскимъ» сойти съ парохода, остальнымъ остаться — завтра ихъ направятъ на Николаевъ. Иными словами, сообщеніе на Будапештъ-Берлинъ прервано! О моемъ пріѣздѣ было сообщено изъ Константинополя, и я немедленно получилъ билетъ на комнату въ Hôtel Français.

Здѣсь, за обѣдомъ, подъ звуки румынскаго оркестра, узналъ о революціи въ Буда-Пештѣ, объ убійствѣ графа Тиссы. Вотъ еще одна старая монархія споткнулась, да какъ!

Брайла, 4 ноября.

Недурной городъ, много зелени, замѣтно богатство, приносимое Дунаемъ: рѣка «крупно-буржуазная»!. Обычное этимъ лѣтомъ сообщеніе Брайла-Поти прекратилось. Встрѣтилъ знакомыхъ застрявшихъ здѣсь — они собираются въ Грузію черезъ Одессу. Этимъ же путемъ возвращается большая партія военноплѣнныхъ.

Еще одна встрѣча: капитанъ «Минны Х.» Отъ него узналъ, что ген. Крессъ еще въ Тифлисѣ, съ нимъ немного войска.

«Какъ все измѣнилось съ той нашей поѣздки»! говорилъ капитанъ. Дѣйствительно, измѣнилось.

Можетъ-быть и мнѣ слѣдовало-бы ѣхать на Одессу и Кіевъ? Почему-то я предпочелъ отправиться въ Бухарестъ, чтобы попасть въ Берлинъ черезъ Венгрію.

5 ноября.

Съ трудомъ выѣхалъ изъ Брайлы; слишкомъ ужъ людно, но поѣзда подъ военнымъ германскимъ управленіемъ ходятъ пока точно. Ночью прибыли въ Бухарестъ. Въ густомъ туманѣ искалъ убѣжища, объѣзжая всѣ гостинницы въ какой-то телѣгѣ, — тщетно. Въ прихожей одного отеля продремалъ до утра, потомъ нашелъ съ трудомъ логовище въ другомъ на Calea Victoriei.

На каждомъ шагу германскія военныя учрежденія. Штабъ Макензена въ Атенеумъ-паласѣ. Однако, у румынъ видъ радостный. Повоевали, а теперь имъ повалится въ ротъ все готовое. Объединеніе всея Румыніи — вотъ къ чему идетъ.

Наряду съ парижскимъ лоскомъ многочисленнаго городского слоя «приличной публики» — смушковыя шапки, картузы и тому подобные, не «латинскіе», а скорѣе россійскіе (украинскіе) аттрибуты «простонародья». А между сихъ крайностей — просто румыны, черные, усатые.

Символично соединеніе Парижа съ молдаванщиной въ наименованіи табачныхъ лавокъ — débit de tutun.

Въ газетахъ сообщенія о прекращеніи войны Венгріею, о передачѣ австро-венгерскаго флота южнымъ славянамъ (!) и т.д.

Прямо поразительно. Турція подписала перемиріе 30-го ноября: Батумъ и Баку поступаютъ въ «распоряженіе» побѣждающихъ державъ.

Но какъ теперь доѣхать до англичанъ и французовъ? Въ Берлинъ частныхъ телеграммъ не принимаютъ. Въ политическомъ отдѣленіи штаба Макензена взялись послать мою депешу. Обѣщали также запросить, будетъ-ли отправленъ еще пароходъ въ Поти за остающимися въ Грузіи частями — съ этимъ пароходомъ я-бы отправился туда, если нельзя проскочить черезъ Венгрію.

«Вотъ ужъ, говорю дежурному офицеру: — не ожидалъ застрять здѣсь на Calea Victoriei!». «Да вѣдь всѣ мы здѣсь застряли».

6 ноября.

Выправляю бумаги на въѣздъ въ Германію. Всѣ военныя правила примѣняются пунктуально. Въ одномъ изъ N N Pester Lloyd прочелъ полностью условія турецкаго перемирія. Они пріятны для Арменіи, но и для Грузіи благопріятны. Азербайджанъ пожалѣетъ о туркахъ.

Патетическія свѣдѣнія о венгерской революціи. Духъ Кошута — но также разгромъ вокзаловъ, тюремъ; кое-гдѣ совѣты солдатскихъ депутатовъ. Это уже изъ другой оперы.

Сербія вся освобождена. Генералъ д'Эсперэ, кажется, уже въ Бѣлградѣ.

7 ноября.

Надо спасаться отсюда! Не сегодня-завтра движеніе прекратится — Венгрія не пропускаетъ угля. Въ 9 час. вечера есть поѣздъ на Оршову, до венгерской границы. Бумаги въ порядкѣ. Ѣду.

...Невѣроятная толпа на вокзалѣ. Германскіе часовые и румынская полиція съ трудомъ поддерживаютъ порядокъ. У кассы уже толпа — за три часа до отхода поѣзда: да и билеты, говорятъ, уже всѣ разобраны. Вещей не принимаютъ на храненіе — багажная комната переполнена! какъ прикажете «маневрировать» и какъ быть? О чьей-либо помощи и помину нѣтъ.

...Вздоръ, будто-бы не бываетъ чудесъ. Чудеса бываютъ. Я получилъ билетъ и занялъ мѣсто въ переполненномъ купэ. Ничего не подѣлаешь — Провидѣніе или святой Георгій явно мнѣ помогаетъ.

...Румынское общество: деликатная дама и такой-же джентльменъ бесѣдуютъ по французски о томъ, какъ при первой возможносги они поѣдутъ въ Парижъ: въ Румыніи оставаться прямо невозможно. Пѣвички изъ Вѣны, но здѣшнія, угощаютъ всѣхъ виномъ и бутербродами — очень удобно. Молодой нѣмецъ-офицеръ начинаетъ съ рѣшительныхъ движеній и диктаторскихъ замашекъ, но — быстро дѣлается шелковымъ. Позже вваливается румынъ-инженеръ, демобилизованный капитанъ. Сообщаетъ новости, которыя съ жаромъ обсуждаются пассажирами. Правительство Маргиломана пало; во главѣ новаго — генералъ Коанда. (Кстати, война по румынски — «разбой»!). Буковина уже занята румынскими войсками, скоро будетъ занята и Трансильванія. «Съ Бесса-

рабіей, получится Румынія въ 18 милліоновъ населенія! самыя смѣлыя надежды наши превзойдены» и т. д.

Германская оккупація вызываетъ, конечно, жалобы. Но теперь — конецъ ихъ владычеству. Золотое дно, эта Румынія, и не разъ еще германцы будутъ съ сожалѣніемъ о ней вспоминать. «Но не забудется ихъ грубость — говоритъ инженеръ, питомецъ Дармштадскаго техникума. Они увезли отсюда и сырье, и все, что угодно; много станковъ, двигателей предоставили болгарамъ — «нашимъ вѣрнымъ союзникамъ», ха, ха! А что сказать объ офицерѣ, который у меня въ домѣ, къ моимъ картинамъ прибилъ, для просушки, шкуры застрѣленныхъ имъ волковъ и лисицъ»....въ такихъ разговорахъ проходитъ ночь, безъ сна и отдыха. Проѣзжаемъ Питешти, Крайову.

8 ноября.

Изъ газетъ узнаю подробности венгерской революціи. Каковъ пріемъ Карольи и другихъ въ Бѣлградѣ генераломъ Franchet d'Esperay! Хуже тѣлеснаго наказанія.

...Вотъ Дунай, Желѣзныя Ворота, островъ Ада-кале — кусочекъ Турціи, живое и живописное напоминаніе о дняхъ оттоманской славы... румынская граница (Верчіорова) — а затѣмъ и венгерская, въ Оршовѣ.

Провѣрка паспортовъ; венгерскій офицеръ говоритъ любезности уроженцу Грузіи, спрашиваетъ, хорошо-ли я сижу.

Тронулись по территоріи новой республики. Со мною въ купэ — венгерскіе чиновники. У нихъ чудное настроеніе. «Конецъ войнѣ, всякой войнѣ — говоритъ славный старикъ, инспекторъ дунайскаго пароходства. И свобода всѣмъ народамъ! И земля всѣмъ! Не будетъ больше въ Венгріи крупной собственности» и т. д.

Сестры милосердія (скорѣе «заурядъ-фельдшерицы» — такъ кто-то въ Россіи предлагалъ ихъ называть), вѣнки. Универсальный типъ «барышень», устроившихся около войны. Для нихъ война была большимъ, длительнымъ развлеченіемъ. Съ ними какой-то военный чиновникъ, который еще на послѣднихъ румынскихъ станціяхъ пораспродалъ предметы своего снаряженія.

Вваливаются все новыя лица. Венгерскій офицеръ гусарскаго облика, — оказался затѣмъ врачемъ...

Наступаетъ ночь. Сплю какъ камень — зыбкій, шаткій, валкій камень — сидя.

9 ноября.

Демобилизація даетъ себя чувствовать. Опаздываемъ немилосердно. На всѣхъ станціяхъ обезоруженные солдаты, возвращаемые родинѣ. Воображаю, что за сумятица на бывшемъ итальянскомъ фронтѣ, откуда въ разныя стороны отхлынули солдаты разныхъ породъ — по своимъ домамъ.

Всѣ здѣсь украсили себя кокардами съ національными цвѣтами.

...Поздно вечеромъ прибыли въ Будапештъ. Во всемъ городѣ ни одной свободной комнаты — стереотипно отвѣчаютъ въ двадцати мѣстахъ. Проливной дождь. Возвращаюсь на вокзалъ (уже другой). Узнаю, что въ 12 час. ночи отойдетъ поѣздъ на Одербергъ. Поѣздъ поданъ въ 3 часа. Устраиваюсь въ неосвѣщенномъ вагонѣ 3 класса, съ разбитыми стеклами. Попутчики — германскій санитарный отрядъ изъ Македоніи. Окна завѣсили одѣялами, пытались спать въ сильный холодъ.

10 ноября.

Поѣздъ галопируетъ недурно. Ѣдемъ по гористой мѣстности, между отроговъ Татръ и Бескидъ. Часамъ къ четыремъ пріѣхали въ Рутку, гдѣ конецъ Венгріи. Не успѣлъ установить съ точностью, какое государство начиналось по ту сторону границы, ибо на станціи, сверхъ массы освобожденной «живой силы», обнаружился также буфетъ, къ которому я почувствовалъ невольное влеченіе: послѣ моего послѣдняго обѣда въ Бухарестѣ, въ Hôtel du Boulevard прошло трое сутокъ,

...поѣздъ былъ сейчасъ же взятъ приступомъ, солдатами, возвращающимися въ Германію или въ Галицію (черезъ Краковъ). Я весьма успѣшно захватилъ позицію и оказался въ обществѣ польскаго солдата, комично разсказывавшаго, какъ они «утекали» изъ Сербіи, и молодыхъ германскихъ пѣхотинцевъ...

Въ 3 часа ночи насъ разбудили: «Одербергъ». Ну, подумалъ, пожалуй доберусь до Берлина.

11 ноября.

Въ Одербергѣ полный порядокъ. У меня отобрали книги и бумаги, обѣщали выслать въ Берлинъ. Въ 5 час. утра отправился бреславльскимъ поѣздомъ: билета до Берлина не выдали, туда не пропускаютъ — тамъ происходитъ нѣчто чрезвычайное.

...Сижу съ офицерами, явно сбитыми съ толку. «Были, конечно, говорятъ они, преувеличенія въ дисциплинѣ, но въ обшемъ вѣдь все шло хорошо». Что собственно происходитъ — имъ неизвѣстно. Но ясно, что въ Германіи революція.

Въ Оппельнѣ узнаемъ объ отреченіи Вильгельма, о республикѣ, объ условіяхъ перемирія, уже принятыхъ.

Бреславль. Здѣшній вокзалъ — нѣчто образцовое. Пока — точная, чистая работа. Завтракъ — немного мозговъ и шпината, съ тонкимъ ломтикомъ хлѣба — знакъ дисциплины и самоограниченія большого народа.. Въ Берлинъ пропускаютъ теперь. Запасаюсь газетами и продолжаю путь. Начинаемъ опаздывать — постепенно вхожу въ курсъ здѣшнихъ событій и не удивляюсь, когда кто-то воскликнулъ, при въѣздѣ въ вокзалъ Alexanderplatz: слышите, пулеметная стрѣльба! Дѣйствительно, что-то тявкало — но скромно.

Пріѣхали. Въ гостинницу Adlon нельзя — по дорогѣ туда неблагополучно. Отправляюсь съ носильщикомъ въ Continental. Солдатъ съ красной повязкой спрашиваетъ паспортъ: я въ революціонномъ Берлинѣ.

ГЛАВА XVII.

КОНЕЦЪ ГЕРМАНСКОЙ ОРІЕНТАЦІИ.

46.

Пострѣляли, для приличія, денекъ — другой, и принялись — кто за дѣло, кто за говореніе. На бульварѣ «Подъ липами» кое гдѣ стекла разбиты пулеметами; бѣлыя пятна на камняхъ многихъ домовъ — но революція, пока-что, была здѣсь «безкровная,» т. е. ... малокровная. Разложеніе во флотѣ, моральная капитуляція главной квартиры, предложившей непріятелю перемиріе, («нервы не выдержали») отреченіе Императора, подъ давленіемъ западныхъ демократій, — вотъ нервъ этого переворота. Теперь большинство думаетъ въ Германіи объ одномъ — какъ бы не повторить большевиковъ.

... Выраженіе лицъ — куда болѣе будничное, чѣмъ въ Петербургѣ, въ февралѣ или въ октябрѣ 1917 г. Но что за волшебный поворотъ исторіи — германцы очищаютъ лѣвый берегъ Рейна, французы вступятъ въ Эльзасъ, — безъ боя, съ распущенными знаменами, союзники занимаютъ Кельнъ, Кобленцъ и Майнцъ. Конецъ Гогенцоллерновъ, Габсбурговъ, Австро-Венгріи, генералитетовъ и канцлеровъ. Но что еще впереди?

Въ Берлинѣ я не имѣлъ времени для размышленія о всей глубинѣ «паденія», послѣдовавшаго такъ стремительно, за «величіемъ» Срединной Европы: надо было дѣйствовать. «Дѣйствовать», въ этотъ моментъ, значило, для меня, *передвигаться* съ возможною быстротою, по направленію къ столицамъ побѣдоносныхъ нынѣ державъ. Цѣль-же этого передвиженія заключалась, очевидно, въ «установленіи контакта» съ правительствами англійскимъ и французскимъ, главными отнынѣ распорядителями Европы.

Участокъ пути, требовавшій наибольшаго спортивнаго напряженія (по условіямъ ноября 1918 г.), а именно, — Константинополь — Берлинъ, я уже, такъ сказать, «покрылъ». Теперь надлежало повторить мою лѣтнюю поѣздку въ Христіанію и тамъ пожать плоды моего тогдашняго посѣва, въ видѣ полученія визы на проѣздъ въ Лондонъ, въ качествѣ грузинскаго эмиссара.

Что касается А. Чхенкели, то теперь — но только теперь — и онъ убѣдился, что пребываніе его въ Берлинѣ... нѣсколько затянулось. Понадобилось полное пораженіе Германіи и революція чтобы его въ этомъ убѣдить; и потребовалась шальная революціонная пуля, разбившая съ улицы окно въ его помѣщеніи, чтобы онъ, наконецъ, рѣшился его очистить. Впрочемъ маршрутъ перваго его передвиженія былъ несложенъ: Ч. переѣхалъ въ другую комнату — въ томъ же отелѣ Адлонъ, только окнами во дворъ.

Рѣшено было отправиться мнѣ авангардомъ въ Лондонъ и Парижъ. Одновременно посланы были для работы на «флангахъ» Мих. Церетели — въ скандинавскія столицы, М. А. Сумбатовъ — въ Швейцарію: они подвергли методическому обстрѣлу своей пропаганды дипломатовъ «согласія» въ этихъ нейтральныхъ странахъ,*) т. е. продолжали работу, начатую въ Христіаніи.

Что касается соглашеній нащихъ съ Германіей, политическаго и экономическихъ, о которыхъ въ подробности изложено выше (п. п. 35 и 41) то вся ихъ совокупность такъ и осталась — въ проектѣ. Политическое соглашеніе (готовое въ началѣ октября 1918 г.) никогда и не было подписано; вслѣдствіе этого, *никогда не вступали въ силу* и подписанныя нами 12-го іюля 1918 г. спеціальныя экономическія соглашенія. Даже само формальное признаніе независимой Грузіи германскимъ правительствомъ (противъ чего Россія заранѣе обязалась не возражать, согласно ст. 13 добавочнаго къ Брестъ-Литовскому договора) уже не могло состояться, въ виду кореннымъ образомъ измѣнившагося политическаго положенія.

Какъ ни глубоко было политическое униженіе Германіи послѣ принятія условій перемирія 11-го ноября 1918 г. и

*) Нѣсколько позже переѣхалъ въ Швейцарію и А. Чхенкели. Министромъ иностранныхъ дѣлъ Грузіи былъ (въ началѣ ноября) назначенъ Е. Гегечкори. Другихъ измѣненій въ личномъ составѣ грузинскаго правительства въ связи съ концомъ «германской оріентаціи» не произошло.

послѣ революціи, дѣйствительная мѣра этого униженія не была еще ясна и не сознавалась даже самыми вдумчивыми людьми. Напримѣръ, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ вѣрили (или дѣлали видъ, что вѣрятъ!) еще въ возможность осуществленія грузино-германскихъ проектовъ! «Но постарайтесь поскорѣе склонить на вашу сторону державы согласія. Это будетъ для васъ дѣломъ труднымъ такъ какъ державы эти, въ стремленіи поскорѣе возстановить единую Россію, будутъ противъ 6. окраинъ. Кромѣ того, армяне сдѣлаются теперь естественно любимцами «Антанты». Имъ постараются утереть слезы — и претензіи ихъ на ваши уѣзды — Борчалинскій, Ахалкалакскій будутъ теперь для васъ опасны» — таковы были предположенія, высказанныя д-ромъ Геппертъ въ послѣдней моей съ нимъ бесѣдѣ (14-го ноября 1919 г.)

По словамъ Г., грузинское правительство въ этотъ тяжелый для Германіи моментъ показало генералу Крессу въ Тифлисѣ много деликатности и вниманія.*)

«Смутное время и у насъ» — замѣтилъ Г. «Да, утѣшилъ я его, «теперь вы займетесь тою задачею, которую, въ скромномъ масштабѣ, старалось разрѣшить грузинское правительство: демократія и соціализмъ — безъ «большевизма». Заднимъ числомъ,вы,можетъ быть, воздадите теперь Грузіи должное».**)

Съ своей стороны, Грузія уже воздала должное Германіи: ея поддержка несомнѣнно облегчила первые мѣсяцы грузинской независимости. Но то, что называлось «германской орiентаціей» Грузіи не имѣло уже подъ собою почвы въ измѣнившихся политическихъ условіяхъ Европы.

47.

Брестъ-Литовскій договоръ, со всѣми дополнительными къ нему соглашеніями, признанъ былъ утратившимъ силу (п. XV условій перемирія съ Германіей, подписанныхъ 11 ноября 1918 г.) какъ съ точки зрѣнія союзниковъ, такъ и въ

*) Въ Тифлисѣ вмѣстѣ съ германской миссіей оставалось еще 500 человѣкъ германскихъ войскъ, эвакуированныхъ нѣсколько позже. Всего германцы пробыли въ Грузіи около пяти мѣсяцевъ (іюнь-ноябрь 1918 г.).

**) Въ официальныхъ германскихъ сужденіяхъ о Грузіи 1918 г. несомнѣнная симпатія смѣшивалась съ ужасомъ образцовыхъ чиновниковъ, при видѣ разныхъ революціонныхъ непорядковъ и недостаточной дѣловитости грузинскихъ правителей. Но откудабы они ее взяли, эту дѣловитость!

отношеніяхъ между Германіей и совѣтсткой Россіею. (Московское правительство сообщило германскому ноября, что не считаетъ себя болѣе связаннымъ Брестъ-Литовскимъ договоромъ); и хотя тѣмъ самымъ, на благо Грузіи и Арменіи, наносился ударъ вновь пріобрѣтеннымъ правамъ Турціи на три санджака (Батумъ, Карсъ, Ардаганъ), но, съ другой стороны, уничтожалось и постановленіе ст. 13 «добавочнаго» русско-германскаго договора 27-го августа, содержащей замаскированное признаніе грузинской независимости Совѣтскимъ правительствомъ (см. выше, п. 36); и это былъ несомнѣнно шагъ назадъ въ дѣлѣ международнаго упроченія независимости Грузіи.

Центръ всѣхъ признаній, рѣшеній, поддержекъ и поощреній перемѣщался на Западъ, въ Парижъ, гдѣ долженъ былъ собраться конгрессъ или конференція побѣдителей. Путь же въ Парижъ лежалъ для насъ черезъ Лондонъ, не только по географическимъ условіямъ тогдашнихъ сообщеній, но и политически: перемиріе съ Турціей, главнымъ непріятелемъ на азіатскомъ Востокѣ, было дѣломъ рукъ великобританскихъ и закавказскія страны принимались въ соображеніе, какъ одинъ изъ театровъ кончавшейся войны, именно въ конвенціи о перемиріи съ Турціей,подписанной британскимъ адмираломъ Артуромъ Колсорпъ (Calthorpe) 30 октября 1918 г.*) Кромѣ того, и по условіямъ дислокаціи союзныхъ войскъ на Востокѣ, и въ виду особаго положенія, которое Англія явно стремилась тамъ занять, слѣдовало ожидать въ гости въ Закавказье именно англичанъ, а не кого другого. Представлялось, поэтому, необходимымъ *какъ можно скорѣе* вступить въ непосредственное сношеніе съ британскимъ правительствомъ въ Лондонѣ, чтобы подготовить съ этой стороны «приспособленіе» независимой Грузіи къ новой международной обстановкѣ, въ особенности когда сама эта «обстановка», въ видѣ англійскихъ войскъ, собиралась вступить въ наши предѣлы.

Вступали они туда, конечно, въ качествѣ «войскъ союзныхъ державъ» — на мѣсто уходившихъ теперь съ Кавказа

---

*) Конвенція эта, подписанная на борту «Агамемнона», въ портѣ Мудросъ (на остр. Лемносъ) и составленная на англійскомъ языкѣ, носитъ съ турецкой стороны подписи Рауфъ-бая (нынѣ, въ 1923 г., главы ангорскаго правительства) и Решадъ-Хикмета, мною выше уже упомянутыхъ. Текстъ см. напр., въ 1-омъ томѣ A History of the Peace Conference of Paris ed. by *H. W. V. Temperley*. L. 1920. P. 495-7.

германо-турковъ. Но никакой опредѣленной *союзной* политики въ кавказскихъ дѣлахъ не могло еще, конечно, сложиться; у англичанъ-же такая политика могла быть, и выясненіе этой политики, согласованіе съ нею, или, по-просту говоря, использованіе ея въ интересахъ охраненія и укрѣпленія грузинской независимости становилось основной очередной задачей; тѣмъ болѣе что самый текстъ мудросской конвенціи *совершенно игнорировалъ* закавказскія государственныя новообразованія.

Это не значитъ, что конвенція это игнорируетъ Закавказье. Напротивъ, она разсматриваетъ его какъ добро, поступающее нынѣ подъ контроль союзниковъ. Ст. XI касается очищенія закавказскихъ провинцій (какъ и сѣверо-западной Персіи) турецкими войсками. Ст. XV говоритъ объ установленіи союзнаго контроля по закавказскимъ желѣзнымъ дорогамъ, вмѣсто турецкаго. Дороги переходятъ въ «свободное и полное» распоряженіе союзниковъ (съ принятіемъ во вниманіе нуждъ населенія). Батумъ будетъ занятъ союзниками. Турція *соглашается* и на занятіе ими Баку*).

Ни Грузія, ни Азербайджанъ при этомъ не упомянуты: официально въ это время время они не существуютъ еще для союзниковъ. Кавказская Арменія также не упомянута. Зато есть многозначительный *намекъ* въ ст. XXIV, предоставляющей союзникамъ право занимать части *шести армянскихъ вилайетовъ*, въ случаѣ безпорядковъ.

Когда Турція поставлена на колѣни, а всесильный побѣдитель дѣлаетъ такой *намекъ*, то для большинства нѣтъ сомнѣній: армянамъ *обѣщаны шесть вилайетовъ*. Небольшое усиліе «толкованія», и выводъ ясенъ: «союзники рѣшили создать независимую Арменію — съ отнесеніемъ къ ней шести турецкихъ вилайетовъ».**) Какъ не воспрянуть духомъ — эриванскимъ армянамъ, сжавшимся подъ турецкимъ нажимомъ лѣта 1918 г.? Конецъ турецкой окупаціи; вмѣсто нея — британская окупація и «шесть вилайетовъ». Наша взяла — теперь

*) Это «согласіе» Турціи на занятіе союзниками не принадлежавшаго вовсе туркамъ Баку упомянуто было, вѣроятно, безъ особыхъ заднихъ мыслей. Позже въ этомъ усмотрѣли направленную противъ Россіи англійскую интригу. См. напр. письмо хорошо освѣдомленнаго автора V. M. въ Times, 10 апрѣля 1920 г. (The Future of Baku. Turkey and Azerbaijan).

**) Это соотвѣтствовало не только традиціи армянскихъ политическихъ дѣятелей, но и чисто кабинетнымъ взглядамъ многихъ арменофиловъ въ Европѣ и Америкѣ.

можно и разжаться: Грузія почувствуетъ на себѣ всю энергію этого настроенія, когда, въ декабрѣ 1918 года, эриванское правительство дастъ своимъ войскамъ приказъ занять Борчалинскій и Ахалкалакскій уѣзды б. Тифлисской губ. Но это эпизодъ сравнительно маловажный.

Гораздо хуже было то, что теорія «шести вилайтеовъ» вкрапленная очень неосторожно въ текстъ чисто военнаго документа создало «настроеніе» и среди турокъ: не одинъ ножъ зажался въ мускулистой рукѣ.

Достойнымъ образомъ начиналось одно изъ самыхъ отвратительныхъ проявленій политическаго дилеттантизма новаго времени: разрѣшеніе армянскаго вопроса великими западными демократіями.*)

---

*) Сводку заявленій, болѣе или менѣе офиціальныхъ, и во всякомъ случаѣ очень отвѣтственныхъ, сдѣланныхъ, преимущественно въ 1918 г., руководящими государственными людьми, какъ президентъ Вильсонъ, Ллойдъ Джорджъ, Клемансо, Бальфуръ и др. по армянскому вопросу (въ томъ смыслѣ, что освобожденіе Арменіи составляетъ одну изъ цѣлей войны) можно найти въ изданіяхъ армянскихъ организацій, напр. въ брошюрѣ *The Case of Armenia*, изданной въ 1919 г. Армянскимъ національнымъ союзомъ въ Америкѣ (The Armenian National Union of America). Отмѣчу особенно резолюцію, внесенную въ Сенатъ С. А. С. Штатовъ извѣстнымъ сенаторомъ Ладжъ (Lodge) 10 декабря 1918 г., согласно которой будущая независимая Арменія должна включать Турецкую Арменію (въ составѣ шести вилайетовъ и Киликіи), русскую Арменію и сѣверную часть перс. Азербайджана (персидская Арменія). Приложенная къ цитируемому изданію карта будущей Арменіи проводитъ с.-в. границу ея по р. Курѣ (прибл. отъ Елисаветполя до впаденія въ Каспійское море). Арменія омывается (на этой картѣ) тремя морями: Чернымъ, Средиземнымъ и Каспійскимъ.

ГЛАВА XVIII.

КУРСЪ НА ЗАПАДЪ.

48.

19 ноября 1918 г., т. е. спустя какую-нибудь недѣлю послѣ капитуляціи Германіи, я выѣхалъ изъ Берлина въ Христіанію, куда прибылъ 21-го. Англійскій посланникъ былъ въ отсутствіи, и просьба моя о разрѣшеніи въѣзда въ Лондонъ была передана туда повѣреннымъ въ дѣлахъ г. Овей, съ которымъ какъ впрочемъ и съ французскимъ посланникомъ г-омъ Эдмондомъ Бапстъ, я продолжалъ теперь начатыя лѣтомъ бесѣды на кавказскія темы. Г. Овей сообщилъ, между прочимъ, что въ отвѣтъ на донесеніе о моемъ сентябьскомъ разговорѣ съ сэромъ Мэнсфильтъ Финдлей, британской миссіи поручено было изъ Лондона запросить отъ меня свѣдѣнія по цѣлому ряду вопросовъ, касающихся фактическаго положенія въ Закавказьи и на Сѣверномъ Кавказѣ. Свѣденія эти не могли быть тогда-же отъ меня получены, вслѣдствіе моего возвращенія въ Берлинъ: теперь я поспѣшилъ удовлетворить любознательность лондонскаго министерства.

Ходатайство мое — о разрѣшеніи пріѣзда въ Лондонъ, *по порученію грузинскаго правительства*, въ связи съ вопросомъ о признаніи послѣдняго, не было очевидно ходатайствомъ совершенно обычнымъ. Оно было, по моей просьбѣ, поддержано передъ англійскимъ правительствомъ г. Оливеромъ Уордропъ*)

*) Джонъ-Оливеръ Уордропъ (нынѣ сэръ Д. О. У.), видный представитель великобританской консульской службы и англійской университетской культуры, также какъ сестра его, миссъ Марджори Уордропъ (умер. 1909), посвятилъ много времени и труда исторіи и литературѣ Грузіи. Изъ работъ его въ этой области укажу здѣсь только на блестяще написанное предисловіе къ (сдѣланному его сестрою) прозаическому англійскому переводу

изъ Бергена; а въ Лондонѣ объ ускореніи этого разрѣшенія долженъ былъ хлопотать Д. Гамбашидзе, имѣвшій нѣкоторыя связи въ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ. И съ однимъ, и съ другимъ я снесся немедленно по прибытіи въ Норвегію. Въ самомъ началѣ декабря разрѣшеніе было получено, и «согласно инструкціи Главнаго Секретаря Е. В. по внѣшнимъ дѣламъ» — таковымъ былъ тогда Бальфуръ — «дипломатическая виза» украсила мой паспортъ — первое проникновеніе независимой Грузіи въ *тотъ* лагерь, — послѣ пятимѣсячнаго прохожденія сквозь «огонь и мѣдныя трубы» Средней Европы. «Проникалъ» пока я одинъ, и этому не помѣшало столь грѣшное пребываніе въ Берлинѣ. Единственная оговорка, сопровождавшая допущеніе мое въ Лондонъ, заключалась въ томъ, что «предоставленіе мнѣ льготной визы не означаетъ, однако, еще признанія грузинскаго правительства». Въ этомъ, конечно, и сомнѣнія не было: я и ѣхалъ-то въ Англію, чтобы «подготовить почву» для такого признанія.

Морскія сообщенія Норвегіи съ Англіей находились подъ строжайшимъ военнымъ контролемъ. Прибывъ въ Бергенъ 7-го декабря, я обезпечилъ себѣ мѣсто на пароходѣ, отходившемъ въ Англію 9-го числа. Тогда - же, т- е. 7-го декабря мнѣ удалось повидать и впервые познакомиться съ Оливеромъ Уордропъ, британскимъ генеральнымъ консуломъ въ Бергенѣ. Это былъ впрочемъ, послѣдній день его тамъ пребыванія: онъ возвращался теперь съ семьей въ Англію.

Что «эмиссаръ» Грузіи у самого порога въ предѣлы Великобританіи долженъ былъ встрѣтить и получить поддержку стараго испытаннаго друга грузинскаго народа — въ этомъ было нѣчто провиденціальное. О. Уордропъ былъ, вѣроятно, очень огорченъ грузино-германскимъ сближеніемъ 1918 го-

---

знаменитой поэмы Руставели «Человѣкъ въ барсовой кожѣ» (*The Man in the Panther's Skin.* A Romantic epic by *Shot'ha Rust'haveli.* A close rendering from the Georgian attempted by *Marjory Scott Wardrop.* London. 1912. Изданіе Королевскаго Азіатскаго Общества) и на сдѣланный имъ переводъ *Висраміани*, т. е. древнегрузинской версіи чрезвычайно важнаго памятника до-мусульманской литературы Персіи, не сохранившагося въ пехлевійскомъ подлинникѣ, но дошедшаго до насъ въ персидской (стихотворной) и грузинской (прозаической) редакціяхъ. (*Visramiani.* — The story of the loves of Vis and Ramin. A romance of ancient Persia. Translated from the georgian version by *Oliver Wardrop.* L. 1914.).

да; однако, его глубокая привязанность къ Грузіи говорила въ немъ сильнѣе всего. Мы могли разсчитывать на его помощь и въ Лондонѣ.

...Бергенъ расположенъ красиво подъ утесами, у фіорда. «Нѣмецкая пристань», въ ганзейскомъ духѣ, очень характерна. Во всемъ чувствуется соленый запахъ моря, точнѣе — океана, на другомъ концѣ котораго — Америка; — зажиточность, предпріимчивость, вмѣстѣ съ непоколебленной еще простотою жизненнаго уклада и легкою обозримостью всей жизни — преимущество небольшихъ культурныхъ народовъ и такихъ-же городовъ!

9-го декабря, темною ночью, пустились въ плаваніе по морю, такъ недавно еще страшному, благодаря рыскавшимъ по нему подводнымъ лодкамъ, и еще полному минъ.

Раннимъ утромъ, когда всѣ еще спали, при полномъ спокойствіи внезапно услышали короткій отрывистый трескъ, грохотъ: что-то ударило въ пароходъ или пароходъ обо-что-то ударился. Движеніе сразу замедлилось. Первая мысль — это мина! «Мина, мина» закричали въ корридорѣ. Всеобщее отчаяніе. Забѣгали, завопили по всѣмъ угламъ. «Ясное дѣло, тонемъ». Стали одѣвать спасательные пояса. А пароходъ уже накренился такъ, что трудно было стоять. «На верхъ, всѣмъ на верхъ!» скомандовалъ кто-то. Словомъ, пережили все, что полагается пережить при «попаданіи» мины въ пароходъ. Это, однако, не была мина,: мы напоролись на острый, непоказанный на картѣ, рифъ — и сѣли на него. Приказано было спуститься въ шлюпки, которыя и высадили насъ въ Копервикѣ.

...На слѣдующее утро вышли въ открытое море и сразу попали въ бурю — ими славится Сѣверное море зимою. Волны кругомъ парохода ходили огромныя, черныя, съ бѣлыми гребнями и подпалинами. Качка все время была неописуемая. Лежа на койкѣ, можно было видѣть свои ноги то сверху внизъ, то снизу вверхъ. А когда качка дѣлалась килевою, вторая, параллельная койка была все время то надъ вами, то подъ вами.

Наконецъ, вечеромъ 12 декабря, вошли въ каналъ и поднялись къ Ньюкестлю (въ переводѣ на грузинскій — Ахалцихъ). Сплошныя фабрики, доки, дымовыя трубы — царство угля, желѣза и дѣловитости, одинъ изъ жизненныхъ пунктовъ удивительнаго острова, охраняемаго плавучими батареями и цитаделями! Утромъ 13-го декабря высадились. Просма-

тривая мою визу, одинъ изъ чиновниковъ замѣтилъ: «Георгія, это, кажется, около Румыніи».

Понеслись по зеленой Англіи, всюду встрѣчая военныхъ съ довольными, свѣжими лицами побѣдителей, и прибыли на вокзалъ Кингскроссъ.

Мнѣ не трудно было угадать въ толпѣ Давида Гамбашидзе,*) предупрежденнаго телеграммою о моемъ пріѣздѣ. Начиналась лондонская глава «хожденія по дѣламъ Грузіи».

49.

Я не собираюсь передавать въ подробностяхъ переговоровъ или разговоровъ, которые велись въ Лондонѣ на тему о независимости Грузіи.

Сравнительно съ Берлиномъ, главная особенность политическаго положенія заключалась теперь въ томъ, что какъ для главныхъ державъ Европы, такъ и для С. А. С. Штатовъ получалъ огромное значеніе вопросъ о возстановленіи государственнаго порядка въ Россіи (на совѣтскій режимъ, продержавшійся тогда уже свыше года, многіе смотрѣли какъ на аномалію, затянувшуюся сверхъ ожиданія). Это было время диктатуры адмирала Колчака въ Сибири, организаціи добровольческихъ силъ на югѣ, время усиленной работы недавно еще авторитетныхъ представителей россійской дипломатіи въ главныхъ центрахъ въ пользу вооруженнаго вмѣшательства, или-же помощи деньгами и оружіемъ генераламъ и организаціямъ, спасавшимъ Россію съ разныхъ концовъ.

Что теченіе это относилось вполнѣ отрицательно**) къ идеѣ независимости бывшихъ окраинъ Россіи, что такое отрицательное отношеніе внушалось русскими дѣятелями правительствамъ Западныхъ державъ, — вчерашнимъ союзникамъ —

---

*) Братъ упомянутаго выше д-ра Вахтанга Г., Давидъ Г-дзе былъ раньше секретаремъ Русско-британской торговой палаты въ Лондонѣ. Имъ было сдѣлано много для популяризаціи въ англійскихъ правительственныхъ и дѣловыхъ кругахъ идеи независимости Закавказскихъ республикъ. См. о немъ любопытную страницу у Lieut.-col. *Repington*. The first World War. 1914-1918. Vol. II. p. 182.

**) Въ этомъ я вижу одно изъ самыхъ глубокихъ и роковыхъ недоразумѣній русской противосовѣтской политики.

что новоявленныя республики подвергались огульнымъ и систематическимъ нападкамъ, осмѣянію и сарказмамъ—извѣстно всякому. Атмосфера эта, конечно, затрудняла работу и въ вопросѣ о признаніи независимости Грузіи.

Однако, и эта работа не была столь безнадежной, какъ многимъ казалось. Очень скоро выяснилось — и мы были вовсе не послѣдними, открывшими это — что обѣ тенденціи могутъ быть согласованы; что, въ частности, Великобританія превосходно можетъ, разъ это ей угодно, поддерживать всячески стремленія русскихъ возстановить Россію, а, одновременно, отнестись съ должнымъ вниманіемъ и къ вновь образовавшимся республикамъ. Я буду, кажется, правъ, если скажу, что въ англійской политикѣ *преобладало* въ этотъ моментъ стремленіе помочь возстановленію Россіи; но что тамъ, имѣлась почва и для симпатій по отношенію къ новымъ республикамъ какъ по принципіальнымъ основаніямъ (вѣра либераловъ, трудовиковъ и др. въ право самоопредѣленія, въ начала демократіи и пр.)такъ, отчасти, и вслѣдствіе спеціальной заинтересованности. Для балтійскихъ республикъ получалъ значеніе вопросъ о морскихъ интересахъ державъ въ Балтійскомъ морѣ; Грузія могла нащупать старое, отчасти заброшенное русло былыхъ такъ наз. Биконсфильдовыхъ идей о необходимости ставить барьеръ русскому проникновенію въ Передней Азіи и т. д.

Словомъ, наряду съ основнымъ теченіемъ политики, благопріятнымъ возстановленію единой Россіи, существовали мотивы и интересы хоть и второго плана, однако достаточно отчетливые, чтобы служить основою для защиты независимости окраинныхъ государствъ.

Попытка *преодолѣнія* этой двойственности заключалась въ отвлеченной идеѣ федераціи, т. е. возстановленія русскаго единства путемъ федеративнаго объединенія отдѣльно существовавшихъ частей бывшей Имперіи. Идея эта, въ видѣ намековъ и внушеній, играла съ самого начала свою роль въ сношеніяхъ окраинныхъ делегатовъ съ Англіей (позже ее стали усваивать, стараясь попутно обезвредить, и въ нѣкоторыхъ русскихъ кругахъ); однако, двойственность, о которой сказано выше, проникала всю политику Англіи въ теченіе всего 1919 года.

Впрочемъ, въ этотъ моментъ «единая Россія» была всего лишь программою, независимая-же Грузія (чтобы вернуться

лики и готово отстаивать ея признаніе на мирной конференціи.*

Такъ совершился — спустя какихъ нибудь десять недѣль послѣ окончательнаго принятія нами въ Берлинѣ проекта грузино-германскаго трактата — переводъ грузинской политики на новыя рельсы, сообразно измѣнившимся обстоятельствамъ. Моя обязанность и роль «стрѣлочника» была выполнена: теперь отъ грузинскаго правительства въ Тифлисѣ зависѣла «эксплуатація успѣха».

---

*) Существо этой ноты было передано по телеграфу грузинскому правительству, и вызвало отвѣтную благодарственную телеграмму грузинскаго мин. иностран. дѣлъ Гегечкори (январь 1919 г.).

къ ней) — дѣйствительностью, фактомъ, съ которымъ приходилось считаться... хотя-бы при установленіи желѣзнодорожной связи между Батумомъ и Баку (въ силу Мудросскаго перемирія). Все это придавало вопросу опредѣленное жизненное значеніе, и мы имѣли возможность обсудить его всесторонне съ представителчями великобританскаго правительства. Разумѣется, мы говорили и за Азербайджанъ, не имѣвшій еще въ Лондонѣ своего представителя, а темы нашихъ бесѣдъ выходили далеко за предѣлы Закавказья.

Итакъ, «возстановленіе единой Россіи» было однимъ изъ главныхъ навожденій этихъ дней; намъ-же было естественно, привѣтствуя это объединеніе, выражать въ то же время пожеланіе, чтобы Грузія и вообще Закавказье были изъ этого плана исключены.

Мотивировка такого пожеланія, письменная и устная, не представляла особыхъ затрудненій и, такимъ образомъ, англійское правительство могло познакомиться обстоятельно съ политическими стремленіями Грузіи и ея сосѣдей, съ ихъ конечными цѣлями, — какъ разъ въ то время, когда начали размѣщаться въ различныхъ пунктахъ Закавказья британскіе военные отряды, занимавшіе ихъ согласно Мудросской конвенціи 30-го октября.

Начало нашихъ дипломатическихъ сношеній въ Лондонѣ совпало, такимъ образомъ, съ началомъ практическаго ознакомленія англичанъ съ новыми закавказскими республиками, на мѣстѣ, въ концѣ 1918 года.

Намъ предоставлена была возможность сноситься телеграфно съ Тифлисомъ; грузинское правительство оповѣщено было своевременно о пріѣздѣ моемъ въ Лондонъ, и скоро вслѣдъ за тѣмъ мы могли уже извѣстить его о «благопріятномъ пріемѣ, о надеждѣ получить признаніе de facto, а позже — и формальное признаніе», а также о томъ, что «распространяемые слухи о возстановленіи единой, нераздѣльной Россіи не имѣютъ отношенія къ Грузіи, независимость которой имѣетъ твердые шансы».

Наконецъ, 31-го декабря 1918 года мы (т. е. я и Д. Гамбашидзе) получили изъ Foreign Office'а ноту, за подписью сэра Луисъ Маллетъ (товарища министра иностранныхъ дѣлъ), въ которой сообщалось, что *правительство Е. В. съ симпатіей отнеслось къ провозглашенію независимой грузинской респуб-*

государства; а грузинское правительство не сочло нарушеніемъ грузинской независимости прибытіе и пребываніе въ Грузіи англійскаго отряда, ибо происходило это, согласно обшему плану умиротворенія Европы.... на «вильсоновскихъ» началахъ и по желанію всей совокупности державъ — умиротворительницъ. Кое-какъ, на этихъ основаніяхъ, намѣтился modus vivendi.

Съ помошью англійской и французской миссій было прекращено грузино-армянское столкновеніе — какъ разъ въ моментъ, когда армянскія части, вторгшіяся далеко въ глубь Борчалинскаго уѣзда, перешли въ отступленіе. Заключительная часть этого столкновенія (длившагося, къ счастью, не болѣе 10 дней) стала намъ извѣстной въ Лондонѣ изъ слѣдующаго сообщенія газ. Times (отъ 10-го января 1919 г.): Багдадъ. 1 января. «Начиная съ 19 декабря произошло три сраженія между армянскими и грузинскими войсками: на границѣ Ахалкалакскаго уѣзда, у Екатериненфельда (въ Борчалинскомъ уѣздѣ) и у станціи Садахло (жел. дор. Тифлисъ-Александрополь). Всѣ сраженія окончились полнымъ пораженіемъ армянъ, причемъ, грузины захватили множество плѣнныхъ и орудія.— По послѣднимъ извѣстіямъ грузины наступаютъ и заставили армянъ отойти къ Аллаверды. При этомъ захвачены броневики и плѣнные, въ ихъ числѣ русскіе офицеры.»

О занятіи же уѣздовъ Ахалцихскаго и Ахалкалакскаго грузинскими частями (послѣ ухода турецкихъ вооруженныхъ силъ и очищенія этихъ провинцій отъ остававшихся «бандъ») намъ было и раньше извѣстно изъ сообщенія британскаго военнаго министерства.

Военныя дѣйствія, по обоюдному соглашенію, были прекращены съ 31 декабря 1918 г.*) Армяне вернулись къ своему исходному положенію — которое они занимали фактически на южной окраинѣ Борчалинскаго уѣзда, по уходѣ оттуда турокъ, (т. е. съ осени 1918 г.) и откуда они повели свое наступленіе. Между этой территоріей и сѣверной частью уѣзда, остававшейся подъ грузинскимъ управленіемъ, установлена была нейтральная зона. Въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ сохранялась грузинская администрація.

Этотъ компромиссъ былъ принятъ по соглашенію грузинскаго правительства съ союзными миссіями, принятому за-

*) Дѣйствія эти едва-ли можно называть «войною». Во всякомъ случаѣ, большихъ жертвъ кровью она не потребовала. Тѣмъ лучше для «сторонъ»!

ГЛАВА XIX.

НОВАЯ ВАРІАЦІЯ НА ПРЕЖНЮЮ ТЕМУ.

50.

Наши телеграммы о «благожелательномъ пріемѣ» въ Лондонѣ получены были въ Тифлисѣ въ очень критическій для грузинскаго правительства моментъ и пришлись весьма кстати.

Словами «критическій моментъ» я вовсе не желаю сказать, что положеніе правительства Н. Жорданіа внутри страны было сколько нибудь шаткимъ — оно было, напротивъ, совершенно прочнымъ — а имѣю лишь въ виду осложненія вызванныя почти одновременно, армяно-грузинскимъ пограничнымъ столкновеніемъ декабря 1918 г. т. е. наступленіемъ армянскихъ войскъ въ Борчалинскомъ уѣздѣ б. Тифлисской губерніи — и прибытіемъ англійскихъ отрядовъ и союзныхъ миссій въ предѣлы Закавказья.

Распространялись разными недоброжелателями слухи о намѣреніяхъ побѣдоносныхъ союзниковъ *упразднить* возникшія тамъ республики, слухи фантастическіе, но тревожные; англійскіе военачальнкики не могли такъ легко и быстро приспособить свою политическую терминологію ни къ сложившимся въ Закавказь въ послѣднее время порядкамъ (совсѣмъ не то, что было при Вел. Кн. Николаѣ Николаевичѣ!), ни къ щепетильности молодыхъ правительствъ. Были, конечно, вліянія, стремившіяся, особенно, повредить грузинскому правительству во мнѣніи англичанъ неумными ссылками на зазорную будто-бы дружбу ихъ съ германцами и чуть не съ турками. Не стану углубляться въ этотъ предметъ. Въ общемъ, британскіе генералы скоро освоились съ фактомъ существованія независимаго грузинскаго правительства тамъ, гдѣ формально полагалось быть лишь Закавказской провинціи Россійскаго

тѣмъ и армянскимъ правительствомъ, несмотря на представленныя имъ возраженія.

Въ общемъ, моментъ былъ довольно тяжелый; союзныя миссіи потребовали было даже очищенія грузинами Ахалцихскаго уѣзда, что категорически было отвергнуто грузинскимъ правительствомъ; и, несмотря на благопріятный для Грузіи исходъ столкновенія съ армянами, чувствовалось появленіе новаго могущественнаго фактора, намѣренія котораго далеко не были ясны, и въ отношеніи Грузіи явно предубѣжденнаго. «Мы отрѣзаны, говорилъ Гегечкори въ грузинскомъ парламентѣ 3-го января 1918 г., дѣлая сообщеніе о положеніи, созданномъ нападеніемъ армянъ и приходомъ союзниковъ: отъ Европы, мы лишены средствъ довести до Европы и ея демократіи о всѣхъ тѣхъ несправедливостяхъ, которыя здѣсь совершаются и которыя могутъ еще совершиться, но до насъ уже доходятъ отдаленные голоса, предвѣщающіе намъ скорый разсвѣтъ». Такимъ «отдаленнымъ голосомъ» была въ данномъ случаѣ полученная грузинскимъ правительствомъ наканунѣ (т. е. 2 января) телеграмма наша отъ конца декабря, о которой сказано выше (см. стр. 164). Сообщеніе это вызвало «горячіе апплодисменты» парламента: министръ иностранныхъ дѣлъ Грузіи имѣлъ большой успѣхъ въ этотъ день.

Было, однако, очень прискорбно, что не осуществилась сначала-же, т. е. въ концѣ 1918 г. созванная грузинскимъ правительствомъ конференція кавказскихъ республикъ по общимъ ихъ дѣламъ, (включая и вопросъ о границахъ). Предложеніе въ этомъ смыслѣ было сдѣлано еще въ концѣ октября 1918 года, но въ формѣ, которая вызвала неудовольствіе со стороны армянъ. И дѣйствительно тонъ «пригласительной» ноты, подписанной Н. Рамишвили (исполнявшимъ, до назначенія Гегечкори, обязанности министра иностранныхъ дѣлъ) нѣсколько напоминалъ... циркуляръ по министерству внутреннихъ дѣлъ. Однако, само-то намѣреніе было прекрасное, и армянамъ, конечно, надлежало договориться съ грузинскимъ правительствомъ о конференціи, а не ... переходить въ наступленіе.

Досадно было не только то, что не состоялась проектированная тогда конференція, но въ еще большей степени то откладываніе дѣла въ долгій ящикъ, которое естественно вытекало изъ послѣдняго пункта компромисса, принятаго 25 декабря 1918 года Н. Жорданіа, великобританскимъ генералъ-майоромъ Райкрофтъ и полковникомъ французской службы Шардиньи, а именно: «представители обоихъ государствъ,

Грузіи и Арменіи, будутъ въ скоромъ времени отправлены въ Европу, *гдѣ весь вопросъ относительно границъ будетъ рѣшенъ Великими Державами*». Этимъ путемъ очень лекомысленно создавалась и очень легковѣрно воспринималась иллюзія, будто-бы великія державы или — какъ выражался Гегечкори — «демократія Европы» станутъ торопиться съ разрѣшеніемъ вопроса... о Борчалинскомъ или Ахалкалакскомъ уѣздѣ. До вопроса этого никому не было ни малѣйшаго дѣла: онъ, «принимался къ свѣдѣнію» съ «подшитіемъ къ дѣлу» въ тѣхъ бюро, кого онъ могъ касаться. Вообще-же, вопросъ этотъ не имѣлъ ни малѣйшихъ шансовъ заинтересовать кого-бы то ни было въ Европѣ въ 1919 году, и отказавшись отъ усилій, труда и напряженія, необходимыхъ для рѣшенія его и другихъ подобныхъ вопросовъ прямыми между собою переговорами, закавказскія республики беззаботно и непредусмотрительно подготовляли себѣ новыя затрудненія и бѣды въ будущемъ.*)

51.

Одновременно съ полученіемъ нами въ Лондонѣ первыхъ извѣстій о всѣхъ этихъ недоразумѣніяхъ, сдѣлалась извѣстной программа независимой Арменіи, которую собирался защищать передъ мирной конференціей, отъ лица цѣлокупной Арменіи, Богосъ Нубаръ-паша, глава такъ называемой національной делегаціи, назначенной армянскимъ католикосомъ и выступившей въ Европѣ еще въ эпоху балканскихъ конференцій въ Лондонѣ 1912-1913 г. г. Программа эта была подробно изложена на страницахъ Times'a (31 декабря 1918 г.), съ приложеніемъ карты.

Предѣлы такъ наз. русской Арменіи показаны были на картѣ явно неправильно (съ преуменьшеніемъ) и, несомнѣнно было, что почтенный авторъ программы не въ курсѣ того, что происходило въ Закавказьи. Зато въ предѣлахъ Турціи границы будущей Арменіи показывались съ большимъ размахомъ:

*) Документы, касающіеся грузино-армянскаго конфликта конца 1918 года и армянскаго вторженія, напечатаны въ послѣдней части сборника «Документы и матеріалы» и т. д. Въ частности, переписка объ основаніяхъ компромисса въ N N 251-255. Подробныя данныя о переговорахъ между Грузіей и Арменіей въ теченіе всего этого періода и объ усиліяхъ грузинскаго представителя въ Эривани С. Г. Мдивани предотвратить столкновеніе, т. е. обращеніе армянъ къ силѣ, см. въ другомъ сборникѣ изданномъ грузинск. правительствомъ въ 1919 г.: *Изъ исторіи армяно-грузинскихъ отношеній. 1918 годъ.*

Сивасъ, Мерсина, Адана, Александретта, Діарбекиръ, не говоря уже о Битлисѣ и Ванѣ, включались въ Арменію. На Черномъ морѣ она получала большую часть побережья между Самсуномъ и Батумомъ и т.д.Разумѣется,то были максимальныя требованія.*) Приходилось все же считаться и съ офиціальнымъ положеніемъ автора всей схемы, и съ заявленіемъ его о надеждѣ Арменіи получить поддержку (временную) Англіи, Франціи или Америки («мандатъ») и даже съ завѣреніемъ его, что это новая Арменія *станетъ реальностью черезъ нѣсколько мѣсяцевъ*.

Такая Арменія переставала быть кавказскою Арменіею. Вопросъ кавказскаго объединенія приходилось въ этомъ случаѣ ставить совершенно по-новому. Возможность появленія по сосѣдству съ нами державы-носительницы армянскаго мандата давала, въ свою очередь, пищу для политическихъ «спекуляцій». Наконецъ, неизбѣжное, въ случаѣ осуществленія армянской программы, возвращеніе Азербайджана въ орбиту кавказскую послѣ турецкихъ увлеченій 1918 года, давала, вмѣстѣ съ остальными открывавшимися «возможностями», достаточно матеріала для разныхъ догадокъ и размышленій.

Не знаю, вѣрили-ли авторы этого проекта новой Арменіи въ его осуществимость; полагаю, что они — какъ впрочемъ и многіе другіе, далеко переоцѣнивали силу, могущество и рессурсы державъ — устроительницъ мира. Было-бы печально, сказалъ я себѣ, если бы наши стремленія упрочить независимость кавказскихъ республикъ оказались — или показались людямъ свѣдущимъ и осторожнымъ — такою-же мечтой, такой-же химерой — какой представлялась многимъ идея независимой Арменіи, какъ она была изложена въ деклараціи Нубара.

Но повторяю: съ этимъ планомъ трудно было согласовать привычное представленіе объ Арменіи, какъ странѣ обращенной преимущественно къ Закавказью. Въ противоположность гаданіямъ о Киликіи и «шести вилайетахъ», Эриванская или «араратская» Арменія была *живою дѣйствительностью*: возникло армянское государство и строилось, трудами самихъ армянъ. Можно было и слѣдовало ожидать теперь серьезнаго приращенія территоріи этой Арменіи со стороны Турціи: но, по убѣжденію моему, не въ такихъ размѣрахъ чтобы колебался планъ союзнаго единенія Грузіи, Арменіи и Азербайджана,

*) Если, конечно, не считать тріединой (русско-турецко-персидской) Арменіи американскихъ резолюцій. См. выше стр. 157

какъ единственная формула разрѣшенія кавказскаго вопроса, согласуемая съ болѣе широкими перспективами политики и исторіи.

Увлекательный миражъ Великой Арменіи съ выходомъ въ Средиземное море, поощряемый, казалось, великими державами, получившій благословленіе всемогущаго — такъ думалось — президента Вильсона не могъ не отвлечь живыхъ стремленій армянскаго народа въ сторону отъ кавказской оріентаціи, и, во всякомъ случаѣ, ослабилъ — въ теченіе всего 1919 и большей части 1920 г. г. — стимулы и мотивы такой оріентаціи. Армянамъ показалось — хотя съ самаго начала это было неправильно и неосновательно — что «Европа и Америка», «конференція» и, вообще, всѣ рѣшители судебъ отнесутся къ нимъ совершенно по-особенному, и что ихъ вопросъ не можетъ быть смѣшиваемъ напр. съ грузинскимъ и т. п. Словомъ, по разнымъ причинамъ и обстоятельствамъ, вполнѣ *объясняющимъ* армянскую политику, она естественно направилась по пути, отходившему прочь отъ торной дороги, единственно сулившей успѣхъ: союзнаго объединенія кавказскихъ республикъ, необходимо завершающаго процессъ государственной ихъ консолидаціи, начатый въ концѣ мая 1918 года.

Конечно, такое объединеніе могло осуществиться лишь въ опредѣленной международной обстановкѣ.

52.

Основная мысль по этому вопросу изложена была мною еще весною 1918 года, въ статьѣ, посвященной Брестъ-Литовскому договору, на которую я уже неоднократно ссылался. «И на кавказскій перешеекъ — говорилось тамъ — можетъ перекинуться та *идея окаймленія новой русской границы новыми-же государственными образованіями*, которая составляетъ какъ-бы систему брестскаго договора».

«Буферное государство въ Закавказьи, прибавлялъ я, — скорѣе всего, сложнаго построенія, разрѣшая задачу устройства этого края, представляла-бы свой смыслъ и съ точки зрѣнія прочности германскаго вліянія въ Анатоліи, и для «брестской» системы обезпеченія подступовъ къ Индіи и охраны пути Каиръ-Калькутта».

Уже тогда давалась, такимъ образомъ, формула *о двухъ*

концахъ, разсчитанная на тотъ или другой исходъ міровой войны.

Независимая Грузія и кавказскій союзъ — таковъ былъ одинъ изъ главныхъ пунктовъ грузинской политики въ Берлинѣ лѣтомъ 1918 г.; теперь предстояло развить и примѣнить ту же идею, но *mutatis mutandis* — примѣняясь къ условіямъ, въ которыхъ, послѣ пораженія Германіи, парижской конференціи предстояло переустраивать Европу и части Азіи.

Кавказъ какъ естественный барьеръ, раздѣляющій сферы двухъ имперіализмовъ — россійскаго и британскаго, — эта тема не должна была быть встрѣчена равнодушно въ Лондонѣ въ моментъ когда затѣвались и проектировались самые разнообразныя переустройства въ Европѣ, возводились новые фасады, и когда груды пригодныхъ матеріаловъ лежали готовыми, въ ожиданіи искусныхъ зодчихъ — такъ и не явившихся.

Союзъ кавказскихъ народовъ, какъ изолирующая прослойка между Россіей и странами передней Азіи (Турція и Персія), уничтожающая одну изъ главныхъ плоскостей международныхъ треній и устраняющая, тѣмъ самымъ, шансы военныхъ столкновеній между державами — вотъ другой «аспектъ» той-же мысли, но согласованный не съ тревогами и нѣсколько устарѣлыми предразсудками людей, воспитанныхъ въ воспоминаніяхъ о соперничествѣ Россіи и Англіи въ Передней или Средней Азіи, — а съ замыслами и чаяніями тѣхъ, кто собирался практически работать надъ осуществленіемъ *Лиги Націй*.

Наконецъ, организація Закавказья какъ единой области для международнаго свободнаго транзита во всѣхъ направленіяхъ и обезпеченіе этимъ путемъ свободы сношеній, открытыхъ для всѣхъ безъ различія, — съ Персіей, закаспійскими странами, Арменіей, было главной темой *экономическаго* трактованія все того же предмета.

Таковъ былъ «репертуаръ» политическихъ положеній, развернутый въ Лондонѣ въ концѣ 1918 года представителями грузинской республики.

Многое требовалось для того, чтобы такая программа

осуществилась: согласованная работа новыхъ кавказскихъ республикъ — это прежде всего; дѣятельная поддержка великихъ державъ; наконецъ, благопріятная общая обстановка.

Благожелательныя завѣренія Англіи казались въ этомъ отношеніи уже опредѣленнымъ успѣхомъ. Армяно-грузинскій конфликтъ былъ дурнымъ предзнаменованіемъ. Все остальное было въ туманѣ.

XX.

ВЪ ЛОНДОНѢ НАКАНУНѢ ПАРИЖСКОЙ КОНФЕРЕНЦІИ.

ГЛАВА XX.

53.

Огромное страшилище «большевизма» господствовало въ центрѣ Россіи, въ ея жизненномъ узлѣ. Этотъ призракъ не давалъ покою. Политика Западныхъ державъ — по крайней мѣрѣ оффиціальная — только что получила форму: то была политика «проволочнаго загражденія» или «экономическаго кольца» (блокады).

Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Пишонъ въ рѣчи, произнесенной въ Палатѣ Депутатовъ 29 декабря 1918 г., коснулся, наряду съ другими вопросами, также пребыванія союзныхъ войскъ въ Батумѣ, Одессѣ, Румыніи. Онъ огласилъ при этомъ инструкцію, данную Клемансо французскимъ генераламъ, по смыслу которой задача союзниковъ заключалась въ защитѣ Украины, Кавказа (разумѣлся Сѣверный Кавказъ) и Восточной Россіи отъ нашествія большевиковъ и въ созданіи, *оборонительнаго* фронта. *Наступленіе* противъ большевиковъ предоставлялось самимъ русскимъ: но союзники обезпечивали ихъ матеріальными средствами для такой операціи. Пишонъ особо остановился на вопросѣ о созданіи боеспособной украинской арміи.

Такъ возвѣщалась политика 1919 года, политика неполнаго и непрямого вмѣшательства въ дѣла Россіи, и такъ намѣчалась «тактическая обстановка», съ которой и намъ приходилось сообразоваться.

Однако Грузія твердо держалась въ 1918 году нейтралитета по отношенію къ гражданской вонѣ, раздиравшей уже нѣкоторыя части Россіи. Не было ни принципіальныхъ основаній, ни практическихъ побужденій къ отказу отъ этой политики. Поэтому, никогда и рѣчи не было-да и не могло быть — объ участіи Грузіи, какъ звена, въ томъ кольцѣ, которое должно было сжать совѣтскую Россію.

Закавказскія республики, заслоненныя кавказскимъ хребтомъ, стояли пока, можно сказать въ сторонѣ отъ военно-политической системы, которая складывалась или сколачивалась на окружіи совѣтской Россіи. Если что вызывало безпокойство въ Тифлисѣ или Баку, такъ это скорѣе накопленіе на Сѣверномъ Кавказѣ противосовѣтскихъ силъ Добровольческой арміи.

Вотъ почему, главное вниманіе и можно было обращать на основные вопросы: о признаніи независимости Грузіи, о кавказскомъ объединеніи и объ исключеніи новыхъ республикъ изъ схемы возстановленія единой Россіи, составлявшаго конечную цѣль русскихъ «оставшихся вѣрными своимъ союзникамъ», а также и самихъ этихъ союзниковъ. Приходилось доказывать и пріучать умы къ воспріятію той мысли, что возстановленіе Россіи вовсе не требуетъ включенія въ нее Грузіи и, вообще, Закавказья. Важно было внушать эту мысль именно тѣмъ, съ чьей помощью собственно и дѣлались попытки возстановленія Россіи. А каковы были находившіеся въ нашемъ распоряженіи доводы, объ этомъ уже сказано выше.

Вскорѣ послѣ разъясненій, данныхъ Пишономъ французскому парламенту, въ англійской печати оглашена была *англійская* версія тѣхъ причинъ, по которымъ британскія войска посланы были въ Закавказье. Вотъ эти причины: необходимость принудить турокъ къ очищенію страны и прекратить столкновенія между грузинами, армянами и другими національностями, начавшіяся съ уходомъ турокъ; и, во вторыхъ, необходимость обезпечить сообщенія съ англійскими войсками въ Закаспійской области черезъ Баку и Красноводскъ (раньше они могли снабжаться только изъ Багдада черезъ Хамаданъ — Энзели)*)

---

*) Офиціальнымъ основаніемъ для посылки англійскаго отряда въ Закаспійскую область (еще лѣтомъ 1918 года) указывалось желаніе помѣшать тому, чтобы туркестанскій хлопокъ попалъ въ руки германцевъ. См. Times. 10 января 1919.

Всѣ эти объясненія и «версіи» обращались къ такъ наз. общественному мнѣнію т. е. приноровлялись къ нему. По существу-же важно было одно: въ началѣ 1919 года сообщенія между Чернымъ моремъ и странами Средней и Передней Азіи очутились подъ прямымъ контролемъ Англіи.

Правительствамъ закавказскихъ народовъ давалась теперь возможность продумать исподволь и до конца вопросъ о томъ, надлежитъ-ли имъ освобождаться отъ этого контроля или, наоборотъ стараться извлечь изъ него пользу для своихъ политическихъ цѣлей.

54.

Все еще было рыхло, неопредѣленно, расплывчато въ области политики великихъ державъ на Ближнемъ Востокѣ. Недоумѣніе по поводу того, что будетъ или какъ быть съ Россіей, неизбѣжно влекло за собою недоумѣнія по всѣмъ смежнымъ вопросамъ. Какъ раздѣлить наслѣдіе Оттоманской Имперіи — и на этотъ счетъ державы были далеки отъ ясныхъ и связныхъ рѣшеній. Для насъ основное значеніе имѣлъ, конечно, вопросъ армянскій. Кто, въ концѣ концовъ, займется Арменіей? Вѣдь если безбрежныя «аспираціи» Нубаръ-паши и «пославшихъ его» вредили дѣлу независимой Арменіи, въ смыслѣ народнаго армянскаго государства (а основаніе такому и было заложено въ Эривани въ 1918 г.), то вся эта схема великой Арменіи не такъ уже была наивна и безвыгодна, если разсматривать ее такъ объектъ экономическаго использованія, подъ флагомъ мандата или другимъ.

Франція, несомнѣнно, интересовалась въ это время возможнымъ протекторатомъ надъ Арменіей. Въ этой связи говорилось и о Закавказьи. Американская кандидатура была очень серьезной. Со всѣми этими «возможностями» приходилось считаться; а, въ то же время, сознавать, что по всѣмъ главнымъ вопросамъ, исходомъ которыхъ какъ-бы предопредѣлится судьба кавказскихъ народовъ, рѣшенія не скоро будутъ достигнуты; во-первыхъ вслѣдствіи запутанности самихъ вопросовъ, (Россія! Турція!) а затѣмъ, въ виду затрудненій въ главномъ дѣлѣ, предпринятомъ державами: замиреніи Европы.

Въ этомъ отношеніи картина въ началѣ января 1919 г. была непривлекательной. Истекало уже два мѣсяца со времени заключенія перемирія, а спокойствія и увѣренности было мало; все казалось такимъ зловѣщимъ, угрожающимъ. Большеви-

ки наступали въ Балтикѣ, на Литвѣ; положеніе русскаго фронта на Уралѣ и на югѣ казалось очень неопредѣленнымъ. Польша была въ полномъ разстройствѣ, въ бывшей Австро-Венгріи границы проводили какъ придется, de facto; въ Германіи развивалось сильнѣйшее броженіе. Все это не только не слушало директивъ союзниковъ — побѣдителей, но, наоборотъ, какъ бы торопилось предупредить ихъ рѣшенія. Рѣшеній-же этихъ еще не было и не видно было, когда они созрѣютъ.

А между тѣмъ, въ каждомъ углу, въ каждой странѣ, взбудораженной войной, были свои «вопросы», свои болячки, казавшіяся особо острыми, особо неотложными; и всякому мнилось, что новая могущественная инстанція, конференція *величайшихъ державъ* мира (выше и сильнѣе которой ничего нѣтъ!) всѣ эти вопросы разрѣшитъ и, прежде всего, именно... каждый данный вопросъ. Лишь бы только не рѣшили безъ насъ... противъ насъ!

Такое чувство должны были испытывать особенно тѣ правительства, народы или группы, которыя по географической удаленности своей и въ убѣжденіи, что «тамъ, въ Парижѣ, уже рѣшаютъ... уже рѣшили», особенно боялись, чтобы не «рѣшили безъ насъ».

Находившіяся въ Закавказьи союзныя военныя миссіи, очевидно не могли знать (въ декабрѣ 1918 г.) что конференція займется, *когда-нибудь*, напр. вопросомъ о проведеніи... границы между Грузіей и Арменіей въ Борчалинскомъ уѣздѣ. Тѣмъ не менѣе, и миссіи эти торопились, какъ мы видѣли, «отправить» — именно съ этой цѣлью — делегаціи закавказскихъ республикъ въ Парижѣ, а тамъ, — «конференція все рѣшитъ».

Когда я съ такой поспѣшностью и, преодолѣвая всякія затрудненія, устремился изъ Константинополя въ Лондонъ, я, главнымъ образомъ, дѣлалъ это въ предвидѣніи, что грузинскому правительству понадобится очень много времени для посылки въ Европу регулярной делегаціи, и что поспѣдняя не окажется особенно быстроходной. Долго, думалось мнѣ, будутъ обсуждать, кому ѣхать; быть можетъ, созовутъ совѣщаніе «свѣдущихъ людей», чтобы выяснить, какимъ путемъ ѣхать; чего добраго, кто нибуть предложитъ ѣхать... на Пекинъ

и т. д. Мало-ли, какія могутъ быть проволочки! Вотъ мнѣ и пришлось, безъ уговора съ грузинскимъ правительствомъ, въ порядкѣ, можно сказать «фактическомъ», проѣхать въ Англію и начать тамъ работу вмѣстѣ съ Д. Гамбашидзе. Съ начала января присоединился къ намъ еще К. Г—дзе, въ ноябрѣ прибывшій изъ Тифлиса въ Берлинъ и считавшійся до-того товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ. Чхенкели старался изъ Швейцаріи пробить «проволочное загражденіе» французскихъ предубѣжденій, дабы проникнуть въ Парижъ, — но безуспѣшно. Между тѣмъ и онъ былъ включенъ въ составъ грузинской делегаціи, о выѣздѣ которой (въ декабрѣ 1918 г.) изъ Тифлиса мы освѣдомились въ Лондонѣ къ срединѣ января. Делегація эта составлена была такъ, чтобы быть въ состояніи «авторитетно рѣшать» всѣ вопросы отъ имени Грузіи; въ ней представлены были всѣ партіи, при ней состояли совѣтники, спеціалисты и т. д. Во главѣ ея находились Н. Чхеидзе и И. Церетели. Дальше Константинополя эта громоздкая организація не могла передвинуться, и большинство ея членовъ или чиновъ вынуждены было вернуться въ Грузію.

ГЛАВА XXI.

ПОДЪ СОЛНЦЕМЪ КОНФЕРЕНЦІИ.

55.

16 января мы прибыли въ Парижъ: бывшій еще на военномъ положеніи. Великій городъ какъ бы протиралъ глаза послѣ столь долгаго и грознаго видѣнія войны. Конецъ бомбардировкамъ, налетамъ, смертельной тревогѣ. Побѣда пришла такъ рано и такою полною, какъ никто того не ожидалъ.

Раціонированъ сахаръ, хлѣбъ — но послѣдняго, кажется, вдоволь. Рано гаснетъ электричество. Бульвары кишатъ американцами и англичанами. Французовъ еще мало вернулось изъ арміи. Много траурныхъ нарядовъ. Неслышное стенаніе въ воздухѣ. Трофеи тянутся отъ площади Согласія до тріумфальной арки — вотъ видимые знаки войны.

Возстановленіе единой Россіи, федерація — объ этомъ мы столько слышали въ Лондонѣ отъ англичанъ. Опытные представители старой и молодой (1917 г.) русской дипломатіи, съ огромными связями и средствами, работали въ Парижѣ и Лондонѣ, согласуя усилія генераловъ, сражавшихся тамъ, въ Россіи — съ общимъ планомъ политики союзниковъ. Сазоновъ, въ качествѣ представителя Кубанскаго и Сибирскаго правительствъ, былъ въ Парижѣ. Всѣ эти дѣятели боролись за недопущеніе на конференцію большевиковъ, въ чемъ они встрѣтили поддержку франзузскаго правительства, между тѣмъ какъ Англія стояла за приглашеніе всѣхъ образовавшихся въ Россіи правительствъ, начиная съ совѣтскаго. Повидимому, составлялся даже списокъ или инвентарь этихъ правительствъ.

Въ первый-же день, 16 января, мы отправились въ секретаріатъ конференціи. Начальникъ кабинета г. Дютаста *) — г. Арнавонъ выслушалъ насъ съ видомъ человѣка соболѣзнующаго. «Вопросъ о Россіи и частяхъ ея, объяснилъ онъ намъ у подножія гобеленъ, изображающихъ бракосочетаніе Генриха IV и Маріи Медичи, выдѣленъ. Вамъ слѣдуетъ поговорить въ политическомъ отдѣлѣ (м. и. д.) съ г. Л., или еще лучше, съ г. К. который спеціализовался въ этихъ вопросахъ».

На слѣдующій же день (т. е. 17 января) мы были у г. К.—въ такихъ случаяхъ очень интересно начинать со «спеціалистовъ». И хотя въ Лондонѣ я имѣлъ случай бесѣдовать очень подробно съ французскимъ посломъ г. Полемъ Камбонъ, принявшимъ насъ съ отмѣнною любезностью, но, конечно, только теперь мы получали возможность составить себѣ представленіе о дѣйствительномъ къ намъ отношеніи французскаго правительства. Отношеніе это (въ 1919-21 г. г.) можетъ быть выражено «кривою», начальный пунктъ которой мнѣ и хочется установить, и я позволю себѣ изложить этотъ первый разговоръ съ подробностью — тѣмъ болѣе, что позже мнѣ уже почти и не приходилось бесѣдовать съ представителями французскаго правительства**). Вотъ существо этого разговора:

А. Изъ Грузіи отправлена сюда делегація. Мы имѣемъ свѣдѣнія о прибытіи ея въ Константинополь. Англійскія власти предоставили имъ свободный проѣздъ, и они ожидали лишь разрѣшенія французскаго правительства. Дано-ли имъ разрѣшеніе прибыть въ Парижъ?

К. Намъ ничего объ этой делегаціи неизвѣстно. Такое прошеніе до насъ не доходило. Впрочемъ мы должны знать, съ кѣмъ имѣемъ дѣло — есть грузины, скомпрометировавшіе себя съ Германіей... Стало-быть, эта делегація привезена англичанами (sic)?

А. Вѣроятно она прибыла на англійскомъ суднѣ.

К. Какія политическія партіи представляетъ она?

А. Она не представляетъ партій; она представляетъ Грузію — грузинское правительство — грузинскую республику.

Мы сообщили, что знали, о составѣ делегаціи, и получили обѣщаніе, что Чхеидзе и Церетели будутъ пропущены («пусть только подадутъ прошеніе»). Но затѣмъ, К. обѣщалъ таки

---

*) Генеральный секретарь конференціи.

**) Вслѣдствіе пріѣзда болѣе меня уполномоченныхъ делегатовъ.

протелеграфировать въ Константинополь о пропускѣ Чхеидзе и Церетели.

К. Грузія заключила договоръ съ нашими врагами: Турціей и Германіей. Грузинскій вопросъ далеко не такъ простъ и ясенъ, какъ, напримѣръ, вопросъ Эстоніи. Намъ неизвѣстны ни дѣйствительныя границы Грузіи, ни отношенія ея къ сосѣдямъ или къ Россіи; не знаемъ и того, что грузины думаютъ о своемъ будущемъ или, напр., каково ихъ мнѣніе о русскомъ государственномъ долгѣ... Повидимому у Грузіи серьезныя разногласія съ армянами и татарами...

Не трудно было дать тутъ-же объясненія по всѣмъ этимъ пунктамъ: мы совершенно не собирались садиться на скамью подсудимыхъ.

... К. (смягчаясь и въ легкомъ замѣшательствѣ). Въ концѣ концовъ мы вовсе не желаемъ сказать *нѣтъ*. Намъ необходимо лишь составить себѣ болѣе ясное представленіе о вопросѣ, чтобы дать затѣмъ инструкцію нашимъ делегатамъ на конференціи.

Условлено было, что мы представимъ министерству иностранныхъ дѣлъ теперь же а) историческій очеркъ нашихъ сношеній съ Турціей и Германіей, б) изложеніе вопроса о нашихъ отношеніяхъ къ сосѣдямъ, с) изъясненіе позиціи Грузіи по отношенію къ Россіи (южной) и Кубанскому правительству.

Всѣ эти матеріи были изложены въ рядѣ документовъ, которыя вскорѣ послѣ этого были представлены французскому правительству, а также делегаціямъ всѣхъ великихъ державъ, участницъ конференціи: дѣло «Грузія» было заведено въ ихъ канцеляріяхъ.

56.

Но наиболѣе злободневный вопросъ, насъ касавшійся и поставленный какъ разъ въ эту начальную эпоху Парижской Конференціи гласилъ конечно: *Принкипо*.

22 января 1919 г. Верховнымъ Совѣтомъ, по предложенію президента Вильсона, рѣшено было созвать особую конференцію всѣхъ правительствъ и партій, возникшихъ въ предѣлахъ б. русской государственной черты или боровшихся внутри ея — на одномъ изъ Принцевыхъ острововъ, что около Константинополя.*) Въ случаѣ если бы между ними прои-

*) Дѣйствительный починъ этой конференціи принадлежалъ Ллойдъ Джорджу. Вопросъ о генезисѣ этой неосуществившейся затѣи вызвалъ цѣлую литературу, особенно послѣ разоблаченій

зошло соглашеніе, представители «объединенной» Россіи встрѣтились бы затѣмъ съ представителями Союзниковъ.

Признаться мало такта было обнаружено при выборѣ для такой конференціи именно этого мѣста — многимъ изъ русскихъ поневолѣ напоминавшаго о «Крестѣ на св. Софіи» и о видахъ Россіи на Константинополь. (Здѣсь имъ предлагался просто — видъ на Константинополь!) И можно было, при желаніи, усмотрѣть какой то злой юморъ въ самой мысли собрать въ одномъ мѣстѣ представителей враждовавшихъ между собою въ Россіи группъ — по сосѣдству, быть можетъ, какъ разъ съ тѣмъ необитаемымъ островкомъ того-же архипелага, куда, послѣ турецкой революціи 1908 года, свезены были и предоставлены взаимоистребленію знаменитыя бездомныя собаки стараго Стамбула.

По поводу проекта Принкипо, мы обратились къ конференціи съ заявленіемъ, что въ виду цѣли предложеннаго совѣщанія русскихъ партій и группъ на Принкипо — возстановить утраченное національное единство русскаго народа, Грузія, не будучи частью послѣдняго и добиваясь международнаго признанія своей независимости, не имѣетъ основанія принять участіе въ проектируемомъ совѣщаніи (28 января 1919 г.).

Въ одинаковомъ положеніи были по этому вопросу и нѣкоторые другіе бывшіе инородцы, нынѣ народы; нами производилась совмѣстная «развѣдка» относительно истиннаго смысла «принкипскаго» замысла конференціи; и, особенно французы, охотно признавали, что приглашеніе ѣхать въ Принкипо составлено въ крайне неясныхъ выраженіяхъ*) и не скры-

---

сдѣланныхъ (въ сентябрѣ 1919 г.) передъ комитетомъ внѣшнихъ дѣлъ С.-А. Сената бывшимъ сотрудникомъ американской делегаціи г. William Bullitt.

Первоначально предполагалось, собственно, пригласить въ *Парижъ* делегатовъ отъ всѣхъ правительствъ, возникшихъ въ предѣлахъ Россіи, не исключая и совѣтскаго. Отрицательно отнеслась къ этому (англійскому) предложенію Франція. Нота г. Пишона по этому поводу была «сенсаціонно» оглашена въ *Humanité*. Пишонъ былъ противъ приглашенія большевиковъ, но за допущеніе «разныхъ русскихъ національностей». Это было незадолго до официальнаго открытія конференціи (18-го января 1919 г.)

*) «Въ неясности этого предложенія нѣтъ ничего удивительнаго: оно вѣдь исходитъ отъ президента Вильсона» — такое замѣчаніе не стѣснился сдѣлать одинъ изъ высшихъ чиновниковъ секретаріата Конференціи!

вали, вообще, своего нежеланія бесѣдовать съ большевиками.*)

Съѣздъ на Принкипо былъ назначенъ довольно опрометчиво, на 15-ое февраля, но не состоялся — изъ за нежеланія однихъ вступить вообще въ переговоры, а другихъ (совѣтцевъ) — пріостановить военныя дѣйствія. Вся эта исторія славы не прибавила конференціи.**)

...Выяснялось, что до такъ наз. «разсмотрѣнія русскаго вопроса» и связанныхъ съ нимъ далеко. Надо было запасаться терпѣніемъ и работать «тихою сапою». Все, что необходимо было для освѣщенія грузинскаго вопроса, для объясненія и защиты независимости Грузіи нашло свое выраженіе въ рядѣ нотъ, излагавшихъ предметъ въ связи съ тѣми общими началами, какія могли интересовать конференцію. Начиналась вокругъ и около послѣдней та своеобразная жизнь или возня, которая не лишена была своего политическаго значенія, хотя участники ея имѣли отношеніе не столько къ вопросамъ, которыми конференція дѣйствительно занималась, сколько къ вопросамъ, которыми она могла, чего добраго, заняться — въ зависимости отъ разныхъ обстоятельствъ.

57.

Въ виду такого положенія, вопросъ о прибытіи изъ Грузіи делегаціи, спеціально снаряженной грузинскимъ правительствомъ не имѣлъ уже практическаго значенія. Прибытіе ея въ Парижъ— въ томъ составѣ какъ она выѣхала изъ Тифлиса, т.е. съ совѣтниками, спеціалистами и пр., — было бы необходимо и желательно, если бы кавказскіе вопросы, на какомъ либо основаніи, сдѣлались предметомъ обсужденія на конференціи. Этого, однако, не имѣлось въ виду. Съ другой стороны, по особымъ

---

*) По поводу зазорности всякого соприкосновенія съ большевиками, о чемъ охотно кричали въ это время, недурно успокаивалъ Палату Общинъ Ллойдъ Джорджъ, напоминая, что вѣдь и на сѣверо-западной (индійской) границѣ нерѣдко приходится въ интересахъ достиженія порядка входить въ соглашенія... съ разбойниками и убійцами. Позже (въ 1920 г.) онъ доказывалъ, защищая торговое соглашеніе съ Россіей: «вѣдь торговали-же съ каннибалами».

**) Планъ Принкипо проводился съ крайней небрежностью, безъ всякаго единодушія между формально принявшими его державами. Говорили даже о «саботажѣ». См. интересную главу Light on Prinkipo въ книгѣ *Sisley Huddleston.* Peace-making at Paris. L. 1919.

условіямъ этого времени, возможны были и всякія неожиданности. Важно было, поэтому, чтобы—на всякій случай — въ Парижѣ были на лицо представители грузинской республики, спеціально уполномоченные для того ея правительствомъ: мы вѣдь съ Д. Гамбашидзе были здѣсь лишь какъ-бы «предтечами».

Въ качествѣ такихъ представителей и прибыли, наконецъ, съ большимъ опозданіемъ, посидѣвъ въ разныхъ карантинахъ, Чхеидзе и Церетели (въ самомъ концѣ февраля 1919).

Имена ихъ были еще многимъ памятны (я говорю здѣсь о французахъ, не соціалистахъ) въ виду положенія занятаго ими въ Петроградѣ въ первый періодъ русской революціи. Помнили, преимущественно, что они были противники большевиковъ. Отсюда собственно и ихъ политическая благонадежность въ глазахъ французскихъ властей. Что они-же были тѣсно связаны съ грузинскимъ правительствомъ «скомпрометировавшимъ себя съ германцами и турками», въ этомъ себѣ отчета не отдавали, по недостаточному еще знанію предмета. Они-же были въ 1917 году за миръ безъ аннексій и т. д.; за созывъ стокгольмской конференціи — это было уже сомнительнѣе, съ французской официальной точки зрѣнія; но въ такія мелочи никто теперь серьезно не вникалъ. Ободряюще дѣйствовала именно ихъ слава борцовъ съ большевиками; успокаивающе дѣйствовала именно ихъ репутація соціалистовъ умѣренныхъ, *минималистовъ*.

Съ другой стороны, самая извѣстность ихъ именъ, связанныхъ съ политическими раздорами русскихъ партій, сбивала съ толку. Зная ихъ какъ русскихъ дѣятелей, выступавшихъ на огромной и отовсюду видимой эстрадѣ русской революціи, (сколько здѣсь возникло и сколько погибло репутацій!) не легко объясняли себѣ появленіе ихъ въ качествѣ дѣятелей *грузинскихъ*. Тѣ немногіе изъ иностранцевъ — англичанъ, французовъ —которые старались вдумываться въ вопросъ политической независимости Грузіи, могли даже усумниться въ серьезности этого лозунга — при видѣ столь внезапнаго превращенія; другіе, русскіе, получали поводъ кричать объ измѣнѣ, о скандалѣ. Недоразумѣніе усугублялось преувеличенною ролью, которая имъ приписывалась особенно русскими кругами въ государственныхъ дѣлахъ Грузіи: иные говорили даже о «тифлисскомъ правительствѣ Чхеидзе и Церетели», разумѣя грузинское правительство. На самомъ-же дѣлѣ, если ужъ упоминать лица, несравненно больше основанія было-бы гово-

рить о правительствѣ Жорданіа, Рамишвили, Гегечкори. Но суть была, конечно, въ самой Грузіи, подъ знамя которой всѣ эти дѣятели вынуждены были стать — вопреки имъ самимъ.

Отправляя въ Европу этихъ именитыхъ представителей грузинской соціалъ-демократіи,*) правительство Грузіи навѣрноерисовало себѣ (въ декабрѣ 1918 г.) — и оно не было въ этомъ отношеніи одинокимъ — парижскую конференцію въ видѣ ареопага, призваннаго насадить миръ благостный и справедливый. Въ этомъ ареопагѣ — говорили себѣ — первую скрипку будетъ играть президентъ съ 14 пунктами, а вмѣстѣ съ нимъ — «интернаціоналъ» — «международная демократія», представители организованнаго пролетаріата и т. д. И вотъ, когда «нашъ Карлъ» (Чхеидзе)**) и «нашъ Ираклій» (Церетели) *выступятъ* передъ этимъ ареопагомъ, кто устоитъ тогда? у кого не потекутъ слезы, и кто не бросится ихъ обнимать? кто откажетъ имъ въ «независимости Грузіи»?

Такъ, вѣроятно, выборъ этотъ понимался въ «широкихъ слояхъ» грузинской демократіи. И пониманіе это, конечно, было-бы правильно, если бы, напримѣръ, интересы Британской Имперіи отстаивались на конференціи К. Каутскимъ, а Франція пригласила для заключенія справедливаго мира съ Германіей посредникомъ Брантинга... и еслибы Грузіи не грозило нападеніе ни съ чьей стороны. Словомъ, я хочу сказать, что подъ обаяніемъ одного изъ движущихъ миѳовъ текущей исторіи, правительство Грузинской республики прислало въ Парижъ Чхеидзе и Церетели.

Теперь нѣсколько словъ о каждомъ изъ нихъ.

Чхеидзе непремѣнно войдетъ въ «галлерею портретовъ» дѣятелей мартовской русской революціи. Историческая школа, которая, въ будущемъ, займется словословіемъ зари этой революціи (и только зари), остановится съ вниманіемъ на живописной фигурѣ перваго предсѣдателя Совѣта Р. С. Д. Другія школы отнесутся къ нему по-иному. Какой нибудь фабрикантъ конфектъ несомнѣнно включитъ и Чхеидзе въ число тѣхъ, чьими ликами украсятся (не знаю въ точности—когда) жестянки «монпансье». А какой нибудь спеціалистъ будетъ доказы-

---

*) Вышедшей изъ состава россійской с.-д. партіи уже *послѣ* провозглашенія независимости Грузіи.

**) Чхеидзе въ Грузіи именуется «Карло», что не мѣшаетъ ему быть, одновременно, Николаемъ Семеновичемъ.

вать, что все «недоразумѣніе» заключалось лишь въ томъ, что Чхеидзе съ давнихъ поръ рисовалъ себѣ (ошибочно) революцію приблизительно такъ: сначала, огромное потрясеніе, смѣняемое скоро всеобщимъ умиленіемъ; производственныя отношенія развиваются стремительно и самопроизвольно; Интернаціоналъ разрѣшаетъ шутя всѣ затрудненія ; послѣ чего всѣ — и великодушные пролетаріи, и пристыженные буржуа — и даже бывшіе дворяне, о семи десятинахъ*), сядутъ за общій столъ, уставленный яствами и питіями; польется доброе кахетинское — а ему, Чхеидзе, быть тамъ «толумбашемъ», чередуясь съ другими и т. д.

Историкъ (критической школы) прибавитъ, что Чхеидзе, происходя изъ страны, не имѣвшей еще промышленности, олицетворялъ можно сказать «соціализмъ виноградарей», неспособный проникаться истинно-пролетарскимъ революціоннымъ духомъ и... чуждый истинно-русскому пониманію революціи. Историкъ этотъ прибавитъ, наконецъ, что первый предсѣдатель С. Р. и С. Д., далеко не безъ хитрости проникшій въ 3-ю и 4-ю Г. Думу, во многомъ повторялъ — уже на вершинѣ своей карьеры — главныя черты перваго предсѣдателя Временнаго Правительства (какъ его рисуютъ знающіе люди) — буддійское непротивленіе злу и растерянное благодушіе.

Мѣсто Церетели въ «пантеонѣ русской революціи» и даже высшая санкція славы въ видѣ изображеній на коробкахъ монпансье**), тоже, конечно, обезпечены. Но въ его карьерѣ было что-то особенное: внезапное «явленіе» во 2-ой Государственной Думѣ — ораторская сшибка со Столыпинымъ; исчезновеніе, на десять лѣтъ, въ Сибирь; столь-же внезапное, но съ тріумфомъ, возвращеніе въ Петроградъ, сразу на «курульное кресло» революціи; безплодное при всей горячности, стремленіе одновременно къ войнѣ, миру, углубленію соціальной розни — все въ тактическомъ союзѣ съ буржуазіей и подъ предлогомъ научнаго веденія революціи, по Марксу; заключительный жестъ Кассандры въ Учредительномъ собраніи — по адресу другихъ революціонеровъ, тоже научныхъ и тоже по Марксу. И вдругъ затѣмъ, послѣ нѣкоторой паузы: «демократія Закавказья не позволитъ турецкому имперіализму»..., а

*) Норма землевладѣнія въ Грузіи въ 1918-21 г. г.

**) Впрочемъ, я припоминаю, что въ 1904 году выпущена была пастила «Куропаткинъ», шоколадъ «Леневичъ» и т. д.!

еще позже — «*стратегическая* граница для Грузіи въ Борчалинскомъ уѣздѣ»...

Я съ нимъ впервые познакомился теперь въ Парижѣ. Впрочемъ въ 1917 г., въ бытность мою сенаторомъ 1-го Департамента, я по должности тамъ присутствовалъ, когда приводили къ присягѣ передъ сенатомъ только-что тогда назначенныхъ министровъ Временнаго Правительства (второго состава), въ ихъ числѣ и Церетели (другіе были: Прокоповичъ, Пѣшехоновъ, Черновъ, Скобелевъ).

Лицо страдальческое, аскетическое — совсѣмъ съ полотна Греко; подходящая модель для св. Франциска, пріемлющаго стигматы, или для какого-нибудь св. Себастіана, пронизаемаго стрѣлами, въ византійскомъ духѣ; но, приглядываясь лучше, вы замѣчаете глаза, глядящія совсѣмъ изъ подлобья, по волчьему.

Пресимпатичные дѣятели эти принадлежали, очевидно, къ школѣ государственныхъ людей, столь распространенной въ Грузіи, — но и далеко за ея предѣлами, которую имѣетъ въ виду грузинскій писатель С. Сулханъ Орбеліани въ одной изъ притчъ «Книги мудрости и лжи».*) Собака и пѣтухъ побратались и сказали: «построимъ деревню»; собака спросила: «какъ же мы ее построимъ», а пѣтухъ отвѣтилъ: «ты будешь лаять, я — пѣть, — и построится».

...Увы, увы! Когда надъ святой Русью, послѣ долголѣтняго «перекликанія пѣтуховъ», возвѣщавшихъ разсвѣтъ, занялась заря революціи, не «розоперстрою, свѣторождающею Эосъ» явилась она, но скуластой могучей фуріей съ кистенемъ въ окровавленной рукѣ! Тогда и задорнымъ пѣтухамъ, разсвѣтъ возвѣщавшимъ, и псамъ, протяжнымъ заунывнымъ воемъ сопровождавшимъ паденіе умиравшаго порядка, а, затѣмъ, залившимся радостнымъ лаемъ при восхожденіи революціонной Авроры — оставалось одно: уступить мѣсто другимъ, болѣе хищнымъ, болѣе приспособленнымъ представителямъ политическаго звѣринца!

Да сбудется сказанное у Дарвина и Маркса.

....Однако, довольно этого панегерика двумъ сановникамъ русской революціи, высвободившимся теперь изъ вынужденной грузинской тѣсноты на европейскій просторъ.

---

*) Есть переводъ англійскій, а также русскій (Книга мудрости и лжи. Грузинскія басни и сказки XVII-XVIII стол. *Саввы-Сулхана Орбеліани*. Пер. проф. Цагарели. Спб. 1878.).

Если бы состоялась «Принкипская конференція»... и эти «лидеры русской революціи» (такъ ихъ именовали парижскіе хроникеры), приняли въ ней участіе, они могли бы тамъ развернуться въ привычномъ для нихъ обществѣ. Въ Парижѣ, въ тѣхъ условіяхъ въ которыхъ на дѣлѣ протекала работа, я не видѣлъ, какое собственно практическое примѣненіе могли получить ихъ таланты.

Что Чхеидзе замкнется въ позиціи недѣланія*) и покорности року, это легко было предвидѣть. Отъ Церетели можно было ожидать большой активности въ области личнаго сближенія съ руководителями соціалистическихъ партій въ Европѣ (что имѣло, конечно, свое значеніе); къ сожаленію у него не было ни малѣйшаго интереса къ кавказскимъ вопросамъ по существу, и недостаточное пониманіе ихъ *общаго* значенія.

Оба они легко и прочно привлекали къ себѣ и къ Грузіи симпатіи демократическихъ круговъ европейской политики: борьба за національную независимость Грузіи въ столкновеніяхъ враждующихъ Имперій была для нихъ задачей и неожиданной, и чуждой, и непосильной.

---

*) Это не исключало, конечно, прилежнаго и самоотверженнаго обхода имъ всѣхъ делегацій и «персонажей», аккуратнаго и часто многострадальнаго «предсѣдательствованія» въ грузинской делегаціи и т. д.

ГЛАВА XXII.

ТѢНЬ РОССІИ.

58.

«Делегація Грузинской республики» подвизалась въ Парижѣ, въ видѣ организованнаго установленія, начиная съ марта 1919 г. по конецъ 1920 г. Она являлась главнымъ представительствомъ Грузіи за-границею и занималась, сверхъ политическихъ вопросовъ, также нѣкоторыми дѣлами экономическаго характера, выполняла фактически консульскія обязанности, довольно много работала въ области пропаганды и информированія — была, словомъ, однимъ изъ тѣхъ «иррегулярныхъ» національно политическихъ учрежденій, которыя назойливыми ліанами обвивали древо конференціи, и изъ которыхъ одни были вполнѣ эфемерны, другіе увянули медленно, а третьи превратились въ регулярные органы дипломатическаго представительства.

Я, однако, вовсе не собираюсь излагать, даже вкратцѣ, исторіи грузинской делегаціи въ Парижѣ. Остановлюсь лишь на наиболѣе важныхъ шагахъ ея, предпринимавшихся соотвѣтственно колебаніямъ и измѣненіямъ въ международно-политической обстановкѣ этого времени.

Обстановка эта для всего Кавказа въ 1919-1920 г. г. опредѣлялась преимущественно, если и не исключительно, русскимъ вопросомъ*), т. е., во-первыхъ, положеніемъ, шансами и возможнымъ исходомъ гражданской войны въ Россіи, и, во-вторыхъ, политикою великихъ державъ въ этомъ вопросѣ.

---

*) Не странно развѣ, что русскій національный вопросъ, для Владиміра Соловьева вопросъ о *достойномъ* существованіи, сдѣлался, послѣ революціи, вопросомъ о *существованіи*? Но это временно.

Что касается самой Грузіи, то *внутренняя* ея устойчивость дѣлалась постепенно, для всѣхъ очевидной. Въ мартѣ 1919 г. временный парламентъ уступилъ мѣсто Учредительному Собранію. Начали возстанавливаться хозяйственныя связи съ Европою. При всѣхъ многочисленныхъ недочетахъ и ошибкахъ жилось въ Грузіи, повидимому, сносно.

Въ виду твердости режима независимости въ самой странѣ, формальная задача парижской делегаціи заключалась очевидно въ подготовкѣ международнаго ея признанія.

Фактически же, по крайней мѣрѣ для тѣхъ изъ насъ, кто продумывалъ будущность независимой Грузіи критически, съ точки зрѣнія всей совокупности международныхъ условій,— вопросъ сводился (какъ и лѣтомъ 1918 г.!) не къ одному лишь формальному признанію независимости Грузіи державами Европы, но еще болѣе къ согласованію этой независимости съ дѣйствующими факторами международной политики, къ ея *обезпеченію*, *упроченію* путемъ такого согласованія.

Въ этомъ отношеніи кое-что уже дѣлалось, было сдѣлано не только въ Лондонѣ, но и въ Парижѣ. Методы-же работы были испробованы и примѣнены еще раньше — въ Берлинѣ.

Парижская делегація 1919 г. по необходимости *продолжала* дѣятельность, этапами которой являлись: Батумъ — Поти — Берлинъ — Лондонъ. И не случайно было, что предсѣдатель делегаціи, окруженный въ Константинополѣ выдающимися спеціалистами и имѣвшій много времени въ своемъ распоряженіи, не удосужился, однако, подготовить для парижской конференціи хотя-бы краткую формулировку требованій и запросовъ Грузіи. Не случайно задача эта была возложена на меня: этимъ именно и обезпечивалась необходимая преемственность работы.*)

Съ другой стороны, прибывшіе въ Парижъ выдающіеся представители грузинской соціалъ-демократіи, Чхеидзе и Церетели, не могли, конечно, не внести своихъ личныхъ, точнѣе, партійныхъ нотъ въ работу. Это и обнаружилось, преимущественно за предѣлами того, что дѣлалось и должно было дѣлаться для прямой нашей задачи — отстаиванія независимости Грузіи. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого было расхожденіе между тѣмъ, что официально заявлялось (западнымъ

*) Я былъ единственный членъ делегаціи, «продѣлавшій» всѣ указанные «этапы». Подъ формулировкою запросовъ Грузіи я разумѣю здѣсь представленный парижской конференціи 14 марта 1919 г. основной нашъ меморандумъ. См. стр. 194.

правительствамъ), устно и письменно,—и тѣмъ, что высказывалось на тѣ-же темы въ средѣ соціалистическихъ организацій. Большой бѣды въ этихъ противорѣчіяхъ могло и не быть — все это было довольно мискроскопично «въ европейскомъ масштабѣ». Но въ этой двойственности обнаруживался, конечно, органическій порокъ, не предвѣщавшій Грузіи добра.

Началось это съ первыхъ же дней работы вновь пріѣхавшихъ нашихъ «чемпіоновъ». Въ естественной рѣзвости своихъ начальныхъ движеній они сразу-же нѣсколько вышли изъ проложенной для нихъ-же колеи. Въ получившихъ огласку заявленіяхъ сдѣланныхъ ими французскимъ соціалистамъ, говорилось, напримѣръ, что въ Грузіи парламентъ и Учредительное Собраніе находятся подъ контролемъ Совѣта рабочихъ депутатовъ, и что вся сила — въ послѣднемъ. Высказано было также положеніе, что Грузія есть республика «соціалистическая»; что она вернется въ лоно Россіи—въ случаѣ если тамъ восторжествуетъ доктрина меньшевизма (sic); но что съ другой стороны, «мы воспротивимся иностранному вмѣшательству въ дѣла Россіи» и т. д.*)

Все это было, конечно. превосходныя мысли. Въ частности, идея комбинированія «парламента» съ «совѣтомъ» моглабы послужить при случаѣ защитнымъ цвѣтомъ — но въ совершенно другомъ мѣстѣ. Только не въ Парижѣ, въ дни конференціи, и не въ устахъ офиціальныхъ депутатовъ. «Мы воспротивимся» — давало матеріалъ для здороваго юмора, но относилось въ сущности къ сферѣ взаимоотношеній Европы и Россіи и къ гражданской войнѣ въ Россіи — а, согласно офиціальной доктринѣ грузинскаго правительства, Грузія въ этомъ отношеніи вѣдь держалась нейтралитета.

Касаюсь вкратцѣ этого эпизода, главнымъ образомъ чтобы показать какъ съ самаго начала партійная позиція грузинскаго правительства обрекала его представителей на маневры и выступленія, стоявшіе въ противорѣчіи не только съ прямыми интересами этого правительства и Грузіи, но и съ его офиціальными шагами. Мы еще встрѣтимся съ примѣрами этого раздвоенія, которое вовсе въ данныхъ условіяхъ не означало работы для одной цѣли разными путями, но скорѣе являлась источникомъ недоразумѣній и разочарованій и на одномъ пути, и на другомъ.

---

*) См. Le Journal du Peuple, 13 марта 1919 г.; La France Libre, 13 марта; ср. Petit Parisien, 8 марта того-же года.

Главнымъ преметомъ нашей работы въ 1919 г. была, въ порядкѣ отвлеченномъ, защита независимости Грузіи (и другихъ кавказскихъ республикъ) въ виду предпринятаго *возстановленія единой Россіи*, служившаго знаменемъ Деникина, Колчака и всѣхъ боровшихся съ ними противъ Москвы, при полномъ сочувствіи, по разнымъ мотивамъ и съ разными оттѣнками, главнѣйшихъ кабинетовъ Европы и правительства С. А. С. Штатовъ. Въ порядкѣ-же практическомъ, надлежало помочь тифлисскому правительству въ его стараніяхъ оградить Грузію отъ возможнаго «нечаяннаго» вторженія русскихъ войскъ.

59.

Офиціальное ученіе *совѣтской власти* относительно такъ наз. инородческихъ окраинъ сводилось, въ сущности, къ доктринѣ свободнаго самоопредѣленія народовъ (вплоть до отдѣленія отъ Россіи), представляющей нѣкоторую аналогію съ извѣстнымъ ученіемъ идеолога южныхъ штатовъ, эпохи войны Сѣвера съ Югомъ, Кальгуна о свободѣ американскихъ штатовъ выходить изъ состава федераціи.

Взглядъ *бѣлыхъ* русскихъ нашелъ выраженіе въ декларацiи,*) съ которой *русская политическая конференція* въ Парижѣ выступила какъ разъ въ эпоху принкипскаго проекта т. е. въ январѣ 1919 года. Здѣсь очень опредѣленно заявлялось, что новая Россія *добровольно* вернула Польшѣ ея національную территорію, но затѣмъ, баста! она не можетъ допустить дальнѣйшихъ нарушеній государственнаго единства. «Политическое положеніе національностей въ рамкахъ государства (т. е. единаго русскаго государства) будетъ зависѣть отъ степени ихъ культуры и отъ ихъ историческихъ традицій», объяснялось въ этомъ документѣ; однако не указывалось, кто собственно будетъ судьей культурности (*«А судьи кто»?*), и о какихъ *историческихъ традиціяхъ* здѣсь говорится (германорыцарскій строй въ балтійскихъ земляхъ? гетманщина? царство Грузинское?). Несомнѣнно было лишь, что даже Финляндія не признается независимой. О другихъ фактически образовавшихся въ предѣлахъ бывшей Имперіи государствахъ не упоминается. — Такіе документы не могли не облегчать борьбы окраинъ за свое *государственное* бытіе.

Каково же было отношеніе къ вопросу европейскихъ пра-

*) Обозначеніе «бѣлые» удобно по краткости. Текстъ декларацiи въ Temps, 30. I. 1919.

вительствъ? Въ бесѣдахъ французовъ , англичанъ постоянно выдвигался вопросъ о федеративной связи вновь образовавшихся окраинныхъ государствъ съ Россіей, какъ рѣшеніе среднее между полнымъ отдѣленіемъ и возстановленіемъ единаго т. е. *одного* всероссійскаго государства.

Тутъ было нѣсколько теченій. Новыя республики, фактомъ своего существованія, постепенно сами дѣлались однимъ изъ слагаемыхъ, все же далеко не нулевого значенія; онѣ могли расчитывать на нѣкоторыя симпатіи и нѣкоторую поддержку; возникали или могли возникнуть и немаловажныя новыя *экономическія* связи съ отдѣльными великими державами; наряду и съ возможной заинтересованностью *политической*.

Однако, существовали по каждому пункту и сомнѣнія, контръ-доводы; значеніе для Европы сильной Россіи*) оставалось несомнѣннымъ, хотя-бы для борьбы съ повсемѣстнымъ хаосомъ; традиція ей благопріятная была очень живуча; возвращеніе ея въ концертъ державъ въ сущности ожидали — слѣдовательно, въ общемъ, въ эту сторону очень тянуло всѣхъ. Вотъ и казалось, что формула «федераціи» всѣхъ примиритъ.

Всѣ эти вопросы получали острое значеніе съ того момента, какъ военные успѣхи адм. Колчака, а позже ген. Деникина, позволили многимъ предвидѣть паденіе совѣтской власти и замѣну ея новымъ правительствомъ.

Къ этому времени, новыя республики (балтійскія и закавказскія) уже достаточно были извѣстны державамъ. Парижская конференція въ точности знала, въ чемъ ихъ желанія и надежды. Раньше и лучше чѣмъ въ Россіи, тамъ удалось устроить государственный порядокъ на началахъ народнаго представительства. Агенты державъ воочію и на мѣстахъ могли въ этомъ убѣждаться, сравнивая и сопоставляя.

«Отдать» всѣ эти молодыя и чисто народныя республики въ распоряженіе правительства возстановлявшейся Россіи въ видѣ ея неотъемлемаго достоянія, безъ всякихъ гарантій и обязательствъ съ ея стороны, было-бы мѣрой, которая несомнѣнно вызвала-бы ропотъ и недовольство.

60.

Не стану судить, кто былъ ближе къ цѣли съ военной точки зрѣнія, и кто дѣйствовалъ съ большимъ по́литическимъ

*) Мысль, что «сильная Россія» можетъ построиться и изъ совѣтской Москвы, получаетъ значеніе годомъ позже, т. е. въ 1920 г.

благоразуміемъ, Колчакъ-ли (весною 1919 г.) или Деникинъ (осенью того-же года) — разумѣю, конечно, имена этихъ вождей какъ обозначенія собирательныя: въ эпоху парижской конференціи высшей точкой въ развитіи «русскаго вопроса» и главнѣйшимъ показателемъ коллективной политики державъ въ дѣлахъ Россіи было изложеніе условій, на которыхъ державы эти (Британская Имперія, С.-Американскіе С. Штаты, Франція, Японія, Италія) соглашались дать свое признаніе т. наз. правительству адмирала Колчака.*)

Условія эти, формулированныя Верховнымъ Совѣтомъ въ концѣ мая 1919 г. предусматривали, между прочимъ, (п. 5) «опредѣленіе взаимоотношеній» между Россіей и государственными новообразованіями на ея окраинахъ въ порядкѣ договорномъ, съ помощью великихъ державъ, а позже — Лиги Націй.

Это былъ, несмотря на неясность относящихся сюда текстовъ и заявленій,*) на мой взглядъ, шагъ впередъ и большой успѣхъ молодыхъ, окраинныхъ правительствъ: окраинный вопросъ, изъ сферы внутренней политики и усмотрѣнія — въ лучшемъ случаѣ, «народа россійской державы» — дѣлался вопросомъ международнымъ. Великія державы, оказывая содѣйствіе возстановленію Россіи и понимая, въ то же время, что уровень государственнаго развитія объединителей Россіи не обезпечиваетъ ни мудрости, ни справедливости, ни миролюбія въ разрѣшеніи окраинной проблемы, указали совершенно новый путь для достиженія въ этой области прочныхъ результатовъ.

«Я думаю, говорилъ мнѣ какъ разъ въ это время одинъ изъ экспертовъ британской делегаціи, что Грузія и другія страны, находящіяся въ аналогичномъ положеніи, будутъ довольны поставленными нами условіями». Замѣчу, что хотя это и не выразилось съ полной точностью въ вышеприведенномъ текстѣ союзнической ноты, но въ виду имѣлось собственно утвержденіе государственной автономіи новыхъ республикъ съ международной гарантіей. Таково было толкованіе англи-

---

*) Этому предшествовала энергическая «боевая» подготовка въ европейской печати, съ Times во главѣ.

*) По вопросу «окраинной» политики великихъ державъ въ 1919 г. полезныя данныя у *Gaston Gaillard*. Le Mouvement Panrusse et les Allogènes. P. 1919. Тамъ же изложены и разные общіе шаги окраинныхъ делегацій.

чанъ. Такъ же смотрѣли на дѣло и американцы. А вся постановка вопроса и была, въ сущности, англо-американская.

Въ американской делегаціи мнѣ подтвердили: въ нотѣ Колчаку державы стали на точку зрѣнія (не полной независимости, а) автономіи окраинъ съ международнымъ контролемъ взаимоотношеній ихъ съ Россіей. Къ этому прибавляли — въ видѣ утѣшенія: «непослѣдовательность и принципіальная сомнительность рѣшенія не можетъ быть отрицаема; но что дѣлать! *державы не рѣшаются на расчлененіе Россіи*».

Мы хлопотали еще до того (безуспѣшно) объ учрежденіи при конференціи особой комиссіи «по кавказскимъ дѣламъ» — по образцу балтійской.*) Колчаковская фаза помѣшала этому дѣлу — такъ, по крайней мѣрѣ, меня увѣряли въ американской делегаціи.

«Итакъ, рѣшено «отдать» окраины обратно Россіи», спросилъ я какъ-то американскаго эксперта по Россіи и Польшѣ, проф. Лорда. «Но почему Вы думаете, что Васъ отдадутъ на произволъ Россіи? Нѣтъ, вы не будете оставлены одни: державы, а также Лига Націй займутся вашими съ нею взаимоотношеніями».

Таковъ, стало быть, былъ дѣйствительно взглядъ наиболѣе для нашего вопроса авторитетныхъ делегацій. Взглядъ этотъ, естественно, влекъ за собою и обсужденіе того, какъ же быть, въ будущемъ, если окрѣпшая и объединенная Россія... воспротивится намѣчавшемуся рѣшенію.

Прибавлю теперь-же, что «колчаковская» фаза затормазила временно и разсмотрѣніе вопроса объ американскомъ мантѣ въ Арменіи (и на Кавказѣ).

Отношеніе окраинныхъ правительствъ къ изложенному (довольно, въ общемъ, зачаточному) плану было отрицательное.

Грузинская делегація, какъ и другія, еще въ мартѣ 1919 года представила Конференціи меморандумъ съ формальнымъ обоснованнымъ ходатайствомъ о международномъ признаніи независимости Грузіи, съ указаніемъ территоріальныхъ притязаній и т. д. Меморандумъ былъ подписанъ предсѣдателемъ грузинскаго Учредительнаго Собранія — онъ былъ, одно-

*) Въ этомъ уже выразилось все преимущество, вытекавшее для балтійскихъ республикъ изъ ихъ сосѣдства съ Германіей. Ими конференція не могла не заняться, коль скоро миръ съ Германіей былъ главнымъ ея дѣломъ. Географическое-же (а потому и политическое) положеніе Грузіи было иное.

временно, предсѣдателемъ парижской делегаціи. Учредительное Собраніе, было открыто съ торжественностью 12 марта въ Тифлисѣ, и, первымъ своимъ актомъ, единогласно подтвердило декларацію независимости Грузіи 26 мая 1918 г. 26 мая съ большимъ одушевленіемъ отпразднована была всюду въ Грузіи первая годовщина независимости — шансы которой, видимо, множились, а не уменьшались. Не удивительно, поэтому, что грузинская делегація, увѣдомляя конференцію о вышеупомянутомъ актѣ Учредительнаго Собранія, заявляла въ нотѣ отъ 26 мая 1919 г., что «въ случаѣ разрѣшенія русскаго вопроса, правомѣрное существованіе грузинской республики должно быть принято во вниманіе» и что «если за какимъ либо правительствомъ державами будетъ признано право представлять Россію, Грузія должна быть формально и опредѣленнымъ образомъ исключена изъ территоріи этого будущаго русскаго государства».

Опубликованіе документовъ по вопросу о признаніи великими державами правительства адмирала Колчака дало поводъ и къ коллективному заявленію представителей окраинныхъ «новообразованій», въ защиту независимости послѣднихъ. Декларація эта, подписанная Топчибашевымъ (Азербайджанъ), Поска (Эстонія), Чхеидзе (Грузія), Мейеровицемъ (Латвія), Чермоевымъ (Горская республика), де-Луткевичъ (Бѣлоруссія) и Сидоренко (Украина), 17-го іюня 1919 г., отвергала авторитетъ общерусскаго правительства по отношенію къ перечисленнымъ республикамъ и добивалась отъ конференціи признанія ихъ независимости.

Наконецъ, въ особой декларації представителей кавказскихъ республикъ, поданной 20 іюня, отъ имени Азербайджана, Грузіи и Горской республики (Арменія въ этихъ шагахъ участія не принимала), кавказскія делегаціи принимали къ свѣдѣнію возвѣщенный великими державами порядокъ улаженія «окраиннаго» вопроса и, одновременно, подтверждали конференціи свою вѣрность занятой ими позиціи независимости и полнаго отдѣленія отъ Россіи.

Однако, въ результатѣ неудачъ, постигшихъ бѣлое движеніе подъ водительствомъ Колчака и, позже, Деникина, намѣтившаяся было позднею весною 1919 г. программа разрѣшенія русско-окраиннаго вопроса, столь важная для выясненія архитектурнаго «ансамбля» новой Европы, осталось безъ осуществленія.

ГЛАВА XXIII.

ГРУЗІЯ И ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМІЯ.

61.

Какъ ни интересно было такое созерцаніе будущихъ возможностей — съ академическихъ высотъ Парижской конференціи, у насъ, въ теченіе всего 1919 года была острая забота совершенно практическаго характера: какъ уберечь Грузію и Закавказье отъ вторженія туда войскъ Добровольческой арміи?

Армія эта, въ періодъ связанный съ именемъ генерала Деникина, по справедливости считалась однимъ изъ главныхъ — осенью 1919 года она была главнымъ орудіемъ въ борьбѣ съ новомосковскимъ (совѣтскимъ) государствомъ. Армія эта во многомъ зависѣла отъ союзниковъ, снабжавшихъ ее всякимъ добромъ. Благодаря этой связи съ державами, а особенно съ Англіей, державшей въ первой половинѣ 1919 года свои отряды въ Баку, Тифлисѣ, Батумѣ, имѣлась, казалось-бы, возможность обезпечить какой нибудь modus vivendi между «бѣлыми», направлявшими свое оружіе на сѣверъ, и закавказскими республиками, заслоненными отъ нихъ кавказскимъ хребтомъ и находившимися подъ наблюденіемъ тѣхъ-же англичанъ, меценатовъ деникинской арміи. Однако, опредѣленный modus vivendi никогда не былъ установленъ; и добровольческая армія, подчиняясь какъ-бы внутреннему закону своего бытія и предназначенія, стихійно влеклась къ тому, чтобы (безъ всякой надобности для прямой своей задачи) какъ нибудь, «короткимъ ударомъ» опрокинуть Грузію и Азербайджанъ, независимости которыхъ она, конечно, не признавала.*)

*) 25 сент. 1918 г. въ совѣщаніи представителей Грузинской республики, Кубанскаго правительства и Добровольческой Арміи генералъ Алексѣевъ сказалъ безъ обиняковъ: «Я считаю необходимымъ заявить, что *Добровольческая Армія никакихъ по-*

Я не собираюсь, конечно, воспроизводить здѣсь даже главнѣйшихъ фактовъ изъ исторіи этой запутанной, затяжной и во многихъ отношеніяхъ, нелѣпой распри. Скажу лишь, что сопротивленіе домогательствамъ добровольцевъ оказалось довольно энергичнымъ. И настойчивость, съ какою вниманіе парижской конференціи, печати и общественнаго мнѣнія Европы привлекалось къ этому конфликту, конечно, не увеличивала симпатій къ объединителямъ Россіи. Думаю, впрочемъ, что всѣ признаютъ теперь ошибочность вообще кавказской политики генерала Деникина.

Но если добровольческой арміи свойственно было стремиться къ внезапному захвату Грузіи и Азербайджана — въ расчетѣ, что Европа преклонится передъ совершившимся фактомъ, то и грузинское правительство допускало ошибки, которыхъ легко было избѣжать. Здѣсь я имѣю въ виду особенно вступленіе въ Сочинскій округъ и захватъ Туапсе (лѣтомъ 1918 года). Для чего это дѣлалось? Чтобы «заработать» лишнюю территорію? Этотъ путь велъ неизбѣжно къ спору не только съ Добровольческой арміей и вообще съ русскими группами, возлагавшими на нее надежды, но и съ Кубанскими автономистами, дружба которыхъ для грузинъ особенно цѣнна; а также и съ горцами, которые — другой вопросъ съ какими шансами! — тоже притязали на эту землю. Словомъ, не только въ Туапсе, но и въ Сочи грузинамъ нечего было дѣлать. Резолюціи различныхъ мѣстныхъ организацій о «временномъ присоединеніи къ Грузіи» ничего въ этомъ отношеніи не измѣняли. Вопросъ оставался чисто политическимъ: присоединеніе Сочинскаго Округа къ Грузіи создавало новую плоскость трепія — а ихъ и безъ того было достаточно.*) Зарвавшись, куда не слѣдуетъ (въ бытность грузинскимъ премьеромъ Н. Рамишвили), потомъ уже считали, вѣроятно, неудобнымъ, для престижа демократической республики, уходить изъ Сочи. Въ концѣ сентября 1918 года, для улаженія этого непріятнаго дѣла съ Добровольческой Арміей (еще при жизни генерала

ползновеній на самостоятельность Грузіи не дѣлаетъ и признаетъ ее въ полной мѣрѣ, и пусть знаетъ она, что съ этой стороны она вполнѣ обезпечена». *Документы и матеріалы*, стр. 391. Этотъ завѣтъ былъ впослѣдствіи основательно забытъ.

*) Нѣкоторые указывали на значеніе Сочинскаго округа для грузинской колонизаціи. Такая тяга туда, дѣйствительно, наблюдалась. Но, повторяю: въ положеніи Грузіи слѣдовало избѣгать осложненій, не вызываемыхъ необходимостью.

Алексѣева) и Кубанскимъ правительствомъ (предсѣдатель — Бычъ), выѣзжалъ въ Екатеринодаръ представитель Грузіи Е. Гегечкори, вмѣстѣ съ генераломъ Мазніевымъ: имъ пришлось защищать въ корнѣ неправильное дѣло («Сочи временно должно остаться за Грузіей»).*)

Вопросъ остался тогда неразрѣшеннымъ. Позже, уже при англичанахъ, дѣло дошло до столкновеній. Послѣ разныхъ перипетій Грузія заняла границу (въ Сочинскомъ округѣ) по р. Мехадыръ, т. е. сохраняла обладаніе Гагринскимъ округомъ. Генералъ-же Деникинъ требовалъ очищенія грузинами и этого округа (лишь въ 1905 году отнесеннаго къ Кубанской области изъ состава Сухумской) т. е. куска Абхазіи, входившей теперь въ составъ Грузіи. Англійское командованіе, установивъ демаркаціонную линію, которой не должны были переходить войска генерала Деникина, требовало (11 іюня 1919 г.) отхода грузинъ за р. Бзыбь. «Неисполненіе этого условія, писалъ по этому поводу генералъ Кори грузинскому правительству, повлечетъ за собою прекращеніе добраго расположенія Великобританіи (къ Грузіи) и поставитъ правительство Е. В. въ невозможность противодѣйствовать генералу Деникину въ случаѣ его продвиженія къ югу за эту черту». На это приглашеніе грузинское правительство отвѣтило проектомъ временной нейтрализаціи Гагринскаго округа, съ выставленіемъ по Мехадыри и Бзыби (заключавшихъ спорное пространство) союзныхъ пикетовъ — впредь до разрѣшенія вопроса о границѣ Парижской конференціей (опять «Конференціей»!)

Необходимость занятія болѣе выгодной для обороны границы по Мехадыри (въ то же время не выходившей изъ рамокъ разумныхъ территоріальныхъ домогательствъ Грузіи) оправдывалась несомнѣнною угрозой всему Закавказью со стороны добровольческихъ войскъ въ этотъ моментъ. Только что передъ тѣмъ ими занятъ былъ Петровскъ и Дербентъ, раздавлена Горская республика на С. Кавказѣ и начато продвиженіе по территоріи Азербайджана.

Установленіемъ демаркаціонной черты британское коман-

*) Очень интересные во многихъ отношеніяхъ отчеты о совѣщаніяхъ по этому и другимъ вопросамъ, происходившихъ 25 и 26 сентября 1918 г. см. въ «Документахъ и матеріалахъ». Кстати, въ одномъ изъ этихъ засѣданій В. Шульгинъ упрекалъ Гегечкори за его оппозиціонную работу въ 3-ей Госуд. Думѣ, забывая, что низлагалъ-то Николая II все-же не Гегечкори, а онъ, Шульгинъ.

дованіе пыталось положить предѣлъ этому проникновенію въ Закавказье добровольцевъ и стремленію ихъ обойти съ фланговъ естественную границу — кавказскій хребетъ. При всемъ значеніи и авторитетности этого распоряженія союзной военной власти, Грузія и Азербайджанъ приняли, повидимому, и собственныя оборонительныя мѣры. Въ частности между нимъ былъ заключенъ военно — оборонительный союзъ (16 іюня 1919 г).

Возбужденіе во всей Грузіи въ виду грозившей опасности было чрезвычайное: проявлялось оно самымъ бурнымъ образомъ въ печати, въ парламентскихъ рѣчахъ, въ резолюціяхъ и прочемъ.

Я напоминаю о всѣхъ этихъ фактахъ лишь чтобы указать, что, слѣдуя въ этомъ отношеніи всенародному импульсу, грузинская делегація дѣлала все-что могла, чтобы убѣдить европейскія правительства, или точнѣе Верховный Совѣтъ, въ необходимости умѣрить добровольческое стремленіе въ предѣлы Закавказья.

Въ коллективномъ заявленіи трехъ кавказскихъ республикъ отъ 20-го іюня 1919 г. (уже упоминавшемся по другому поводу: см. стр. 195) говорилось особо (п. 6) о помѣхахъ, чинимыхъ дѣлу внутренняго устроенія этихъ республикъ и возвращенію къ нормальнымъ условіямъ жизни, благодаря военнымъ поискамъ и угрозѣ со стороны арміи генерала Деникина.

Заявляя свой протестъ по поводу агресивныхъ дѣйствій и угрозъ добровольцевъ, делегаціи Грузіи, Азербайджана и Горской республики просили Верховный Совѣтъ «предписать арміи добровольцевъ, которая содержится и поощряется Союзниками вовсе не для борьбы съ кавказскими народами, очистить захваченныя территоріи и уважать права кавказскихъ республикъ».

Изъ числа непосредственныхъ шаговъ, предпринятыхъ съ тою же цѣлью, упомяну лишь о посѣщеніи нами въ американской делегаціи извѣстнаго совѣтника президента Вильсона полковника Хаузъ (House). который именно къ этому ходатайству (пріудержать добровольцевъ) отнесся съ полнымъ сочувствіемъ.

62.

Демаркаціонная линія, нарушеніе которой возбранялось ген. Деникину союзнымъ командованіемъ, была самымъ ося-

зательнымъ указаніемъ на существованіе военно-политическаго контроля Верховнаго Совѣта на Кавказѣ въ эту эпоху.

Какъ уже упомянуто, грузинское правительство не увело своихъ частей за р. Бзыбь, какъ слѣдовало-бы, по буквѣ англійскаго т. е. союзнаго предложенія. Но это было, въ сущности, лишь небольшимъ отступленіемъ отъ указанной генераломъ Кори демаркаціонной линіи. Что касется добровольцевъ, они продолжали сидѣть въ Дербентѣ, т. е. далеко южнѣе демаркаціонной линіи, подходившей къ Каспійскому морю въ пяти километрахъ ниже Петровска. Въ началѣ іюля 1919 генералъ Деникинъ увѣдомилъ правительство Азербайджана, что, если послѣднее не откроетъ противъ него военныхъ дѣйствій, то добровольческія войска не перейдутъ границъ Дагестана, т. е. рѣки Самуръ; и несмотря на переписку Азербайджана съ англійскимъ командованіемъ по поводу яснаго нарушенія іюньской демаркаціонной линіи, новая линія — по Самуру — была впослѣдствіи признана формально.

Тогда-же, т. е. при увѣдомленіи о намѣреніи своемъ не переходить на Каспійскомъ побережьи Самура, генералъ Деникинъ заявилъ, что считаетъ Азербайджанъ частью Россіи, но будетъ признавать его независимость — впредь до разсмотрѣнія вопроса... Всероссійскимъ Учредительнымъ собраніемъ.*) Конечно, это не совпадало съ намѣреніями Верховнаго Совѣта, какъ они выразились въ предъявленныхъ имъ условіяхъ признанія Колчаковскаго правительства, но нѣкоторый шагъ впередъ, заключался въ отказѣ отъ непосредственныхъ дѣйствій.

Позже, съ развитіемъ военныхъ операцій генерала Деникина противъ совѣтскихъ войскъ, въ отношеніяхъ его съ закавказскими республиками замѣтно стало нѣкоторое успокоеніе, чему способствовалъ также пріѣздъ въ Тифлисъ британскаго главноуполномоченнаго Оливера Уордропъ и, повидимому, миссія генерала Баратова въ Баку и Тифлисѣ.

Въ срединѣ 1919 года, въ разгаръ парижской конференціи, мы, какъ изложенно выше, достигли уже нѣкоторыхъ результатовъ — мы могли расчитывать на *поддержку* державъ въ дѣлѣ *обезпеченія* если не полной независимости, во всякомъ случаѣ — самой широкой автономіи.

---

*) Это былъ путь еще болѣе далекій чѣмъ: «парижская конференція разрѣшитъ».

Осуществись объединеніе Россіи тѣми силами, которыя шли съ Колчакомъ и Деникинымъ, тогда обезпеченіе автономіи окраинъ, съ помощью великихъ союзныхъ державъ было-бы, вѣроятно, крайнимъ предѣломъ достижимаго и возможнаго. Только допустила-ли бы окрѣпшая и объединенная Россія въ этомъ вопросѣ контроль державъ, при всей своей отъ нихъ зависимости? Безплодно было-бы гадать, но полагаю — на основаніи напр. разговоровъ съ однимъ изъ видныхъ сотрудниковъ генерала Деникина, проф. К. Н. Соколовымъ, пріѣхавшимъ въ Парижъ въ іюлѣ 1919 года (вмѣстѣ съ главнымъ делегатомъ генераломъ Драгомировымъ) — что если правительство Деникина и не возражало въ принципѣ противъ такихъ вещей какъ автономія или федерація («лишь-бы въ рамкахъ россійской державы и съ соизволенія всероссійскаго Учредительнаго Собранія»), все же главная его надежда заключалась въ арміи («Европа демобилизуетъ — мы мобилизуемъ») и «соотношеніи силъ», — которое позволитъ Россіи рѣшать всѣ вопросы по своему.

Я получилъ впечатлѣніе, что въ предвкушеніи этого поворота событій, правительство ген. Деникина недооцѣнивало всѣхъ вѣсомыхъ и невѣсомыхъ величинъ, входящихъ въ составъ грузинскаго и вообще кавказскихъ и другихъ окраинныхъ вопросовъ.

Вообще же обостреніе этой распри, и всѣ угрозы и непріятности, чинившіяся Грузіи (блокада!) и Азербайджану со стороны Добровольческой арміи, представлялись мнѣ политической ошибкой, проистекавшей въ существѣ изъ нежеланія отказаться отъ стараго взгляда на подневольное положеніе окраинъ и вникнуть въ измѣненія, внесенныя въ этотъ вопросъ революціей.

Такъ какъ со стороны, въ частности, Грузіи предпріятіямъ генерала Деникина не грозило, очевидно, никакой опасности, и такъ какъ попытка *невзначай* овладѣть этой страной въ 1919 году могла кончиться непріятно для Добровольческой Арміи (хотя-бы благодаря зависимости ея отъ европейскихъ правительствъ, къ которымъ и представители Грузіи имѣли доступъ), то мнѣ и представялось, что возможно было-бы сторонамъ (т. е. закавказскимъ республикамъ и Добровольческой арміи) обходиться вообще безъ столкновеній и излишнихъ треній. Я даже находилъ, что слѣдовало воспользоваться пріѣздомъ деникинской делегаціи въ Парижъ и обсудить во-

просъ объ установленіи чисто фактическаго сосѣдства между Грузіей и ея сосѣдомъ на сѣверѣ (сообразно позиціи нейтралитета). Но грузинская делегація этой мысли не раздѣляла, полагая, что такіе разговоры съ представителями «реакціонныхъ силъ» не къ лицу грузинской демократіи. Но еще и нѣсколько раньше въ виду оглашенія условій возможнаго признанія правительства Колчака*) мною былъ поставленъ вопросъ о томъ, чтобы заблаговременно выяснить дѣйствительное отношеніе русскихъ круговъ къ вопросу о двустороннемъ опредѣленіи нашихъ взаимоотношеній съ Россіей. «Лучше сдѣлать это теперь, говорилъ я, когда правительство адмирала Колчака аморфно, чѣмъ позже, когда оно усилится. Если у Колчака — Деникина есть будущее, мы только выиграемъ, взявъ починъ переговоровъ; если у нихъ будущаго нѣтъ, мы ничего не проиграемъ, зондируя почву. По отношеніи къ Конференціи мы свое положеніе лишь укрѣпимъ, такъ какъ будемъ держаться ею-же возвѣщенныхъ принциповъ. Ссылаясь на очевидность волеизъявленія Грузіи о независимости (Учредительное Собраніе), мы попытаемся объясниться дружески» и т. д.

Съ этимъ, однако, не согласился Церетели и другіе. Церетели находилъ, что «дѣйствуя такъ, мы бы такъ-сказать признали Колчака, укрѣпили его (sic) и разошлись-бы съ оцѣнкою всеевропейской демократіи».

Практическаго значенія это разногласіе тогда, къ счастью, не получило. Но оно показало мнѣ фатальное нежеланіе нашихъ с.-д. при все ихъ политической опытности, считаться серьезно съ дѣйствительными факторами положенія, т. е. прежде всего съ Россіей (въ 1919 г. это Деникинъ и Колчакъ; въ 1920 — совѣты; меньшевицкой Россіи не предвидѣлось!).

Независимость Грузіи требовала разнообразныхъ и гибкихъ пріемовъ защиты. Худшій-же ея способъ заключался въ томъ, чтобы избѣгать серьезныхъ переговоровъ сегодня съ «бѣлыми», завтра съ «красными» (изъ за нелюбви къ этимъ окраскамъ) — не умѣть ладить съ западными «имперіалистами» — способными однако облегчить переговоры съ Россіей, — и въ то же время возлагать упованія на «всеевропейскую демократію», болѣе или менѣе легендарную.

---

*) По какому-то капризу исторіи именно послѣ этого военное счастье отвернулось отъ Колчака. Сталъ возвышаться зато генералъ Деникинъ.

Въ видѣ иллюстраціи къ главному предмету этой главы, позволяю себѣ привести раговоръ съ однимъ виднымъ русскимъ дипломатомъ, въ Парижѣ въ октябрѣ 1919 года (когда успѣхъ генерала Деникина казался особенно прочнымъ).

Рѣчь шла о процессѣ возстановленія Россіи. «Теперь, говорилъ мой собесѣдникъ, 90 шансовъ изъ ста, если не всѣ сто, что возстановленіе Россіи съ юга закончится успѣшно. («осторожнѣе будетъ считать шансовъ 30,» замѣтилъ я).

— Украинскій вопросъ какъ то исчезаетъ — самостійность сходитъ на нѣтъ. Умѣренные тяготѣютъ тамъ къ Деникину. О Бѣлоруссіи можно не говорить... Граница съ Польшею? Это вопросъ будущаго. Пока какъ нибудь обойдемся. Соберется Россія съ силами, и будетъ видно. Независимость Финляндіи будетъ нами признана, надѣюсь, теперь-же. Что касается балтійскихъ государствъ, то хотя многіе тамъ дѣйствуютъ такъ какъ если бы Россія окончательно сгинула, но и тамъ вѣдь имѣются люди, знающіе дѣйствительную Россію. Бесарабія? Мы допускаемъ плебисцитъ въ южной части. Румынскую точку зрѣнія мы все-же провалили здѣсь, въ Парижѣ»... «Ну а въ Грузіи, допустили-ли бы вы плебисцитъ?» «Я лично не вижу основаній къ обратному». «Это очень интересно».

Я высказалъ, что возстанвовленіе державы Россійской не будетъ единымъ актомъ, а скорѣе процессомъ длительнымъ и сложнымъ; что настоящей, русской Россіи надлежитъ еще найти свое соціальное равновѣсіе, свое національно-этническое единство (цѣлыхъ три Руси!) и соотвѣтствующую этому явному и очень глубокому расщепленію политическую форму; что во всемъ этомъ «окраинныя» республики, въ частности Грузія, *не желаютъ*, *не могутъ* и *не должны* участвовать.

Затѣмъ коснулись желательности и возможности неформальнаго, офиціальнаго обмѣна мнѣній между *нами* (новыми республиками) и *ими* на тему о добрососѣдскомъ сосуществованіи. Но этого не пришлось осуществить: бѣлое движеніе пошло быстро на ущербъ.

ГЛАВА XXIV.

АНГЛІЯ МЕЖДУ РОССІЕЙ И КАВКАЗОМЪ.

Взаимоотношенія между Грузіей и русскими «реставраторами съ юга» тѣсно переплетаются съ вопросомъ о роли Англіи во всѣхъ этихъ дѣлахъ — юга Россіи и Кавказа.

Англія, какъ извѣстно, довольно энергично поддерживала предпріятіе генерала Деникина. Какъ, собственно, эта *противосовѣтская* линія («Черчилевская») совмѣщалась съ линіей: Принкипо — миссія Баллита въ Москвѣ*) — возрожденіе идеи «Принкипо» въ ноябрѣ 1919 г. которая приведетъ, въ 1920 году г. Красина въ Лондонъ и вызоветъ заключеніе англо-русскаго соглашенія въ 1921 г. — тема эта очень интересна, но насъ здѣсь не касается.

Намъ зато существенно имѣть въ виду другую «бифуркацію» англійской политики, довольно понятную, если не забывать объ огромномъ разнообразіи традицій, интересовъ и стремленій, объемлемыхъ словомъ: «Британская Имперія».

Помощь добровольцамъ въ борьбѣ съ большевиками диктовалась глубокими и довольно общими побужденіями западныхъ державъ, въ томъ числѣ и Англіи; *поддержка новыхъ окраинныхъ республикъ* могла, въ свою очередь, отвѣчать нѣкоторымъ серьезнымъ интересамъ или ходячимъ понятіямъ.

Но Великобританія не только выступала, вмѣстѣ съ другими державами, какъ-бы арбитромъ въ вопросѣ о б. окраинахъ Россіи. Въ силу условій, въ которыхъ закончилась въ ноябрѣ 1918 г. война, она въ лицѣ своихъ миссій и, благодаря оккупаціоннымъ отрядамъ, дѣлалась важнымъ факторомъ и мѣст-

---

*) Mr. Bullitt ѣздилъ въ Москву (съ вѣдома англичанъ и американцевъ) въ мартѣ 1919 г. для развѣдки относительно условій мира съ московскимъ правительствомъ.

**) Объ этой двойственности см. еще выше, въ § 60.

наго значенія, способнымъ вліять весьма существенно на *фактическое положеніе*, какъ оно сложилось къ концу 1918 г., хотя бы на томъ же Кавказѣ.

Отъ этого «фактора» *каждая* изъ сторонъ, напр. въ грузино-добровольческой распрѣ ожидала поддержки; и въ поддержкѣ, оказываемой *другой* сторонѣ, видѣла нарушеніе данныхъ обѣщаній. Одни возмущались, напр., тѣмъ что «поощряютъ окраины, содѣйствуютъ расчлененію Россіи, союзной Россіи» и т. п.; а другіе съ сокрушеніемъ находили, что «поощряютъ русскую реакцію въ Россіи, вопреки волѣ демократіи, а здѣсь, въ Грузіи, поддерживаютъ враговъ самоопредѣлившейся народности» и пр.

Англійскіе генералы, пріѣхавшіе на Кавказъ, очутились поэтому между двухъ огней; не легко приспособляясь къ политическимъ манерамъ молодыхъ демократій революціоннаго происхожденія, они нерѣдко впадали въ ошибки, допуская «перелеты» и «недолеты»; въ общемъ же дѣйствовали сообразно упомянутой выше *двойственности* или, лучше сказать, *двоякости* англійской политики на Кавказѣ.

На первыхъ порахъ положеніе было особенно непріятнымъ. Въ концѣ ноября 1918 г., послѣ прибытія англичанъ въ Баку опубликована была, напримѣръ, прокламація командующаго союзными войсками, генерала Томсона, гдѣ говорилось: «симъ доводится до свѣдѣнія *населенія Кавказа*, что цѣлью посылки союзныхъ войскъ на Кавказъ является водвореніе общественной безопасности на *этой россійской территоріи, расположенной между Чернымъ и Каспійскимъ морями*» и т. д.

Указаніе, что Кавказъ расположенъ «между Чернымъ и Каспійскимъ морями», возраженій, конечно, не вызывало. Но въ обозначеніи этой территоріи, какъ «россійской» усмотрѣли зловѣщее предзнаменованіе того, что «насъ хотятъ отдать Россіи». А «мы» считали себя независимыми, суверенными государствами. И затѣмъ, гдѣ же тутъ право на самоопредѣленіе, президентъ Вильсонъ, «война за право мелкихъ народовъ» на существованіе и пр.?

Въ Грузіи упомянутая прокламація не могла быть опубликована. Правительство Жорданіа заявило прибывшей въ Тифлисъ британской миссіи, что для поддержанія общественнаго порядка въ Грузіи нѣтъ необходимости въ присылкѣ англійскихъ войскъ, такъ какъ порядокъ достаточно охраняется грузинскимъ правительствомъ — что соотвѣтствовало дѣй-

ствительности. Но, какъ впрочемъ уже было указано раньше (стр.166), легко было найти болѣе подходящее объясненіе прибытію въ разные пункты Закавказья англійскихъ частей. А послѣ формальнаго изъявленія симпатій великобританскаго правительства дѣлу независимости Грузіи (см. выше стр. 163-4), развитіе грузино-британскихъ отношеній вообще облегчалось. Англичане тогда же стали признавать грузинское правительство фактически (задолго до т. наз. «фактическаго признанія»). И, въ бытность свою въ Тифлисѣ, въ маѣ 1919 г., генералъ Милнъ, командующій союзными силами въ районѣ Чернаго моря, повторно привѣтствовалъ «отъ имени союзниковъ» Н. Жорданіа, какъ главу грузинскаго правительства.

Полноты взаимнаго пониманія все же не было.

Возможно, что англійскіе генералы на Кавказѣ чувствовали себя, соціально и политически, все же ближе къ русскимъ генераламъ юга Россіи. А эти не забывали всякій разъ напоминать имъ о *россійской территоріи* между двумя морями. Съ другой стороны, то что англійскіе генералы говорили и особенно то, какъ они говорили, могло иногда вовсе и не выражать дѣйствительныхъ намѣреній англійскаго правительства. Въ разнообразныхъ заявленіяхъ ихъ грузинамъ порою трудно было и разобраться. Они предпочли разсуждать упрощенно Ген. Деникинъ угрожаетъ Грузіи, а Англія поддерживаетъ ген. Деникина: слѣдовательно, «британскій имперіализмъ» есть союзникъ «всероссійской реакціи». И въ бурномъ отвращеніи отъ «всероссійской реакціи», проникались недовѣріемъ и къ «британскому имперіализму».

Грузинское правительство, стремясь ограждать свое достоинство (что конечно, было очень похвально!) и свой авторитетъ въ глазахъ народа, вообще слишкомъ прямолинейно налегало на свой суверенитетъ, на свою независимость, обращая меньше вниманія на необходимыя международныя предпосылки этой независимости. А демагогически руководимое, общественное мнѣніе и улица, придавая уже и вовсе топорное выраженіе даваемымъ лозунгамъ, не разъ открыто возставали противъ союза «британскаго имперіализма и всероссійской реакціи».

Что по отношенію къ Добровольческой арміи и *противъ* Добровольческой арміи, Англія играла въ Грузіи (въ 1919г.) ту-же роль, что Германія въ 1918 г. по отношеніи къ Турціи — недостаточно при этомъ сознавалось молодой республикой.

И кажется не будетъ ошибкою сказать, что въ 1919 г. грузинская демократія, въ «дѣтской рѣзвости» уже «колебала треножникъ» болѣе сложныхъ дипломатическихъ расчетовъ, а ея правительство, быть можетъ, уже нарушало заповѣдь: «не плюй въ колодецъ, пригодится воды напиться».

64.

Давленіе Добровольческой Арміи на Грузію вызвало единодушный кличъ: «долой русскую реакцію въ Закавказьи!», который неизбѣжно сопровождался другимъ: «долой Западныхъ имперіалистовъ!» Естественнымъ союзникомъ Грузіи въ этомъ движеніи былъ, очевидно, международный соціализмъ, съ которымъ грузинское с.-д. правительство имѣло прочныя личныя связи. Европейскіе соціалисты не отказали, конечно, своимъ грузинскимъ друзьямъ въ (словесной) поддержкѣ ихъ противъ «русской реакціи», но заодно выступали и противъ «Западныхъ имперіалистовъ», т. е. противъ Англіи*).

На международный соціализмъ возлагались однако въ Грузіи и болѣе общія надежды. Думали, что этимъ путемъ облегчится и укрѣпленіе ея независимости.

Спрашивается: могъ ли Интернаціоналъ быть полезенъ въ дѣлѣ признанія независимости Грузіи и въ созданіи условій, эту независимость обезпечивающихъ?

Въ эпоху Парижской конференціи не нужны были ни изысканія, ни размышленія, чтобы видѣть, что пользы отъ Интернаціонала въ этомъ дѣлѣ не могло быть, потому что вліяніе его на правительства великихъ державъ побѣдительницъ было чрезвычайно невелико. Версальскій договоръ тому доказательствомъ.

Съ «безполезностью» можно-бы примириться — лишь-бы не было «вреда». Къ сожалѣнію, бывалъ и вредъ. Я не говорю, конечно, о разныхъ мелкихъ эпизодахъ, скорѣе комическихъ, вродѣ, получившаго огласку въ печати**) и совершенно ненужнаго (для дѣла Грузіи) заявленія «грузинскаго министра Чхенкели» на Люцернской конференціи въ февралѣ 1919 года о томъ, что «мы отняли у помѣщиковъ землю безъ вознагражденія — *поэтому* независимость наша должна быть признана».

*) См. сборникъ: *La Géorgie indépendante*. Ed. du Parti Soc. Dém. de Géorgie. Женева 1919.

**) См. Echo de Paris, февр. 1919.

Можетъ быть, для соц.-дем. партіи очень важно было сказать въ своемъ кругу: «вы не думайте — у насъ вѣдь тоже... безъ вознагражденія». Какъ способъ отстаиванія независимости Грузіи передъ Клемансо, Вильсономъ и Ллойдъ- Джоржемъ это, какъ будто... слабовато.

Но возьмемъ болѣе важную вещь — резолюцію о признаніи независимости Грузіи, принятую, по просьбѣ Церетели, на Амстердамскомъ съѣздѣ 28-го апрѣля 1919 г.

Она рѣшительно подтверждаетъ независимость Грузіи, но требуетъ полной независимости, которая «исключала-бы опеку со стороны одной или нѣсколькихъ державъ и всякій иностранный контроль ея демократическихъ учрежденій»*). Это означало, что Интернаціоналъ высказывался противъ всякой системы, которая обезпечивала-бы Грузіи сотрудничество какой-либо великой державы въ видѣ мандата (на срокъ)—что, въ извѣстной мѣрѣ, неизбѣжно заключало-бы въ себѣ элементъ опеки. Между тѣмъ, очень скоро грузинскому правительству (да и самому Церетели) пришлось проситься подъ «мандатъ» (см. ниже). Здѣсь была, слѣдовательно, уже не одна «безполезность»: здѣсь былъ и вредъ, преимущественно, моральный.

Во всѣхъ вопросахъ имѣвшихъ важное практическое значеніе для будущности Грузіи «Интернаціоналъ» или примыкавшія къ нему вліятельныя рабочія организаціи фатально и неизбѣжно становился и долженъ былъ становиться на путь, противоположный государственнымъ интересамъ Грузіи: такъ будетъ въ вопросѣ объ «интервенціи» (вообще), въ вопросѣ о снабженіи оружіемъ для замозащиты, въ вопросѣ о «скорѣйшемъ уводѣ (англійскихъ) войскъ» изъ Грузіи.

Наконецъ, когда, позже, обострится противоположеніе 2-го и 3-го Интернаціоналовъ, чрезмѣрная связанность грузинскаго правительства со 2-ымъ Интернаціоналомъ сдѣлаетъ Грузію мишенью, а затѣмъ и добычею — 3-го Интернаціонала. Но до этого еще далеко.

Дѣло независимости Грузіи окажется крѣпче, чѣмъ... черепъ пустынника въ баснѣ, и *не смотря* на увѣсистые булыжники бросаемые время отъ времени медвѣдемъ — Интернаціоналомъ, всегда въ наилучшихъ намѣреніяхъ, независимость Грузіи будетъ признана европейскими державами.

---

*) Текстъ этой резолюціи можно найти въ томъ же сборникѣ «La Géorgie indépendante».

ГЛАВА XXV.

ТРИ СОСѢДА.

65.

Въ общихъ выступленіяхъ — кавказскихъ и другихъ «окраинныхъ» делегацій (выше п. 60) *Арменія* не участвовала. Непосредственной угрозѣ съ сѣвера республика эта пока не подвергалась; выступать-же совмѣстно, особенно съ Азербайджаномъ, *противъ* Добровольческой арміи, вовсе не соотвѣтствовало ея видамъ: въ близорукомъ расчетѣ она могла, пожалуй, ждать себѣ даже подмоги отъ тѣхъ, отъ кого сосѣди ея ждали лишь разрушенія и смуты. Къ тому-же Арменія надѣялась именно теперь на осуществленіе своихъ долголѣтнихъ надеждъ въ Турціи, съ помощью великихъ союзныхъ державъ, и впутываться въ такой моментъ въ раздоры своихъ сосѣдей съ другимъ «протеже» тѣхъ-же великихъ державъ — ген. Деникинымъ ее, очевидно, не прельщало.*)

Напротивъ, Азербайджанъ опасался вторженія съ сѣвера такъ же или еще больше чѣмъ Грузія. Это конечно, приводило къ политическому сближенію этихъ двухъ республикъ, вообще естественному, объяснимому многими причинами, мотивами и интересами, а въ 1919 г. тѣмъ легче осуществимому, что съ пораженіемъ турокъ и уходомъ ихъ изъ Азербайджана послѣдній возвращался къ своей *кавказской* орбитѣ.

16 іюня 1919 г. былъ заключенъ въ Тифлисѣ между двумя сосѣдними республиками союзный договоръ, по силѣ котораго онѣ обязывались (ст. 1) «отражать совмѣстно, всѣми сво-

*) Представителемъ эриванскаго правительства при Добровольческой Арміи былъ б. членъ 3-ей Государственной Думы *Сагателянъ*.

ими вооруженными силами и всѣми, имѣющимися у нихъ средствами, всякое нападеніе, угрожающее независимости или территоріальной цѣлости одной или обѣихъ договаривающихся республикъ». Договоръ заключался на 3 года (ст. 5). Стороны обязывались разрѣшать полюбовно или посредствомъ арбитража могущія возникнуть между ними пограничные споры (ст. 4). Оговаривалось право Арменіи заявить, въ двухнедѣльный срокъ, о желаніи своемъ приступить къ этому договору (ст. 10).*)

Сообщая Парижской конференціи текстъ изложеннаго договора, делегаціи грузинская и азербайджанская выражали надежду, что «конвенція эта, преслѣдующая цѣли чисто оборонительныя, не получитъ примѣненія въ части, касающейся предусмотрѣнныхъ въ ней совмѣстныхъ военныхъ дѣйствій, и что *Закавказье будетъ ограждено отъ всякаго нападенія извнѣ, благодаря контролю союзныхъ державъ надъ операціями генерала Деникина*». Вмѣстѣ съ тѣмъ обращалось вниманіе на ст. 4 соглашенія, благодаря которой открывалась возможность скорѣйшаго размежеванія территорій Грузіи и Азербайджана.**)

Столкновенія конца 1918 года не могли конечно содѣйствовать сближенію — столь желательному и такъ-же естественному, — между Грузіей и Арменіей.

Легковѣрная надежда, что Парижская конференція «все рѣшитъ и все разберетъ», и, между прочимъ, потрудится установить государственныя границы въ Закавказьи — ослабляла и въ Тифлисѣ, и въ Эривани, какъ, впрочемъ, и въ Баку — стимулъ къ скорѣйшему разрѣшенію, *собственными* усиліями, всѣхъ пограничныхъ и другихъ разногласій. Сверхъ того Арменія могла (добросовѣстно заблуждаясь) считать, что положеніе ея особое; что по отношенію къ ней имѣются на державахъ —побѣдительницахъ обязательства, какихъ нѣтъ по от-

---

*) Договоръ былъ подписанъ, за Грузію, *Гегечкори*, *Рамишвили*, генералами *Одишелидзе* и *Гедеванишвили*; за Азербайджанъ — *Джафаровымъ*, генералами *Мехмандаровымъ* и *Сулькевичемъ* (послѣдній — мусульманинъ, родомъ изъ литовскихъ мурзъ, поступившій на службу Азербайджана).

**) Къ сожалѣнію «возможность» не означаетъ еще «осуществленія». Договоръ 16 іюня оказался «непримѣненнымъ» и въ 1920 г. когда противъ Азербайджана (а, слѣдовательно, и Грузіи!) выступила уже другая сила, не находившаяся подъ контролемъ союзныхъ великихъ державъ.

ношенію къ ея сосѣдямъ; что ей, слѣдовательно, «дадутъ» благопріятныя границы и т. д.

Прибавить надо еще, что 28 мая 1919 г. (въ первую годовщину провозглашенія независимости Эриванской республики) особымъ актомъ было объявлено *соединеніе въ одно цѣлое* армянскихъ территорій расположенныхъ въ Закавказьи и въ Турецкой Арменіи. Такимъ образомъ, Армянская республика уже и формально выходила изъ сферы чисто кавказской политики въ полное опасностей и подводныхъ скалъ море турецкаго вопроса, куда, очевидно, ни Грузія, ни Азербайджанъ не могли вслѣдъ за нею отважиться.

По этой-же причинѣ затруднялось опять таки дѣло закавказскаго разграниченія. Въ случаѣ значительнаго расширенія Арменіи за счетъ Турціи, сосѣди Арменіи не усматривали основанія къ одновременному расширенію ея за счетъ Азербайджана и Грузіи. И неизвѣстность того, сдѣлается ли Армения большой или останется маленькой, вызывала проволочки въ дѣлѣ размежеванія трехъ республикъ, къ ихъ общей пагубѣ.

По существу, вопросъ объ установленіи границъ между Грузіей и ея сосѣдями не могъ считаться слишкомъ труднымъ для разрѣшенія, или-же недостаточно изученнымъ. И не было, конечно, недостатка ни въ добрыхъ намѣреніяхъ, ни въ самыхъ либеральныхъ заявленіяхъ! Требовалось, однако, другое: упорство, большой кропотливый трудъ и терпѣніе, словомъ, серьезная воля. Ея не было обнаружено. Въ 1919 году ничто не мѣшало, напротивъ, все благопріятствовало, напр. разграниченію Грузіи съ Азербайджаномъ. Ничего однако не было сдѣлано. Съ Арменіей достигнуть соглашенія было труднѣе. Но и здѣсь, при настойчивости, можно было, вѣроятно, добиться установленія разумной и справедливой границы, конечно при условіи отказа Грузіи отъ мысли объ обезпеченіи ей «стратегической границы».*) — и отказа Арменіи отъ такихъ несерьезныхъ идей, какъ напр. «вознагражденіе Азербайджана за уступку армянами грузинамъ трети (грузинскаго) Борчалинскаго уѣзда другими частями... грузинской-же тер-

*) Удобныхъ для обороны границъ Грузія должна была желать не *противъ* Арменіи, а *совмѣстно* съ Арменіей и Азербайджаномъ. Впрочемъ, обсужденіе этого вопроса завело-бы меня далеко.

риторіи».*) Да и чрезмѣрное настаиваніе на *этническомъ принципѣ* (по отношенію къ грузинскимъ территоріямъ; это значило: гдѣ армяне поселились хотя-бы въ XIX вѣкѣ, тамъ — Арменія) было опаснѣе всего для самихъ-же армянъ: недалеко уѣхали-бы они на этомъ конѣ въ Турціи! Очень скоро шаткость ихъ предположенія, что союзники — побѣдители о нихъ *особенно* позаботятся, должна была обнаружиться. И *чрезвычайная* ихъ заинтересованность въ сохраненіи добраго мира съ Грузіей, *единственной изъ сосѣднихъ территорій, не запятнанной кровью «рѣзни» и «избіеній»*, — не могла-бы не дѣйствовать умѣряюще на армянскихъ главарей. Словомъ, и здѣсь, если не ошибаюсь, *можно было*, уже въ 1919 г., добиться разграниченія, которое и тогда, и раньше многими мыслилось на основѣ уступки въ пользу Арменіи пресловутой южной части Борчалинскаго уѣзда и отказа ея отъ притязаній на столь-же пресловутый уѣздъ Ахалкалакскій.

66.

Но что съ армянской стороны замѣчалась крайняя несговорчивость, въ этомъ я могъ убѣдиться въ Парижѣ, присутствуя при опытѣ разрѣшенія армяно-грузинскаго пограничнаго спора соціалистическими средствами.

Въ началѣ мая 1919 г. бюро Интернаціонала(ставшаго позже 2-ымъ Интернаціоналомъ) разсматривало жалобу или, скорѣе, доносъ Микаэля Варандяна**) на правительство Грузіи которое-де угнетаетъ армянъ, занимается «имперіализмомъ» и завѣдомо нарушаетъ принципы, принятые передъ тѣмъ соціалистической конференціей въ Бернѣ***). Въ виду этой жалобы, бюро привлекло къ отвѣту обѣ стороны. Оно выслушало однихъ и другихъ; послѣ чего въ грузинской делегаціи про-

*) См. въ сборникѣ: *Изъ исторіи армяно-грузинскихъ отношеній*. 1918 годъ. Тифлисъ. 1919. Стр. 11.

**) Извѣстный армянскій дѣятель и патріотъ, много вращавшійся въ европейскихъ соціалистическихъ кругахъ. Позже — представитель Арменіи въ Римѣ.

***) На этой конференціи Чхенкели подписалъ резолюцію, по смыслу которой, при разграниченіи въ спорныхъ мѣстностяхъ, никакія соображенія экономическія, историческія, военныя и т. д. не могутъ быть приводимы. Все рѣшается этническимъ началомъ и голосованіемъ населенія. По буквѣ этого постановленія разъ армяне возбуждаютъ споръ, напр., объ Ахалкалакскомъ уѣздѣ Тифлисской губ., гдѣ армяне (выходцы изъ Турецкой Арменіи) составляютъ большинство, и, слѣдовательно, «этническая» моти-

исходило совѣщаніе съ армянами (10-го Мая), на которомъ, однако, къ соглашенію не пришли. Былъ здѣсь *Агаронянъ* — котораго я оставилъ въ Константинополѣ, *Оганджанянъ* — котораго я оставилъ еще раньше въ Берлинѣ, *Варандянъ* и др. Всѣ трое могли бы съ честью фигурировать на какомъ-либо ассиро-вавилонскомъ барельефѣ.

Ихъ взглядъ былъ очень простъ: они выражали лишь недоумѣніе по поводу того, что грузины, соціалъ-демократы вообще дерзаютъ притязать на земли, гдѣ грузинъ вовсе нѣтъ и никогда не было.

На слѣдующій день пренія происходили передъ «судьями», каковыми являлись: А. Гендерсонъ, Р. Макдональдъ*), еще одинъ именитый соціалистъ-англичанинъ, К. Гюисмансъ, Ренодель, Ж. Лонгэ**)

Пренія эти были не изъ краткихъ и не безъ страстности. Армяне повторяли свое — о насиліяхъ, чинимыхъ грузинами, о захватѣ ими спорныхъ провинцій съ помощью германскихъ штыковъ и т. д. Церетели угостилъ ихъ ссылкой на вѣроломное нападеніе армянъ въ декабрѣ. Словомъ, разговоръ былъ «добрососѣдскій».

Затѣмъ, внесено было, съ грузинской стороны, предложені армянамъ о томъ, чтобы немедленно была избрана арбитражная комиссія, которая, на основѣ бернскихъ постановленій, занялась бы разрѣшеніемъ всѣхъ вопросовъ и разногласій, связанныхъ съ плебисцитомъ въ спорныхъ областяхъ; и чтобы, одновременно, обѣ делегаціи, грузинская и армянская, увѣдомили объ этомъ соглашеніи Парижскую конференцію.

Мысль эта, видимо понравилась «судьямъ» (предсѣда-

вировка имѣется на лицо, то остается лишь организовать плебисцитъ, и дѣло рѣшено. Если при этомъ нарушены жизненные интересы сосѣда — тѣмъ хуже для него. Конечно, эта процедура была-бы убійственной прежде всего для самихъ армянъ — какъ въ Турціи, такъ и въ разныхъ районахъ Закавказья гдѣ армяне смѣшаны съ мусульманами. Но въ рамкахъ армяно-грузинскаго спора объ уѣздахъ Борчалинскомъ и Ахалкалакскомъ такая процедура являлась-бы для армянъ выигрышной.

*) Нынѣ (1924) — М-ръ Внутр. Дѣлъ и Премьеръ Великобританіи.

**) Бюро Интернаціонала пользовалось въ эти дни для своихъ занятій вообще гостепріимствомъ грузинской делегаціи. Мнѣ такъ и не удалось тогда выяснить, кто кому покровительствовалъ, Интернаціоналъ-ли Грузіи, или Грузія Интернаціоналу? Послѣднему плохо приходилось въ 1919 г.

тельствовалъ Гендерсонъ, съ большою флегмою, и не безъ нѣкотораго недоумѣнія передъ картиною «южныхъ страстей» — изъ за пустяковъ). Гюисмансъ, привыкшій къ дракамъ фламандцевъ и валлонцевъ, формулировалъ, наконецъ, на основѣ грузинскаго предложенія, пункты, склоняя армянъ къ ихъ принятію. Трудно было возражать; но они внезпно заговорили о привлеченіи къ трибуналу виновниковъ армяно-грузинскаго столкновенія и потребовали принятія, сверхъ пунктовъ формулированныхъ Гюисмансомъ, еще одного: объ удаленіи грузинскихъ войскъ и администраціи изъ спорныхъ районовъ передъ плебисцитомъ. Мы-же, вмѣстѣ съ Гюисмансомъ, полагали, что этотъ и другіе подобные вопросы должны быть, именно, предоставлены усмотрѣнію арбитражной комиссіи.

Однако упорство армянъ (особенно Варандяна) было таково, что Гюисмансъ прямо упрекнулъ ихъ въ нежеланіи договориться.

Такъ ничего изъ этой попытки не получилось. Но любопытно было видѣть игру сталкивающихся національныхъ страстей, здоровыхъ, можетъ быть, и очень простыхъ, подъ ярлыками интернаціонализма и соціализма.*)

---

*) Въ общемъ, между Грузіей и Арменіей отношенія въ 1919-20 г. установились сносныя (хотя господствовавшія въ этихъ странахъ партіи, грузинскіе с.-д. и армянскіе дашнаки не очень жаловали другъ друга). Послѣ несостоявшейся конференціи ноября 1918 года (см. выше стр. 167), грузинское правительство созывало конференцію для разсмотрѣнія общихъ дѣлъ кавказскихъ республикъ еще въ маѣ 1919 г. Программа ея была превосходна, но работѣ помѣшала угроза Закавказью со стороны Добровольческой арміи. Позже, въ августѣ 1919 года, въ виду кровавыхъ столкновеній между армянами и мусульманами, занятія конференціи, по почину грузинскаго правительства, возобновились.

ГЛАВА XXVI.

ВЪ ПОИСКАХЪ МАНДАТАРІЯ.

67.

Однимъ изъ самыхъ интересныхъ и важныхъ вопросовъ Парижской конференціи былъ вопросъ о мандатахъ.

Положеніе о Лигѣ Націй упоминаетъ *болѣе спеціально* о мандатахъ двоякаго характера: взятіе въ управленіе бывшихъ германскихъ владѣній въ колоніяхъ; и сотрудничество — опека по отношенію къ нѣкоторымъ странамъ, входившимъ въ составъ подлежавшей полному расчлененію Оттоманской Имперіи. Но эти категоріи, согласно тексту ст. 22 *The Covenant of the League of Nations* являются частными, хотя и наиболѣе важными приложеніями болѣе общей программы международной политики, выраженной такъ:

«По отношенію къ колоніямъ и территоріямъ, которыя вслѣдствіе войны перестали находиться подъ суверенитетомъ государствъ, ранѣе ими управлявшихъ, и которыя населены народами, не способными еще существовать самостоятельно*) въ тягостныхъ условіяхъ современнаго міра (*under the strenuous conditions of the modern world*), должно примѣняться то начало, что благоденствіе и развитіе такихъ народовъ образуютъ священную задачу цивилизаціи, и что гарантіи осуществленія этой задачи должны быть включены въ настоящее положеніе.

---

*) «To stand by themselves»; французскій текстъ гласитъ нѣсколько иначе: «non encore capables de se diriger eux-mêmes».

Лучшій способъ практическаго выполненія этого начала заключается въ томъ, чтобы опеканіе такихъ народовъ довѣрялось передовымъ націямъ, которыя благодаря своимъ средствамъ, опытности или географическому положенію, могутъ наилучшимъ образомъ взять на себя эту отвѣтственность, и которыя согласны принять ее; и чтобы опека эта осуществлялась ими въ качествѣ мандатаріевъ отъ имени Лиги.

Характеръ мандата долженъ различаться сообразно степени развитія народа, географическому положенію территоріи, экономическимъ условіямъ и другимъ подобнымъ обстоятельствамъ»...

Такова была офиціальная доктрина, усвоенная конференціей по вопросу о мандатахъ. Она проистекала изъ благороднаго (если считать слова серьезными!) предположенія, что передовыя (побѣдоносныя, богатыя, сильныя!) націи распредѣлятъ между собою трудъ по скорѣйшему пріобщенію однихъ народовъ — къ благамъ хорошей администраціи (колоніальные, «черные» мандаты), другихъ — къ благамъ независимаго, свободнаго, культурнаго существованія («бѣлые» мандаты).

Закавказья близко касался, конечно, мандатъ *въ Арменіи*. Даже если бы мандатъ этотъ коснулся одной только Турецкой Арменіи, появленіе тамъ, въ качествѣ мандатарія, одной изъ великихъ державъ имѣло бы большое значеніе для сосѣднихъ республикъ. Тѣмъ болѣе въ случаѣ — казавшагося тогда неизбѣжнымъ — соединенія турецкой Арменіи съ Эриванскою республикою, т. е. съ бывшею русскою Арменіею, которое и вовсе ввело-бы мандатарія въ кругъ кавказской политики.

О глубокой заинтересованности Грузіи въ этомъ вопросѣ будетъ сказано дальше. Теперь-же умѣстно указать, что несмотря на болѣе спеціальное ограниченіе сферы возможныхъ мандатовъ бывшими германскими колоніями и частями б. Оттоманской Имперіи (Арменія, Палестина, Месопотамія) на дѣлѣ, въ эпоху Парижской конференціи, возникала рѣчь о мандатахъ и *внѣ* указанныхъ выше двухъ категорій, какъ это, впрочемъ, и соотвѣтствовало общей идеѣ этого учрежденія. Имѣю въ виду именно Закавказье. Однако, прежде чѣмъ освѣтить эту сторону дѣла, надо сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ Грузія, или точнѣе , грузинское правительство смотрѣло на этотъ вопросъ. Это тѣмъ болѣе важно знать, что безъ опре-

дѣленной иниціативы со стороны грузинскаго правительства вопросъ о мандатѣ, конечно, не могъ-бы быть и поставленъ въ Парижѣ.

Офиціальный взглядъ выраженъ былъ, очевидно, въ *актѣ независимости Грузіи* 26 мая 1918 г., единогласно утвержденномъ ея Учредительнымъ Собраніемъ 19 марта 1919 г. Здѣсь говорилось опредѣленно о независимости и суверенитетѣ. Общественное мнѣніе въ Грузіи только такъ и понимало вопросъ. Однако тѣ, кто взяли на себя отвѣтственность за веденіе дѣлъ Грузіи, не могли, конечно, ограничиваться такимъ формальнымъ лозунгомъ. Надо было вѣдь не только создать самостоятельный государственный порядокъ внутри Грузіи, но еще добиться согласія Россіи на совершившійся выходъ Грузіи изъ состава Имперіи и позаботиться, на первыхъ порахъ, пока страна получитъ прочную организацію, о той поддержкѣ *извнѣ*, которая подкрѣпляла бы независимость.

Въ 1918 г. сдѣлана была попытка разрѣшить именно эти задачи съ помощью Германіи. Какъ показалъ опытъ, правильно было обѣ эти задачи связать: кто можетъ и желаетъ помочь дѣлу независимости Грузіи, тотъ, прежде всего, долженъ помочь ей получить признаніе со стороны Россіи. И если ему по силамъ послѣднее, посильно будетъ и первое.

Въ 1919 году, при довольно распространенной вѣрѣ въ Парижскую конференцію, Вильсоновы начала и т. д., могло казаться, что все дѣло лишь въ полученіи формальнаго признанія; и что остальное приложится. Такъ, повидимому, и смотрѣли въ Грузіи. Но это было, конечно, неправильно. Надо было заблаговременно думать о чьей-либо помощи, въ предвидѣніи неизбѣжнаго стремленія Россіи (бѣлой или красной) возстановить свое положеніе на Кавказѣ. Безъ посторонней помощи *ни одно* новое государство не могло бы построиться «въ тяжелыхъ условіяхъ современнаго міра»*): а въ началѣ 1919 г. «самоопредѣлившіеся народы» всѣ безъ исключенія пользовались такой помощью, хотя формы ея иногда и маскировались.

Сама Россія не могла бы обойтись безъ помощи болѣе богатыхъ и удачливыхъ націй: не естественно ли было добиваться не только признанія, но и дѣятельной поддержки,

*) Глубокій и многообразный смыслъ этого меланхолическаго замѣчанія (см. стр. 215) не для всѣхъ оказался яснымъ.

огражденія у этой высшей инстанціи, у державъ устроительницъ Европы?

Надлежало вообще держаться—я лично держался— того взгляда, что страна, занимающая географическое положеніе Грузіи (между Россіей и Турціей) и не имѣвшая до революціи государственной организаціи (какъ напр. Финляндія), обязательно нуждается сверхъ формальнаго признанія, въ болѣе опредѣленной, болѣе спеціальной поддержкѣ какой-нибудь великой державы. Побѣжденная Германія уже не могла выполнить этой задачи. Могъ-ли кто-нибудь ее замѣнить?

Разумѣется, ни Чхеидзе, ни Церетели не могли ставить вопросъ такъ. Противоположеніе имперіализмовъ — пролетаріату, революціонной демократіи, оставалось для нихъ въ силѣ. Они были крѣпко связаны путами этихъ формулъ и передъ своими европейскими товарищами, и передъ «паствой» въ Грузіи, воспитанной именно на этихъ безпомощныхъ и упрощенныхъ формулахъ. Они были, поэтому, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, мало подходящими лицами, какъ разъ для работы по обезпеченію Грузіи дѣятельной поддержки какой-либо великой державы; а если почему либо — хотя-бы, напримѣръ, по природному ихъ благоразумію, которое вдругъ взяло бы верхъ надъ заученой фразой — они стали бы на путь прямого «соглашательства» съ «имперіализмомъ» — они неизмѣнно оказывались въ двойственномъ, фальшивомъ положеніи.

Вопросъ о «мандатѣ» грузинская делегація впервые обсуждала при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Меморандумъ нашъ съ ходатайствомъ о признаніи независимости Грузіи былъ представленъ конференціи. Делегаты (преимущественно Чхеидзе) посѣщали по списку «персонажей», и визиты эти имѣли явно характеръ обязательной и скучной формальности. Не занимая официальнаго положенія въ делегаціи*), но являясь на дѣлѣ ея сотрудникомъ (мною только-что былъ составленъ напр. основной, вышеупомянутый меморандумъ, представленный отъ имени Грузіи Парижской конференціи), я, конечно, желалъ знать, въ чемъ, собственно, заключаются планы и мысли грузинскихъ полномочныхъ. Въ виду этого, 23 марта (1919 г.) Чхеидзе пригласилъ меня въ частное совѣщаніе делегаціи, гдѣ произошелъ слѣдующій обмѣнъ мнѣній.

---

*) Позже, въ маѣ 1919 г. я былъ «кооптированъ»въ ея составъ.

Ав. Необходимо выяснить главный вопросъ. Чего мы здѣсь добиваемся? формальнаго признанія независимости и «принятія въ семью цивилизованныхъ націй», подобно такимъ новымъ государствамъ, какъ Чехія, Югославія? или же мы нуждаемся въ посторонней помощи на первыхъ порахъ и будемъ ждать ее отъ «мандатарія»? — Повидимому, всѣ согласны съ тѣмъ, что своими силами Грузія не можетъ обезпечить себя въ ближайшее время отъ всѣхъ внѣшнихъ напастей. А разъ нужна поддержка какой-либо великой державы, то нѣтъ основанія отворачиваться отъ института «мандата», тѣмъ болѣе, что мандатъ осуществляется по порученію и подъ наблюденіемъ Лиги Націй, т. е. высшей инстанціи, — онъ ограничивается опредѣленнымъ *срокомъ* — содержаніе же его можетъ быть предварительно нами обусловлено прямыми переговорами съ мандатаріемъ. *По существу, этотъ «мандатъ» могъ бы соотвѣтствовать нашей прошлогодней схемѣ грузино-германскихъ взаимоотношеній.* Но конечно, иниціатива въ этомъ дѣлѣ должна исходить отъ насъ и т. д.

Слѣдовало изложеніе практической программы, вытекавшей изъ изложеннаго.

И. Церетели. Мы стоимъ на точкѣ зрѣнія независимости. Нашъ народъ такъ свыкся съ этой мыслью, что трудно преподнести ему что-нибудь другое. Во всякомъ случаѣ начинать съ мандата или протектората едва-ли слѣдуетъ. Будемъ просить о признаніи нашей независимости — а, потомъ, взвѣсивъ все, договоримся, скажемъ, съ Англіей. Спросимъ ее, что она думаетъ дѣлать съ войсками, расположенными у насъ, будемъ просить ее не уводить ихъ.

Чхеидзе. Дипломатія — трудное дѣло вообще, а сейчасъ и вовсе головоломное. Взять, напримѣръ, этотъ «мандатъ»: совмѣстима или нѣтъ съ нимъ независимость? и т. д.

Конечно, много сомнѣній возникало въ связи съ этими терминами «мандатъ» и «Лига Націй», но я все-же находилъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ и, особенно, въ странѣ, доказавшей способность къ политическому самоуправленію, «мандатъ» можетъ, лучше чѣмъ гдѣ-либо, соотвѣтствовать своему назначенію: быть *временною помощью новому государству, въ періодъ его организаціи.*

«Не забывайте главнаго, прибавлялъ я: намъ нельзя опаздывать и выжидать — нужно заблаговременно обезпечить Грузію отъ неожиданностей.»

68.

Въ общемъ, наши главные делегаты, какъ оказывалось, вовсе не были принципіальными противниками «мандата». Но они желали выжидать. А пока что, амстердамская резолюція 28 апрѣля 1919 года, «проведенная» тамъ Церетели, съ присущимъ ему искусствомъ, высказывалась очень недвусмысленно *противъ всякаго ограниченія* «полной независимости» Грузіи какимъ-бы то ни было контролемъ или «опекою» со стороны европейскихъ державъ (см. выше). Возможно, что такая позиція была необходима для личнаго положенія грузинскихъ соціалистическихъ лидеровъ въ Интернаціоналѣ. Дѣлу Грузіи здѣсь оказывалась плохая услуга.

Двусмысленность этой позиціи обнаружилась очень скоро — когда угроза со стороны Добровольческой арміи дала грузинскому правительству въ Тифлисѣ и его полномочным въ Парижѣ наглядный урокъ того, что одной «независимости» недостаточно для самообороны, и что поддержка какой-либо изъ «имперіалистическихъ» державъ не такъ уже безразлична.

Выше уже изложено, какъ въ самой Грузіи успѣли испортиться отношенія съ англичанами (главными «имперіалистами»). Грузинскій фронтъ противъ Деникина понимался, какъ «соціалистическій»; а глава грузинскаго правительства не рѣшался проститься съ краснымъ знаменемъ, развѣвавшимся надъ дворцомъ въ Тифлисѣ, какъ ребенокъ не желаетъ разстаться съ любимою игрушкою. Все это были показанія, мало благопріятныя для сближенія съ какою-либо великою державою!

А вотъ, потребность въ такомъ сближеніи чувствовалась теперь остро. Однако, когда Церетели, сопровождаемый, на этотъ разъ, по его просьбѣ, мною, заговорилъ въ британской делегаціи о желательности установленія болѣе тѣсныхъ связей между «демократической республикой» и «британскимъ имперіализмомъ», отвѣтъ получился болѣе чѣмъ уклончивый. Пришлось даже выслушать отъ лица, за чьей подписью мы получили, въ декабрѣ 1919 г., выраженіе симпатій Грузіи, признаніе, что «симпатіи были», но теперь ихъ... «меньше». (Разговоръ съ сэромъ Луисъ Маллетъ, 26 іюня 1919 года).

Было-бы впрочемъ, ошибочно въ этомъ «охлажденіи» британскаго правительства видѣть только послѣдствіе «несо

отвѣтствующаго», враждебнаго «западному имперіализму» настроенія въ самой Грузіи. Были и болѣе общія причины отказа Великобританіи отъ активной политики въ Грузіи (и вообще въ Закавказьи), въ 1919 г., а именно: затруднительность дѣятельнаго отстаиванія независимости Закавказскихъ республикъ (въ смыслѣ окончательнаго отдѣленія ихъ отъ Россіи) — одновременно съ политикой возстановленія единства Россіи, переобремененность британскаго льва всякаго рода заботами и отвѣтственностью, — наконецъ, необходимость экономій, на которыхъ общественное мнѣніе Англіи настаивало очень повелительно съ момента окончанія войны.*)

Да и вообще, созданіе англійской позиціи въ Закавказьи, согласованной съ его независимыми республиками, хоть и могло представить *большой интересъ* для Британской Имперіи — съ разныхъ точекъ зрѣнія не имѣло для нея *жизненнаго* значенія.

Этого достаточно, чтобы объяснить, почему идея британскаго мандата не могла имѣть практическаго успѣха въ серединѣ 1919 года.

69.

Между тѣмъ, грузинское правительство, встревоженное извѣстіями о предстоявшемъ уходѣ изъ Закавказья англичанъ, и не желая оставаться въ пріятномъ tête-à-tête съ добровольцами, было бы вовсе не прочь отъ замѣны англичанъ какими нибудь другими «имперіалистами». Въ Закавказье на смѣну англичанамъ просились итальянцы, и о предстоящемъ прибытіи итальянскихъ войскъ было даже объявлено официально. Въ извѣстномъ смыслѣ можно даже утверждать, что водвореніе Италіи, въ качествѣ мандатарія, на Закавказскомъ перешейкѣ, и было-бы въ то время (1919 г.) самою практическою, согласованною съ очень разнообразными условіями и интересами, формою... британскаго мандата въ Грузіи и Азербайджанѣ!

Италія обдѣлена сырьемъ, и «поиски сырья» были однимъ изъ главныхъ мотивовъ итальянской внѣшней политики въ послѣдніе годы. Съ итальянской стороны выдвигалась даже идея международнаго «перераспредѣленія сырья», какъ одна изъ задачъ Лиги Націй. При такомъ умоначертаніи, естественно подсказывалась мысль о привлеченіи итальянцевъ къ

*) Ограничившись, съ лѣта 1919 г., оккупаціей одного Батума въ Закавказьи, Англія достаточно обезпечивала себя этимъ на случай, если-бы позже она снова рѣшила принять болѣе близкое участіе въ политикѣ закавказскихъ республикъ.

ეროვნული ბიბლიოთეკა

разработкѣ природныхъ богатствъ Кавказа. Особенный интересъ обнаруживался при этомъ къ каменному углю — главной заботѣ Италіи.

Я здѣсь ничего не скажу о томъ, въ какой связи «кавказская оріентація» Италіи находилась съ европейской политикой дѣлежа и компенсацій, неизбѣжной въ условіяхъ 1919 года. Заинтересованность Италіи казалась настолько серьезной, что одно время, намѣтилось и обратное теченіе — именно *итальянская оріентація грузинскаго правительства*. Обнаружилась она съ остротой, но мимолетно.

Интересъ къ «природнымъ богатствамъ» Грузіи, итальянцы обнаружили при первыхъ же встрѣчахъ съ предсѣдателемъ грузинской делегаціи въ Парижѣ, Чхеидзе. «Какъ у васъ насчетъ кам. угля?» былъ главный вопросъ, поставленный бывшему предсѣдателю С. С. Р. Д. итальянскимъ полномочнымъ делегатомъ въ Парижѣ, маркизомъ Salvago Raggi, а также маркизомъ della Torretta (тогда делегатомъ-совѣтникомъ) — еще въ мартѣ 1919 года. Скоро послѣ того, изъ англійскихъ источниковъ стало извѣстно, что англійскія войска предположено замѣнить въ Закавказьи итальянскими. Въ концѣ апрѣля выѣхала въ Тифлисъ итальянская миссія, изъ военныхъ и не военныхъ, предводимая полковникомъ Габба. По этому поводу маркизъ делла Торетта объяснялъ грузинскимъ делегатамъ (2 мая), что миссія отправляется для ознакомленія съ рессурсами страны и въ видахъ установленія промышленныхъ и вообще экономическихъ связей. «Возможно — прибавлялъ онъ что англійскія войска будутъ выведены изъ Грузіи и замѣнены итальянскими: въ этомъ случаѣ итальянцы,конечно, не будутъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Грузіи, и само ихъ присутствіе тамъ будетъ обставлено тѣми-же условіями, какъ пребываніе англичанъ. Признанію-же независимости Грузіи на конференціи, Италія всемѣрно будетъ содѣйствовать». Это официальное заявленіе подтвердило свѣдѣнія, полученныя нами раньше.

10-го мая, предсѣлатель правительства Грузіи (Жорданіа) получилъ отъ генерала Томсона (начальника британскихъ войскъ въ Закавказьи) увѣдомленіе *о предстоящемъ уходѣ этихъ войскъ и о замѣнѣ ихъ итальянскими*. О томъ же было объявлено въ Баку.*)

*) Какъ мнѣ говорили тогда въ американской делегаціи, на конференціи эта замѣна однихъ другими была условлена соглашеніемъ однихъ лишь Англіи съ Италіей.

Дѣло принимало нешуточный оборотъ, тѣмъ болѣе, что въ это время «деникинская угроза» становилась все болѣе острой.

Уже въ началѣ іюня, полковникъ Габба былъ вызванъ въ Парижъ изъ Тифлиса. Итальянскому правительству приходилось серьезно рѣшать весьма отвѣтственный вопросъ: посылать или не посылать свои войска въ Закавказье? А это было равнозначуще вопросу объ *итальянскомъ мандатѣ* — въ частности, въ Грузіи.

Идейное его обоснованіе было бы дѣломъ несложнымъ. Помочь молодымъ націямъ, ставшимъ самостоятельными, укрѣпить эту самостоятельность — не отвѣчало-ли благороднѣйшимъ традиціямъ объединенной Италіи, завѣтамъ Гарибальди и т. д.?

Ни съ грузинской, ни съ итальянской стороны не было недостатка въ заявленіяхъ этого рода. Матеріальная подкладка тоже была ясна: Италія получала доступъ къ нужному ей сырью и топливу, и расходы ея по экспедиціи обезпечивались-бы концессіями вполнѣ.

Однако надлежало принимать въ разсчетъ, казавшееся близкимъ, возстановленіе Россіи. Хронологически «быть или не быть» итальянскаго мандата совпадало какъ разъ съ выясненіемъ политики Конференціи въ русскомъ вопросѣ (условія признанія правительства Колчака) и съ конфликтомъ между Добровольческой арміею и Кавказскими республиками.

Программа конференціи въ русскомъ вопросѣ, въ сущности, не исключала ни посылки итальянскихъ войскъ (взамѣнъ англійскихъ) въ Грузію и Азербайджанъ, ни даже итальянскаго «мандата». Но «тактическая» возможность столкновенія на этой почвѣ съ Добровольческою арміею, все-же оставалась. Вопросъ, значитъ, сводился — какъ всегда въ такихъ случаяхъ — къ оцѣнкѣ рисковъ.

Сторонники итальянскаго мандата находили, что одного присутствія союзныхъ войскъ было-бы достаточно, чтобы обезпечить Грузію и Азербайджанъ отъ всякихъ посягательствъ извнѣ и связывали большія надежды съ посылкой итальянцевъ въ Закавказье, оккупація котораго была бы временною — впредь до общаго «замиренія» и до организаціи мѣстныхъ силъ. Излагая съ большой послѣдовательностью эту точку зрѣнія, хорошо освѣдомленный публицистъ Д. Андріулли писалъ въ «*Corriere della Sera*»—что единственное, чѣмъ Италія

не можетъ и не должна быть на Кавказѣ — это жандармомъ въ пользу гипотетической русской « федераціи» адмирала Колчака.

Скептики-же находили, что Италія недостаточно богата капиталами, чтобы браться за развитіе производительныхъ силъ, хотя бы одной Грузіи и, что осуществленіе здѣсь мандата приведетъ къ столкновенію съ русскимъ имперіализмомъ и т. д.

Этотъ взглядъ былъ выраженъ выпукло г. Энрико Целли въ миланскомъ «Secolo».

Какъ извѣстно, вопросъ объ итальянскомъ мандатѣ былъ разрѣшенъ правительствомъ Нитти *отрицательно*.*)Здѣсь сыграла роль преувеличенная оцѣнка «бѣлогвардейскихъ» движеній въ Россіи, но большое значеніе имѣло и весьма сильная въ это время въ Италіи тяга къ скорѣйшей демобилизаціи. Вообще Италія 1919-20 г.г. была въ состояніи слишкомъ дрябломъ и расшатанномъ, чтобы «рискнуть» на мандатъ въ Грузіи. Возможно, что Италія Муссолини — рискнула-бы.

Прибытіе итальянской миссіи въ Грузію въ 1919 г. и пребываніе ея тамъ, имѣло, однако, нѣкоторое значеніе и въ дѣловомъ отношеніи — итальянцы первые послѣ войны устроили пароходное сообщеніе съ Европою, открыли банкъ, дѣятельно торговали и пр. — и въ политическомъ. Въ дѣлѣ признанія грузинской республики державами Европы, сочувствіе Италіи оказалось, конечно, полезнымъ, и оно было подготовлено исподволь въ 1919 году.

---

*) Итальянская военная миссія въ Тифлисѣ опубликовала офиціальное сообщеніе о неприбытіи итальянскихъ войскъ 5 августа 1919 г. — Въ своей извѣстной книгѣ Europa senza pace самъ *Нитти* ставитъ именно себѣ въ заслугу рѣшеніе отказаться отъ экспедиціи въ Грузію, принятое имъ, какъ только онъ сталъ во главѣ итальянскаго правительства (въ іюнѣ 1919 г.). Въ этотъ моментъ уже готовъ былъ, по его словамъ, къ отправленію цѣлый корпусъ (12-ый), въ составѣ двухъ пѣхотныхъ дивизій и альпійскихъ частей. Отказомъ отъ этой экспедиціи Нитти навлекъ-де на себя много вражды, но зато спасъ Италію отъ ужасной авантюры и отъ неминуемаго столкновенія съ московскимъ правительствомъ. Гдѣ собственно и какъ произошло-бы это столкновеніе съ совѣтскими войсками — лѣтомъ 1919 г. — Нитти не объясняетъ. Это и не существенно для его тезы. Есть въ его версіи и другія несообразности. См. L'Europe sans paix. Стр. 186-188.

ГЛАВА XXVII.

АМЕРИКАНСКІЙ МИРАЖЪ.

70.

Совершенно особое значеніе имѣлъ для Грузіи вопросъ объ *американскомъ мандатѣ въ Арменіи*. Въ пользу этого предпріятія велась огромная пропаганда; осуществленіе его казалось одно время неизбѣжнымъ; надлежало поэтому и намъ озаботиться выясненіемъ возможнаго отношенія американцевъ къ Грузіи и вообще къ кавказскимъ республикамъ. Въ бесѣдахъ съ экспертами американской делегаціи (май-іюнь 1919 г.), вопросъ этотъ обсуждался мною довольно подробно.

Путь въ Арменію, куда теперь направилось не мало американцевъ, лежалъ черезъ Грузію ; въ Тифлисѣ и другихъ мѣстахъ С. Штаты имѣли консульскихъ представителей; благодаря этимъ агентамъ, а также дѣятелямъ филантропическихъ организацій, американская делегація въ Парижѣ была хорошо освѣдомлена о всемъ, что происходило въ Закавказьи.

Американцы быстро оцѣнили связь вопроса о независимости Грузіи съ осуществленіемъ американскаго мандата въ Арменіи.

«Итакъ, вы желаете полной независимости, сказалъ мнѣ какъ-то одинъ изъ американскихъ экспертовъ: «а вотъ, вашъ министръ финансовъ прямо заявилъ нашимъ, въ Тифлисѣ, что безъ посторонней помощи вамъ не обойтись... Неужели признаніе вашей независимости можетъ дать вамъ средства, которыхъ у васъ нѣтъ?»

«Да, намъ нужна помощь въ финансовой и другихъ отрасляхъ. Признаніе независимости не дастъ намъ, конечно, сразу богатства; но если, одновременно, Грузіи будетъ обезпечена дѣйствительная помощь, возможно будетъ дать толчекъ разработкѣ природныхъ богатствъ. А это дастъ затѣмъ и средства.

Въ какую форму эта помощь отольется — вопросъ другой» — «Мандатъ, что ли? Вѣдь вы не противъ извѣстнаго контроля?» «Нѣтъ! такой мандатъ — какъ напримѣръ: срочное полномочіе оказать намъ содѣйствіе въ организаціи финансовъ — вполнѣ совмѣстимъ съ независимостью».

Особенно, конечно, касались необходимости поддержать Грузію *политически*, какъ одного изъ условій успѣшности работы Америки въ Арменіи.

Въ заключеніе этихъ разговоровъ, пришли къ такому выводу: *въ случаѣ, если* положеніе о Лигѣ Націй получитъ ратификацію Соединенныхъ Штатовъ С. А*) и *если* Америка приметъ на себя мандатъ въ Арменіи — то не исключается возможность взятія на себя Соединенными Штатами извѣстныхъ обязательствъ и въ Грузіи.

Послѣ такой подготовки состоялось свиданіе грузинскихъ делегатовъ съ полковникомъ House (11 іюня 1919 года), и хотя отъ главной темы мы вынуждены были тогда отвлечься въ сторону «тактической» угрозы — деникинскаго «нашествія» (см. выше стр. 199), все-же вопросъ объ американскомъ мандатѣ былъ поднятъ въ этомъ свиданіи съ главнымъ соратникомъ президента Вильсона**)

Вопросъ ставился условно: «разъ Америка займется Арменіей, пусть за-одно поможетъ и Грузіи». Дальше этого мы, очевидно, не могли идти. Но сдѣлать этотъ шагъ было необходимо: приходилось считаться съ возможнымъ выступленіемъ С. Штатовъ на Востокѣ въ роли насадителя мира и порядка, для воспитанія народовъ въ духѣ свободы и дѣловитости.

Осуществись американскій мандатъ въ Арменіи, Грузія, по необходимости, въ качествѣ главнаго пути, ведущаго въ Арменію, сдѣлалась-бы также предметомъ вниманія С. Шта-

---

*) Версальскій договоръ 28 іюня 1919 года, органической частью котораго являлось Положеніе о Лигѣ Націй, внесенъ былъ на разсмотрѣніе Сената С. Ш. 10 іюля 1919. Всѣмъ памятна историческая борьба за принятіе или отверженіе трактата, развернувшаяся тогда въ Америкѣ и разбившая, вмѣстѣ съ жизнью президента Вильсона, столько надеждъ въ Европѣ и Азіи. Окончательно Версальскій договоръ былъ отвергнутъ Сенатомъ 20 марта 1920 г.

**) Незадолго передъ тѣмъ (28-го мая) делегаты Азербайджана и Горской республики были приняты президентомъ Вильсономъ.

товъ*). Облегчилось-бы международное признаніе ея независимости, упрочилось-бы вообще ея положеніе и она могла-бы перейти отъ чрезмѣрнаго политическаго броженія къ болѣе плодотворной экономической работѣ (это можно сказать о всѣхъ странахъ, которыя-бы вошли въ этомъ случаѣ въ сферу вліянія американской предпріимчивости). Созданіе независимой отъ Турціи армянской полосы въ Восточной Анатоліи влекло-бы за собою прекращеніе непосредственнаго сосѣдства Грузіи съ Турціей и давало бы первой возможность болѣе прочно связать свои мусульманскія провинціи съ христіанскими. Съ постепеннымъ-же замиреніемъ «двуединой» Арменіи, можно было ожидать возвращенія обратно во-свояси армянскихъ бѣженцевъ, въ большомъ количествѣ находившихъ убѣжище въ Грузіи и грозившихъ искусственно увеличить и безъ того весьма многочисленные ряды армянскаго меньшинства въ Грузіи и т. д.

Къ сожалѣнію идея армянскаго мандата въ Арменіи встрѣтила многочисленныя помѣхи. Правда, Арменія получила помощь филантропическаго характера въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Верховнымъ совѣтомъ державъ былъ отправленъ въ качествѣ особаго комиссара (съ очень широкими и неопредѣленными полномочіями) американскій полковникъ Хаскелъ, который оказывалъ, именемъ союзниковъ, особое офиціальное содѣйствіе всѣмъ лицамъ и организаціяъ, работавшимъ въ Арменіи. Главнымъ образомъ ему, кажется, пришлось быть высокопоставленнымъ «толкачемъ» вагоновъ съ мукою, сгущеннымъ молокомъ и другимъ добромъ, отправляемымъ изъ Батума въ Арменію.

«Сгущенное молоко вмѣсто... мандата» — такъ, кажется, можно выразить вкратцѣ результатъ американскихъ замысловъ и связанныхъ съ ними надеждъ въ области армянскаго вопроса!**)

Упомяну здѣсь-же, что единственная офиціальная бумага, полученная въ 1919 году грузинскою делегаціею отъ Верховнаго совѣта парижской конференціи, за подписью Клемансо,

---

*) При этомъ, американская помощь Грузіи мыслилась исключительно въ видѣ дипломатической поддержки и финансоваго содѣйствія. Для обезпеченія порядка въ Грузіи ничьей помощи, конечно, не требовалось. Въ совершенно другихъ краскахъ рисовался американскій мандатъ въ Арменіи.

**) Конечно, незабываемой заслугой американцевъ является призрѣніе и воспитаніе десятковъ тысячъ армянскихъ сиротъ.

касалась именно вопроса о транзитѣ грузовъ черезъ Грузію въ Арменію, и вызвана она была жалобами на помѣхи, якобы чинимыя этому транзиту.

Въ ноябрѣ 1919 года, полковникъ Хаскелъ пріѣзжалъ на время изъ Тифлиса въ Парижъ, для «доклада конференціи» о закавказскихъ дѣлахъ. Быть можетъ, не безынтересно будетъ привести нѣкоторыя заявленія этого комиссара, слышанныя отъ него (5 ноября). Злободневными онъ признавалъ въ это время вопросы объ экономическихъ затрудненіяхъ Закавказья, о «деникинской» опасности», о возстаніи въ Дагестанѣ. «Необходимо, прежде всего, оживить торговыя сношенія: для этого надо организовать подвозъ сырья къ портамъ и т. д. Условія политическія въ Грузіи хороши. Большевизма нѣтъ. Порядокъ поддерживается. У меня съ грузинскимъ правительствомъ самыя лучшія отношенія. Нѣкоторые американскіе миссіонеры любятъ говорить объ однихъ армянахъ... мы-же, члены военныхъ миссій, относимся съ равной симпатіей ко всѣмъ народамъ Закавказья.

... Я убѣдился въ томъ, что Грузія дѣйствительно желаетъ быть независимою. Но она не противъ того, чтобы имѣть помощь какого-либо *хорошаго* правительства — напр. англійскаго или американскаго. Лѣтъ черезъ 25-30, Грузія, конечно, можетъ установить какую-нибудь связь съ Россіей.

... Возьметъ-ли Америка на себя мандатъ или нѣтъ, этого я не знаю: это дѣло дипломатовъ. Моя обязанность — разрѣшеніе практическихъ вопросовъ, помощь народамъ Кавказа».

71.

Въ виду приближенія времени, когда С. Штаты должны были, наконецъ, рѣшить столь отвѣтственный вопросъ о мандатѣ въ Арменіи, президентъ Вильсонъ рѣшилъ снарядить спеціальную экспедицію для «*осмотра на мѣстѣ*» Арменіи и прилегающихъ странъ и для составленія отчета о «политическихъ, военныхъ, географическихъ, административныхъ, экономическихъ и другихъ соображеніяхъ, связанныхъ съ возможными американскими интересами и отвѣтственностью въ этой странѣ» (термины президентской инструкціи).

Во главѣ экспедиціи (изъ 14 однихъ старшихъ чиновъ) спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ администраціи и экономики, былъ поставленъ генералъ *Джемсъ Г. Харбордъ* (6. на-

чальникъ штаба генерала Першинга). Съ быстротою и стремительностью, которыя должны были поражать страны «соннаго, дряхлаго Востока», миссія эта пересѣкла Анатолію отъ Константинополя до Аданы, посѣтила Киликію, сѣверную Сирію, а затѣмъ, на автомобиляхъ, проѣхала черезъ Діарбекиръ, Харпутъ, Сивасъ, Эрзинджанъ, Эрзерумъ и Карсъ — въ Эривань, посѣтила Тифлисъ, Баку и Батумъ. Сверхъ этого главнаго маршрута были и дополнительные. Вездѣ опрашивались правительства, группы, организаціи всѣхъ попутныхъ народовъ и государствъ. 30 дней длился этотъ необычайный осмотръ отсталыхъ странъ, дожидавшихся мецената-мандатарія. Плодомъ удивительной экскурсіи явился отчетъ генерала Харборда, составленный имъ на обратномъ пути въ Америку, на борту корабля «Марта Вашингтонъ» и подписанный 16 октября 1919г.

Мы не встрѣтились съ генераломъ Харбордомъ въ Парижѣ (передъ его выѣздомъ) по совершенно случайнымъ причинамъ; но члены его миссіи заходили къ намъ за справками. Въ Тифлисѣ эти американцы были приняты подобающимъ образомъ, и о мастерствѣ грузинъ по части торжественныхъ банкетовъ и застольнаго пѣнія генералъ Харбордъ особо упоминалъ позже въ американской печати. Онъ-же осыпалъ самыми лестными комплиментами спеціально къ нему приставленнаго грузинскимъ правительствомъ чичероне — Д. Гамбашидзе.

... Но конечно, важнѣе всего этого упомянутый уже выше отчетъ и его выводы.*) Отчетъ представляетъ значительный интересъ. Въ немъ много явныхъ ошибокъ и недоразумѣній,

---

*) Основной отчетъ ген. Харборда, подъ заглавіемъ: «Условія Ближняго Востока» (*Conditions in the Near East. Report of the American Military Mission to Armenia.* by Maj. Gen. *James G. Harbord.* U. S. Army). былъ опубликованъ въ качествѣ документа Сенатомъ С. Ш. въ 1920 г., въ Вашингтонѣ. Остались, если не ошибаюсь, до сихъ поръ неопубликованными 11 приложеній, составленныхъ отдѣльными спеціалистами и трактующихъ: 1) политическіе факторы и проблемы, 2) правительства въ Турціи и въ Закавказьи, 3) Государственные и частные финансы въ Турціи и въ Закавказьи, 4) Торговля и промышленность тамъ-же, 5) Общественное здравіе и санитарія, 6) Населеніе; промысловыя и другія качества; образъ жизни. 7) Климатъ, природныя богатства, животноводство, земледѣліе; 8) Географія, горное дѣло и границы; 9) Печать въ Турціи и Закавказьи; 10) военная задача мандатарія; 11) транспортъ и сообщенія въ Малой Азіи и въ Закавказьи. 12-ое приложеніе — библіографія.

но, въ общемъ, это довольно безпристрастная оцѣнка сынами могущественной, богатой, образованной, дѣльной и дѣлеческой Республики — ряда бѣдныхъ, отсталыхъ, разоренныхъ войной, переворотами и дурнымъ управленіемъ странъ.

Американская миссія встрѣтилась въ Сивасѣ съ Мустафой-Кемалемъ и другими дѣятелями турецкаго національнаго движенія, которое тогда — въ сентябрѣ 1919 года — только начиналось. О Мустафѣ-Кемалѣ мало кто зналъ въ Европѣ. Эта встрѣча имѣла большое значеніе для формированія заключеній ген. Харборда.

... Однако, я вынужденъ ограничиться лишь главными выводами американцевъ, относящимися къ нашимъ республикамъ. Правительства всѣхъ трехъ республикъ разсматриваются какъ совершенно неудовлетворительныя — съ западной точки зрѣнія. Въ частности, въ Грузіи отмѣчается «вліяніе большевизма» — «красное знамя революціи, развѣвающееся надъ національнымъ»; конфискація земель у собственниковъ безъ вознагражденія — и продажа ея за деньги крестьянамъ. Азербайджану недостаетъ образованныхъ людей для управленія, Арменія — въ развалинахъ.

Впрочемъ оцѣнки эти, надо сказать, довольно условны, и черныя краски здѣсь сгущены больше, чѣмъ въ извѣстныхъ мнѣ, весьма многочисленныхъ и разнообразныхъ сужденіяхъ другихъ иностранцевъ въ 1918-21 г.г.

Политическое направленіе трехъ странъ опредѣляется такъ: Грузія настаиваетъ на самостоятельности; русская Арменія, вѣроятно, голосовала-бы за мандатъ Россіи*); Азербайджанъ влечется къ Турціи и недовѣряетъ христіанамъ — но образованная часть понимаетъ необходимость внѣшняго его контроля и т. д.

Словомъ, всѣмъ нуженъ мандатарій, но необходимо, чтобы это былъ *одинъ мандатъ для всего Закавказья*.

По главному-же вопросу — о турецкой Арменіи — выводы генерала Харборда чрезвычайно мрачны. Можно иногда подумать, что его спеціально послали съ цѣлью опороченія

---

*) Харбордъ забываетъ прибавить, что если бы Россія (какъ онъ ее понимаетъ) существовала въ 1919 г., ему самому не пришлось-бы увидѣть Арменію.

мандата въ Арменіи. Онъ утверждаетъ (хоть это и не ново) — что въ проектированной Арменіи турки были въ большинствѣ еще до насильственныхъ выселеній, и останутся въ большинствѣ, если даже вернуть обратно всѣхъ бѣженцевъ. Армянинъ не умѣетъ ладить съ сосѣдями. Харбордъ превозноситъ хорошія качества армянъ; но прибавляетъ, что напр. американскіе миссіонеры предпочитаютъ турокъ армянамъ.

Главный-же выводъ генерала Харборда заключается въ томъ, что достигнуть положительныхъ результатовъ на Ближнемъ Востокѣ можно лишь, объединивъ въ рукахъ *одной* державы мандатъ, объемлющій все Закавказье, всю турецкую Арменію, вообще Малую Азію, Константинополь и Румелію — словомъ, всю Турцію и Закавказье!

Этотъ планъ вполнѣ отвѣчалъ нашей идеѣ («если Арменія, то и Грузія»); но онъ доводилъ идею «сопутствующихъ» мандатовъ до крайнихъ предѣловъ... почти до абсурда (съ точки зрѣнія установившихся взглядовъ на интересы великихъ державъ на Востокѣ).

Самый планъ осуществленія мандата изложенъ у ген. Харборда довольно интересно. Заканчиваетъ же онъ представленіемъ доводовъ *за* принятіе С. Штатами мандата (14 пунктовъ) и *противъ* его принятія (13 пунктовъ).

Чрезвычайно широкая постановка вопроса обрекала вопросъ объ армянскомъ мандатѣ на провалъ; да и въ С. Штатахъ уже давно обнаруживалось настроеніе враждебное планамъ и затѣямъ президента Вильсона. Это было чрезвычайно печально — и для Арменіи, и для ея сосѣдей. Дѣло было испорчено съ самаго начала — ни съ чѣмъ не сообразной схемой Арменіи, включающей Эриванскую республику, цѣлыхъ семь турецкихъ вилайетовъ и Киликію. Разъ исходить отсюда — то неизбѣженъ былъ выводъ ген. Харборда о включеніи въ мандатъ за-одно *всей* Турціи. Но вѣдь можно было исходить (и слѣдовало) изъ болѣе скромной программы — Эриванская Арменія и части смежныхъ вилайетовъ!

... Впрочемъ, заключенія генерала Харборда держались пока въ секретѣ. Вопросъ о мандатѣ ставился теперь въ прямую зависимость отъ болѣе общихъ вопросовъ — о ратификаціи Америкою Версальскаго мира, о принятіи ею «Лиги Націй». Путь обѣщалъ быть долгимъ.

Но еще 20 ноября 1919 года, незадолго до отбытія амери-

канской делегаціи изъ Парижа*), одинъ изъ чиновъ ея увѣрялъ меня, что отзывы ген. Харборда о Грузіи самые благопріятные, что *если* С. Штаты возьмутъ мандатъ въ Арманіи, они займутся и Закавказьемъ и т. д.

Незадолго передъ тѣмъ, буквально то-же самое говорилъ мнѣ предсѣдатель армянской делегаціи Агаронянъ. «Главное, по его мнѣнію, — установить поскорѣе контроль армянскаго правительства, хотя-бы надъ Ваномъ и Алашкертсткою долиною — дабы положить основаніе объединенной Арменіи. Наша миссія, отправленная въ Америку была принята комитетомъ Сената С. Ш. въ самый день прибытія ея въ Вашингтонъ. Со всѣхъ сторонъ она получила завѣренія въ томъ, что судьба Арменіи будетъ *во всякомъ случаѣ* обезпечена. Харбордъ и Хаскелъ высказывались въ этомъ же смыслѣ. Національное движеніе Мустафы-Кемала до извѣстной степени bluff и т. д.

Надо признаться, что самый осторожный человѣкъ могъ повѣрить въ дѣйствительность американскихъ завѣреній. Но удивительно-ли, что съ этимъ «мандатомъ» вышло напослѣдокъ столь прискорбное недоразумѣніе, когда «недоразумѣніемъ» оказался въ Вашингтонѣ и Версальскій договоръ, и въ частности, положеніе о Лигѣ Народовъ, и проектъ англо-американской гарантіи неприкосновенности Франціи?

А главное: «пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ». Солнце и не взошло.

Къ концу 1919 года вопросъ о матеріальной и политической поддержкѣ закавказскихъ республикъ путемъ *мандата* осуществляемаго какою-либо великою державою, уже утратилъ значеніе непосредственной, практической возможности: слишкомъ много препятствій мѣшало осуществленію этой мысли. Нерѣшительная политика Великобританіи и Италіи — въ виду казавшагося возможнымъ возстановленія Россіи, какъ «союзной державы», а также въ виду внутреннихъ затрудненій самихъ будущихъ «мандатаріевъ»; несогласован-

---

*) Незамѣтное, будничное отбытіе! Что осталось отъ неописуемыхъ, всенародныхъ тріумфовъ президента Вильсона конца 1918-начала 1919 г. г., въ Парижѣ, Лондонѣ и пр., которыхъ и я, съ милліонами современниковъ, былъ свидѣтелемъ!

ность, разнорѣчія въ дѣйствіяхъ закавказскихъ республикъ; новизна, неожиданность вопроса, неподготовленность къ нему европейскихъ правительствъ, чрезвычайная обремененость Европы болѣе знакомыми, болѣе важными и не менѣе затруднительными задачами; наконецъ, длительная «канитель» съ американскимъ мандатомъ, все тормозившая и ничего не дававшая — вотъ причины, дѣлавшія невозможнымъ въ 1919 г. международное разрѣшеніе закавказскихъ вопросовъ.

———————

ეროვნული ბიბლიოთეკა

ГЛАВА XXVIII.

ВЪ КОНЦѢ ГОДА (1919).

72.

Какъ видно изъ изложеннаго, вопросъ о способахъ упроченія независимыхъ закавказскихъ республикъ и о согласованіи ихъ независимостпи съ общими теченіями европейской и азіатской политики побѣдителей, все-же занималъ, въ нѣкоторой мѣрѣ, вниманіе Англіи, Италіи, С. Штатовъ.

Что касается *Франціи*, она , въ общемъ, болѣе твердо и болѣе опредѣленно стояла на почвѣ необходимости скорѣйшаго возстановленія Россіи (путемъ пораженія совѣтской власти «бѣлыми»). Эта доктрина заставляла Францію смотрѣть съ большимъ скептицизмомъ и опаскою на новыя республики. Грузинская делегація въ Парижѣ довольно прилежно работала въ разнообразныхъ политическихъ кругахъ, чтобы преодолѣть предразсудки, казавшіяся непоколебимыми. Нельзя сказать, чтобы успѣхъ нашъ въ этомъ отношеніи былъ великъ; это видно изъ нижеслѣдущаго эпизода.

Различныя перипетіи практическаго вопроса объ усиленіи товарообмѣна между Франціей и Закавказьемъ (этимъ дѣломъ грузинская и азербайджанская*) делегаціи занимались въ Парижѣ совмѣстно) потребовали выясненія офиціальнаго взгляда французскаго правительства на двѣ союзныя республики. По разнымъ обстоятельствамъ, которыхъ можно не упоминать, способомъ для выясненія этого взгляда былъ избранъ письменный вопросъ, поставленный министру иностранныхъ дѣлъ виднымъ депутатомъ (нынѣ — сенаторъ) *де-Монзи*.

---

*) Членами ея сверхъ предсѣдателя Топчибашева, являлись: Гаджинскій (въ 1919 г.), Мехтіевъ, Шейхъ-уль-Исламъ-Заде, Гаджибековъ, Магерамовъ.

Отвѣтъ г. Пишона, появившійся въ Journal Officiel 6-го сентября 1919 г., заключался въ слѣдующихъ четырехъ пунктахъ (соотвѣтственно заданнымъ вопросамъ):

1. Кавказскія республики не признаны юридически французскимъ правительствомъ;

2. Французское правительство не признало этихъ республикъ фактически. Положеніе на Кавказѣ довольно смутно и неустойчиво. Такъ, существованіе Закавказской республики представляется въ настоящее время шаткимъ. Что касается Грузіи, она находится въ борьбѣ съ русскими и армянами;

3. Французское правительство не переставало свидѣтельствовать величайшую симпатію кавказскому населенію, сообразно традиціямъ и интересамъ Франціи въ этихъ странахъ. Делегаціямъ различныхъ кавказскихъ народовъ было разрѣшено прибыть въ Парижъ. Французское правительство продолжаетъ имѣть представителя въ Баку, Батумѣ и въ Тифлисѣ. Въ послѣднемъ пребываетъ равнымъ образомъ военная миссія, посланная до того, какъ началось сепаратистское движеніе.

Наконецъ, въ п. 4-омъ говорится о готовности правительства Республики содѣйствовать товарообмѣну между Франціей и кавказскими странами.

Въ отвѣтѣ Пишона, интереснѣе всего было указаніе на то, что французская военная миссія была послана въ Тифлисъ еще *до* «сепаратизма» — подразумѣвалось, въ отличіе отъ миссій англійской, итальянской и другихъ, отправленныхъ туда, дѣйствительно, послѣ провозглашенія независимости закавказскихъ республикъ. Этотъ оттѣнокъ имѣлъ свое значеніе въ виду тогдашней русской политики Франціи, вовсе не поощрявшей «сепаратизмовъ».

Грузинская делегація отвѣтила на эти разъясненія французскаго министра особымъ письмомъ, въ которомъ, прежде всего указывалось, что «Закавказской республики», положеніе которой по мнѣнію г. Пишона, столь «прекарно», вообще въ природѣ не существуетъ (еще съ 26 мая 1918 г.!); что «несмотря на нѣкоторыя разногласія между Грузіей и Арменіей, страны эти не находятся въ *борьбѣ* (!); что, какъ всегда, Грузія служитъ убѣжищемъ для армянъ, преслѣдуемыхъ въ другихъ мѣстахъ, и черезъ Грузію Арменія сообщается съ Европой; что среди сосѣдей Арменіи нѣтъ во всякомъ случаѣ націи, съ которой армяне находились-бы въ столь благопріятныхъ отношеніяхъ, какъ съ грузинами»,.

Характеристика «смутности и неустойчивости» не могла быть, по нашему мнѣнію, одинаково простираема на страны

Сѣвернаго Кавказа, бывшія тогда театромъ либо гражданской войны, либо завоевательныхъ стремленій Добровольческой арміи, и на закавказскія республики. Ссылаясь далѣе на факты, подтверждавшіе постепенное устройство государственной жизни Грузіи и на условія, въ которыхъ въ дѣйствительности протекалъ начавшійся уже тогда товарообмѣнъ съ Франціей, мы указывали, какое отрицательное вліяніе могло имѣть на французскую предпріимчивость отношеніе къ Грузіи французскаго правительства, нежеланіе его признать ее ни фактически, ни юридически. Въ заключеніе выражалась все-же увѣренность, что «не будетъ отказано въ признаніи демократіи, доказавшей свою устойчивость въ самыхъ трудныхъ условіяхъ».

Ближайшее будущее показало, что мы не заблуждались.

73.

Многообразная работа грузинской делегаціи въ Парижѣ имѣла свое значеніе для пропаганды вопроса о Грузіи и Кавказѣ передъ сложной и многоликой аудиторіей «кулуаровъ» Конференціи; трудами всѣхъ вообще окраинныхъ делегацій создавался противовѣсъ недопускавшему никакихъ послабленій централизму русской неофиціальной дипломатіи. Рѣшающее значеніе все-же принадлежало фактамъ; а послѣдніе все громче возвѣщали неудачу военно-государственныхъ предпріятій Колчака и Деникина. Съ другой-же стороны, множились свидѣтельства разнообразныхъ наблюдателей объ устойчивости и жизнеспособности грузинскаго государства.

Къ концу лѣта 1919 года англійскихъ войскъ уже не оставалось въ Закавказьи, за исключеніемъ Батума. Представители англійскаго командованія разстались съ грузинскимъ правительствомъ весьма дружескимъ образомъ; а пріѣздъ въ Тифлисъ, въ качествѣ великобританскаго главнаго коммиссара Оливера Уордропъ (нынѣ сэръ О. У.) отразился очень благопріятно на взаимоотношеніяхъ Англіи и закавказскихъ республикъ. Уже саамое назначеніе на эту должность человѣка, столь популярнаго въ Грузіи, а въ то же время завѣдомаго друга Россіи, говорило и о вниманіи Англіи къ общественному мнѣнію въ Грузіи и сопредѣльныхъ странахъ, и о стремленіи ея къ возможному уменьшенію треній съ Россіей. Встрѣча, устроенная О. Уордропу въ Тифлисѣ, куда онъ прибылъ въ концѣ августа 1919 г., показала, съ какой чуткостью отнеслись въ Грузіи къ этому назначенію.

Большое значеніе имѣло, нѣсколько позже, соглашеніе между Арменіей и Азербайджаномъ, которымъ дѣлалась попытка положить предѣлъ острому конфликту между ними изъ за границъ. Многое было сдѣлано британскимъ комиссаромъ и, спеціально, американскимъ полковникомъ Рей въ пользу этого соглашенія, подписаннаго 17-го ноября 1919 г. Хатисяномъ и Усубековымъ, при дѣятельномъ сотрудничествѣ министра иностранныхъ дѣлъ Грузіи Гегечкори. Закавказскія республики стояли тутъ на единственно правильномъ пути; спрашивалось лишь, найдется-ли у ихъ правительствъ достаточно твердости, изобрѣтательности и... трудоспособности, чтобы добиться неотложно необходимыхъ вещей: территоріальнаго разграниченія и установленія на дѣлѣ добраго сосѣдства между тремя республиками, какъ преддверія къ согласованію ихъ политическихъ стремленій и къ экономическому ихъ союзу: безъ этого у нихъ не могло быть будущности.

Но въ концѣ 1919 г. всѣ предзнаменованія были благопріятны, и не признавать дальше фактическаго — фактическимъ становилось невозможнымъ. Какъ только сдѣлалось очевиднымъ, что возстановленіе Россійской Имперіи посредствомъ русскихъ военныхъ экспедицій, поддержаныхъ западными державами, потерпѣло неудачу, не могло не послѣдовать *фактическаго признанія* закавказскихъ республикъ, которое задерживалось именно вслѣдствіе ожидавшагося возстановленія россійскаго единства. Съ отпаденіемъ этого задерживающаго условія, «признаніе» вытекало естественно, почти автоматически изъ всей совокупности дѣйствительныхъ фактовъ, интересовъ дня и настойчивости нашихъ стремленій.

ГЛАВА XXIX.

«ФАКТИЧЕСКОЕ» ПРИЗНАНІЕ.

74.

«Скоро-ли конференція положитъ конецъ нашему томленію? Сейчасъ 20-е ноября (1919) — полное побѣдоносное движеніе россійскихъ большевиковъ на Д-армію. Ихъ побѣда уже предрѣшаетъ на долгіе годы гражданскую войну не только въ Россіи, но несомнѣнно они огнемъ и мечомъ будутъ насаждать «совѣты» по всему земному шару, а прежде всего, конечно, вторгнутся къ намъ... Итакъ, намъ грозитъ завоеваніе большевиковъ. — Если-же фортуна повернетъ свое кровавое лицо къ ген. Деникину, и ему удастся «покорить подъ нози» свои коммунизмъ, то также несомнѣнно, что онъ направитъ свой побѣдоносный мечъ на насъ и покоритъ насъ силою, сколько бы союзники ни вліяли на него! *Вотъ мы и не понимаемъ: чего хочетъ конференція?*».

Такъ писалъ мнѣ въ частномъ письмѣ вдумчивый наблюдатель, благородный и даровитый, безвременно погибшій въ 1923 г. кн. Константинъ Абхази.*)

Въ самомъ дѣлѣ: чего собственно желала конференція?

---

*) Племянникъ главнаго въ XIX стол. выразителя національнаго сознанія Грузіи, кн. *Ильи Чавчавадзе* (1837-1907), *Конст. Абхази*, членъ Государственнаго Совѣта по выборамъ, съ честью и достоинствомъ завершилъ въ 1917 г. рядъ предводителей дворянства восточной Грузіи, столѣтіемъ слишкомъ раньше начатый княземъ *Гарсеваномъ Чавчавадзе* (до 1801 г. — министромъ царей грузинскихъ при Россійскомъ дворѣ). — Въ маѣ 1923 г., обвиненный по дѣлу о подготовкѣ вооруженнаго возстанія противъ Совѣтовъ, палъ, въ числѣ 15 другихъ доблестныхъ воиновъ и патріотовъ, смертью храбрыхъ.

Въ концѣ 1919 года дѣло освобожденія Россіи отъ владычества коммунистовъ вооруженными силами «бѣлыхъ» было уже почти проиграно. Попытка генерала Юденича овладѣть Петроградомъ только что окончилась полною неудачею; адмиралъ Колчакъ былъ отброшенъ въ самую глубь Сибири. Военное счастье отвернулось и отъ генерала Деникина, войска котораго оттѣснялись все далѣе къ югу.

Правда, еще 18 декабря Ллойдъ-Джорджъ, говоря о русскихъ дѣлахъ, допускалъ теоретическую возможность новаго поворота фортуны, благопріятнаго для южныхъ войскъ. Онъ, однако, напоминалъ при этомъ Палатѣ Общинъ, что «въ настоящее время нѣтъ ни одного правительства, могущаго говорить отъ имени всей Россіи».

Многое, дѣйствительно, измѣнилось съ того времени, какъ обсуждались условія признанія Европою правительства адмирала Колчака, какъ правительства Россіи!

Быстрое теченіе событій помѣшало, съ другой стороны, и осуществленію новой попытки созвать конференцію всѣхъ фактическихъ правительствъ б. Россіи, которая намѣтилась было, робкимъ намекомъ, въ ноябрѣ 1919 года.*)

«Политика невмѣшательства» таково было офиціальное обозначеніе программы, усвоенной союзниками по русскому вопросу — на совѣщаніи премьеровъ въ Лондонѣ, въ декабрѣ 1919 г.

Дополненіемъ-же ея служила система «проволочнаго загражденія», т. е. допущеніе, въ принципѣ, помощи, состороны державъ, тѣмъ окраиннымъ государствамъ, которыя пожелаютъ и способны обороняться отъ нападенія совѣтскихъ войскъ. Стали болѣе ясно различать двѣ вещи: внутреннюю гражданскую войну въ самой Россіи (война бѣлыхъ и красныхъ) — въ которую рѣшено было не вмѣшиваться; и самооборону новыхъ республикъ, возникшихъ послѣ войны и національно нерусскихъ — отъ завоевательныхъ стремленій совѣтской власти.

Было-бы, однако тщетно, искать вслѣдъ за тѣмъ послѣдовательности и опредѣленности въ политикѣ союзниковъ. Великія державы, разочарованныя неудачами русскихъ генераловъ и обремененныя множествомъ другихъ заботъ, не знали въ точности, какъ поступить. Еще не теряли надежды какъ

*) Ср. рѣчь Ллойдъ-Джорджа на банкетѣ у лондонскаго лордъ-мэра, 8 ноября, и вызванные ею толки.

нибудь согласовать дѣйствія генерала Деникина и окраинныхъ государствъ. Командировка на югъ Россіи, въ качествѣ британскаго комиссара, члена парламента Макиндера должна была, повидимому, этому помочь. Но правительство генерала Деникина по прежнему не мирилось съ независимостью окраинъ. Если оно и высказалось (17 декабря 1919 г.) за начатіе съ ними переговоровъ, то лишь съ каждымъ «новообразованіемъ» въ отдѣльности, и не допуская при этомъ *участія представителей иностранныхъ державъ* (См. The Times, 22. XII.)

.... Дѣла Добровольческой арміи ухудшались непрерывно. Въ началѣ января 1920 года Совѣтское правительство обратилось къ Грузіи (и Азербайджану) съ формальнымъ предложеніемъ заключить военную конвенцію о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ добровольцевъ. Е. Гегечкори отвѣтилъ (12 января) ссылкою на невозможность для Грузіи принять участіе въ гражданской войнѣ, раздиравшей Россію.

Такъ скрещивалось стремленіе красной Россіи отвлечь къ себѣ отъ Европы симпатіи закавказскихъ республикъ — и забота Европы объ упроченіи шатавшагося «бѣлаго» фронта на югѣ Россіи.

Что Грузія и Азербайджанъ не станутъ бороться *вмѣстѣ* съ ген. Деникинымъ за него — это сомнѣній не вызывало.*) Но себя-то эти республики будутъ-ли оборонять отъ большевиковъ? Теперь уже выдвигался именно этотъ вопросъ, далеко не мѣстнаго лишь значенія.

Съ занятіемъ красными войсками Закаспійской области и успѣхами ихъ на Сѣверномъ Кавказѣ, Закавказью грозитъ вторженіе совѣтскихъ силъ, которымъ открылся-бы оттуда путь въ Персію и т. д.. Вся Передняя Азія пришла-бы въ этомъ случаѣ въ броженіе. Напротивъ, подкрѣпивъ закавказскія республики, давъ имъ средства обороны противъ совѣтскаго наступленія, можно оградить отъ опасности и сосѣднія страны на югѣ.

Грузія и Азербайджанъ привлекаютъ на мгновеніе общее вниманіе. Чего добраго, эти республики, прикрытыя Кавказомъ, окажутъ сопротивленіе, столь для всѣхъ полезное и желательное. Но онѣ... какъ-же это? вѣдь еще и не признаны! Признаніе ихъ пожалуй, ободритъ, поощритъ! Оно и практи-

---

*) Еще въ декабрѣ 1919 г. успѣлъ вновь разгорѣться конфликтъ между добровольцами и Грузіей, на этотъ разъ по поводу захвата первыми судовъ подъ грузинскимъ флагомъ.

чески необходимо: какъ помогать правительствамъ непризнаннымъ? Кромѣ того признаніе ихъ — de facto — будетъ, въ сущности, именно признаніемъ того, что дѣйствительно есть...

Кто станетъ теперь возражать противъ такого признанія? Доктринеры единства и нераздѣльности Россіи? Ихъ авторитетъ сильно поколебленъ послѣ всего, что произошло съ 1917 г.

12 января 1920 года Верховнымъ Совѣтомъ великихъ союзныхъ державъ было постановлено признать правительства Грузіи и Азербайджана правительствами de facto. Я получилъ сообщеніе объ этомъ на слѣдующее-же утро, частнымъ образомъ, отъ одного изъ членовъ великобританской делегаціи.*) Письменнаго оффиціальнаго увѣдомленія мы тогда не получили. Но немного позже, 15 января, делегаты Грузіи и Азербайджана были приглашены по телефону на Орсейскую набережную, къ г-ну Камбону. Происходило все это, надо сказать, въ порядкѣ весьма спѣшномъ и крайне безформенномъ. Въ сущности, мы и не знали въ точности, для чего насъ вызываютъ.

Итакъ, ровно годъ послѣ перваго посѣщенія этого мѣста (когда «непризнанность» почувствовалась довольно опредѣленно, см. выше, стр. 179), пришлось явиться сюда-же, въ этотъ разъ вмѣстѣ съ Ираклiемъ Церетели, и делегатами Азербайджана: Топчибашевымъ и Магерамовымъ, чтобы выслушать отъ имени конференціи сообщеніе о состоявшемся признаніи.

Г-нъ Жюль Камбонъ принялъ насъ не безъ торжественности, имѣя на право отъ себя г. Филиппа Керръ (слывшаго однимъ изъ главныхъ вдохновителей Ллойдъ-Джорджа), а на лѣво — маркиза де-ла Торрета.

Привѣтствуя делегатовъ закавказскихъ республикъ, г. *Камбонъ* заявилъ, что постановленіемъ Верховнаго Совѣта правительства республикъ Грузіи и Азербайджана признаны независимыми de facto. Отнынѣ конференція имѣетъ возможномть вступить въ правильныя сношеніи съ делегаціями этихъ

---

*) Извѣстіе о состоявшемся признаніи de facto было передано въ Тифлисъ съ чрезвычайной скоростью. Уже 12 января г. О. Уордропъ увѣдомилъ грузинское правительство отъ имени лорда Керзона, что по почину послѣдняго въ Верховный Совѣтъ внесено предложеніе о признаніи d e f a c t o республикъ Грузіи и Азербайджана, и что предложеніе это встрѣчено единодушнымъ сочувствіемъ Франціи и Италіи.

республикъ, а делегаціи, съ своей стороны,... могутъ представить конференціи необходимые матеріалы, ноты и пр.*) Въ заключеніе г. Камбонъ предложилъ г. г. делегатамъ высказать особыя замѣчанія, если таковыя имѣются.

Церетели выразилъ благодарность делегаціи Верховному Совѣту за послѣдовавшее всемилостивѣйшее признаніе, а также надежду, что державы окажутъ закавказскимъ республикамъ необходимую имъ поддержку, политическую и финансовую. Въ частности, Грузія очень нуждается въ продовольственной помощи, въ виду продолжительной оторванности отъ внѣшняго міра.

Топчибашевъ обращаетъ вниманіе на первую попытку созданія республики на мусульманской почвѣ, осуществленную въ Азербайджанѣ, и отмѣчаетъ демократизмъ его учрежденій, а также предоставленіе избирательнаго права женщинамъ.

Послѣ этого нѣсколько замѣчаній было представлено мною. Главное изъ нихъ относилось къ необходимости болѣе точнаго выясненія смысла того акта признанія, о которомъ намъ только что сообщилъ г. Камбонъ, отъ имени Верховнаго Совѣта. «Признаніе правительствъ de facto» очевидно означаетъ не одно лишь признаніе грузинскаго и азербайджанскаго правительствъ — фактическими правительствами; нѣтъ, признаніе это относится къ самимъ государственнымъ организаціямъ, т. е. къ новымъ республикамъ, чьими органами упомянутыя правительства являются. Иными словами, Верховнымъ Совѣтомъ признаны de facto новыя независимыя государства, новыя республики, чьи территоріи раньше входили и больше не входятъ въ составъ Россійской Имперіи. А отсюда вытекаетъ фактическое признаніе всего того, всѣхъ тѣхъ органическихъ мѣропріятій, которыми осуществляется и при посредствѣ которыхъ упрочивается независимая государственность Грузіи и Азербайджана.

Отвѣчая на мое замѣчаніе, г. Камбонъ высказалъ, поясняя свою первоначальную декларацію о «признаніи правительствъ de facto», что мое толкованіе акта Верховнаго Совѣта правильно; что, дѣйствительно, признаніе имѣетъ въ виду новыя республики, независимое существованіе которыхъ признано отнынѣ de facto великими державами.

---

*) Мы однако уже весь 1919 годъ занимались такимъ «представленіемъ нотъ, матеріаловъ» и т. п. Такъ что признаваемая за нами теперь прерогатива мало чѣмъ насъ обогащала!

Выдвинуть значеніе состоявшагося признанія, какъ признанія государственной независимости Грузіи и Азербайджана — было тѣмъ болѣе необходимо, что эта сторона дѣла — благодаря злободневному тогда страху передъ проникновеніемъ воинствующаго коммунизма въ страны передней Азіи — оставалась въ тѣни.

Остальная часть нашего свиданія съ представителями Верховнаго Совѣта была посвящена вопросамъ и отвѣтамъ элементарнѣйшаго свойства, относительно обороноспособности закавказскихъ республикъ. Главнымъ вопрошателемъ явился г. Ф. Керръ.

75.

Теперь всѣ какъ-то внезапно почуяли, что надо помочь Грузіи и Азербайджану не стать легкою добычею наступавшихъ съ сѣвера и грозившихъ съ востока (изъ за Каспія) большевиковъ.

Степенный T e m p s писалъ 14-го января 1920 года.,

«Невозможно, чтобы союзники допустили разрушеніе посредствомъ нападенія или путемъ большевицкихъ заговоровъ — фактической независимости, уже два года какъ пріобрѣтенной народами, живущими вокругъ Россіи въ собственномъ смыслѣ. Это приложимо не только къ національностямъ балтійскимъ. Начало это относится также къ народамъ кавказскимъ, чья позиція чрезвычайно важна и чрезвычайно открыта въ моментъ, когда замѣчается устремленіе большевиковъ въ сторону Турціи, Персіи и Индіи. Съ отрадою узнаемъ мы, что верховный совѣтъ призналъ фактическую независимость Арменіи*), Грузіи и Азербайджана»...

На слѣдующій день (15-го января) официозно сообщено было въ Лондонѣ о тревожномъ положеніи на Востокѣ, вслѣдствіе военныхъ приготовленій большевиковъ въ Туркестанѣ и упроченія ихъ въ Закаспійской области. Особенно угрожаемыми признавались закавказскія республики; и правительства, и населеніе враждебны тамъ большевикамъ, но вооруженныя ихъ силы недостаточны-де для отраженія нашествія.

Въ тотъ же день вечеромъ неожиданно вызваны были изъ Лондона и выѣхали въ Парижъ (гдѣ Верховный Совѣтъ имѣлъ очередную сессію) британскій военный министръ Черчиль, фельдмаршалъ сэръ Генри Вильсонъ, первый лордъ адмирал-

*) На дѣлѣ, признаніе Арменіи произошло немного позже, 18 января 1920.

тейства У. Лангъ и адмиралъ лордъ Битти. На слѣдующій день вся англійская и французская печать отражала вызванныя этими сообщеніями переполохъ и тревогу.

«Не лишено въ этой связи значенія, отмѣчалъ The Times (16 января), сообщаемое нами сегодня признаніе союзниками de facto республикъ Грузіи и Азербайджана. Батумъ, на Черномъ морѣ, единственное мѣсто въ Закавказьи, гдѣ имѣются британскія войска, есть портъ Грузіи, а Баку, на Каспійскомъ морѣ, есть портъ и столица Азербайджана» и т. д.

Вслѣдъ за этимъ заговорили о предстоящей отправкѣ на Кавказъ союзныхъ войскъ (называли до 200.000!), вообще о серьезныхъ и рѣшительныхъ мѣрахъ военнаго характера. А еще позже, столь-же неожиданно, забили отбой: тревога и и угроза были признаны преувеличенными, о посылкѣ арміи уже не говорили, и все вошло въ обычную колею.

Позволю себѣ сообщить нѣсколько подробностей этой исторіи — шумихи, многимъ еще памятной и столь показательной для нашего неуравновѣшеннаго времени, когда нервозность и верхоглядство способны порою проникать въ руководящіе круги самыхъ здоровыхъ и прочныхъ державъ.

Ненапрасно въ наши дни такъ часто припоминается мизантропическое замѣчаніе стараго канцлера Оксенштьерны: *nescis, mi fili, quantilla prudentia homines regantur* или, въ вольномъ переводѣ; не вѣдаешь, сынъ мой, какъ неумно правятъ людьми.*)

Въ субботу 17-го января утромъ, насъ пригласили на совѣщаніе къ фельдмаршалу сэру Г.Вильсону**), въ гостинницу Клариджъ, что на Елисейскихъ поляхъ. Азербайджанская делегація имѣла тамъ-же свое комфортабельное мѣстопребыванія.

Въ совѣщаніи, сверхъ фельдмаршала, присутствовалъ адмиралъ Битти, а отъ англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ—г. Робертъ Ванситтартъ. Было еще нѣсколько штабныхъ офицеровъ арміи и флота.

Предметомъ продолжительнаго обсужденія было выясне-

---

*) Или: *quam parva sapientia regitur mundus*. О. — знаменитый соратникъ Густава - Адольфа.

**) Этотъ генералъ, признаваемый однимъ изъ крупнѣйшихъ военныхъ дѣятелей Британской имперіи, вышелъ позже въ отставку, сдѣлался членомъ Парламента и палъ отъ руки политическаго убійцы въ 1922 г.

ніе матеріальной помощи, какая могла-бы понадобиться Грузіи и Азербайджану на случай наступленія совѣтскихъ войскъ.

О посылкѣ союзныхъ войскъ на Кавказъ не говорилось; не упоминалось и о какихъ либо иныхъ дѣйствіяхъ Грузіи и Азербайджана, кромѣ чисто оборонительныхъ. Выдвигалась (съ нашей стороны) важность помощи продовольственной.

Мы старались освѣтить и общее политическое положеніе на Кавказѣ — вѣроятно эти разъясненія представляли большій интересъ для нашихъ собесѣдниковъ, чѣмъ чисто военныя данныя, которыя, навѣрное, имъ были извѣстны гораздо лучше, чѣмъ намъ.

Въ политическомъ отношеніи, мы придавали значеніе союзному единенію трехъ республикъ и высказались за необходимость, въ виду этого, немедленнаго признанія державами независимости Армянской республики. Въ сущности, мы исходили изъ плана тѣснаго союза трехъ закавказскихъ республикъ, при непремѣнномъ условіи оказанія имъ дѣйствительной матеріальной помощи великими державами. Мы выражали даже надежду на возможность, при такомъ единствѣ фронта, извѣстнаго соглашенія съ Совѣтскою Россіей и признавали такое соглашеніе единственною альтернативою другого, т. е. «интервенціоннаго» рѣшенія вопроса (посылки въ Закавказье крупныхъ европейскихъ силъ).

На вопросъ адмирала Битти, можетъ-ли Азербайджанъ организовать дѣло своей *военно-морской обороны* (на Каспійскомъ побережьи) безъ посторонней помощи — отвѣтъ Топчибашева гласилъ: нѣтъ, не можетъ.

19 января насъ опять позвали на Орсейскую набережную, на этотъ разъ въ пленарное засѣданіе Верховнаго Совѣта. Предсѣдательствовалъ Клемансо — это были послѣдніе дни пребыванія его у власти. Вокругъ, все знакомыя (по «иллюстраціямъ») лица удачниковъ «Великой» войны и великихъ неудачниковъ мира: Ллойдъ-Джорджъ, лордъ Керзонъ, Черчиль, Жюль Камбонъ, Нитти, Фошъ, Битти, сэръ Генри Вильсонъ и многіе другіе.

Маршалъ, фельдмаршалъ и «первый морской лордъ» сидятъ за особымъ столомъ, за нами. Какое количество орудійныхъ жерлъ, штыковъ, сабель, торпедъ и пр. у насъ въ тылу? спрашиваю я сосѣда.

Делегатовъ «молодыхъ республикъ»*) помѣстили прямо противъ предсѣдателя. Чхеидзе и Церетели могли теперь лицезрѣть вершавшій дѣла Европы «Интернаціоналъ» великихъ державъ, нѣсколько отличный отъ благостнаго «Интернаціонала» ихъ грузино-русскихъ мечтаній!

Старый кельтъ, съ такимъ талантомъ и огнемъ олицетворявшій многочисленныя поколѣнія пожилыхъ коренастыхъ французовъ, видѣвшихъ въ войнѣ 1914-1918 г. г. лишь эпилогъ войны 1870-71 г. г., произнесъ нѣсколько словъ привѣтсвія.....

Рѣчь шла о томъ-же: каковы силы кавказскихъ республикъ и какая имъ нужна помощь дабы подкрѣпить ихъ оборону въ случаѣ нападенія. «Военныя» объясненія давались Церетели отъ Грузіи, Магерамовымъ отъ Азербайджана. За компетентность ихъ въ этомъ дѣлѣ не поручусь. Но вопросы ставились несложные.

Засѣданіе это не представляло — пока мы въ немъ присутствовали — ни малѣйшаго интереса. Снова заявлено было о необходимости скорѣйшаго признанія независимости Арменіи; больше чѣмъ слѣдовало испрашивалиась помощь Кубани и горцамъ и т. д. Никакихъ предложеній военно-политическаго характера представителямъ Грузіи и Азербайджана не было сдѣлано.

Между тѣмъ, въ печати еще упорнѣе заговорили объ обширномъ дессантѣ союзниковъ на Кавказѣ, о привлеченіи тамошнихъ республикъ къ участію въ священной войнѣ противъ совѣтскихъ войскъ и т. д. Делегаціи Грузіи и Азербайджана вынуждены были даже выступать съ печатнымъ опроверженіемъ этихъ слуховъ (см. T e m p s, 31 января 1920 г.).

Впрочемъ, очень скоро послѣ того, какъ столь внезапно поднятъ былъ весь этотъ шумъ вокругъ вопроса о новой экспедиціи на востокъ, англійскимъ газетамъ сообщено было официозно, что *никакихъ войскъ не предполагается отправлять въ Закавказье* (27 января). Шумъ оказался изъ за пустяковъ.

Весь переполохъ (поднимая его, не желали-ли припугнуть Москву?) былъ вызванъ, кажется, стремленіемъ однихъ англійскихъ дѣятелей (сторонниковъ «военнаго рѣшенія») затормазить попытки другихъ, англійскихъ-же дѣятелей перейти на стезю мирнаго соглашенія съ совѣтскимъ правительствомъ.

---

*) Отъ Грузіи это были Чхеидзе, Церетели и я. Отъ Азербайджана — Топчибашевъ и Магерамовъ.

«Соглашатели» одолѣли «военную партію». И тѣ, и другіе интересовались, однако, преимущественно *русскимъ* вопросомъ, относясь не безъ скептицизма къ закавказскимъ республикамъ. Но о послѣднихъ пришлось все-же заговорить — ничего не подѣлаешь съ географіей! Зато немногіе, понимавшіе дѣйствительное значеніе ихъ независимости для болѣе прочнаго устроенія дѣлъ Ближняго Востока, получили теперь возможность, пользуясь благопріятной «тактической» обстановкою, добиться, наконецъ, отъ Верховнаго Совѣта признанія независимости de facto Грузіи, Азербайджана и б. русской Арменіи.*) Лордъ Керзонъ **) былъ въ этомъ дѣлѣ призваннымъ иниціаторомъ; а осуществленіе его облегчалось, конечно, и отпаденіемъ главной задержки: надежды на скорое возстановленіе единой Россіи — справа. Къ тому-же въ Италіи незадолго передъ тѣмъ парламентъ высказался въ пользу вступленія въ сношенія со всѣми фактическими правительствами б. Россіи; и даже Франція, вмѣстѣ съ другими, допускала въ данную минуту значеніе признанія, какъ способа нравственнаго и политическаго укрѣпленія новыхъ республикъ, не признавшихъ у себя власти Совѣтовъ.

Это *признаніе* de facto было, несомнѣнно, важнымъ событіемъ и въ исторіи государственнаго сознанія народовъ Грузіи и сосѣднихъ ей республикъ, и въ исторіи европейской политики по вопросу о русскомъ единствѣ. Въ ученіе объ этомъ единствѣ событіями вносилась еще одна поправка, отвѣчавшая новому положенію вещей, справедливости и — практическимъ интересамъ державъ.

76.

Въ тѣхъ русскихъ кругахъ, гдѣ будущей Россіи не могли представлять себѣ иначе какъ въ видѣ единаго централизованнаго государства «какъ встарь», признаніе независимости закавказскихъ республикъ было встрѣчено, конечно, неодобрительно, недружелюбно.

---

*) Что при этомъ Грузія и Азербайджанъ получили признаніе раньше чѣмъ Арменія — было лишь кажущимся парадоксомъ исторіи.

**) Онъ получилъ портфель иностранныхъ дѣлъ послѣ Бальфура, 24 октября 1919 г., при послѣдней перестройкѣ кабинета Ллойдъ-Джорджа.

Однако, главному поборнику этихъ идей генералу Деникину все-же приходилось считаться съ постановленіемъ великихъ державъ (сыграли, кажется, нѣкоторую роль и совѣты англійскаго коммиссара).

На казачьей конференціи состоявшейся въ Екатеринодарѣ (въ концѣ января 1920 г.), генералъ заявилъ, что онъ ратуетъ, прежде всего, за Единую Россію; но что имъ сдѣланы союзникамъ заявленія относительно окраинныхъ народностей, въ смыслѣ, во-первыхъ, признанія независимости de facto окраинныхъ правительствъ, находящихся въ борьбѣ съ большевиками, а во-вторыхъ, опредѣленія будущихъ взаимоотношеній между окраинными народами и Россіей посредствомъ трактата, заключаемаго ими съ всероссійскимъ правительствомъ, причемъ союзныя великія державы могутъ дѣйствовать въ качествѣ посредниць.*)

Сравнительно съ декабрьскимъ заявленіемъ, гдѣ, правда, уже допускалось двустороннее, договорное установленіе взаимоотношеній между Россіей и окраинами, но еще отвергалась посредническая дѣятельность западныхъ державъ (см. выше,стр. 240), это серьезный шагъ впередъ, въ духѣ предположеній Парижской конференціи конца мая 1919 г. (т. наз. условія признанія правительства адмирала Колчака; см. выше гл. XXII).

Однако, генераломъ Деникинымъ тутъ-же сдѣлана была оговорка, лишавшая вышеизложенную мысль его всякой ясности. «Въ виду того, заявляетъ онъ, что позиція, занятая конференціей 14 января, по отношенію къ Азербайджану и Грузіи, дала послѣднимъ поводъ думать, что рѣчь идетъ о признаніи *независимости* этихъ новыхъ организмовъ, я заявилъ протестъ, но сегодня я получилъ офиціальное разъясненіе, что державы признали *самостоятельность правительствъ* de facto, но не независимость окраинныхъ государствъ, именно въ смыслѣ моего предложенія. Это не нетерпимость — это есть охрана высшихъ интересовъ русскаго государства, и возраженіе это вовсе не исключаетъ возможности дружескихъ и добрососѣдскихъ отношеній на этой основѣ».**)

Актомъ 12 января правительства Грузіи и Азербайджана

---

*) The New Russia, N 4. 1920. I, 157.

**) См. The Times, Feb. 17, 1920. Ср. The New Russia. v. I, 126-7.

были признаны de facto именно въ смыслѣ признанія фактической государственной независимости этихъ новыхъ республикъ.

Когда одинъ изъ грузинскихъ делегатовъ, 15 января, просилъ г. Жюля Камбонъ точнѣе изложить постановленіе конференціи и подтвердить, что рѣчь идетъ именно о независимости новыхъ республикъ отъ Россіи, то дѣлалось это, конечно, въ предвидѣніи попытокъ такого «разъясненія», которымъ умалялось-бы значеніе признанія. Предосторожность, какъ оказалось, была вовсе не лишней.

Японское правительство не замедлило присоединиться къ постановленію Верховнаго Совѣта 12 января*); о *неприсоединеніи* Соединенныхъ Штатовъ къ этому акту генералъ Деникинъ, къ великому его утѣшенію, была извѣщенъ состоявшимъ при Добровольческой арміи американскимъ адмираломъ Mc Cully 6 февраля 1920 г.

Это расхожденіе «великой заатлантической республики» съ четырьмя руководящими державами Стараго свѣта было лишь новымъ и огорчительнымъ указаніемъ на отсутствіе единой политики у «большихъ». Практическаго значенія оно не имѣло.

11-го февраля 1920 «представитель Главнокомандующаго армій Южной Россіи при *союзномъ командованіи въ Закавказьи*» полковникъ *Денъ* увѣдомилъ Е. П. Гегечкори въ Тифлисѣ, что «Главнокомандующій... генералъ Деникинъ, признаетъ фактическое существованіе правительствъ Грузіи, Азербайджана и Арменіи». Къ сожалѣнію, признаніе это (очевидная уступка «союзному командованію») послѣдовало въ такой моментъ и въ такихъ условіяхъ, которыя неизбѣжно уменьшали и моральную его цѣнность, и его политическое значеніе: Добровольческая Армія была уже наканунѣ полнаго крушенія.

---

*) Грузинская делегація въ Парижѣ получила извѣщеніе объ этомъ отъ секретаріата Конференціи 7-го февраля 1920.

ГЛАВА XXX.

ВЕРХОВНЫЙ СОВѢТЪ ВЪ ЛОНДОНѢ.

(Февраль - Мартъ 1920)

77.

Агонія Добровольческой арміи длилась до весны 1920 года; успѣхи совѣтской власти были непрерывны и довольно прочны — хоть и не столь молніеносны, какъ это рисовалось Парижу и Лондону въ срединѣ января. (см. выше) Главнѣйшіе кабинеты Европы имѣли нѣкоторый досугъ, чтобы лучше (чѣмъ въ декабрѣ 1919 г.) формулировать новую политику въ русскомъ вопросѣ, вытекавшую изъ неудачи прямого или косвеннаго вмѣшательства въ русскія дѣла и поддержки бѣлыхъ армій.

Характеръ этой новой «союзной» политики выясняется въ сообщеніи, опубликованномъ въ Лондонѣ 24 февраля 1920 года (во время очередной сессіи Верховнаго Совѣта). Здѣсь говорилось о невозможности для союзниковъ завязать дипломатическія сношенія съ Совѣтскимъ правительствомъ, *пока* оно не прекратитъ террора и т. д.; о готовности ихъ, въ то же время, всячески содѣйствовать торговлѣ между Россіей и Европой. Къ Совѣту Лиги Націй обращалось приглашеніе взять въ свои руки дѣло безпристрастной развѣдки дѣйствительныхъ условій жизни въ Россіи — путемъ посылки туда особой комиссіи.*)

Окраиннымъ государствамъ, чья независимость была признана державами, давался совѣтъ воздерживаться отъ агресивной политики по отношенію къ Совѣтской Россіи; тѣмъ-же изъ нихъ, кто находился съ послѣдней въ состояніи войны, указывалось, что союзныя правительства не могутъ рекомендо-

---

*) Мысль эта, какъ извѣстно, не осуществилась.

вать имъ продолженіе этой войны (имъ подсказывали: «заключайте миръ!»).

Въ случаѣ-же *нападенія* Совѣтской Россіи на окраинныя республики въ ихъ законныхъ границахъ, союзники окажутъ послѣднимъ всевозможную поддержку.*) Т. е. подъ цвѣтами надеждъ на признаніе (*если* и т. д.) и Ллойдъ-Джорджевскаго торговаго соглашательства сверкало, по-прежнему, «проволочное загражденіе»,

Все это носило чисто декларативный характеръ. Однако, недвусмысленно заявлялось, что въ извѣстныхъ условіяхъ (опредѣленіе которыхъ было важно особенно ввиду русско-польскихъ отношеній начала 1920 г.) каждое изъ признанныхъ окраинныхъ государствъ можетъ обезпечить себѣ дѣйствительную помощь въ организаціи своей обороны. *Практически* добиться такой помощи можно было, конечно, лишь на основѣ опредѣленныхъ взаимоотношеній между получающимъ помощь »окраиннымъ» правительствомъ и державою, отъ которой помощь получается. Иначе и быть не могло. Вѣдь политическіе мотивы такой заботливости (о невторженіи большевиковъ) могли быть разнообразны. Въ Бухарестѣ и Варшавѣ могли, напримѣръ,съ твердостью разсчитывать на поддержку Франціи, такъ какъ Польша и Румынія являлись важными для нея частями новаго международнаго порядка Европы; помощь, полученная въ 1919-20 г. г. отъ Англіи въ дѣлѣ самозащиты отъ совѣтскихъ войскъ доблестными балтійскими республиками еще лучше подтверждаетъ, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, за общими схематическими выраженіями вышеприведеннаго меморандума 24 февраля, подразумѣвалась — или ожидалась — сложная неустанная, на взаимномъ довѣріи основанная работа соотвѣтствующихъ правительствъ и великихъ державъ, имъ благопріятствующихъ.**)

---

*) Меморандумъ этотъ, подъ заглавіемъ *Союзная политика въ Россіи. Заключенія принятыя Верховнымъ Совѣтомъ 24 февраля 1920 г.*, былъ тогда же оглашенъ въ палатахъ парламента.

**) Къ сожалѣнію, я лишенъ возможности приводить въ этой книгѣ параллели и аналогіи изъ исторіи упроченія балтійскихъ народовъ. Многое можно было-бы сказать въ объясненіе того, почему, съ начала 1921 г., участь Грузіи оказалась столь отличной отъ судьбы Эстоніи и Латвіи. Хорошій общій обзоръ двухъ этихъ окраинныхъ «карьеръ» см. напр. въ статьяхъ бар. *А. Мейендорфа* въ новыхъ томахъ Британской Энциклопедіи (1922 г.).

Возможно-ли было другимъ путемъ обезопасить себя на случай нападенія такого опаснаго, относительно сильнаго и, конечно, искуснаго противника, какъ совѣтская власть въ Москвѣ?

Уже обстоятельства, сопровождавшія признаніе de facto трехъ закавказскихъ республикъ показали, что онѣ могли расчитывать на дѣятельную помощь одной лишь Англіи; но что дружное сотрудничество этихъ республикъ, само признаніе которыхъ было можно сказать «групповымъ», являлось необходимымъ условіемъ такой помощи; и что благопріятная закавказскимъ государствамъ, активная политика вовсе не была единодушною программою всего англійскаго правительства, а скорѣе соотвѣтствовала одному лишь изъ теченій, представленныхъ въ коалиціонномъ кабинетѣ Ллойдъ-Джорджа.

Фактъ однако былъ налицо: стремленія закавказскихъ республикъ къ упроченію независимости встрѣчали поддержку, упроченіе и расширеніе которой зависила главнымъ образомъ отъ самихъ этихъ республикъ. Иниціатива-же Англіи въ дѣлѣ установленія торговыхъ связей съ совѣтской Россіей обѣщала облегчить въ будущемъ посредническую дѣятельность первой также и по установленію мирнаго сосѣдства между закавказскими республиками и Россіей.

Такая дѣятельность (она явилась-бы въ 1920 г. своеобразнымъ продолженіемъ mutatis mutandis — германской политики 1918 года и англійской же политики «демаркаціонной линіи» 1919 года!) была-бы, конечно, слишкомъ затруднена въ обстановкѣ 1920 г. безъ опредѣленной базы въ Закавказьи; и необходимая база имѣлась — въ Батумѣ, состоявшемъ (формально съ 17 октября 1919 г.) подъ британской оккупаціей. Въ концѣ 1919 года возвѣщено было предположеніе, объ уводѣ британскихъ войскъ изъ Батума (заявленіе Ллойдъ-Джорджа въ Палатѣ Общинъ 18 декабря 1919 г.) Въ февралѣ-же 1920 послѣ нѣкоторыхъ колебаній*) и повидимому въ связи

*) 10-го февраля новое заявленіе Ллойдъ Джорджа о «быстрой эвакуаціи»; 13 февраля полуофиціальное сообщеніе объ эвакуаціи; 18-го февраля объясненіе, въ Палатѣ Общинъ, перваго лорда адмиралтейства: «эвакуація началась, но не закончена»; 22 февраля тревожная телеграмма въ The Times изъ Константинополя, о несвоевременности ухода изъ Батума, какъ разъ въ моментъ когда между Грузіей, Арменіей и Азербайджаномъ начинаютъ налаживаться отношенія и т. д.; 23-го февраля — сообщеніе объ отмѣнѣ эвакуаціи.

съ намѣченной 24 февраля политикой огражденія б. окраинъ Россіи отъ нашествія, а также, вѣроятно, не безъ мысли о предстоявшемъ (какъ тогда думали) разрѣшеніи восточнаго вопроса, эвакуація британскаго гарнизона была отмѣнена. (23 февраля 1920 г.) Англичане остались въ Батумѣ*).

78.

Къ такъ называемому «разрѣшенію русскаго вопроса» конференція такъ и не подошла. Всякая надежда на его постановку въ скоромъ времени утрачивалась.

Зато становился на очередь другой большой вопросъ первостепеннаго значенія именно для закавказскихъ республикъ: вопросъ о мирѣ съ Турціей, объ «устроеніи» Ближняго Востока. Эта тема въ еще большей мѣрѣ приводила вниманіе великихъ державъ къ нашимъ республикамъ, какъ пограничнымъ въ данномъ случаѣ не съ Россіей, а съ б. Турецкою Имперіею.

---

*) Исторія Батума (съ областью) въ эпоху занятія его англичанами (съ ноября 1918 г. по іюль 1920 г.) представляетъ значительный интересъ и заслуживала-бы монографическаго изслѣдованія. Грузинское правительство стремилось къ скорѣйшему возсоединенію Батума съ Грузіей; русскіе тому противодѣйствовали, доказывая, что Батумъ — твореніе Россіи (какъ будто Грузія не была частью и пайщицей *той* Россіи!). Англичане слишкомъ, по мнѣнію грузинъ, благопріятствовали русскимъ, въ ущербъ Грузіи; недостаточно оберегали права Россіи, по мнѣнію русскихъ и т. д. Въ грузинской политической жизни кличъ: да здравствуетъ грузинскій Батумъ! особенно послѣ пораженія добровольцевъ сдѣлался «всенароднымъ», и правительство, раздразнивъ въ этомъ отношеніи «улицу», потомъ само же отъ нея зависѣло (такъ было, впрочемъ, и по многимъ другимъ вопросамъ).

За злободневной борьбою и шумомъ, и несмотря на разнообразные недостатки англійскаго управленія, достаточно-ли ясно и твердо понимало грузинское правительство, что сохраненіе англійской базы въ Батумѣ, диктовалось, въ грузинскихъ интересахъ, элементарной предусмотрительностью и заботливостью? Въ этомъ можно сомнѣваться. Соблазнъ скорѣйшаго объединенія подъ своей властью всѣхъ частей Грузіи, а особенно столь важнаго для нея Батума, оказался сильнѣе, чѣмъ способность загладывать въ будущее — даже ближайшее.

Политика по батумскому вопросу грузинскаго правительства говорившаго, въ деликатной формѣ, англичанамъ, («имперіалистамъ»; «внѣшней силѣ»): «вонъ изъ Батума», подкрѣпляла и въ Англіи сторонниковъ скорѣйшаго оставленія Батума.

На конференціи Верховнаго Совѣта въ Лондонѣ (февраль-мартъ 1920 г.) вопросъ этотъ изучался тщательно. Делегаціи трехъ республикъ перенеслись на это время изъ Парижа въ Лондонъ.

Арменія съ трепетомъ ждала рѣшенія своей судьбы. Но и Грузія съ Азербайджаномъ были глубоко заинтересованы въ подготовкѣ мира съ Турціей вообще, а особенно въ выработкѣ статута для Арменіи, такъ какъ нельзя было при этомъ избѣгнуть и вопроса о взаимныхъ границахъ закавказскихъ республикъ. Впрочемъ, изъ дальнѣйшаго изложенія будетъ видно, что при подготовкѣ мирнаго трактата съ Турціей (будущаго Севрскаго договора) великія державы коснулись, правда, косвенно, и Грузіи: делегація наша приложила къ тому немало стараній, такъ какъ было чрезвычайно важно, чтобы международное разрѣшеніе ея вопроса т. е. формальное признаніе Грузіи состоялось хотя-бы въ связи съ вопросомъ восточнымъ.

Для выясненія границъ будущей Арменіи организована была при конференціи особая комиссія, въ составѣ представителей Англіи, Франціи, Италіи и Японіи.*)

Въ числѣ предметовъ ея изученія былъ важный вопросъ объ обезпеченіи Арменіи выхода къ морю, т. е. именно къ Черному морю.**)

Армянская делегація находила, что выходъ этотъ долженъ быть предоставленъ Арменіи, въ предѣлахъ Трапезундскаго

---

*) Изъ участниковъ ея назову г. г. Ванситтартъ (Англія) и Каммерера (Франція), также полковника британской службы Гриббинъ (начальника ближневосточнаго отдѣла въ развѣдочномъ департаментѣ главнаго штаба). Полковникъ Шардиньи, бывшій въ составѣ французской военной миссіи на Кавказѣ еще при Вел. Кн. Николаѣ Николаевичѣ и вернувшійся въ Тифлисъ въ концѣ 1918 г., равнымъ образомъ, былъ вызванъ въ Лондонъ, въ качествѣ свѣдущаго лица.

**) Вопросъ о выходѣ въ Средиземное море (Александретта) ставился теперь совершенно иначе, такъ какъ предусматривалась возможность французскаго мандата въ Киликіи (которая, вообще, исключалась изъ границъ будущей Арменіи). Незадолго передъ тѣмъ, въ Киликіи произошло избіеніе армянъ. По этому поводу самъ предсѣдатель армянской делегаціи *Агаронянъ* заявилъ (корреспонденту Рейтера), что единственный способъ обезвредить Турцію и отдѣлить ее отъ остальной Азіи заключается въ томъ, чтобы Киликія была поручена Франціи, какъ мандатарію, и чтобы сфера мандата простиралась вплоть до границъ Великой Арменіи. См. The Times, 23-го февраля 1920 г.

вилайета, съ отнесеніемъ къ ея составу малоазіатскаго побережья отъ Тиреболи (что западнѣе Трапезунда) до Хопы (т. е. почти до самой б. русско-турецкой границы 1914 года). Въ будущую Арменію включался-бы при этомъ весь почти Лазистанскій санджакъ, на который Грузія заявляла свои права передъ Парижской конференціей еще въ самомъ началѣ 1919 г. (когда греками выдвинутъ былъ проектъ созданія особой Понтійской республики) и нѣсколько позже, въ основномъ представленномъ конференціи меморандумѣ.

25-го февраля мы были приглашены въ вышеупомянутую коаиссію, для объясненій по вопросамъ о Лазистанѣ и о Батумской области.

Необходимо пояснить, что притязаніе Грузіи на санджакъ Лазистанъ (Трапезундскаго вилайета) и части санджака Байбуртъ (Эрзерумскаго вилайета), отвѣчая опредѣленнымъ даннымъ исторіи и этнографіи, а также распространеннымъ въ грузинскомъ обществѣ взглядамъ, являлось съ самаго начала вполнѣ *условнымъ*, въ томъ смыслѣ, что ставилось оно въ зависимость отъ прекращенія турецкой власти въ восточной Анатоліи и отъ созданія новой Арменіи. Разъ нѣкоторыя территоріи бывшей турецкой Имперіи подлежали перераспредѣленію, по началамъ справедливости и цѣлесообразности, и коль скоро проводилась граница между Грузіею и Арменіею въ предѣлахъ мусульманскихъ провинцій въ бассейнѣ Чороха и у Чернаго моря, то естественно было требовать присоединенія именно къ Грузіи Лазистанскаго санджака, являющагося прямымъ, продолженіемъ батумскаго побережья — съ населеніемъ, хотя и сильно отуреченнымъ, но по крови и языку близкимъ Грузіи (особенно, Мингреліи). Также естественно было просить исправленія границы по среднему Чороху, отнесеніемъ ее нѣсколько къ западу отъ Испира. Вмѣстѣ съ требованіемъ для Грузіи западныхъ округовъ б. Карсской области (Ардаганскаго и Ольтинскаго) планъ этотъ, въ случаѣ осуществленія, означалъ бы для Грузіи возсоединеніе съ нею всѣхъ частей такъ наз. мусульманской или турецкой Грузіи.

Предсѣдательствовавшій въ комиссіи г. Каммереръ, признавая достаточно убѣдительными изложенные мною въ ея засѣданіи доводы, отмѣтилъ, однако, что лазами вовсе не заявлялось желаніе присоединиться къ Грузіи, и что, напр., въ 1928 г. турки овладѣли Батумомъ именно съ помощью лазовъ (г. К. сослался здѣсь на свидѣтельство другого участника засѣданія, полковника Шардиньи). Отвѣтъ мой сводился

къ тому, что пока въ этихъ краяхъ шла историческая борьба между Россійскою и Оттоманскою Имперіями, симпатіи не только лазовъ, но можетъ быть и мусульманъ б. русской Грузіи принадлежали ихъ единовѣрцамъ. Теперь, когда великія державы рѣшили создать независимую Арменію, и власть Турціи въ этой части ея прежнихъ владѣній не будетъ сохранена, вопросъ ставится о томъ, куда лазовъ справедливѣе отнести, и куда они сами предпочтутъ отойти: къ независимой ли Грузіи или къ Арменіи? Поставить такъ вопросъ — значитъ уже и рѣшить его!

Однако, съ наибольшимъ интересомъ комиссія отнеслась къ вопросу о Батумѣ. «Конференція, говорилъ г. Каммереръ, твердо держится того начала, что ни одно новое государство не должно быть лишено свободнаго подступа къ морю. Создавая независимую Арменію, надлежитъ безусловно обезпечить ей выходъ къ Черному морю. Съ другой стороны, необходимо считаться съ важностью Батума для транзита въ торговлѣ западныхъ государствъ съ Персіею. Батумъ-же есть вывозной портъ для нефтяныхъ продуктовъ Баку и т. д. Вопросъ о Батумѣ долженъ быть разрѣшенъ соотвѣтственно всѣмъ этимъ разнообразнымъ интересамъ».

Взглядъ Грузіи на Батумъ и Батумскую область, какъ неотъемлемую часть грузинской территоріи и готовность, въ то же время, Грузіи дать всѣ необходимыя гарантіи для обезпеченія въ Батумѣ интересовъ сосѣднихъ республикъ и нуждъ международной транзитной торговли — были подробно мною изложены передъ комиссіею. Г.г. Каммереръ и Ванситартъ особенно останавливались на смѣшанномъ характерѣ населенія г. Батума, на отсутствіи тамъ грузинскаго большинства и пр. Присутствовавшій въ засѣданіи вмѣстѣ со мною Чхеидзе, близко знающій Батумъ, далъ тутъ-же, по моей просьбѣ, справку по этому предмету.

Легко было видѣть, что представители Англіи и Франціи относились съ сомнѣніемъ къ возможности признанія верховенства Грузіи надъ Батумомъ; и что позиція эта связывалась у нихъ, между прочимъ, съ заботою объ обезпеченіи Арменіи свободнаго выхода къ морю. Что выходъ этотъ мыслился въ видѣ армянской желѣзной дороги Карсъ - Артвинъ-Батумъ, объ этомъ въ засѣданіи 25 февраля собственно не упоминалось.

1-го марта мы обратились къ В. Совѣту съ нотой, въ которой, во 1-ыхъ, требовали присоединенія Батумской области

къ Грузіи, во 2-ыхъ, *выражали готовность заключить съ сосѣдними республиками соглашеніе, которымъ будутъ обезпечены* не только *достаточныя гарантіи Азербайджану и Арменіи* (заинтересованнымъ въ свободѣ ихъ торговли черезъ Батумъ*) но также и свободу международнаго транзита; а въ 3-ихъ подтверждали, заявленное 25-го февраля въ комиссіи убѣжденіе въ необходимости исправленія въ пользу Грузіи, границы, посредствомъ отнесенія къ Грузіи санджака Лазистанъ, а также нѣкоторыхъ мѣстностей по Чороху; и, наконецъ, отмѣчали, что вопросъ объ упомянутомъ исправленіи границы возбуждается нами въ связи съ установленіемъ для Арменіи выхода въ Черное море, въ предѣлахъ Трапезудскаго вилайета.

Словомъ, мы не только указывали порядокъ разрѣшенія вопроса о Батумѣ — путемъ, прежде всего, соглашенія между тремя закавказскими республиками, на основѣ признанія Батума и его области частью Грузіи — но и связывали вопросъ объ армяно-грузинскомъ размежеваніи съ выходомъ Арменіи къ Черному морю.

79.

Верховный совѣтъ, внявъ мнѣнію своей коммиссіи, одобрилъ совершенно другой планъ примиренія различныхъ, связанныхъ съ Батумомъ интересовъ.

Предполагалось : организовать Батумъ въ видѣ не только порто-франко, но и вольнаго города, въ составѣ собственно Батума и нѣкоторой (небольшой) прилегающей территоріи; остающуюся часть Батумской области распредѣлить между Грузіей и Арменіей; а именно, къ первой — присоединить сѣверную и восточную часть области, второй-же отдать, на югѣ, районъ Артвина. Дальнѣйшее-же армяно-грузинское размежеваніе — признать дѣломъ самихъ этихъ республикъ. Лазистанъ будетъ автономною единицею, подъ суверенитетомъ Арменіи. Устанавливается свободный транзитъ черезъ Закавказье. Батумъ займутъ смѣшаннымъ отрядомъ (англо-франко-итальянскимъ). Тамъ будетъ мѣстопребываніе международнаго комиссара (назначаемаго, повидимому, Лигой Націй).

На разрѣшеніе въ приведенномъ смыслѣ собственно вопроса о Батумѣ (вольный городъ) повліяла, какъ мнѣ сооб-

*) Позже (въ Парижѣ и Сенъ-Ремо) для разрѣшенія вообще закавказскаго вопроса Англіей былъ предложенъ именно этотъ путь — соглашенія трехъ республикъ.

щалъ тогда мой освѣдомитель, обширность морскихъ интересовъ, русскихъ и международныхъ, въ этомъ порту.

Легко объяснялось и дробленіе на три части Батумской области: въ этомъ случаѣ оказывалось возможнымъ проектировать трассу будущей желѣзной дороги Карсъ-Батумъ (армянскій выходъ въ Черное море!), минуя территорію Грузіи, ибо въ предѣлахъ б. Батумской области, трасса эта проходила бы сначала по армянской «трети» (въ районѣ Артвина), а, затѣмъ подходила-бы къ Батуму уже по территоріи вольнаго города (т. е. въ районѣ устья Чороха).

На варіантѣ-же Карсъ-Артвинъ-Батумъ остановились въ виду того что направленіе Эрзерумъ-Ризе, на основаніи прежнихъ изысканій, казалось, будто-бы, неосуществимымъ,

Главное достоинство этой схемы, помимо утѣшительности уже самого факта, что Верховный Судъ удосужился, наконецъ, заняться этими вопросами, — заключалось съ моей точки зрѣнія въ созданіи дѣйствительнаго международнаго контроля въ Батумѣ и, дѣйствительной, международной заинтересованности въ Закавказскихъ дѣлахъ. Покровительство Лиги Націй, практически, обезпечивало-бы Закавказью дѣятельную поддержку державъ, сочувствующихъ независимости нашихъ республикъ; въ то-же время, этотъ важный результатъ достигался бы въ формѣ, устраняющей подозрѣнія въ своекорыстіи какой-либо отдѣльной великой державы.

Съ другой стороны, не говоря уже о явной искусственности такого рѣшенія, какъ «Лазистанъ подъ сюзеренитетомъ Арменіи», можно было опасаться, что предположенное дробленіе Батумской области, уступка Арменіи лѣваго берега Чороха съ г. Артвиномъ, въ связи съ отдѣленіемъ Батума отъ Грузіи и предоставленіемъ Арменіи власти надъ новыми группами мусульманскаго населенія, затруднитъ упроченіе дружескихъ отношеній между Арменіей и ея сосѣдями.

Безъ прочнаго-же и твердаго соглашенія трехъ республикъ и по вопросамъ ихъ разграниченія, и относительно Батума, нельзя было питать ни малѣйшихъ надеждъ на разрѣшеніе Закавказскаго кризиса или на помощь какой-либо великой державы!

Надлежало, слѣдовательно, подумать о томъ какъ благія цѣли, поставленныя Верховнымъ Совѣтомъ, осуществить болѣе подходящими средствами.

Не слѣдовало забывать и о главномъ: о томъ, вслѣдствіе

чего Верховный Совѣтъ, въ сущности и удѣлилъ теперь въ Лондонѣ свое вниманіе Закавказскимъ республикамъ, а именно о тѣсной связи «нашихъ» вопросовъ съ дѣломъ мира на Востокѣ, съ созданіемъ независимой Арменіи: для дѣйствительнаго осуществленія программы мира съ Турціей, представлялось крайне важнымъ, укрѣпить въ политическомъ и военномъ смыслѣ, Закавказскія республики, упрочить ихъ взаимныя связи. Только въ этомъ случаѣ возможно было созданіе «средостѣнія» между совѣтской Россіей и Турціей Мустафы-Кемаля; только при этомъ условіи, связь Европы съ Арменіей могла быть обезпечена, а Батумъ могъ стать опорнымъ пунктомъ для давленія на Анатолію — съ востока.

Въ виду такихъ соображеній, грузинская делегація обратилась, по моему предложенію, къ Верховному Совѣту съ новою нотою, по вопросу о Батумѣ (16-го марта), пункты которой позволю себѣ здѣсь привести:

1. Батумская область, въ составѣ округовъ Батумскаго и Артвинскаго, съ большинствомъ населенія грузинъ-мусульманъ, должна быть присоединена къ территоріи грузинской республики.

2. Расчлененіе Батумской области, съ отнесеніемъ какой-либо ея части къ составу другого государства, а не Грузіи, не преминетъ вызвать глубочайшее разногласіе и обострить взаимоотношенія между сосѣдями народами въ Закавказьи.

3. Если будетъ доказано, что, въ силу условій географическихъ, топографическихъ или иныхъ, выходъ къ морю Арменіи долженъ непремѣнно заимствовать часть территоріи, которую грузинскій народъ считаетъ своимъ національнымъ достояніемъ и которой онъ на этомъ основаніи домогается, — права грузинскаго народа должны быть приняты въ уваженіе. Вышеупомянутый выходъ къ морю т. е. примыканіе желѣзныхъ дорогъ Арменіи къ предполагаемому выходу ея на Черное море можетъ быть организовано на основаніи спеціальныхъ соглашеній, безъ ущерба для суверенитета Грузіи надъ относящимися сюда территоріями.

4. Созданіе въ Батумѣ автономной республики, включающей также часть Батумской области, неизбѣжно повлечетъ за собой еще большее усложненіе и безъ того достаточно сложныхъ взаимоотношеній между закавказскими государствами. Это рѣшеніе, причиняя разочарованіе грузинскому народу, у котораго оно отнимаетъ владѣніе его лучшимъ портомъ, вовсе не является необходимымъ ни съ точки зрѣнія торговыхъ и экономическихъ потребностей сопредѣльныхъ Грузіи странъ, ни для надобностей транзита товаровъ въ международной торговлѣ, особенно съ Персіей, ибо всѣ эти интересы, значеніе которыхъ грузинскимъ правительствомъ оцѣнивается въ полной мѣрѣ, могутъ быть удовлетворены, и необходимыя гарантіи могутъ быть обезпечены путемъ спеціальныхъ соглашеній, заключенныхъ между заинтересованными сторонами непосредственно либо же при содѣйствіи Верховнаго Совѣта или Лиги Націй.

Устроенный на этихъ началахъ, Батумскій портъ сдѣлался-бы, подъ суверенитетомъ Грузіи, дѣйствительно общимъ выходомъ (débouché) трехъ закавказскихъ республикъ, а въ то-же время и складочнымъ мѣстомъ для международной торговли, — притомъ, безъ искусственнаго отдѣленія этого города отъ его Hinterland'а и безъ нарушенія правъ Грузіи на Батумъ.

5. Грузинское правительство поддерживаетъ свои притязанія... на два округа Карсской области: Ардаганскій и Ольтинскій.

6. Возможно, что по соображеніямъ общей политики и дабы обезпечить приведеніе въ дѣйствіе мирныхъ договоровъ, великія державы сочтутъ соотвѣтственнымъ располагать, въ батумскомъ порту, военною и морскою базою. Для этой цѣли, необходимыя удобства должны быть обезпечены великимъ державамъ, и наиболѣе простымъ путемъ къ тому является заключеніе необходимыхъ соглашеній и конвенцій съ Грузіей.

Полагаю, что вышеприведенныя выдержки достаточно ясно освѣщаютъ офиціально выраженные взгляды грузинской делегаціи по вопросу о Батумѣ и о желѣзнодорожномъ сообщеніи Арменіи съ Чернымъ моремъ. Эти вопросы дѣлались теперь пробнымъ камнемъ закавказской политики въ «международномъ масштабѣ».

80.

Грузинская делегація обнаружила иниціативу, и выдвигая соглашеніе трехъ сосѣднихъ республикъ, какъ основаніе для обезпеченія за Батумомъ его функціи общаго выхода въ море, и доказывая полную возможность обезпеченія Арменіи желѣзнодорожной связи съ Чернымъ моремъ черезъ Батумъ — но безъ дробленія Батумской области, и съ признаніемъ въ ней грузинскаго суверенитета.

Эти темы и явились, какъ мы увидимъ, стержнемъ, вокругъ котораго вращались переговоры между Закавказскими республиками, съ одной стороны, и англійскимъ правительствомъ въ эпоху окончательной выработки проекта Севрскаго договора.

Теперь коснусь вкратцѣ взаимоотношеній между делегаціями трехъ республикъ въ Лондонѣ (въ мартѣ 1920 г.), по поводу, поставленныхъ тамъ вопросовъ: это тѣмъ болѣе необходимо, что именно тогда начался правильный обмѣнъ мнѣній, завершеніе котораго произошло уже въ Санъ-Ремо (въ концѣ апрѣля 1920 г.)

Достигнуть какой-нибудь согласованности въ работѣ

трехъ делегацій было необычайно трудно, въ виду кореннаго расхожденія въ политическихъ задачахъ, прежде всего, между Арменіей и Азербайджаномъ. Здѣсь дѣло не въ однихъ пограничныхъ спорахъ, какъ-бы они ни были сложны. Гораздо важнѣе былъ антагонизмъ коренной, безповоротный, въ значительной мѣрѣ даже подсознательный, лежащій въ основаніи многосложной и длительной борьбы, разныя проявленія которой, на протяженіи послѣднихъ десятилѣтій надлежитъ разсматривать въ ихъ общей связи. Избіенія армянъ въ Турціи; армяно-татарская «рѣзня» (подъ сѣнью двуглаваго орла!) — бывшая, по существу,«малой войной» между народами, неорганизованными государственно; роль армянъ въ міровой войнѣ (на сторонѣ союзниковъ) и кровавая реакція противъ нихъ въ Турціи; армяно-турецкія, а также армяно-татарскія репрессаліи и контръ-репрессаліи — на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Турціи, въ Закавказьи, въ различныхъ сочетаніяхъ съ поворотами военнаго счастья, съ измѣненіями политическаго режима и т. д. — все это элементы одной драмы: борьбы армянскаго народа за существованіе на своей землѣ и за созданіе тамъ своего государства — и борьбы турокъ за сохраненіе завоеваннаго и за расширеніе сферы своего владычества въ сторону родственныхъ по населенію прикаспійскихъ территорій.

Послѣ побѣды союзниковъ, съ конца 1918 года армяне опять, какъ въ 1914 г. — поставили ставку всей своей будущности на *политическое разрушеніе* Турціи (см. выше гл. XIX.). Въ началѣ 1920 года имъ многое приходилось уже сбавить въ своихъ требованіяхъ. Но надежда не только на созданіе сильной, обширной Арменіи, но и на существенное стреноженіе Турціи сохранялась. Въ приведенныхъ уже выше (стр. 254) заявленіяхъ предсѣлателя армянской делегаціи *Аветиса Агароняна*, рядомъ съ сокрушеніемъ по поводу того, что рѣшено не выгонять турокъ изъ Константинополя, утверждалось, что ихъ нельзя оставлять ни въ Киликіи, ни въ другихъ районахъ, гдѣ есть христіане. Цѣль «младотурокъ» — уничтожить Армению и приблизить Турцію къ границѣ Азербайджана. Поэтому, обязательно включить въ Армению Эрзинджанъ и Эрзерумъ и не допустить турокъ занять горную область Карабага, откуда они легко могутъ спуститься въ Эривань.

Азербайджанцы не оставались въ долгу. Отстаивая свои прямые интересы, они не забывали защищать отъ армянскихъ домагательствъ и Турцію. Таковъ, въ сущности, былъ дѣйствительный смыслъ ихъ стремленія связать и отождествить съ

Азербайджаномъ всѣ вообще мусульманскіе элементы Закавказья. Въ 1919 г. у нихъ мелькнула, можетъ быть, мысль получить «согласно пунктамъ Вильсона», т.е. путемъ мусульманскаго самоопредѣленія то, что Турція получила въ 1918 г. отъ большевиковъ, и что утратила въ концѣ того же года. Въ представленномъ Парижской конференціи меморандумѣ Азербайджанъ включалъ въ свои предѣлы всѣ мусульманскія провинціи Закавказья, не исключая Батумской области! Конечно, заявляя эти требованія, Азербейджанъ думалъ не только о себѣ.

Замыселъ этотъ не могъ быть осуществленъ такъ просто; и практически его нельзя было отстаивать въ 1919 году.

Но азербайджанская делегація (въ Лондонѣ въ февралѣ-мартѣ 1920 г.), не высказываясь теперь въ принципѣ противъ прирѣзки къ Арменіи нѣкоторыхъ турецкихъ территорій, находила, напримѣръ, несправедливымъ и нежелательнымъ (съ точки зрѣнія интересовъ мусульманскаго населенія) включеніе въ составъ Арменіи какихъ-либо частей Батумской или Карсской области. Это обнаружилось, при совмѣстномъ обсужденіи делегаціями Грузіи и Азербайджана проекта заявленія на имя Верховнаго Совѣта, которымъ, по мысли грузинской делегаціи, предполагалось довести до свѣдѣнія послѣдняго, что обѣ союзныя республики признаютъ нецѣлесообразнымъ дробленіе Батумской области, что Азербайджанъ не возражаетъ противъ включенія ея, съ Батумомъ, въ составъ Грузіи, а Грузія, со своей стороны, полностью обезпечиваетъ интересы Азербайджана въ Батумѣ (какъ выходѣ въ море).

Заявленіе это, которому грузинская делегація придавала бы большое значеніе при отстаиваніи правъ Грузіи на Батумъ, не могло быть сдѣлано, ибо делегація Азербайджана настаивала на предъявленіи одновременно требованія о присоединеніи къ Грузіи всей Карсской области*). Мы-же, очевидно, затруднялись заявить такое требованіе, ибо въ основномъ меморандумѣ (1919) домагались двухъ лишь, изъ четырехъ, округовъ Карсской области (Ардаганскаго и Ольтинскаго) — неговоря уже о недопустимости его для насъ по существу.

Также безрезультатна была попытка вообще двинуться впередъ въ дѣлѣ разграниченія трехъ республикъ, сдѣланная

---

*) Съ точки зрѣнія азербайджанцевъ, разъ это провинція не могла быть турецкой, предпочтительнѣе было включеніе ея въ составъ Грузіи, а не Арменіи.

(въ Лондонѣ, въ концѣ марта 1920 г.) въ виду постановки армянскаго вопроса на конференціи. Возвращаясь къ старой темѣ о необходимости скорѣйшаго разграниченія между сосѣдями, Агаронянъ высказалъ намъ какъ-то предложеніе о томъ, чтобы дѣло разграниченія (въ виду явной невозможности достигнуть результатовъ на мѣстѣ) было пернесено въ Европу и возложено здѣсь на наши делегаціи. Мысль эта, несомнѣнно, заслуживала вниманія. Мы обсудили ее тщательно съ Богосъ-Нубаръ-пашею и другими армянскими делегатами, а также съ азербайджанцами. Армяне, въ разговорѣ съ нами, проводили теперь рѣзкую грань между Грузіей (съ которою разногласія легко устранимы!) и Азербайджаномъ (требованія котораго совершенно несовмѣстимы съ армянскими!) Они считали, что въ виду опубликованныхъ незадолго передъ тѣмъ свѣдѣній о заключеніи, будто-бы, между Турціей и Азербайджаномъ, тайной военной конвенціи*), они не могутъ довѣрять послѣднему. Они не придавали, поэтому, ни малѣйшаго значенія подписанному въ ноябрѣ 1919 г. въ Тифлисѣ соглашенію о порядкѣ разрѣшенія взаимныхъ споровъ между тремя республиками (см. выше стр. 237). Азербайджанцы-же находили, что стремленіе армянъ перенести все дѣло разграниченія въ Европу объясняется ихъ увѣренностью въ благопріятномъ къ нимъ именно настроеніи конференціи; что здѣсь, въ большихъ центрахъ они, армяне, сильнѣе насъ и средствами и связями и численностью — между тѣмъ какъ при разсмотрѣніи вопросовъ тамъ на мѣстахъ, неправильность, преувеличенность ихъ утвержденій всегда легко обнаруживается. Поэтому и азербайджанцы, и грузины должны настаивать на разрѣшеніи споровъ собственными силами республикъ въ самомъ Закавказьи, а не въ Лондонѣ или Парижѣ.

Въ виду нежеланія армянъ обсудить этотъ вопросъ непосредственно съ азербайджанцами, грузинская делегація старалась устранить разногласіе, предложивъ отправить отъ имени трехъ делегацій телеграммы въ Тифлисъ, Баку и Эривань съ приглашеніемъ правительствъ къ немедленному созыву конференцій по разграниченію, учрежденію арбитражныхъ комиссій и пр. и съ предложеніемъ, въ случаѣ неудачи этой прецедуры или признанія ея неосуществимой, передачи дѣла делегаціямъ. Текстъ телеграммы былъ одобренъ армянами;

*) См. данныя по этому вопросу въ The Times, 20 марта 1920 г.

азербайджанцы, не возражая по существу, полагали, что каждой делегаціи должна быть предоставлена свобода въ выборѣ формы и способа изложенія мысли объ «ускоренномъ разграниченіи». Задуманный шагъ, поэтому, и не состоялся.

Привожу этотъ эпизодъ, чтобы показать, съ какими трудносоями приходилось сталкиваться во взаимоотношеніяхъ между делегаціями. Трудности эти не были, однако, неустранимы, что видно будетъ изъ дальнѣйшаго.

265

ГЛАВА XXXI.

ЗАКАВКАЗСКІЯ РЕСПУБЛИКИ И КОНФЕРЕНЦІЯ ВЪ САНЪ-РЕМО.

(*апрѣль* 1920 *года.*)

81.

13-го апрѣля 1920 г., предсѣдатель грузинской делегаціи былъ приглашенъ на совѣщаніе къ г. Роберту Ванситтартъ, въ Campbell's Hotel. Я отправился туда вмѣстѣ съ Чхеидзе. Оказалось, что такое-же приглашеніе получено было делегаціями азербайджанскою и армянскою, такъ что въ свиданіи этомъ съ представителемъ великобританскаго правительства вмѣстѣ съ нами присутствовали: Али-Марданъ-бекъ Топчибашевъ, Богосъ-Нубаръ и Аветисъ Агаронянъ.

Р. Ванситтартъ обратился къ намъ со слѣдующимъ заявленіемъ: «Я еще въ Лондонѣ искалъ васъ, но вы уже успѣли уѣхать; тогда я вызвался для исполненія возложенной на меня задачи отправиться въ Парижъ, чтобы встрѣтиться здѣсь съ вами и поговорить частнымъ образомъ, по дружески, о нѣкоторыхъ вашихъ общихъ дѣлахъ. Позвольте мнѣ, какъ лицу, хорошо знающему ваши страны и желающему вамъ добра, быть съ вами откровеннымъ.

Въ кругахъ Верховнаго Совѣта многіе держатся взгляда, что никакой будущности у Закавказскихъ республикъ нѣтъ, ибо онѣ не способны къ какой-бы то ни было солидарности и истощаются во взаимныхъ распряхъ... Многое, дѣйствительно подтверждаетъ такую оцѣнку. Намъ, напримѣръ, извѣстно, что по вопросу о *будущности Батума* три закавказскія республики имѣютъ совершенно различныя воззрѣнія. Много и другихъ спорныхъ вопросовъ.

Недавно, познакомившись съ меморандумомъ г. Топчибашева, поданнымъ въ Лондонѣ, я подумалъ, что тамъ есть

идея, достойная государственнаго человѣка, а именно, идея совмѣстнаго контроля Закавказскихъ республикъ надъ спорными территоріями»...

Послѣднее сообщеніе Ванситтарта вызвало распросы и обмѣнъ замѣчаній: оказалось, что мысль Топчибашева была не такъ понята. Но это было лишь минутное отвлеченіе въ сторону.

Воспользовавшись ссылкою г. Ванситтарта на Батумъ, какъ на яблоко, будто-бы, раздора между сосѣдями, я немедленно заявилъ, что такое пониманіе не точно: ни азербайджанцы, ни армяне не отрицаютъ правъ Грузіи на Батумъ и на батумскую область. «Увѣренъ, прибавилъ я, что ни предсѣдатель азербайджанской делегаціи, ни г.г. армянскіе делегаты, здѣсь присутствующіе, не откажутся признать правильности этого утвержденія».

И Топчибашевъ, и Агаронянъ, и Б.-Нубаръ подтвердили безъ обиняковъ, что, дѣйствительно, права Грузіи на Батумъ, съ областью, ими не оспариваются. Это ихъ заявленіе — котораго мы не могли добиться въ Лондонѣ — послужило прекраснымъ вступленіемъ къ дальнѣйшимъ переговорамъ.

«Болѣе яркія иллюстраціи непримиримости, болѣе выдающіеся примѣры «яблокъ раздора», можно-бы, продолжалъ я, обнаружить въ другихъ районахъ Закавказья; но даже для самыхъ острыхъ территоріальныхъ споровъ намѣчаются пути къ разрѣшенію! Что же касается Батума, то здѣсь *признаніе суверенитета Грузіи, при условіи прочнаго обезпеченія интересовъ сосѣдей въ батумскомъ порту*, является формулой для всѣхъ пріемлемой и могущей служить основаніемъ для соглашенія».*)

Завязался обмѣнъ мнѣній на эти темы, и съ общаго согласія рѣшено было немедленно заняться выдвинутыми мною вопросами о 1) Батумѣ и батумской области, въ связи съ экономическими интересами республикъ Закавказья и 2) о способахъ разрѣшенія территоріальныхъ споровъ между этими республиками. Дѣло происходило во вторникъ: условлено было собраться тамъ-же у г. Ванситтарта, въ четвергъ утромъ, (т. е. 15 апрѣля) съ *готовымъ уже результатомъ*.

Прощаясь съ г. В., я говорилъ ему объ элементахъ согла-

---

*) Какъ замѣтилъ тогда попутно г. Ванситтартъ, на признаніе суверенитета Грузіи въ Батумѣ — очень мало шансовъ.

ეროვნული ბიბლიოთეკა

сія, готовыхъ скристаллизоваться на Кавказѣ—какъ онъ самъ могъ то видѣть — о необходмиости помочь этому процессу — о томъ, какъ благодарна и какъ интересна его лично рѣчь въ этомъ дѣлѣ.

Немедленно приступлено было къ обсужденію обоихъ вышеизложенныхъ вопросовъ въ соединенныхъ засѣданіяхъ трехъ делегацій (преимущественно у насъ). Съ самаго начала возникли затрудненія при выясненіи тѣхъ гарантій, которыя должны быть предоставлены въ Батумѣ сосѣдямъ Грузіи, особенно Арменіи. Въ виду этого, мы перешли ко второму вопросу (объ арбитражѣ), съ тою, однако, оговоркою, что ни порядокъ, ни тѣсная внутренняя связь вопросовъ этимъ не измѣняются и не нарушаются.

Основою обсужденія служили какъ по первому, такъ и по второму предмету составленные мною проекты. Проектъ о порядкѣ разрѣшенія территоріальныхъ споровъ путемъ арбитража подвергся систематическому обсужденію; разногласія удалось здѣсь, наконецъ, преодолѣть, и соглашеніе было достигнуто.

Что же касается вопроса о Батумѣ, то несмотря на перенесеніе условленнаго свиданія съ великобританскимъ делегатомъ, съ четверга на пятницу (16 апрѣля, день отъѣзда англійской делегаціи въ С. Ремо), делегаціи наши не успѣли ни обсудить полностью мой проектъ, ни сгладить возникшія противорѣчія.

Принято было вступленіе, § о признаніи суверенитета Грузіи надъ батумской областью, § о признаніи этого суверенитета надъ Батумомъ при условіи обезпеченія интересовъ Арменіи и Азербайджана. Формулировка-же этихъ гарантій вызвала разногласія. Во-первыхъ, мы по существу не могли согласиться съ нѣкоторыми изъ требованій, изложенныхъ по этому вопросу отъ имени армянъ Габріель-эффенди *Нарадунгіаномъ* *) въ пяти пунктахъ (а именно, съ предоставленіемъ Арменіи *части* батумскаго порта, и съ признаніемъ этой части, а также полосы отчужденія армянской желѣзнодорожной

*) Многоопытный турецкій законоискусникъ, редакторъ извѣстнаго собранія трактатовъ, заключенныхъ Оттоманскою Имперіею, онъ до войны 1914-18 г. занималъ высшіе посты въ турецкой администраціи. Былъ и министромъ иностранныхъдѣлъ.

вѣтви къ Батуму — экстерриторіальными). Во вторыхъ, мы съ самаго начала указывали на предпочтительность соглашенія принципіальнаго, декларативнаго, съ тѣмъ, чтобы техническія подробности были обсуждены позже, при заключеніи, на основѣ принятыхъ началъ, спеціальныхъ соглашеній и конвенцій. Я придавалъ этому особое значеніе, вслѣдствіе спѣшности и срочности нашихъ переговоровъ, цѣль которыхъ вѣдь заключалась въ *немедленной демонстраціи передъ Верховнымъ Совѣтомъ нашего согласія*. Вдобавокъ, обсужденіе сколько-нибудь спеціальныхъ вопросовъ крайне затруднялось и тяжеловѣсностью нашей процедуры (въ обсужденіяхъ участвовали всѣ члены трехъ делегацій, откуда многолюдность, разноязычность, сумбурность!) и недостаткомъ времени, и неопытностью въ дѣлахъ большинства участниковъ.

Такъ какъ указанное выше разногласіе и къ пятницѣ (16 апрѣля) оказалось неустраненнымъ, то, при свиданіи нашемъ въ этотъ день съ г. Ванситтартомъ, мы поставили его въ извѣстность о достигнутомъ уже соглашеніи (относительно порядка разрѣшенія территоріальныхъ споровъ) и о разногласіи нашемъ — по вопросу о «гарантіяхъ» въ Батумѣ. Богосъ-Нубаръ первымъ изложилъ вопросъ, какъ онъ рисовался съ армянской точки зрѣнія, затѣмъ мною подробно освѣщено было положеніе переговоровъ и указано на достигнутое уже принципіальное согласіе трехъ делегацій и по вопросу объ отнесеніи Батума съ областью къ Грузіи, и по общему вопросу о гарантіяхъ для сосѣдей — а также выдвигалась необходимость дать всему нашему соглашенію, въ настоящій моментъ, именно общій, декларативный, не техническій характеръ.

Представитель великобританскаго правительства выразилъ радость по поводу состоявшагося соглашенія объ обязательномъ арбитражѣ и еще разъ напомнилъ намъ, что всякое доказательство способности нашей къ компромиссамъ и взаимнымъ уступкамъ даетъ друзьямъ нашимъ въ Верховномъ Совѣтѣ возможность отстаивать интересы нашей независимости. «Неужели вамъ не ясно, говорилъ онъ, что, напримѣръ, доставка вамъ оружія и военныхъ припасовъ*) затормазилась именно изъ-за вашихъ несогласій; изъ-за опасенія, что оружіе это послужитъ вамъ въ вашихъ взаимныхъ распряхъ? Наоборотъ, соглашеніе между вами принесетъ вамъ много плодовъ.

*) Обѣщанная еще въ январѣ 1920 г.

Грузинамъ, особенно, надлежитъ показать примѣръ уступчивости и либерализма при обезпеченіи насущныхъ интересовъ сосѣдей, такъ какъ безъ этого не можетъ быть осуществлено стремленіе ихъ къ суверенитету надъ Батумомъ и его областью».

Въ отвѣтъ на это заявленіе, я прочелъ, составленную мною для грузинской делегаціи, ею одобренную, схему соглашенія по вопросу о Батумѣ, и г. Ванситтартъ нашелъ ее именно тѣмъ, что требовалось; онъ настойчиво совѣтовалъ намъ притти къ соглашенію на этой именно основѣ. По его мнѣнію, нѣтъ дѣйствительно никакой надобности въ болѣе точномъ опредѣленіи правъ, которыя должны быть предоставлены Арменіи въ Батумѣ, ибо вопросы этого порядка будутъ разрѣшены къ выгодѣ и удобству всѣхъ закавказскихъ республикъ тѣмъ режимомъ «свободнаго порта», который во всякомъ случаѣ, рѣшено примѣнить къ Батуму. Отъ себя лично уполномоченный лорда Керзона прибавилъ совѣтъ: возбудить передъ Лигою Націй вопросъ о созданіи въ Батумѣ должности портоваго инспектора(назначаемаго Лигою), наблюдающаго за правильнымъ примѣненіемъ международныхъ порядковъ въ порту, а также установить обязательный арбитражъ для всѣхъ случаевъ разногласій при осуществленіи нашего соглашенія.*) А главное, г. Ванситтартъ предупредилъ насъ о возможности обсужденія касающихся насъ вопросовъ Верховнымъ Совѣтомъ въ первомъ же его засѣданіи въ С. Ремо и просилъ, чтобы соглашеніе наше, скрѣпленное надлежащими подписями, было получено великобританскою делегаціею въ С. Ремо не позже вторника, т. е. 20-го апрѣля. Слѣдующая наша встрѣча должна была состояться уже въ С. Ремо.

Въ тотъ-же день (т. е. 16 апрѣля) делегаты встрѣтились снова, въ этотъ разъ у Богосъ-Нубаръ-паши, на Avenue Président Wilson.**) Мы занялись сначала окончательнымъ редактированіемъ соглашенія объ арбитражѣ и закончили эту работу. Затѣмъ перешли къ проекту соглашенія о Батумѣ. Б. Нубаръ-паша записалъ его тутъ-же подъ мою диктовку: въ виду крайней спѣшности работы, у меня даже не имѣлось копіи этого проекта, въ который теперь вошли статьи о международномъ инспекторѣ, объ арбитражѣ, а также о допущеніи,

---

*) Идеи эти высказывались нами еще раньше.

**) Здѣсь были: Б. Нубаръ, Агаронянъ, Чхеидзе, Топчибашевъ, Нарадунгіанъ и я.

въ принципѣ, *особой желѣзнодорожной связи Батума съ армянскою* рельсовою системою. Послѣднее соотвѣтствовало не только требованіямъ армянъ, но и нашимъ собственнымъ заявленіямъ въ Лондонѣ (см. стр. 259).

Разногласіе съ армянами обнаружилось, однако, уже по поводу ст. 1-ой, гласившей о поддержкѣ армянами и азербайджанцами идеи суверенитета Грузіи надъ «Батумской областью, въ составѣ округовъ Батумскаго и Артвинскаго». Ссылаясь на то, что они всегда разумѣли подъ «Батумской областью», подлежащей передачѣ Грузіи, территорію до р. Чороха (Нубаръ-паша, дѣйствительно, высказывался какъ-то въ этомъ смыслѣ), армяне заявили, что , признавая суверенитетъ Грузіи въ Батумѣ и его области, они должны будутъ сдѣлать *оговорку* въ томъ смыслѣ, что границею между Арменіею и Грузіею должна служить р. Чорохъ. Съ нашей стороны заявлено было о недопустимости для насъ и разговора объ уступкѣ Арменіи лѣваго берега Чороха. Всѣ старанія устранить это разногласіе оказались, въ этомъ засѣданіи, безуспѣшными. Становилось очевиднымъ, что соглашеніе наше не можетъ быть выработано *до* Санъ-Ремо, куда мы обѣщали привезти его готовымъ и подписаннымъ!

На слѣдующій день (17-го апрѣля), я старался склонить грузинскую делегацію къ признанію армянской оговорки о лѣвомъ берегѣ Чороха, при всей ея досадности и неумѣстности, обстоятельствомъ, не препятствующимъ дальнѣйшему разсмотрѣнію нашего проекта. Оговорка эта — пояснялъ я — не означаетъ признанія нами правъ Арменіи на часть батумской территоріи. Напротивъ, армяне вносятъ ее именно потому что двѣ другія делегаціи одинаково относятъ къ Грузіи и правый и лѣвый берегъ Чороха. Наконецъ, подписывая соглашеніе, мы одновременно объяснимъ Верховному Совѣту, что настаиваемъ на присоединеніи всей области къ Грузіи (какъ объ этомъ, впрочемъ, нами заявлялось уже въ Лондонѣ). Практическое значеніе вопросъ получилъ-бы при выясненіи армяно-грузинской границы у Чернаго моря — и разрѣшился бы путемъ арбитража.

Однако, члены грузинской делегаціи находили, что армянская «оговорка» можетъ создать впечатлѣніе, будто мы, такъ или иначе, не противимся уступкѣ Арменіи лѣваго берега Чороха (въ Батумской области)! Разубѣдить ихъ въ этомъ заблужденіи не было ни малѣйшей возможности! Пришлось

поэтому сдѣлать имъ другое предложеніе, а именно: чтобы въ текстѣ соглашенія выраженіе «Батумская область въ составѣ округовъ Батумскаго и Артвинскаго» было замѣнено словами «территорія, прилегающая къ Батуму». Въ этомъ случаѣ (казалось мнѣ) армянамъ не будетъ нужды въ ихъ «оговоркѣ», имѣвшей, кстати, опору въ февральскомъ предположеніи (см. выше) Верховнаго Совѣта (въ Лондонѣ) — о расчлененіи Батумской области и присоединеніи къ Арменіи какъ разъ лѣваго берега Чороха!

Это предложеніе делегаціей было одобрено. Но продолжить обсужденіе проекта, дабы притти еще въ Парижѣ къ соглашенію — политическое значеніе и срочность котораго многими изъ насъ недостаточно понимались — оказалось уже невозможнымъ: делегаціи закавказскихъ республикъ должны были выбираться изъ Парижа въ С. Ремо.

82.

Переговоры между тремя делегаціями, при участи г-на Ванситтартъ, возобновилась въ С.Ремо, куда мы пріѣхали вечеромъ во вторникъ 20-го апрѣля. Изъ официальныхъ сообщеніи мы освѣдомились, что Верховный Совѣтъ въ это время уже занимался, между прочимъ, и вопросомъ о Батумѣ.

Совѣщаніе делегацій съ представителемъ англійскаго правительства было назначено на вечеръ 21-го апрѣля. Днемъ мы продолжали препирательство относительно армянской оговорки о лѣвомъ берегѣ Чороха. Сдѣлана была попытка избѣгнуть разногласія посредствомъ отказа отъ точнаго описанія территоріальнаго состава Батумской области (ср. выше). Мы указывали армянамъ на неожиданность и необоснованность ихъ новаго территоріальнаго требованія. Несмотря на ихъ возраженія, видно было, однако, что на требованіи этомъ они не будутъ особенно настаивать, и что центръ вниманія ихъ лежитъ теперь въ вопросѣ о гарантіяхъ желѣзнодорожнаго выхода для Арменіи къ Батуму (черезъ Батумскую область). Въ этомъ засѣданіи Чхеидзе, неожиданно для меня, началъ отстаивать такую формулировку этихъ гарантій, которая подразумѣвала бы организацію выхода Арменіи къ Черному морю въ видѣ простого пользованія уже существующей линіей Карсъ-(Эривань)-Тифлисъ-Батумъ, т. е. безъ сооруженія особой желѣзной дороги изъ Арменіи къ Батуму черезъ нижній Чорохъ. Съ этимъ армяніе оче-

видно не могли примириться; а внутри грузинской делегаціи мною указывалось, что въ принципѣ, сооруженіе *особаго* рельсоваго пути для соединенія Арменіи съ Чернымъ моремъ уже допущено было нами въ Лондонѣ (ср. выше стр. 259) и не опровергалось въ позднѣйшихъ свиданіяхъ съ армянами въ Парижѣ*). А главное—особый *свой* выходъ къ морю былъ уже обѣщанъ Арменіи В. Совѣтомъ!

Совѣщеніе съ г. Ванситтартомъ состоялось поздно вечеромъ, въ Royal Hotel, у г. Богосъ - Нубара. Ванситтартъ повторилъ кое-что изъ сказаннаго имъ въ Парижѣ и сообщилъ, что, какъ онъ того ожидалъ и какъ онъ насъ о томъ предупреждалъ, Верховный Совѣтъ съ самаго-же начала занялся вопросами, касающимися нашихъ республикъ. Вопреки обѣщанія, мы не доставили ему ко вторнику (20 апр.) текста подписанныхъ соглашеній. Онъ будетъ говорить совершенно откровенно. *Если соглашеніе между закавказскими республиками не послѣдуетъ теперь-же, когда Верховный Совѣтъ его ожидаетъ, то за послѣдствія будемъ отвѣчать мы сами.* Наша согласованная дружная дѣятельность необходима особенно въ данный моментъ, когда намъ угрожаетъ опасность съ сѣвера. Каждая минута дорога: пройдетъ немного времени, и Верховному Совѣту будетъ уже не до насъ!

«Правда,— продолжалъ г. Ванситтартъ, я не имѣю самъ полномочія рѣшать вопросы: но полагаю, что пользуюсь довѣріемъ моихъ начальниковъ, и что мнѣніе мое для нихъ не безразлично. И вотъ,если теперь здѣсь-же не осуществится то, о чемъ я стараюсь, мнѣ придется признать свое безсиліе и просить объ освобожденіи меня отъ возложенной на меня задачи. Я-же умою руки и отойду въ сторону...

Вамъ извѣстно вѣроятно, что въ свое время Верховный Совѣтъ одобрилъ планъ такого разрѣшенія Батумскаго вопроса, по которому Батумъ съ нѣкоторою зоною подлежалъ нейтрализаціи, часть области отходила къ Арменіи, и лишь остальная треть присоединялась къ Грузіи. Я лично этотъ планъ находилъ несправедливымъ, неправильнымъ; и если теперь окажется возможнымъ примирить суверенитетъ Грузіи надъ *всей* областью и городомъ съ интересами сосѣдей Грузіи, то я берусь привлечь вниманіе Верховнаго Совѣта къ этому ново-

*) Не говоря о томъ, что сооруженіе линіи Карсъ-Батумъ представлялось и вообще во всѣхъ отношеніяхъ желательнымъ и по отношенію къ Арменіи — справедливымъ.

му плану. Я надѣюсь, что планъ этотъ получитъ одобреніе. Грузія особенно въ этомъ заинтересована, ибо она въ этомъ случаѣ особенно много выиграетъ...

Я скажу прямо: я не способенъ понять , я рѣшительно отказываюсь понять,почему до сихъ поръ еще нѣтъ между вами соглашенія по вопросу столь простому, столь очевидному! Въ чемъ дѣло? почему не желаете вы придти къ компромиссу, когда результаты его должны быть для васъ столь цѣнны и благопріятны? Еще одинъ послѣдній разъ обращаюсь къ вамъ съ такимъ совѣтомъ — вѣрьте, что онъ продиктованъ дружбой!»

Мы обѣщали... «приложить старанія» къ тому, чтобы соглашеніе состоялось — и разошлись.

22-го апрѣля грузинская делегація одобрила мой проектъ основныхъ положеній о пресловутой желѣзнодорожной связи Арменіи съ Батумомъ (вопросъ этотъ, какъ указано выше, получалъ теперь особое значеніе). На случай-же, еслибы проектъ этотъ вызвалъ затрудненія, заготовлена была мною и совершенно краткая, чисто принципіальная формулировка относительно этой дороги.

Общее засѣданіе трехъ делегацій собралось затѣмъ, у азербайджанцевъ, и приступило къ обсужденію предложеннаго текста, по которому даны были всѣ нужныя разъясненія. Армяне теперь уже не требовали «лѣваго берега Чороха» — помимо неосновательности этого притязанія, они видѣли, что идея «дробленія» батумской области уже успѣла увянуть и едва-ли будетъ кѣмъ-либо поддержана въ Верховномъ Совѣтѣ — съ грузинской-же стороны допущено было, на этотъ разъ безъ обиняковъ, сооруженіе Арменіею желѣзной дороги къ Батуму, въ долинѣ Чороха. Препирательство сосредоточилось на вопросѣ о «суверенитетѣ» въ полосѣ отчужденія. Послѣ данныхъ объясненій, что рѣчь идетъ о юрисдикціи гражданской и уголовной, о полиціи и т. д., армяне согласились, наконецъ, — послѣ продолжительныхъ преній — на сохраненіе суверенитета Грузіи въ полосѣ отчужденія. Соотвѣтствующая поправка была внесена г. Нарадунгіаномъ, въ предлагавшуюся ими формулировку.

Съ тѣмъ большимъ упорствомъ требовали они прямого указанія въ текстѣ, что *право собственности* на желѣзную дорогу, на полотно, принадлежности и т. д., предоставляется Арменіи. Споръ осложнился еще въ виду заявленнаго армянами требованія, чтобы право сооруженія желѣзной дороги въ

льготныхъ условіяхъ, на грузинской территоріи, простиралось также на отвѣтвленіе въ сторону того пункта на Лазистанскомъ побережьи (вѣроятно, Ризе), гдѣ Арменія будетъ имѣть свой *собственный портъ*. Это требованіе вызвало реплику, что переговоры велись о соединеніи Арменіи съ Батумомъ, что рѣчь шла объ одномъ выходѣ въ море, а не о двухъ и т. д. Чхеидзе заявилъ категорически, что изложенное въ представленномъ нами проектѣ есть макисмумъ того, на что Грузія можетъ идти. Соглашеніе не состоялось.

Вечеромъ того-же дня (т. е. 22-го апрѣля) мы опять встрѣтились съ г. Ванситтартомъ и изложили ему наши разногласія. Онъ былъ въ полномъ отчаяніи и отказывался вообще понять образъ дѣйствій делегацій. Неужели-же онѣ не видятъ, какъ онѣ сами себѣ вредятъ? Почему грузины не соглашаются принести небольшую жертву, разъ они такъ много выигрываютъ — сравнительно съ первоначальнымъ планомъ В. Совѣта объ устройствѣ Батума? «Правда, Грузія должна будетъ согласиться на примѣненіе къ Батуму режима свободнаго порта — который, кстати, полностью обезпечитъ интересы Азербайджана въ Батумѣ; вѣрьте мнѣ, что регламентъ этотъ будетъ для всѣхъ пріемлемъ!» — г. Ванситтартъ тутъ-же познакомилъ насъ съ положеніемъ о портахъ международнаго значенія, вошедшимъ затѣмъ въ Севрскій договоръ*). — «Остается вопросъ о желѣзной дорогѣ. У васъ два текста, грузинскій и армянскій: пусть армяне скажутъ, съ чѣмъ они не согласны въ грузинскомъ текстѣ, и наоборотъ. Постараемся эти тексты согласовать». Что могло быть проще и разумнѣе этого предложенія? Оно, конечно, не было принято. Господа делегаты предпочли возобновить никому не нужныя пренія, тянувшіяся далеко за полночь — о терминахъ и предметахъ, многимъ изъ нихъ недостаточно ясныхъ.

Стремясь извлечь делегаціи изъ трясины, въ которой онѣ безнадежно увязли — при отсутствіи между ними сколько-нибудь существеннаго разногласія, я предложилъ, въ качествѣ основы обсужденія, совершенно несложный текстъ, заключавшій слѣдующее поясненіе пункта о гарантіяхъ, предоставляемыхъ сосѣдямъ Грузіи въ Батумѣ (въ остальномъ, пунктъ этотъ споровъ не вызывалъ):

«При семъ подразумѣвается, что вышеупомянутыя гарантіи обнимаютъ также сооруженіе, заботами армянскаго пра-

*) Ст. 335-345.

вительства, безъ ущерба для суверенитета Грузіи, желѣзной дороги, соединяющей армянскую рельсовую сѣть съ Батумомъ, по грузинской территоріи, въ предѣлахъ Батумской области».

Г. Ванситтартъ настоятельно рекомендовалъ предсѣдателямъ делегацій (г. г. Агароняну и Чхеидзе — разногласіе было между ними) придти къ соглашенію на этомъ текстѣ. Въ виду же обнаруженныхъ раньше разногласій и въ поискахъ цѣлебнаго средства противъ грядущихъ пререканій, рѣшено было, съ общаго согласія, дополнить предложенный текстъ указаніемъ на обязательное обращеніе къ Лигѣ Націй въ случаяхъ споровъ и разногласій относительно желѣзной дороги*)

Теперь армяне просили лишь о томъ, чтобы въ текстѣ упомянуто было о *принадлежности имъ желѣзной дороги въ полную собственность*. Только при этомъ условіи соглашались они на сохраненіе въ текстѣ ссылки на суверенитетъ Грузіи. Хотя указаніе на «полную собственность» (en toute propriété) ничѣмъ не увеличивало объема правъ и безъ того предоставляемыхъ Арменіи, и, слѣдовательно, безъ этого указанія легко можно было обойтись, однако, разъ армяне настаивали на этой поправкѣ, не было — такъ казалось мнѣ — ни малѣйшаго основанія отказывать армянской делегаціи въ прибавленіи этихъ словъ («на правѣ полной собственности») къ предложенному мною тексту. Однако, Н. Чхеидзе (полномочнымъ лицомъ былъ онъ одинъ) объявилъ, что въ предложенномъ текстѣ онъ не допускаетъ ни малѣйшаго измѣненія.

Послѣ этого, великобританскій представитель заявилъ, что отнынѣ усилія его исчерпаны, онъ умываетъ руки и отходитъ отъ этого дѣла.

Совѣщаніе это закончилось поздно ночью. Какъ ни печально было мнѣ видѣть и признать теперь тщету и безплод-

---

*) Съ этой цѣлью былъ тутъ же составленъ и всѣми одобренъ слѣдующій пунктъ: «въ случаѣ, если между двумя правительствами не послѣдуетъ соглашенія относительно трассы желѣзной дороги или условій ея эксплуатаціи, вопросы эти будутъ разрѣшены на мѣстѣ комиссіею по назначенію Лиги Націй. Равнымъ образомъ всякій споръ, могущій возникнуть по поводу примѣненія или истолкованія настоящаго соглашенія во всемъ его объемѣ, подлежитъ разрѣшенію арбитражной комиссіи, назначаемой Лигою Націй».

ность всѣхъ моихъ многообразныхъ и неустанныхъ усилій*), какъ ни ясно представилась мнѣ вся безповоротность и жуткость допущенной тогда нашими делегаціями ошибки, нельзя было не зарисовать мысленно трагикомической заключительной сцены этихъ — рѣдкихъ по безтолковости — переговоровъ, въ которыхъ мнимые профессіональные «политики» неспособные, однако, оцѣнить именно политическое значеніе момента, путались, безнадежно и безплодно, въ препирательствахъ о словахъ и выраженіяхъ, не понимая дѣйствительнаго ихъ значенія.

Въ центрѣ этой сцены г. Ванситтартъ, повторяющій жестъ Понтія Пилата, съ лицомъ, выражающимъ недоумѣніе, утомленіе и скуку, при видѣ этой дюжины господъ въ смокингахъ, изъ за трехъ — совершенно лишнихъ, но и безвредныхъ словъ — en toute propriété — неспособныхъ согласиться по вопросу — по существу котораго у нихъ уже давно нѣтъ разногласій! Рядомъ съ нимъ Чхеидзе, съ закинутой назадъ головой, съ глазами выходящими изъ орбитъ, и лицомъ, налитымъ кровью — разъяренный не вполнѣ для него уловимымъ мельканіемъ французскихъ текстовъ, формулъ — потерявшій всякое хладнокровіе и сдержанность, въ позѣ захолустнаго шляхтича, срывающаго важное рѣшеніе Сейма! Противъ него Агаронянъ: онъ несокрушимо добивается своей «полной собственности», и всѣ тѣни Арарата сгущаются на его лицѣ. Въ углу комнаты Нубаръ-паша, въ полномъ изнеможеніи, съ выраженіемъ безысходнаго отчаянія на лицѣ: у него подкашиваются, отъ усталости, ноги и ему некуда отступить, некуда спастись отъ вулканическаго натиска Іосифа Гобечіа, грузинскаго делегата (с.-р.) — объясняющаго знатному египтянину значеніе народной воли въ дѣлахъ международныхъ. Глаза Гобечіа извергаютъ молніи, а полусѣдая шевелюра его вся устремилась вверхъ и въ стороны. — Азербайджанцы, чинные и безмолвные, лицезрѣютъ съ выдержкою настоящихъ мусульманъ эту бурю. Цѣлый рядъ масокъ, по различному выражающихъ непониманіе происходящаго, дополняетъ сцену.

Въ субботу, 24-го апрѣля, делегаціи Грузіи, Арменіи и Азербайджана приглашены были въ Hotel Royal къ г. Ванситт-

*) Нелѣпѣе всего было то, что въ С.-Ремо грузинская делегація отвергла какъ разъ то, что, отъ имени Грузіи, отстаивалось и испрашивалось систематически съ конца 1918 г. въ Лондонѣ и Парижѣ.

тарту. Свиданіе сотоялось въ 10½ часовъ вечера. Присутствующіе выслушали слѣдующее заявленіе британскаго представителя:

«Я прилагалъ всѣ старанія къ тому, чтобы между вами состоялось соглашеніе, чтобы объ этомъ можно было своевременно доложить Верховному Совѣту. Мои дружескіе совѣты не имѣли успѣха, и мнѣ даже пришлось, умывъ руки, отойти въ сторону. Въ настоящее время, какъ это мнѣ ни тягостно, я вынужденъ заявить, отъ имени лорда Керзона, дружбу котораго къ вашимъ странамъ вы знаете, и который такъ содѣйствовалъ въ январѣ вашему признанію de facto, что соглашеніе относительно предоставленія въ полную собственность Арменіи желѣзной дороги черезъ Батумскую область, съ отвѣтвленіемъ къ западу, должно быть, по его убѣжденію, подписано; и что если это не будетъ сдѣлано нынѣ-же, то за послѣдствія должны будете отвѣчать вы сами. Я взываю въ данномъ случаѣ къ грузинской делегаціи.

То, что я вамъ высказываю, является взглядомъ британскаго правительства, но я думаю, что на его точку зрѣнія станетъ и Верховный Совѣтъ. Теперь я васъ покидаю, а остальное зависитъ отъ васъ самихъ».

Условились собраться на слѣдующее утро, по предложенію Богосъ-Нубара, въ помѣщеніи азербайджанской делегаціи.

Общее собраніе это назначенное на 11 час. въ воскресенье 25 апрѣля, пришлось отложить до 4-хъ часовъ. Утромъ-же мы совѣщались съ азербайджанцами. До «общаго собранія», въ засѣданіи грузинской делегаціи, мною была сдѣлана послѣдняя попытка убѣдить Чхеидзе въ необходимости подписать соглашеніе съ армянами, ради огражденія интересовъ Грузіи. Несмотря на всѣ примѣненныя мною, съ крайней энергіей, средства моральнаго давленія, Чхеидзе окончательно рѣшилъ не измѣнять ни іоты въ принятомъ нами текстѣ, и ждать дальнѣйшихъ инструкцій изъ Тифлиса. Въ пагубномъ упорствѣ своемъ, Чхеидзе былъ поддержанъ всѣми остальными членами грузинской делегаціи*).

Вслѣдъ за-тѣмъ состоялось послѣднее свиданіе трехъ делегацій въ С. Ремо. Оно протекло въ спокойномъ, дружескомъ тонѣ. Чхеидзе заявилъ о готовности немедленно подписать соглашеніе на принятыхъ имъ раньше основаніяхъ, по пун-

*) Т. е. д-ромъ Гварджаладзе, Гобечіа и генераломъ Одишелидзе.

ктамъ же вызывавшимъ разногласіе («полная собственность» и «отвѣтвленіе къ западу») требовалъ, чтобы ему дали возможность снестись съ грузинскимъ правительствомъ, отправивъ, напримѣръ, кого-либо изъ членовъ делегаціи въ Тифлисъ. Все это не представляло ни малѣйшаго интереса, такъ какъ политическая задача «момента» заключалась не въ томъ, что и какъ говорится въ соглашеніи о желѣзной дорогѣ (вдобавокъ, совершенно проблематической!), а въ обнаруженіи передъ Верховнымъ Совѣтомъ солидарности Закавказскихъ республикъ — и именно теперь, а не когда Чхеидзе получитъ изъ Тифлиса отвѣтъ на свои недоумѣнные вопросы!*)

Словомъ, соглашеніе не могло быть подписано, и все, что затѣмъ говорилось въ этомъ совѣщаніи, не могло измѣнить этого обстоятельства. Армяне, увѣренные тогда еще въ окончательномъ расчлененіи Турціи (на бумагѣ оно, несомнѣнно, подготовлялось), и безъ огорченія видѣвшіе, какъ Чхеидзе (интернаціоналистъ! соціалистъ!.демократъ!) создавалъ Грузіи репутацію несговорчивости и узколобія, не понимали, однако, что неподписаніе ожидавшагося соглашенія неминуемо влекло за собой охлажденіе, незаинтересованность Англіи въ дѣлахъ Закавказья, а слѣдовательно и Арменіи.

Нарадунгіанъ продолжалъ отвлеченную критику «допотопнаго» понятія суверенитета, на которомъ напрасно настаиваетъ грузинская делегація. Я отвѣтилъ ему, что армянская делегація, не остается въ долгу, со своею не менѣе допотопною «полною собственностью». Онъ говорилъ, впрочемъ, объ искреннемъ своемъ огорченіи въ виду несостоявшагося

---

*) Въ теченіе всего этого времени я старался склонить Н. Чхеидзе къ большей уступчивости, убѣждая его въ томъ, что разъ нами уже изъявлено согласіе на сооруженіе Арменіей желѣзной дороги, въ опредѣленныхъ условіяхъ и съ международной санкціей, то споръ о «собственности» утрачиваетъ значеніе.

Въ пятницу, 23 апрѣля, мы представили, совмѣстно съ азербайжданской делегаціей, Верховному Совѣту письменное изложеніе всего хода нашихъ переговоровъ, дабы видна была наша готовность сдѣлать все въ дѣлѣ «выхода къ морю». Разумѣется, такой, чисто бумажный шагъ не могъ имѣть ни малѣйшаго практическаго значенія. Въ частныхъ нашихъ бесѣдахъ въ грузинской делегаціи мои соображенія о рискѣ, которому подвергается наше дѣло чрезмѣрной несговорчивостью, о рискѣ тѣмъ менѣе допустимомъ, что разногласіе съ армянами теперь *совершенно пустячное* — сталкивались съ безпомощною тезою Чхеидзе (что скажетъ грузинское правительство? что скажетъ населеніе Батумской области? не найдутъ-ли они, что ихъ «продали армянамъ»?).

соглашенія, тѣмъ болѣе, что у него, говорилъ онъ, былъ въ карманѣ готовый уже проектъ союзнаго договора между Арменіей и ея двумя сосѣдями.

Богосъ-Нубаръ счелъ нужнымъ заявить, что теперь имъ придется вернуться къ прежнему требованію лѣваго берега Чороха. («На что онъ вамъ? этотъ берегъ скалистъ, каменистъ — замѣтилъ я строителю Геліополиса).

Чхеидзе объявилъ, что какъ ни великъ авторитетъ лорда Керзона, Верховнаго Совѣта и т. д., но намъ приходится считаться съ нашимъ общественнымъ мнѣніемъ, съ желаніями мѣстнаго населенія и т. д. Эта несчастная ссылка дала поводъ Топчибашеву заговорить о необходимости для Грузіи прислушиваться къ мнѣнію мусульманскаго населенія Батумской области, представленному тамошнимъ *меджлисомъ*. (Агаронянъ: «Это совершенная новость для насъ»).

Поэтъ Аршакъ Чобанянъ приглашалъ всѣхъ насъ къ дружбѣ, солидарности и доброму сосѣдству, не взирая на нынѣшнее разногласіе, не взирая ни на что.

Гобечіа, съ обычною пламенностью, говорилъ о шаткости, гадательности постановленій Верховнаго Совѣта, о стихійности народныхъ движеній и первенствующемъ значеніи именно народной воли. (Агаронянъ: «зачѣмъ вы не считались съ народной волей въ Лори, въ Ахалкалаки»?).

Было очевидно, что переговоры наши исчерпались. Ни одно изъ приготовленныхъ мною двухъ соглашеній (о Батумѣ и желѣзной дорогѣ; о разрѣшеніи территоріальныхъ споровъ) не было подписано.

«Чхеидзе боится взять на себя отвѣтственность, и съ этимъ ничего не подѣлаешь. Надо эти чувства уважать» — сказалъ мнѣ частнымъ образомъ Нарадунгіанъ, очень снисходительно оцѣнивая немощи б. предсѣдателя Совѣта Р. и С. депутатовъ. Засѣданіе закончилось, мы пожали другъ другу руки и разошлись вполнѣ дружелюбно.

Въ понедѣльникъ, 26 апрѣля (это былъ послѣдній день конференціи въ Санъ-Ремо), пріѣхалъ изъ Рима товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ Грузіи К. Сабахтарашвили, который возвращался теперь въ Тифлисъ и заѣхалъ въ Санъ-Ремо для полученія свѣдѣній о результатахъ нашихъ переговоровъ. Я тщетно старался внушить этому молодому человѣку тревогу, вызванную во мнѣ происшедшимъ. Впрочемъ, онъ

немедленно уѣхалъ, съ тѣмъ чтобы продолжать свой путь обратно въ Грузію, вмѣстѣ съ Иракліемъ Церетели, укрѣплявшимъ въ это время связи грузинскаго пролетаріата съ итальянскимъ и также отправлявшимся на время въ Тифлисъ.

Что касается кавказскаго перешейка, дѣло Москвы и Ангоры было выиграно.

83.

Такимъ образомъ, безуспѣшной оказалась эта первая и, въ сущности, *единственная* попытка державъ Западной Европы серьезно поставить на очередь вопросъ о государственной и международной будущности Закавказскихъ республикъ и разрѣшить его на основѣ ихъ независимости.

Попытаемся изложить въ связномъ видѣ основанія намѣтившейся было тогда политики.

Мысль о необходимости укрѣпленія закавказскихъ государственныхъ новообразованій, выдвинутая, какъ мы видѣли, въ январѣ 1920 года, лишь теперь, въ С. Ремо, получала болѣе обдуманную, оязательную форму..

Помощь Грузіи, Азербайджану и Арменіи, особенно для обезпеченія ихъ обороноспособности, на случай нападенія извнѣ, можетъ быть оказана лишь въ случаѣ прочнаго мира и солидарности между ними: таково коренное положеніе, выдвигаемое «имперіалистическимъ» Западомъ; и положеніе это остается неизмѣннымъ, идетъ ли рѣчь о фронтѣ Закавказья, обращенномъ *къ сѣверу* (такъ было въ январѣ 1920 г. въ Парижѣ см. выше гл. XXIX), или же, какъ теперь въ С. Ремо, получаетъ очередное (въ глазахъ державъ, подготовляющихъ условія мира съ Турціей) значеніе фронтъ Закавказья, обращенный *на юго-западъ*, въ сторону Анатоліи.

Но и здѣсь, какъ и раньше, имѣется въ виду лишь укрѣпленіе существующаго.

Вопросъ о границахъ Арменіи съ Турціей остается пока открытымъ. Тѣмъ больше вниманія привлекаютъ взаимоотношенія между Арменіей и сосѣдними республиками въ Закавказьи; съ чѣмъ связаны, однако, и международные интересы болѣе общаго значенія.

Арменія не можетъ быть отрѣзана отъ моря. Доступъ къ нему она должна имѣть, на первыхъ порахъ, въ Батумѣ; и

портъ этотъ — естественная принадлежность Грузіи, въ то же время столь важный и для Азербайджана, дѣлается какъ-бы символомъ единенія трехъ республикъ. Это не все. Батумъ — отправной пунктъ свободнаго транзита изъ Европы въ Персію и обратно. Ему предстоитъ огромная политическая и коммерческая будущность. Здѣсь именно будетъ соединительное звено этой части Ближняго Востока съ державами Запада; и международные интересы, связанные съ Батумомъ, могутъ и должны быть ограждаемы при посредствѣ Лиги Націй.

Армяно-турецкая граница скоро будетъ установлена: дѣломъ, преимущественно, самихъ армянъ съ помощью Запада будетъ прочное занятіе тѣхъ территорій, которыя имъ будутъ уступлены. Но и это — какъ выходъ Арменіи къ морю — возможно лишь при условіи мирныхъ, дружественныхъ взаимоотношеній въ самомъ Закавказьи.

Въ моментъ развязки турецкаго вопроса, близкій Стамбулу и Ангорѣ, Азербайджанъ получаетъ особое значеніе. Именно его сближеніе съ Арменіей и Грузіей — въ тройственномъ соглашеніи — закрѣпляло-бы «западную» оріентацію Азербайджана и обезпечивало-бы тылъ Арменіи при предстоящемъ выясненіи армяно-турецкой границы. «Западничество»-же Азербайджана было бы равнозначуще въ данныхъ условіяхъ его вѣрности и т. наз. *кавказской* оріентаціи (выраженной уже раньше договоромъ съ Грузіей 16 іюня 1919 г.) — въ противоположность совѣтско-турецкимъ соблазнамъ.

Конечно, положеніе, сложившееся на Кавказѣ, послѣ фактическаго признанія трехъ республикъ (въ началѣ 1920 г), не могло быть охранено или укрѣплено безъ установленія извѣстнаго мирнаго ихъ сосѣдства съ россійскимъ совѣтскимъ государствомъ. Задача эта — полная рисковъ и трудностей — не должна была считаться абсолютно невыполнимой при оцѣнкѣ положенія въ апрѣлѣ 1920 г. Россіи приходилось тогда готовиться къ огромному напряженію въ борьбѣ за свою западную границу, при одновременной угрозѣ со стороны силъ ген. Врангеля на югѣ; между тѣмъ, какъ разъ въ это время она стала на путь переговоровъ съ Англіей о возобновленіи торговыхъ съ ней сношеній — послѣдняго московское правительство добивалось, по разнымъ основаніямъ, чрезвычайно настойчиво. Все это и, вдобавокъ, отличное отъ Франціи и болѣе благопріятное Россіи отношеніе къ русско-польскому «спору славянъ между собой» — создавало *именно*

англійскому правительству возможность, въ случаѣ осуществленія политики С. Ремо, оказать дипломатическое содѣйствіе къ установленію какого-либо m o d u s v i v e n d i между закавказскими республиками и Совѣтской Россіей.

Наличность-же въ Батумѣ фактической англійской базы несомнѣнно усиливала эту возможность. А предложеннымъ разрѣшеніемъ батумскаго вопроса достигалась-бы, въ принципѣ, возможность такого сотрудничества между западнымъ факторомъ и закавказскими республиками, при которомъ только и можно было вообще надѣяться на сохраненіе ими и на дальнѣйшее упроченіе ихъ независимости.

Однако, для этого отъ нихъ потребовалось-бы напряженіе всѣхъ ихъ силъ и, прежде всего, опредѣленная согласованность ихъ политики. Обнаруживъ-же въ С. Ремо — въ условіяхъ наиболѣе благопріятныхъ — неспособность къ такой согласованности, закавказскія республики сами отказались отъ того, что естественно вытекало изъ усилій ихъ, начиная съ 1918 года.

282

ГЛАВА XXXII.

УХОДЪ ЕВРОПЫ И ВОЗВРАЩЕНІЕ РОССІИ.

84.

Не успѣли закавказскія делегаціи вернуться изъ С. Ремо въ Парижъ, какъ получилось извѣстіе о паденіи азербайджанскаго правительства, провозглашеніи совѣтскаго строя въ Баку и вступленіи туда красныхъ войскъ. Произошло это 28 апрѣля 1920 г. Равновѣсіе вліяній, сложившееся на Кавказѣ съ конца 1918 года въ пользу «европейской оріентаціи», кореннымъ образомъ рушилось. Спекулируя на вялость великихъ державъ и на раздоры между тремя республиками, Совѣтская Россія рѣшительнымъ ударомъ — и, повидимому, безъ кровопролитія — заняла одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ Закавказья (и вообще Ближняго Востока), обходя съ праваго фланга кавказскій барьеръ, подъ прикрытіемъ котораго только и могла строиться независимая государственная жизнь трехъ республикъ.

Захватъ Баку особенно облегчился той беззавѣтной яростью, съ какою, какъ разъ весною 1920 г., армяне и татары столкнулись изъ-за своихъ территоріальныхъ споровъ (въ Карабагѣ) — а также многочисленностью бакинскаго промышленнаго пролетаріата — и географическимъ положеніемъ нефтяной столицы на Каспійскомъ морѣ. Однако, эти обстоятельства имѣли, кажется, все-же меньше значенія, чѣмъ то массовое сочувствіе Азербайджана Турціи, которое было, въ общемъ, много сильнѣе и жизненнѣе его «европейской оріентаціи». Азербайджанъ сталъ какъ-бы живой связью между тѣми, кого исторія довольно неожиданно дѣлала теперь союзниками: между Россіей и Турціей.

Это не преувеличеніе: въ 1920 году, туркофильство Азербайджана — въ противоположность 1918 году — приняло форму... руссофильства: оно облегчило совѣтской власти захватъ Баку!

Въ предстоявшемъ Турціи испытаніи — вѣдь она, эта Турція «большого народнаго собранія» бросала теперь вызовъ всѣмъ великимъ державамъ Запада — приходилось подчинять надежды завтрашняго дня злобѣ нынѣшняго и жертвовать близкими, но пока малосильными родичами ради далекихъ и случайныхъ, но дѣйственныхъ союзниковъ! Впрочемъ, «далекіе» дѣлались теперь близкими: занятіе Баку было вѣдь первымъ шагомъ къ установленію вновь непосредственнаго сосѣдства Россіи съ Турціей, взаимно другъ друга подкрѣплявшихъ въ борьбѣ съ Западомъ.

Политикѣ кавказскаго средостѣнія или «буфернаго новообразованія» угрожалъ конецъ. Захватъ Баку, самъ по себѣ, еще этого конца не означалъ. Первоначальное положеніе, вѣроятно, могло-бы быть возстановлено, если-бы закавказскія республики были способны къ солидарной политикѣ, и если-бы громкія фразы различныхъ деклараций, соглашеній и пр. не прикрывали отсутствія прозорливости, твердости и патріотизма! Грузино-азербайджанскій военный союзный договоръ оказался простымъ «клочкомъ бумаги». Соглашеніе армяно-азербайджанское конца 1919 г. о миролюбивомъ разграниченіи — тоже и т. д.

Въ сущности паденіе Баку и прискорбная развязка нашихъ переговоровъ въ С. Ремо были очевидными — и почти одновременными — доказательствами полнаго несоотвѣтствія между лозунгомъ независимости, казалось-бы общимъ для трехъ закавказскихъ республикъ, и дѣйствительною политикою ихъ правительствъ. И пока Арменія продолжала уповать на своихъ сердобольныхъ заступниковъ по сю и по ту сторону Атлантики, а Грузія убѣждала себя и другихъ въ безукоризненности своего демократизма, Совѣтская Имперія заняла въ Баку выгоднѣйшее «исходное положеніе» для овладѣнія всѣмъ Закавказьемъ и, обогатившись нефтью, чрезвычайно себя усилила въ «коммерческихъ» переговорахъ съ Англіей, 1920 г.

Послѣ С. Ремо, передъ грузинской делегаціей не возникало уже сколько-нибудь сложныхъ задачъ. У меня лично не оставалось къ ея дальнѣйшимъ работамъ ни малѣйшаго интереса, и я собирался возвращаться, наконецъ, въ Тифлисъ. Но какъ разъ въ это время я былъ назначенъ членомъ особой *экономической миссіи* грузинской республики, по задачамъ которой я и работалъ, съ начала мая по ноябрь 1920 года, въ

Лондонѣ, Римѣ и Парижѣ. Во главѣ этой миссіи стоялъ министръ финансовъ Грузіи К. Канделаки, а въ составѣ ея былъ и государственный контролеръ Ф. Гогичайшвили — люди, украшенные многими добродѣтелями, напр. скромностью и трудолюбіемъ, рѣдкими на верхахъ грузинской бюрократіи.

Экономическая миссія эта выполнила свою задачу довольно успѣшно. Главное, ей удалось заключить заемъ въ Лондонѣ, во многихъ отношеніяхъ интересный. Итальянскому капиталу, лихорадочно искавшему тогда собственнаго топлива, предоставлена была концессія на разработку Ткварчельскаго каменноугольнаго мѣсторожденія, на черноморскомъ побережьи Сухумской области*). Съ французскою группою капиталистовъ былъ заключенъ договоръ о планомѣрномъ сотрудничествѣ въ развитіи шелководства въ Грузіи и сбытѣ коконовъ во Франціи и т. д.

Впрочемъ, говорить о дѣятельности этой миссіи не входитъ здѣсь въ мою задачу. Мнѣ вообще остается теперь упомянуть лишь о нѣсколькихъ фактахъ, имѣющихъ отношеніе къ независимости Грузіи, фактахъ политическаго, а не экономическаго порядка.

Довольно скоро послѣ извѣстій о захватѣ Баку, выяснилось что весь Азербайджанъ «усвоилъ» совѣтскую форму правленія. Грузинское правительство стало на путь «непротивленія злу». 30 апрѣля 1920 г. предсѣдатель грузинскаго правительства Жорданіа разъяснялъ въ рѣчи Учредительному Собранію, что... «если самъ народъ (т. е. азербайджанцы) сочувствуетъ вторженію иностранной силы въ свою страну, то выступленіе противъ этой силы было-бы съ нашей стороны нарушеніемъ правъ этого народа (sic) и привело-бы, одновременно, къ гибели войскъ, которыя мы бы туда отправили».**). Читавшіе «Кандида» вспомнятъ, конечно, по этому поводу, доктора Панглосса!

Нѣсколько позже получились свѣдѣнія о столкновеніяхъ на грузино-азербайджанской границѣ, о переговорахъ Грузіи съ совѣтскимъ Азербайджаномъ и Россіей.

---

*) По странному совпаденію споръ о горныхъ правахъ въ Ткварчельской дачѣ (весьма сложный) былъ послѣднимъ дѣломъ, возложеннымъ на меня какъ сенатора-докладчика Правительствующимъ Сенатомъ въ 1917 г.

**) См. текстъ этой рѣчи въ книгѣ Paul Gentizon. La Résurrection Géorgienne. P. 1921, приложеніе 4-ое. Книга составлена изъ статей, напечатанныхъ въ газ. «Le Temps» авторомъ, спеціально посланнымъ въ 1920 г. въ Грузію.

Необходимость вообще скорѣйшаго соглашенія съ московскимъ правительствомъ, сомнѣній, конечно, не вызывала. Къ «соглашательству» клонились, какъ мы видѣли выше (стр. 251) и совѣты великихъ державъ. Англія, болѣе всѣхъ была въ 1920 году, благопріятна установленію между бывшими окраинами Россіи и Москвою основаннаго на компромиссѣ мирнаго сосѣдства. Съ своей стороны, грузинская делегація, еще въ Лондонѣ, въ мартѣ 1920 г., просила содѣйствія англійскаго правительства такому компромиссу.

Но дѣло это, очевидно, касалось, прежде всего, тифлисскаго правительства. Найдетъ-ли оно съ московскими диктаторами общій языкъ? Если главарямъ грузинской соціалъ-демократіи трудно было сговориться съ Деникинымъ, или съ англійскими генералами, то вѣдь съ большевиками многое ихъ сближало идейно — не говоря уже о личномъ знакомствѣ съ бывшими соратниками.

Признаться, въ С. Ремо мнѣ иногда казалось, что позиція, занятая тогда Чхеидзе (недопустимая и нелѣпая съ точки зрѣнія политики, которая велась въ Европѣ отъ имени и въ интересахъ независимой Грузіи, начиная съ 1918 г.), могла имѣть основаніемъ секретную, мнѣ не сообщенную, инструкцію изъ Тифлиса, связанную именно съ какимъ-нибудь планомъ грузино-русскаго соглашенія. Этого, въ дѣйствительности, совершенно не было. Но не подлежитъ сомнѣнію, что коль скоро, послѣ С. Ремо, не могло быть уже рѣчи о планомѣрной европейской поддержкѣ, оставался еще путь непосредственнаго соглашенія съ Россіей и Турціей. Путь трудный, сомнительный — но неизбѣжный. Обязанностью грузинскаго правительства было сдѣлать по этому пути всѣ необходимые шаги.

... Я не знаю въ точности закулисной стороны грузино-русскихъ переговоровъ, приведшихъ къ заключенію — *уже 7-го мая 1920 г.* (въ Москвѣ) договора Грузіи съ Совѣтской Россіей, а нѣсколько позже (16 іюня 1920 г.), договора между Грузіей и Совѣтскимъ Азербайджаномъ. Но, ознакомившись съ ихъ текстами, приходилось поражаться тому, съ какой легкостью и стремительностью грузинское правительство признало совершившійся въ Баку государственный переворотъ и, слѣдовательно, отказалось отъ идей грузино-азербайджанскаго договора 1919 года, и съ какой поспѣшностью пригла-

сило Совѣтскую власть въ судьи своихъ разногласій о границахъ съ Совѣтскимъ Азербайджаномъ*).

Однако, самымъ показательнымъ постановленіемъ грузино-русскаго договора является то, въ силу котораго Грузія обязалась «принять мѣры къ удаленію съ территоріи ея, въ предѣлахъ, опредѣленныхъ статьею IV настоящаго договора, всякихъ войскъ и воинскихъ отрядовъ, не принадлежащихъ къ національнымъ войскамъ Грузіи» (п. 5-ый ст V); къ запрещенію имъ отнынѣ пребыванія въ Грузіи (п. 6), а отдѣльнымъ, входящимъ въ ихъ составъ лицамъ — вступленія въ грузинскія войска, въ какомъ бы то ни было качествѣ — между прочимъ и добровольцами (п. 7-ой ст. V).

Грузія брала на себя, такимъ образомъ, прямое обязательство содѣйствовать прекращенію англійской оккупаціи въ Батумѣ и Батумской области и заранѣе отказывалась отъ мысли о чьей либо помощи въ устройствѣ ея вооруженныхъ силъ. Это было открытое признаніе политическаго преобладанія и вліянія московсаго правительства и, практически, отказъ отъ «европейской оріентаціи». Чѣмъ объяснить такой поворотъ? Соціалистическими чувствами грузинскаго правительства, бравшими верхъ надъ тяготѣніемъ къ «западно-европейскимъ демократіямъ» съ ихъ «имперіалистическими» правительствами? Можетъ быть. По крайней мѣрѣ, глава грузинскаго правительства въ своей телеграммѣ московскимъ коммиссарамъ, по случаю подписанія договора 7-го мая, говорилъ что-то о *совмѣстной работѣ по «насажденію соціализма»*. Или, можетъ быть, въ ожиданіи разгрома Польши, лѣтомъ 1920 г., красными войсками, а затѣмъ вступленія послѣднихъ въ «буржуазную» Европу, заранѣе готовили себѣ подходящую позицію?

Во всякомъ случаѣ, между робостью, обнаруженною Чхеидзе въ С. Ремо, — отказомъ его отъ практическаго завершенія двухлѣтнихъ почти усилій грузинской политики въ Европѣ — и основной тенденціей грузино-русскаго договора 7-го мая 1920 года, оказалось какое-то внутреннее соотвѣтствіе. Точнѣе говоря, договоромъ этимъ уже исключалась возможность даль-

*) Текстъ грузино-русскаго трактата 1920 г. см. въ оффиціальномъ сборникѣ договоровъ, заключенныхъ совѣтскимъ правительствомъ. Французскій переводъ этого договора, а также соглашенія 14 ноября 1920 г., о транзитѣ и торговлѣ между Грузіей и (совѣтскими) Россіей и Азербайджаномъ былъ изданъ особою брошюрою въ Парижѣ въ 1922 г.

нѣйшихъ попытокъ къ осуществленію программы, намѣченной какъ мнѣ лично думалось, въ соотвѣтствіи съ интересами Грузіи и желаніями ея правительства, и главными чертами, которой были: союзъ трехъ закавказскихъ республикъ, укрѣпленіе ихъ — съ цѣлью обороны — при помощи западныхъ великихъ державъ, «интернаціонализація» Батума съ сохраненіемъ тамъ, временно, союзныхъ войскъ.

85.

Теперь, послѣ крушенія идеи закавказскаго блока и ввиду проникновенія совѣтскихъ войскъ за Кавказскій хребетъ, вопросъ о сохраненіи союзнаго (т. е. британскаго) гарнизона въ Батумѣ получилъ скорое рѣшеніе. Никто не собирался теперь вступать въ военное столкновеніе съ Совѣтами изъ-за независимости закавказскихъ республикъ. И, такъ какъ республики эти не обнаруживали вкуса къ согласованной, твердой самооборонѣ общими силами противъ грозившей опасности, и въ С. Ремо кавказская политика лорда Керзона понесла пораженіе, то дальнѣйшее пребываніе англійскихъ войскъ въ Батумѣ и Батумской области оказывалось излишнимъ: войска эти были оттуда выведены; причемъ благодаря нетерпѣливому рвенію, съ которымъ грузинское правительство старалось поскорѣе получить въ свои руки Батумъ съ областью, сильно облегчалась для Англіи задача—уйти съ честью изъ Батума. Уходъ этотъ уже не казался очищеніемъ занятой имперіалистической позиціи подъ чьимъ-либо давленіемъ, но лишь передачею временно занятаго собственнику, по принадлежности. Это былъ по формѣ вполнѣ элегантный выходъ изъ положенія. На оставленіи Батума настаивали, вдобавокъ, въ Лондонѣ всѣ сторонники экономіи, радовавшіеся прекращенію еще одной оккупаціи; и мѣру эту одобряли всѣ вообще противники активной англійской политики въ Закавказьи (т. е. противники Керзона и сторонники Ллойдъ Джоржа). Переворотъ въ Азербайджанѣ, въ свою очередь, благопріятствовалъ такому рѣшенію, которое и имѣлось въ виду уже въ *началѣ мая 1920 г.*

11 іюня намъ (членамъ груз. экономической миссіи) было сообщено конфиденціально въ Лондонѣ о принятомъ англійскимъ правительствомъ рѣшеніи покинуть Батумъ и передать всю Батумскую область грузинскому правительству. Для формальностей этой передачи, а также для разрѣшенія нѣ-

которыхъ важныхъ «попутныхъ» вопросовъ (напр. эвакуація въ Крымъ изъ Батума «деникинцевъ») въ Грузію посылался полковникъ Стоксъ, новый великобританскій комиссаръ; съ нимъ вмѣстѣ, по просьбѣ англійскаго правительства, отправлялся Д. Гамбашидзе.

Присоединеніемъ Батумской области давалось большое нравственное и политическое удовлетвореніе Грузіи. Но одновременно это былъ, если угодно, даръ данайцевъ.

Не ослабитъ - ли занятіе Батумской области Грузію на восточной ее границѣ, открытой вторженію? Справится-ли она съ давленіемъ турецкаго національнзма, который несомнѣнно сдерживался присутствіемъ англичанъ въ Батумѣ? Вотъ какія сомнѣнія возникали невольно, и вотъ почему этотъ *уходъ Европы изъ Закавказья*, естественное послѣдствіе нашихъ несогласій въ С. Ремо, ускоренный послѣдними событіями, мнѣ рѣшительно не нравился. По соображеніямъ, которыхъ не стану здѣсь повторять, я считалъ, что надо было очень дорожить... «англійскимъ населеніемъ» Батума.*)

...Эти сомнѣнія и тревоги не могли быть, конечно, устранены сообщеніемъ о томъ, какъ (4 іюля 1920 г.) грузинскія войска вступили съ тріумфомъ въ оставленный британскимъ гарнизономъ Батумъ, какъ грузинскій флагъ былъ поднятъ на его фортахъ.**) и т. д.

«Философія» событій была очень несложна: Грузія оставалась одинокой на глухомъ перекресткѣ Европы и Азіи, въ непосредственномъ сосѣдствѣ Совѣтской Россіи и Турціи: эти два тарана готовились окончательно разбить кавказское средостѣніе.

———

Теперь нѣсколько словъ о Севрскомъ договорѣ, этомъ злополучнѣйшемъ порожденіи коллективной великодержавной мысли Западной Европы.

---

*) Въ 1922 году англійскій *Чанакъ*, задержавшій на полномъ разбѣгѣ побѣдоносную армію Мустафы-Кемаля у воротъ почти Константинополя, подтвердилъ мнѣ правильность моей оцѣнки въ 1920 г. батумскаго вопроса и пребыванія тамъ англичанъ.

**) Англійскія войска отбыли изъ Батума 10-го іюля. Прощальный банкетъ удался на славу.—Въ подписанномъ при передачѣ Батума протоколѣ, грузинское правительство изъявило согласіе на сооруженіе желѣзной дороги Карсъ-Батумъ, что впрочемъ, не имѣло уже ни малѣйшаго значенія.

Предъявленный уполномоченнымъ турецкаго Султана 9 мая подписанный въ Севрѣ 10 августа 1920 г., договоръ этотъ не только создавалъ независимую Арменію, но также впервые вводилъ въ международное право Европы, въ качествѣ формально признаваемыхъ величинъ, Грузію и Азербайджанъ.

Ст. 92 проекта предусматриваетъ порядокъ опредѣленія границъ между Арменіей и сосѣдними съ ней Азербайджаномъ и Грузіей. Границы должны быть приняты по обоюдному соглашенію. Если оно не послѣдуетъ къ тому моменту, когда установлена будетъ граница Арменіи съ Турціей, *) въ этомъ случаѣ пограничная черта между Арменіей и Грузіей, а также Азербайджаномъ, будетъ опредѣлена главными союзными державами (т. е. Англіей, Франціей и Италіей), которыя равнымъ образомъ озаботятся проведеніемъ ея на мѣстѣ

Батумъ провозглашался портомъ международнаго значенія, открытымъ для свободной торговли и для флаговъ всѣхъ государствъ, участниковъ Лиги Націй. Режимъ свободнаго порта, подъ высшимъ наблюденіемъ Лиги, описываемый въ Севрскомъ договорѣ (ст. 335-346), прилагается къ Батуму такъ же какъ къ Константинополю, Гайдаръ-пашѣ, Смирнѣ, Александреттѣ, Хаифѣ, Басрѣ, Трапезунду. Впрочемъ, относительно Батума дѣлается оговорка объ «условіяхъ, имѣющихъ быть установленными впослѣдствіи» (ст. 335).

Вопросъ о суверенитетѣ остается открытымъ (ib). Редакція ст. 351 («свободный доступъ къ Черному морю черезъ портъ Батумъ предоставленъ Грузіи, Азербайджану и Персіи, а равно и Арменіи») отражаетъ еще лондонскія идеи (февраля-марта 1920 г.), отдѣлявшія Батумъ отъ Грузіи. Такой же «отсталой» является ст. 352, говорящая о выходѣ Арменіи къ Трапезунду. Во всемъ этомъ много недомолвокъ и неясностей, ключъ къ которымъ лежитъ въ безуспѣшности нашихъ переговоровъ въ С. Ремо**).

---

*) Согласно ст. 89, на президента С. Штатовъ Америки возлагалось рѣшеніе вопроса о границѣ между Турціей и Арменіей, въ вилайетахъ Эрзерумскомъ, Трапезундскомъ, Ванскомъ и Битлисскомъ. Президентъ Вильсонъ исполнилъ это порученіе 22-го ноября 1920 г.

**) Если-бы проектъ соглашенія закавказскихъ республикъ былъ подписанъ, онъ явился-бы, по существу, именно дополненіемъ нѣсколькихъ статей Севрскаго договора.

10-го августа 1920 г. Аветисъ Агаронянъ, отъ имени Арменіи, подписалъ Севрскій договоръ, которымъ освящалось, наконецъ, существованіе независимаго армянскаго государства. Какой несоизмѣримый шагъ впередъ, сравнительно съ пресловутой ст. 61 Берлинскаго трактата 1878 г.! Къ сожалѣнію, успѣхъ чисто бумажный и чисто словесный; и не даромъ имя Севра такъ тѣсно связано съ хрупкостью его фарфоровыхъ издѣлій!

Къ 10-му августа 1920 года отвѣтственные правители и уполномоченные представители Арменіи и Грузіи уже сдѣлали все, что могли, чтобы со стороны Закавказья обезпечить торжество русско-турецкой оппозиціи Севрскому договору. Ни въ С. Ремо, ни въ Тифлисѣ, ни въ Эривани, не говоря уже о Баку, не обнаружено было ни способности къ единенію, которое требовалось для созданія закавказскаго блока — ни даже сознанія его необходимости, хотя-бы какъ одного изъ практическихъ условій осуществленія Севрскаго договора. Зато Турція и Россія сумѣли согласовать свою работу настолько, что на протяженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ отъ закавказскаго «фронта» ничего не осталось. Несогласія и слабость великихъ державъ, поведеніе Греціи, окончательный отказъ С. Штатовъ отъ поддержки Арменіи привели затѣмъ (въ 1920-3 г.г.) къ такимъ перемѣнамъ на Б. Востокѣ, которыя были равнозначущи полному крушенію хрупкаго севрскаго созданія.

86.

Передачу Батумской области въ распоряженіе грузинскаго правительства въ Грузіи сочли большимъ его успѣхомъ. Видѣли въ этомъ побѣду демократіи надъ имперіализмомъ и т. д.

Осенью 1920 года, когда Совѣтская Россія, вмѣстѣ съ Турціей, уже являлась рѣшающимъ факторомъ въ кавказскихъ дѣлахъ, а великія державы Запада, главнымъ образомъ, Англія уже отказались здѣсь отъ дѣятельной политики, т. е. когда не отъ Лондона и не отъ Парижа, а отъ Москвы и отъ Ангоры зависѣла война или миръ въ Закавказьи и будущность Закавказскихъ республикъ, грузинское правительство, игнорируя Москву и Ангору, сосредоточило на Западѣ главныя свои усилія. Три министра (Гегечкори, Гогичайшвили, Канделаки), предсѣдатель Учредительнаго Собранія (Чхеидзе), особый чрезвычайный и универсальный уполномоченный (Це-

ретели) — подвизались въ столицахъ Западныхъ державъ, въ то время, когда конъюнктура, обративъ было на мгновеніе къ Грузіи свой благожелательный ликъ, повернулась къ ней спиной. Создавалось демонстративное впечатлѣніе близости къ великимъ державамъ, которой на дѣлѣ вовсе не было, и давалась пища притворнымъ опасеніямъ Москвы относительно «базы для европейскаго вмѣшательства» — что не соотвѣтствовало дѣйствительности.

Эта фальшивая дипломатическая позиція (вовсе не соображенная съ обстановкою) дополнялась еще несчастнымъ и несвоевременнымъ вовлеченіемъ Грузіи какъ соціалъ-демократической, будто-бы, республики, въ распрю с.-д. и коммунистическаго Интернаціоналовъ.

Грузія, нѣкогда «удѣлъ Божьей Матери», дѣлалась теперь удѣломъ 2-го Интернаціонала. Въ сентябрѣ 1920 г. «осмотръ на мѣстѣ» Грузіи дѣятелями послѣдняго (Р. Макдональдъ, Вандервельде, г-жа Э. Сноуденъ, Ренодель, Каутскій, Гюисмансъ и др.) получилъ значеніе какой-то идейной демонстраціи, направленной противъ 3-го т. е. коммунистическаго Интернаціонала. Эта прогулка видныхъ европейскихъ соціалистовъ,— въ ихъ числѣ трехъ статсъ-дамъ 2-го Интернаціонала (г-жъ Каутской, Вандервельде, Сноуденъ), съ любопытствомъ лорнировавшихъ «эту милую, живописную Грузію»—встрѣченныхъ въ Грузіи съ оффиціальными почестями, къ которымъ они не были столь привычны у себя на родинѣ, имѣла большое значеніе для внѣдренія въ ихъ умахъ идеи независимой Грузіи, какъ демократическаго «оазиса.*) Для упроченія-же этой независимости in the strenuous conditios of our time «въ трудныхъ условіяхъ нашего времени», экскурсія эта никакого значенія, конечно, не могла имѣть: она даже вызвала или усилила, крайне некстати, иллюзіи относительно «поддержки Западной демократіи», окончательно сбивая съ толку народъ, которому остался, конечно, непонятнымъ дѣйствительный смыслъ ухода англичанъ изъ Батума, какъ непонятнымъ было для него сравнительное значеніе, для независимости Грузіи, въ 1920 году, «Верховнаго Совѣта великихъ союзныхъ державъ» и «амстердамскаго Интернаціонала». Впрочемъ, въ этомъ отношеніи, т. е. по части непониманія, пастыри были единодушны съ паствою.

... Между тѣмъ по сосѣдству съ Грузіей, совѣтская власть

*) Памятникомъ этой поѣздки является изданная въ 1921 году въ Парижѣ книга: «L'Internationale socialiste et la Géorgie».

не только укрѣпилась прочно въ Азербайджанѣ (лѣтомъ 1920 г. въ виду русско-польской войны и присутствія въ Батумѣ англичанъ, большевики произвели давленіе въ направленіи Персіи, а не къ Черному морю), но и подготовляла капитуляцію Арменіи — предложеніемъ ей помощи въ ея стѣсненномъ положеніи и политикою «корридора» для примыканія къ Турціи черезъ Карабагъ.

Но и въ самомъ Тифлисѣ подготовительная работа совѣтской миссіи была въ полномъ ходу: помимо агитаціи и идейной борьбы коммунизма съ соціалъ-демократіей, исподволь производилось наблюденіе и «внутреннее освѣщеніе», старыми средствами и опытными спеціалистами.

Тѣмъ временемъ, пребывавшіе въ Европѣ грузинскіе сановники совѣщались о томъ, какъ наилучшимъ образомъ устроить заграничное представительство Грузіи (парижская делегація подлежала упраздненію съ конца октября 1920 года). Министръ иностранныхъ дѣлъ Гегечкори, оставивъ эти дѣла на попеченіи совершенно случайныхъ людей, терялъ время на дальнѣйшее, по стопамъ делегаціи, «хожденіе по дѣлу» о юридическомъ признаніи Грузіи. Имѣлъ онъ въ Лондонѣ разговоры и относительно Батума — но съ апрѣля 1920 года вопросъ этотъ потерялъ уже практическое значеніе; о немъ еще говорили — такъ какъ «заведено» было соотвѣтствующее «дѣло».

Вопросъ-же о формальномъ признаніи Грузіи катился теперь по торной дорогѣ, вслѣдъ за вопросомъ о признаніи балтійскихъ республикъ.

Русско-польскій кризисъ завершился пораженіемъ Россіи —послѣ того какъ она была, казалось, на волосокъ отъ побѣды.

Сбросить войска генерала Врангеля въ море становилось теперь для совѣтской власти главной задачей: это былъ послѣдній «фронтъ» въ Европейской Россіи..

Англія окончательно избрала стезю разговоровъ о возобновленіи торговли съ Россіей и готовилась предоставить послѣдней свободу дѣйствій въ республикахъ Закавказья. Она уступила Франціи и заботу о подкрѣпленіи Польши противъ удара совѣтскихъ войскъ, и разочарованія, связанныя съ неудачами генерала Врангеля, и, вообще патронированіе, въ той или другой формѣ, противниковъ совѣтской власти.

Но ни положеніе, ни интересы Франціи не позволяли ей и думать объ активной политикѣ въ Закавказьи. Противовѣса давленію Совѣтской имперіи здѣсь уже нельзя было ожидать: и Арменія, и Грузія отнынѣ обречены.

ГЛАВА XXXIII.

ЛИГА НАЦІЙ ИЛИ «ОСТАВЬТЕ ВСѢ НАДЕЖДЫ».

87.

Къ началу ноября 1920 года политическая делегація Грузіи при мирной конференціи, а также особая экономическая миссія прекратили существованіе: послѣдняя — ввиду завершенія своихъ работъ, а первая — вслѣдствіе рѣшенія грузинскаго правительства замѣнить ее единоличнымъ представителемъ. Обязанности послѣдняго временно исполнялись министромъ иностранныхъ дѣлъ Гегечкори — впредь до прибытія въ Парижъ спеціально назначеннаго лица.

Теперь на моемъ попеченіи оставалось лишь дѣло о вступленіи Грузіи въ Лигу Націй, первое *общее собраніе* которой созывалось 15-го ноября 1920 г. Программа трудовъ его включала также разсмотрѣніе ходатайствъ о принятіи въ составъ Лиги ряда государствъ, не бывшихъ ея членами*).

Перваго Общаго Собранія Лиги Націй всѣ ждали съ большимъ любопытствомъ, хотя чувства и мысли по поводу этаго новаго дѣла далеко не были отчетливы и единообразны. Отсутствіе Соединенныхъ Штатовъ въ предпріятіи, считавшем

---

*) Въ силу учредительнаго акта Лиги (имъ начинаются всѣ трактаты, подписанные вокругъ Парижа въ 1919 г. — начиная съ Версальскаго) въ составъ Лиги входятъ, во-первыхъ, основные члены, поименованные въ приложеніи къ акту (числомъ — 32; это — союзники, побѣдившіе въ войнѣ 1914-18 г. г. и подписавшіе Версальскій договоръ); во-вторыхъ, государства, приглашенныя приступить въ опредѣленный срокъ къ акту Лиги (поименованныя въ томъ-же приложеніи) — и воспользовавшіяся этимъ правомъ (это — 13 государствъ оставшихся нейтральными въ войнѣ). Для остальныхъ государствъ, доминіоновъ или колоній установленъ особый порядокъ избранія Общимъ Собраніемъ Лиги (двумя третями голосовъ).

ся дѣтищемъ президента Вильсона, производило странное, почти комическое впечатлѣніе. Вмѣстѣ съ отсутствіемъ Россіи, Германіи и Турціи, оно лишало эту группировку нужнаго ей вселенскаго характера.

Однако, понятенъ интересъ къ Лигѣ Націй, обнаруженный молодыми государствами, возникшими на территоріи Россіи. Какъ было имъ не обратить въ эту сторону своихъ робкихъ надеждъ?

Не то чтобы относились съ чрезмѣрнымъ довѣріемъ къ знаменитой ст. 10 акта Лиги, столь, казалось-бы, успокоительной для всѣхъ слабыхъ государствъ, ставшихъ ея членами и имѣющихъ слишкомъ могущественныхъ и жадныхъ сосѣдей: «члены Лиги обязуются уважать и отстаивать противъ всякаго нападенія извнѣ территоріальную цѣлость и нынѣшнюю государственную независимость всѣхъ членовъ Лиги. Въ случаѣ нападенія, угрозы или опасности нападенія, Совѣтъ соображаетъ мѣры обезпечивающія исполненіе этого обязательства».

По условіямъ устройства Лиги и вслѣдствіе политическихъ взаимоотношеній въ Европѣ, статья эта, столь значительная по своему содержанію, съ самаго-же начала обѣщала гораздо больше чѣмъ Лига могла въ дѣйствительности дать. Къ концу 1920 года это выяснилось въ достаточной мѣрѣ.

Однако, и теоретическая возможность извѣстной поддержки со стороны Лиги Націй, и принципіальная цѣнность столь обширнаго международнаго единенія, и значеніе его какъ средства пріобрѣтенія и расширенія связей, важныхъ для молодыхъ государствъ; и перспектива сотрудничества съ другими націями въ иныхъ немаловажныхъ отрасляхъ государственной жизни — привлекали къ Лигѣ государственныя новообразованія, возникшія на окраинахъ Россіи. Главнымъ же непосредственнымъ мотивомъ ихъ стремленія въ члены Лиги было, конечно, желаніе упрочить этимъ путемъ международное свое положеніе, ускорить формальное признаніе своей независимости европейскими державами, привлечь къ ней вниманіе всѣхъ государствъ, всей обширной «семьи» независимыхъ націй.

Первая сессія общаго Собранія Лиги Націй представляла выдающійся интересъ по обилію и разнообразію встрѣтившихся тогда въ Женевѣ государственныхъ дѣятелей и по окружавшей ее атмосферѣ, въ которой смѣшивались восторженныя

ожиданія однихъ, благожелательный скептицизмъ другихъ и расчетливая осторожность третьихъ.

Впрочемъ, я не намѣренъ набрасывать здѣсь картины этого историческаго «общаго собранія» за жизнью котораго мы, представители непризнанныхъ еще новообразованій, имѣли возможность слѣдить въ подробностяхъ. Не буду говорить и о томъ, какъ подготовлена была, путемъ переговоровъ съ секретаріатомъ Лиги, постановка вопроса о Грузіи въ этой первой ея сессіи. Ограничусь изложеніемъ «внѣшней исторіи» предмета, на основаніи моего-же донесенія грузинскому правительству, отъ 20 декабря 1920 г.*).

Для разсмотрѣнія всѣхъ заявленныхъ кандидатуръ въ члены Лиги, была образована при общемъ Собраніи особая комиссія (5-ая) изъ 36 лицъ, подъ предсѣдательствомъ делегата Чили Don Antonio Huneeus. Вопросъ о Грузіи (а также Арменіи, Азербайджанѣ, Украйнѣ и Коста-Рика) былъ переданъ въ 3-ю подкомиссію, предсѣдателемъ которой былъ *Фритьофъ Нансенъ*, а членами: проф. Тома Іонеску (Румынія), Э. Д. Милленъ (Австралія), Э. де Паласіосъ (Испанія), Н. Политисъ (Греція), Спалайковичъ (Югославія) и Тсанъ-Тсай-Фу (Китай).

На подкомиссію было возложено: изучить (для доклада Лигѣ) каждую кандидатуру съ точки зрѣнія слѣдующихъ вопросовъ:

a) формальная правильность ходатайства о принятіи въ Лигу;

b) правительство, возбудившее ходатайство, признано-ли de jure или de facto, и какими именно государствами;

c) является-ли кандидатъ націей съ устойчивымъ правительствомъ и съ опредѣленными границами? Поверхность и населеніе;

---

*) Меморандумъ, представленный за подписью Гегечкори и моей Лигѣ Націй въ связи съ кандидатурою Грузіи, вмѣстѣ съ дополненіями къ нему (куда вошли: основной меморандумъ грузинской делегаціи, сообщенный Парижской конференціи въ 1919 г., записка для Верховнаго Совѣта въ Спа и другіе документы) напечатанъ въ сборникѣ, изданномъ въ Лондонѣ, подъ заглавіемъ: Documents présentés par le Gouvernement de la République de Géorgie à la première Assemblée de la S. des N. etc. Londres. Такое-же изданіе на англійскомъ языкѣ.

d) управляется-ли государство свободно,

e) каково его отношеніе, согласно актамъ и декларацiямъ: 1) къ своимъ международнымъ обязательсгвамъ и 2) къ возможнымъ постановленіямъ Лиги о вооруженіяхъ.

25-го ноября мы съ кн. М. А. Сумбатовымъ давали объясненія этой подкомиссіи. Здѣсь г. Политисъ (министръ иностранныхъ дѣлъ Греціи въ правительствѣ Венизелоса, какъ разъ въ этомъ моментъ падавшемъ) пожаловался на нарушеніе грузинскимъ правительствомъ правъ иностранныхъ подданныхъ въ области табачной промышленности и торговли. Въ виду имѣлись при этомъ сухумскіе табаководы и купцы-греки. Особаго значенія обстоятельство это не имѣло.

Докладъ подкомиссіи оказался благопріятнымъ кандидатурѣ Грузіи. Правительство ея было признано устойчивымъ и т. д. Отмѣчено было лишь отсутствіе окончательныхъ границъ съ Азербайджаномъ и Арменіей.

Въ пленарномъ засѣданіи комиссіи (2-го декабря), несмотря на усилія Нансена и другихъ, заключеніе, благопріятное принятію Грузіи въ Лигу, не получило большинства. По предложенію *Фишера* (Великобританія) рѣшено было вопросъ о Грузіи разсмотрѣть совмѣстно съ вопросомъ о другихъ государствахъ изъ состава б. Россійской Имперіи. Въ виду этого на 1-ую подкомиссію (предсѣдатель — Пулле, Бельгія) возложено было: подыскать формулу, спеціально подходящую къ положенію Грузіи и трехъ балтійскихъ республикъ; отсрочить пріемъ этихъ государствъ въ Лигу, но въ то же время не отталкивать ихъ и привлечь нынѣ-же къ практическому сотрудничеству съ нею.

Формула эта была принята 5-ою комиссіею въ слѣдующемъ окончательномъ видѣ:

«Комиссія рекомендуетъ Собранію сообщить правительству Грузіи:

a) что ходатайство его было разсмотрѣно благожелательно (avec faveur — with sympathy), но что обстоятельства (sic) не позволяютъ еще Собранію вынести окончательное постановленіе;

b) что, въ ожиданіи дальнѣйшихъ рѣшеній Собранія, государство это можетъ участвовать въ техническихъ организаціяхъ Лиги общаго значенія.

Таковы основные пункты заключенія внесеннаго на обсужденіе Ассамблеи.

Вопросъ о балтійскихъ государствахъ и Грузіи разсматривался ею въ вечернемъ засѣданіи 16-го декабря 1920 года. Утромъ того-же дня принятіе Арменіи было отвергнуто 21 голосами противъ 8 (послѣ того какъ приняты были Австрія, Болгарія, Коста-Рика, Финляндія и Люксембургъ).

Пренія, предшествовавшія баллотировкѣ четырехъ кандидатовъ — бывшихъ окраинъ Россіи — были очень горячи. Делегатъ Колумбіи *Рестрепо* оспаривалъ заключеніе комиссіи. «Государства эти, заявилъ онъ, удовлетворяютъ *всѣмъ требованіямъ*, предъявляемымъ къ новымъ членамъ; сама комиссія признаетъ это! Она ссылается на какія-то «обстоятельства», мѣшающія принять этихъ кандидатовъ. Но договоръ Лиги не допускаетъ непринятія изъ-за «обстоятельствъ». Непринятіе будетъ доказательствомъ слабости Лиги!».

Португалецъ *Шагасъ* требовалъ принятія и предоставленія затѣмъ каждой державѣ свободы признанія новыхъ членовъ независимыми de jure.

Делегатъ Персіи *Зока-ед-дауле* горячо отстаиваетъ принятіе, особенно останавливаясь на Грузіи.

По словамъ *Падеревскаго*, симпатіи Польши, конечно, въ пользу принятія этихъ кандидатовъ, но... Польша знаетъ, *кому* она обязана своею независимостью; она видитъ, что принятіе ихъ *признается пока преждевременнымъ*. Поэтому, Польша вынуждена воздержаться отъ голосованія.

Въ томъ же смыслѣ высказывается делегатъ Румыніи профессоръ *Іонеску*.

Вивіани (Франція) прямо указалъ на неудобство частичнаго рѣшенія вопросовъ, связанныхъ съ Россіей (!) и на затруднительность для Лиги обезпечить отъ нападеній территоріи новыхъ членовъ, согласно ст. 10 договора Лиги.*)

*) Вотъ подлинныя слова Вивіани: «есть въ договорѣ Лиги одна статья, о которой много говорятъ, и которая именуется ст. 10. Статья эта возлагаетъ на насъ обязанность являться на помощь тѣмъ изъ нашихъ сочленовъ, кто окажется въ опасности — согласно формуламъ ст. 10 — лишь только мы о томъ освѣдомимся. И такъ какъ мы не любимъ говорить народамъ лжи, и худшая политика заключается въ томъ, чтобы поддерживать обманы въ сознаніи народовъ, чтобы внушать людямъ вѣру въ то, что имъ помогутъ, въ то время какъ имъ не помогутъ — то тѣ, кто думаютъ, что не въ состояніи нести свою помощь на край Европы, голосовали, какъ голосовала Франція, и какъ я теперь буду голосовать — за проектъ комиссіи, т. е. за допущеніе (этихъ государствъ лишь) въ техническія организаціи». Изъ отчета 27-го пленарнаго засѣданія перваго собранія Лиги Націй.

Брантингъ (Швеція) имѣлъ въ виду тѣ-же трудности, когда онъ, высказывая глубокія симпатіи балтійскимъ государствамъ, все-же предлагалъ отложить до слѣдующаго Собранія (въ 1921 г.) ихъ принятіе.

При послѣдовавшей затѣмъ баллотировкѣ вопросъ о Грузіи, по предложенію Р. Сесиля (Южная Африка) и Нансена (Норвегія) былъ выдѣленъ.*)

За принятіе Эстоніи, Латвіи и Литвы было подано по пяти голосовъ. Противъ — 27, 24, 24. Государства эти не были приняты въ Лигу.

Послѣ этого, *за допущеніе* Грузіи очень горячо говорилъ *Нансенъ*, указавшій всю важность — не для Грузіи только, но и для Лиги — того, чтобы Грузія была поддержана. Рѣчь эта произнесена была съ большою силою, по англійски. Вслѣдъ за Нансеномъ, въ поддержку той-же мысли, выступилъ лордъ *Робертъ Сесиль*, обратившій особое вниманіе Собранія на важность принятія Грузіи въ Лигу съ точки зрѣнія обязательствъ, взяты хъ на себя Лигою поотношенію къ Арменіи.**)

Немедленно послѣ этихъ двухъ рѣчей слова потребовалъ *Фишеръ* (Великобританія), заявившій что утвержденія Нансена и Сесиля совершенно правильны, но что трудность защиты Грузіи (отъ нападенія извнѣ) остается трудностью; что соображенія Вивіани не были поколеблены, что нѣтъ основанія оказывать Грузіи преимущество передъ балтійскими государствами; что не слѣдуетъ увлекаться чувствами, а разсуждать какъ подобаетъ отвѣтственнымъ государственнымъ людямъ и т. д.***)

---

*) Съ первымъ мы имѣли случай подробно бесѣдовать о кавказскихъ дѣлахъ еще въ декабрѣ 1918 г. Что касается Нансена, то намъ съ М. Сумбатовымъ не трудно было привлечь къ дѣлу Грузіи симпатіи этого благороднаго дѣятеля, энергичнаго поборника человѣчности, на славу своей странѣ и къ благу всѣхъ.

**) Лига Націй какъ разъ въ это время искала способовъ посредничества между Арменіей и Мустафа-Кемалемъ, войска котораго заняли Карсъ и Александрополь.

***) Приведу лишь слѣдующія слова изъ этой рѣчи англійскаго министра народ. просв.: «Я серьезно прошу делегатовъ этого Собранія, которымъ предстоитъ серьезное голосованіе, подумать, готовы-ли они дѣйствительно рекомендовать своимъ правительствамъ, по принадлежности, отправленіе матеріальной помощи этому храброму маленькому государству на окраинахъ Россіи, если часъ нужды наступитъ для него». Въ противоположность лорду Р. Сесилю и Нансену, не видѣвшимъ для Лиги особаго риска отъ пріема Грузіи, Фишеръ находилъ, что надлежитъ

При напряженномъ вниманіи всего зала, при переполненныхъ трибунахъ началось голосованіе. Всего голосовало: 24 государства. Требовалось для избранія 2/3, т. е. 16 голосовъ.

Подано было голосовъ за принятіе — 10, противъ — 13. Такимъ образомъ, Грузія не была избрана членомъ Лиги.*)

Въ этомъ не было ничего неожиданнаго — въ виду положенія, занятаго Франціей и Англіей; особенно послѣдней (что вытекало неизбѣжно изъ поворота ея политики послѣ С. Ремо, съ торжествомъ Л. Джорджа надъ Керзономъ).

Какъ объяснялъ мнѣ и Сумбатову делегатъ Кубы Агуэро, игравшій большую роль въ подготовкѣ всѣхъ вообще голосованій: «средне — и южно американскія республики могли-бы, конечно, массою своихъ голосовъ, добиться принятія въ Лигу Грузіи и балтійскихъ республикъ, какъ того требуетъ справедливость! Но вы отлично знаете, что не справедливость рѣшаетъ эти дѣла! Американскимъ республикамъ неудобно оказываться въ противорѣчіи съ великими державами Европы по вопросу, болѣе важному для этой именно части свѣта. Пусть Англія и Франція, пусть одна Англія дастъ вамъ свой голосъ: мы какъ одинъ человѣкъ, присоединимся къ ней».

Отрицательный результатъ баллотировки искренне огорчилъ всѣхъ, считавшихъ что женевская «ассамблея» націй открываетъ въ жизни народовъ новую главу. Такихъ было много среди представителей печати (особенно, англосаксонскихъ и нейтральныхъ странъ) и среди многочисленныхъ, въ кулуарахъ Собранія, сторонниковъ добропорядочности въ международныхъ отношеніяхъ.

считаться съ опасностью ея положенія. Что же касается лестныхъ для Грузіи выраженій Фишера («this gallant small State») и Нансена («a splendid small nation»),совпадающихъ со словами Кюльмана, приведенными на стр. 90, то репутація эта на дѣлѣ (т. е. въ началѣ 1921 г.) не была оправдана. Многое, впрочемъ, можно было-бы сказать о томъ, кѣмъ и какъ эта репутація создавалась, и кѣмъ ей нанесены удары. См. впрочемъ предисловіе.

*) Голосовали *за* принятіе Грузіи десять государствъ: Ю. Африка, Боливія, Колумбія, Италія, Норвегія, Парагвай, Персія, Португалія, Швейцарія и Чили. Голосовали противъ тринадцать державъ: Австралія, Канада, Куба, Великобританія, Испанія, Франція, Греція, Индія, Новая Зеландія, Нидерланды, Югославія, Чехо-Словакія, Данія. Воздержалось и отсутствовало 18 государствъ; въ числѣ воздержавшихся: Бельгія, Польша, Румынія, Швеція.

Съ другой стороны, благодаря особому вниманію, какое вызвалъ вопросъ о Грузіи въ Собраніи делегатовъ 40 государствъ, за которымъ слѣдила печать всего міра многое было достигнуто въ смыслѣ пропаганды идеи независимости Грузіи. Кандидатура Грузіи въ Лигѣ Націй оказалась хорошимъ средствомъ введенія этой идеи, для большинства совершенно новой, въ политическій кругозоръ государственныхъ дѣятелей всего міра.*)

Однако, политическая мораль этой исторіи выводилась безъ всякихъ затрудненій: она, впрочемъ, прямо подсказывалась державами, господствовавшими въ женевскомъ собраніи, и сводилась къ тому, что *въ случаѣ нападенія на Грузію извнѣ, ни Лига Націй, ни державы, дѣйствующія подъ ея маскою, не могутъ и не будутъ ее защищать.* Такъ заявила Франція, такъ заявила Англія: голосъ ихъ звучалъ убѣдительнѣе, чѣмъ призывъ представителей Норвегіи и Южной Африки.

88.

Для того, чтобы выводъ этотъ былъ особенно нагляденъ, и чтобы не оставалось никакихъ сомнѣній, безымянный режиссеръ всемірной исторіи устроилъ такъ, что съ засѣданіемъ перваго общаго собранія Лиги Націй совпали самые тяжелые удары дѣлу независимости Арменіи. Войска Мустафы-Кемаля заняли Карсъ и Александрополь въ началѣ ноября 1920 г. Эриванское правительство «революціонной федераціи дашнакцутюнъ», чьимъ представителемъ подписанъ былъ Севрскій договоръ, пало; на его мѣстѣ возникло совѣтское правительство Арменіи, и московская власть съ энергіей принялась за дѣло его примиренія съ турками, т. е. за то, чѣмъ желала заняться какъ разъ Лига Націй. Въ самомъ дѣлѣ, 22 ноября Общее Собраніе, по предложенію *Вивіани*, поручило Совѣту Лиги вступить въ *переговоры съ правительствами относитель-*

*) Согласно принятой тогда-же т. е. 16 декабря резолюціи, Грузія и балтійскія республики получили возможность немедленнаго участія въ практическихъ организаціяхъ Лиги (каковы конференціи и комитеты: по вопросамъ финансовымъ и экономическимъ, по вопросамъ международной санитаріи и гигіены; сообщеній и транзита; бюро труда) — на общихъ основаніяхъ съ государствами — членами Лиги.

но возложенія на какую-либо державу посредничества, необходимаго для прекращенія военныхъ дѣйствій между Арменіей и кемалистами.

Сознательно направленный въ этотъ тупикъ, филантропическій порывъ Лиги оказался, конечно, безплоднымъ. А обращеніе ея ко всѣмъ правительствамъ и отвѣтные недоумѣнные вопросы однихъ, напр. Австраліи о томъ, чего собственно отъ нея требуютъ, и какъ ей спасать Арменію — или обѣщаніе «моральной поддержки» со стороны Сальвадора и Гондураса вносило элементъ комизма въ совершенно трагическое положеніе.

1-го декабря Совѣтъ Лиги получилъ отъ президента Вильсона телеграфное собщеніе о невозможности, въ виду отсутствія разрѣшенія Конгресса, для С. Штатовъ оказанія помощи Арменіи войсками или матеріальными средствами. Вильсонъ предлагалъ лишь свое *личное* посредничество — черезъ назначеннаго имъ представителя — для прекращенія военныхъ дѣйствій противъ армянъ, при условіи дипломатической и моральной поддержки великихъ державъ и указаній со стороны Совѣта Лиги относительно того, какими путями и кому должны быть адресованы его примирительныя предложенія. Одновременно поступили предложенія добрыхъ услугъ отъ Испаніи и Бразиліи. Безнадежность этой переписки и этой процедуры ни въ комъ не вызывала сомнѣній.*)

Были, конечно, въ Женевѣ люди, серьезно желавшіе помочь Арменіи. Р. Сесиль считался ихъ вожакомъ. Нансенъ пытался даже поставить въ Общемъ Собраніи вопросъ о посылкѣ военной экспедиціи. Понадобилось-бы, по его словамъ, *какихъ-либо* 60.000 человѣкъ и столько-то фунт. стерлинговъ! Мысль эта не получила развитія; и спеціально избранная, по предложенію Р. Сесиля и бельгійскаго сенатора Лафонтена,

---

*) Въ журналѣ-дневникѣ перваго Общаго Собранія и въ напечатанныхъ для послѣдняго документахъ можно найти всѣ телеграммы и матеріалы относящіеся къ исторіи плачевныхъ стараній Лиги Націй придти на помощь Арменіи.

См. въ частности, Soc. des Nat. Situation en Arménie. Tel. reçus et envoyés par le Conseil. Кромѣ упомянутаго Journal de la première Assemblée de la S. d. N. (всего 36 N N) имѣются стенографическіе отчеты засѣданій.

комиссія*) не была въ состояніи указать практическаго пути для вмѣшательства въ распрю, въ которой теперь и Совѣтская Россія занимала особое положеніе.

Въ одной изъ нашихъ бесѣдъ съ Нансеномъ рѣчь зашла о возможномъ отношеніи грузинскаго правительства къ вопросу о помощи Арменіи, если таковая будетъ ей оказана. А 26-го ноября секретарь «комиссіи шести» по дѣлу Арменіи, Луиджи Виллари (извѣстный итальянскій журналистъ) возвѣстилъ намъ на слѣдующій день визитъ англійскаго генерала сэра Фредерика Мориса**), «желающаго поговорить о нѣкоторыхъ вопросахъ, относящихся къ Закавказью». Генералъ пришелъ къ намъ въ Gd Hôtel de la Paix, въ сопровожденіи Виллари, и спросилъ, отъ имени лорда Роберта Сесиля: дастъ-ли грузинское правительство Лигѣ Націй возможность оказать Арменіи помощь изъ Грузіи? будетъ-ли, такъ сказать, открыта для этой работы дверь въ Грузію?

Отвѣтъ мой гласилъ, что грузинское правительство всегда, насколько могло, приходило на помощь армянамъ въ ихъ несчастіяхъ; что и въ настоящее время Лига Націй можетъ быть увѣрена въ полномъ содѣйствіи Грузіи всему, что касается гуманитарной помощи со стороны Лиги страждущему армянскому населенію (продовольствіе, бѣженцы, сироты, медицинская помощь и т. д.). Если-же рѣчь пойдетъ о помощи *военной*, хотя-бы замаскированной, тогда Грузія должна обсудить вопросъ съ точки зрѣнія своего положенія, какъ страны нейтральной по отношенію къ туркамъ и русскимъ.

«Что если Лига Націй обезпечитъ вамъ безопасность Батума отъ нападенія «кемалистовъ»? спросилъ генералъ.

«Это было-бы превосходно. Но дѣло не въ одномъ Батумѣ — вопросъ сложнѣе и обширнѣе.»

*) Въ засѣданіи 22 ноября Общее Собраніе Лиги приняло *одновременно* предложеніе г. Вивіани о возложеніи на Совѣтъ Лиги заботы по пріисканію державы-посредницы между Арменіей и «кемалистами» (см. выше въ текстѣ) — и соединенное предложеніе лорда Р. Сесиля и Лафонтена объ избраніи комиссіи изъ 6 членовъ для доклада Общему Собранію о «мѣрахъ, которыя могутъ быть приняты для прекращенія враждебныхъ дѣйствій между Арменіей и кемалистами». Задача этой «комиссіи шести» была слѣдовательно гораздо шире чѣмъ порученіе, возложенное на Совѣтъ. Въ составъ комиссіи вошли: лордъ Робертъ Сесиль, Нансенъ, бельгійскій сенаторъ Лафонтенъ, аргентинскій министръ Перредонъ (Pueyrredon), итальянскій министръ Шанцеръ и Р. Вивіани.

**) Подвизающагося и въ печати.

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ сэръ Ф. Морисъ замѣтилъ, что помощь Лигѣ въ этомъ дѣлѣ облегчитъ Грузіи пріемъ въ составъ.

Я отвѣтилъ, что свой долгъ (въ предѣлахъ совмѣстныхъ съ безопасностью для страны) по отношенію къ страждущему сосѣду Грузія всегда выполнитъ, независимо отъ того, примутъ ли ее въ Лигу или нѣтъ.

Не имѣя, впрочемъ, полномочія говорить по такимъ вопросамъ, я высказалъ въ заключеніе генералу, что лучше всего они могутъ быть разрѣшены въ Лондонѣ — гдѣ какъ разъ въ эти дни происходила очередная конференція «великихъ союзниковъ», и гдѣ находился также министръ иностранныхъ дѣлъ Грузіи Гегечкори.

Какъ видно изъ этого курьезнаго разговора комиссія, избранная ассамблеей для заботы объ Арменіи, надѣялась еще на возможность организаціи вооруженной помощи послѣдней, быть можетъ даже въ «гарибальдійскомъ» духѣ. Но безъ трехъ великихъ державъ, совѣщавшихся въ Лондонѣ, и безъ С. Штатовъ (отвѣтъ ихъ 1-го декабря равнялся отказу) Лига была безсильна; она оказалась безсильной, такъ какъ державы признали невозможнымъ вмѣшательство въ пользу Арменіи; въ частности постановлено было отказать Арменіи и въ пріемѣ въ члены Лиги, что было равносильно отказу въ моральной поддержкѣ и очень поразило многочисленныхъ въ Европѣ друзей Арменіи.

По этому поводу припоминаю еще посѣщеніе, 4-го декабря, бельгійскаго делегата, предсѣдателя «комиссіи шести», — сенатора-соціалиста Лафонтена, Онъ взволнованно заявилъ: «армянскіе делегаты сообщили мнѣ, что грузинскія войска заняли нейтральную полосу въ Борчалинскомъ уѣздѣ и вторглись даже въ коренную Арменію. Я — вашъ другъ, но если это — фактъ, мнѣ придется выступить противъ допущенія Грузіи въ Лигу!». Имѣя недостаточно ясное сообщеніе о занятіи грузинскими правительствомъ нейтральной полосы по соглашенію съ Арменіей (т. е. съ ея павшимъ уже правительствомъ) я старался успокоить почтеннаго сенатора, какъ только могъ.*) Вопросъ о допущеніи въ Лигу Арменіи представлялся ему не возбуждающимъ сомнѣній. Узнавъ же отъ меня, что Франція и Англія вопросъ этотъ разрѣшаютъ от-

*) Самой же этой новой «борчалинской исторіи» можно здѣсь и не касаться.

рительно, Лафонтенъ пришелъ въ такое волненіе, что совершенно забылъ о захватѣ грузинскими войсками армянской территоріи: онъ негодовалъ на великія державы.

А державы эти оказались, правду сказать, въ положеніи мало соотвѣтствующемъ ихъ «великости». Главный британскій делегатъ Бальфуръ въ своей рѣчи 22-го ноября громогласно объявилъ Мустафу-Кемаля *«вожакомъ организованной банды разбойниковъ»* и находилъ, что «какое-ужъ тотъ посредничество». Словомъ, Англіи вся эта исторія теперь какъ бы вовсе не касалась, Франція-же и Италія не имѣли и тѣни желанія отстаивать Севрскій договоръ, особенно въ «армянской» его части: наоборотъ.

Президентъ Вильсонъ какъ разъ теперь — 22 ноября 1920 г. — начерталъ армянотурецкую границу — въ вилайетахъ Трапезунда, Эрзерума, Битлиса и Вана; но это былъ его личный вкладъ въ политическую географію Ближняго Востока! На самомъ дѣлѣ турки сидѣли въ Карсѣ и Александрополѣ; армянскій вопросъ перемѣстился теперь въ б. русскую Арменію, и вмѣшательство Россіи въ армянотурецкую распрю получало практическое значеніе не только въ виду наличности русскихъ войскъ по сосѣдству, въ Азербайджанѣ, но также въ виду созданныхъ политикой Севрскаго трактата симпатій между Москвою и Ангорою и оживившихся одновременно армянскихъ расчетовъ на русскую поддержку.

Итакъ, спустя ровно два года послѣ капитуляціи въ Мудросѣ, турки вернулись въ Карсъ: полное торжество Брестъ-Литовска надъ Севромъ!

Посредническая задача, взятая на себя Россіей — о чемъ Чичеринъ телеграфировалъ Красину въ Лондонъ (11 ноября) — какъ разъ въ то время, когда великія державы не знали, какъ имъ быть съ Арменіей, принесла, навѣрное, инымъ изъ этихъ державъ чувство облегченія, къ которому, быть можетъ, примѣшивалась и надежда на неминуемое будто-бы столкновеніе — хотя-бы изъ-за Карса — «совѣтскаго имперіализма» съ «національзмомъ» Мустафы-Кемаля, къ вящшей выгодѣ Севрской программы. Такая надежда не оправдалась. Но военныя дѣйствія между Турціей и Арменіей дѣйствительно прекратились (турки взяли все, на что претендовали). Эриванская-же республика вернулась въ русское политическое русло, на этотъ разъ подъ знакъ «серпа и молота». Надежда на русскую помощь оказалась столько-же тщетной, какъ

увѣренность въ исполненіи американскихъ и англо-французскихъ обѣщаній.

Таково было неизбѣжное послѣдствіе политическаго азарта, которымъ диктовались территоріальныя требованія Арменіи, несоотвѣтствія поставленныхъ ею задачъ собственнымъ силамъ и фатальной ослѣпленности въ оцѣнкѣ событій и обстановки.

ГЛАВА XXXIV.

ПРИЗНАНІЕ ГРУЗІИ DE JURE.

89.

Къ началу 1921 года вопросъ о формальномъ признаніи независимости б. русскихъ окраинъ, ставшихъ самостоятельными республиками — т. е. Эстоніи, Латвіи, Литвы и Грузіи, оказался достаточно созрѣвшимъ, не только въ виду устойчивости и успѣшной дѣятельности правительствъ, возникшихъ въ этихъ странахъ, но и вслѣдствіе крушенія надежды на близкій конецъ совѣтскаго строя въ Россіи и на побѣду здѣсь силъ, способныхъ «потребовать» обратно эти окраины, свое законное, якобы, добро.

Правительство С. Штатовъ еще раздѣляло точку зрѣнія о необходимости огражденія нераздѣльности Россіи съ прежней прямолинейностью. Въ нотѣ, вызвавшей много толковъ и заключавшей отвѣтъ на вопросъ, поставленный американскимъ посломъ въ Римѣ (августъ 1920 г.), государственный секретарь Бэнбриджъ Колби говорилъ о необходимости, изъ чувствъ дружбы и чести, отсрочки всѣхъ рѣшеній, могущихъ имѣть для Россіи жизненное значеніе, въ частности, всего, относящагося къ территоріальному суверенитету б. россійской имперіи. Вотъ почему, по словамъ ноты, американское правительство упорно отказывается признать балтійскія государства особыми независимыми отъ Россіи націями. Исключеніе допускается американскимъ правительствомъ лишь въ пользу Финляндіи, этнографической Польши и Арменіи.*)

*) Въ американской нотѣ не безъ пренебреженія упоминаются «такъ называемыя республики Грузія и Азербайджанъ». По этому поводу, грузинская делегація въ меморандумѣ, представленномъ правительствамъ великихъ державъ, объясняла, что «правительство Грузіи получило свою власть изъ рукъ представительнаго Собранія, регулярно избраннаго всеобщимъ голосованіемъ всего населенія; всѣ публичныя свободы, въ томъ числѣ свобода

Заговоривъ объ «исключеніяхъ», американское правительство, конечно, колебало свою точку зрѣнія. Но вообще взглядъ этотъ отставалъ отъ развитія международной политики Европы и въ устахъ правительства президента Вильсона, приближавшагося къ окончанію своихъ полномочій, не имѣлъ уже былого авторитета.

Разграниченіе Польши и Россіи пошло вовсе не по этнической межѣ. Это новая граница — граница Рижскаго мира — пріобрѣтала большое значеніе какъ черта, отдѣляющая сферу Совѣтской диктатуры и классоваго террора отъ странъ, пріемлющихъ частную собственность и представительный строй. На лѣвомъ флангѣ этой границы, группа балтійскихъ государствъ получала огромное значеніе; ее нельзя было оставлять въ неопредѣленномъ положеніи, хотя-бы ради устойчивости вышеупомянутой черты, не говоря уже объ интересахъ связанныхъ въ германизованной нѣкогда Балтикѣ съ исполненіемъ Версальскаго договора, или морскихъ интересахъ въ Балтійскомъ морѣ. Вмѣстѣ съ предстоявшимъ позже (въ 1923 г) признаніемъ власти Румыніи въ Бессарабіи — на правомъ флангѣ все той же черты, здѣсь создавался одинъ изъ немногихъ «архитектурныхъ ансанблей» новой Европы, представляющихъ извѣстное единство мысли — и цѣнность, устойчивость котораго будетъ зависѣть отъ того, чего вообще эта «новая Европа» будетъ стоить.

Съ другой стороны, ожидавшееся въ началѣ 1921 г. подписаніе русско-англійскаго соглашенія, побуждало торопиться съ заблаговременнымъ признаніемъ новыхъ республикъ, выдержавшихъ всѣ бури 1917-1921 г.г.

Рядомъ съ молодыми балтійскими государствами своеобразно было положеніе Грузіи. И она являлась частью *возможнаго* кавказскаго «ансамбля», призваннаго прикрывать Анатолію и Персію отъ вихрей «сарматской равнины». Благо-

---

печати, обезпечены въ Грузіи; правосудіе, мѣстное самоуправленіе и привилегіи національныхъ меньшинствъ устроены тамъ на самыхъ либеральныхъ основаніяхъ. Словомъ все, отсутствіе чего ставится въ упрекъ русскому режиму Совѣтовъ полностью осуществлено въ учрежденіяхъ Грузіи. Вездѣ въ обоихъ полушаріяхъ форма правительства и государственная система, практикуемыя въ Грузіи, признаются *республиканскими*». См. сборникъ документовъ о Грузіи, представленный Лигѣ Націй въ 1920 г. Documents etc. p. 50.

даря нестройности большого европейскаго концерта, и неналаженности концерта спеціально кавказскаго, казавшееся одно время возможнымъ, построеніе не осуществилось. Трудностей было много; для преодолѣнія ихъ мѣстныхъ энергій оказалось недостаточно; а «Верховный Совѣтъ союзныхъ державъ» не имѣлъ ни силъ, ни желанія созидать что-либо, или серьезно помогать такому созиданію — восточнѣе опредѣленнаго меридіана.

Изъ кавказскихъ республикъ, одна Грузія дотянула до дня признанія de jure. Горская республика не была признана и фактически. Азербайджанъ и Арменія, пріобщившись къ благамъ коммунизма, помазанные совѣтскимъ елеемъ, выбыли въ 1920 году изъ строя — съ точки зрѣнія Европы.

Грузіи, формально признанной совѣтскимъ русскимъ правительствомъ (по договору 7-го мая 1920 г.) и только что (16 ноября), заключившей съ Россіей и Азербайжданомъ договоръ о транзитѣ, открывавшій послѣднимъ возможность свободной торговли въ Батумѣ, казалось, ничего не могло угрожать. Въ Женевѣ всѣ сторонники принятія Грузіи въ Лигу ссылались именно на договоръ 7-го мая и на признаніе Московскимъ правительствомъ независимости Грузіи, какъ на сильный договоръ въ пользу принятія послѣдней. Болѣе умудренные, сомнительно покачивали головой («а что, если все же нападутъ?»).

Вообще-же, необходимость скорѣйшаго признанія de jure четырехъ республикъ всѣми признавалась въ Женевѣ, что, въ свою очередь, содѣйствовало ускоренію этого признанія.

Оно и состоялось, на очередной конференціи великихъ державъ , въ Парижѣ, 26-го января 1921 г. Эстонія и Латвія были признаны независимыми de jure безоговорочно. Рѣшеніе вопроса о Литвѣ (въ принципѣ — положительное) было отложено впредь до разрѣшенія Лигой Націй вопроса о Вильнѣ. Что касается Грузіи, «*конференція*, по словамъ официальнаго сообщенія (появившагося въ газетахъ 27-го января) *отнеслась вполнѣ благопріятно къ юридическому признанію Грузіи, если послѣдняя возбудитъ о томъ формально просьбу. Мнѣніе ея представителя въ Парижѣ будетъ немедленно запрошено по этому поводу*».

«Если Грузія формально попроситъ»... Эта фраза (наивная, по замѣчанію газ. T i m e s) наводила на размышленія. Вѣдь въ 1919-20 г.г. возбужденіе и повтореніе ходатайствъ о признаніи de jure было главнымъ занятіемъ парижской нашей делегаціи. Въ концѣ 1920 года Гегечкори продолжалъ эту работу.

27 января я нашелъ его въ помѣщеніи грузинской миссіи въ такомъ же недоумѣніи, какое испытывалъ самъ. Смутно чувствовалось, что за формальнымъ признаніемъ скрывается какая-то опасность для Грузіи — по крайней мѣрѣ въ глазахъ того или тѣхъ, чья мысль отражалась въ сообщеніи конференціи. Однако, надо было торопиться съ рѣшеніемъ вопроса: возбуждать или не возбуждать такую «формальную просьбу»? Колебаніямъ, конечно, не могло быть мѣста: непризнаніе или отсрочка признанія, никакъ не устранила-бы опасности, а формальное признаніе независимости было-бы для Грузіи, во всякомъ случаѣ, цѣннымъ достиженіемъ. Гегечкори немедленно отправилъ Верховному Совѣту «формальную просьбу», и юридическое признаніе независимости Грузіи великими державами состоялось въ тотъ-же день, т. е. 27 января 1921 г (14 января с. с., день равноапостольный св. Нины, національный праздникъ христіанской Грузіи), о чемъ Гегечкори получилъ извѣщеніе за подписью предсѣдателя конференціи Аристида Бріана.

Когда, въ началѣ 1920 г., три кавказскія республики были признаны независимыми de facto, по предложенію лорда Керзона, съ признаніемъ этимъ связывался опредѣленный политическій планъ, по разнымъ причинамъ, подробно изложеннымъ выше, неосуществившійся. Теперь, въ моментъ формальнаго завершенія дѣла о признаніи грузинской независимости, Ллойдъ Джорджъ (вышеизложенная оговорка : если и т. д. — рекомендована была конференціи англійскимъ премьеромъ) съ особой заботливостью готовитъ позицію, при которой въ случаѣ чего-либо, что онъ, очевидно, считаетъ возможнымъ, или чего онъ ожидаетъ—Грузіи можно сказать: vous l'avez voulu, George Dandin!

Существуетъ версія, точность которой трудно провѣрить, но которая освѣщаетъ и то, что упомянуто выше, и то, что произошло позже. Во время переговоровъ Красина въ Лондонѣ, ему дано было понять, что бакинская нефть — главный

товаръ, выложенный имъ на прилавокъ — безъ полнаго распоряженія закавказскимъ нефтепроводомъ и Батумомъ сильно обезцѣнивается. Одновременно — въ противорѣчіе съ прежней политикой (лорда Керзона), но въ соотвѣтствіи съ возобладавшими политическами видами Ллойдъ Джорджа, Англія начала склоняться къ признанію своей политической не-заинтересованности въ республикахъ Закавказья. Умозаключеніе — о необходимости «исправленія» товара — сдѣлать было не трудно. За умозаключеніемъ послѣдовало и дѣйствіе, къ которому имѣлись, конечно, и другія побужденія, всѣмъ извѣстныя.

Однако, признаніемъ de jure увѣнчивалась и формально завершалась работа по созданію независимой Грузіи и по защитѣ ея интересовъ въ Европѣ.

90.

Грузинское правительство, получивъ, послѣ признанія, возможность устройства регулярнаго дипломатическаго представительства въ центрахъ Европы, поспѣшило назначить посланникомъ своимъ при главнѣйшихъ кабинетахъ Акакія Чхенкели, который къ серединѣ февраля 1921 г. былъ въ Парижѣ, а 20-го числа возлагалъ уже, съ колѣнопреклоненіемъ, вѣнокъ на могилу «Неизвѣстнаго солдата» подъ тріумфальной аркой..

Въ это время стали доходить телеграммы о начавшихся столкновеніяхъ съ красными отрядами, особенно на южной границѣ Грузіи. Въ послѣдніе мѣсяцы 1920 г. и позже неоднократно появлялись извѣстія о паденіи Батума, Тифлиса и т. д. — то были какъ-бы тѣни, бросаемыя впередъ близившимися уже событіями. На этотъ разъ — 20-го, 21-го февраля рѣчь шла о точныхъ фактахъ. Нѣсколько позже поступило извѣстіе о грузинскомъ успѣхѣ у Тифлиса, и, почти одновременно, — о рѣшеніи турокъ занять Артвинъ и Ардаганъ. Это было «тактическое» окруженіе Грузіи послѣ политическаго изолированія и подготовки изнутри.

25-го февраля 1921 года, грузинскій посланникъ, въ сопровожденіи церемоніймейстера, направился торжественно, въ парадномъ экипажѣ Елисейскаго дворца, эскортируемый

кавалеріею, изъ помѣщенія грузинской миссіи къ резиденціи президента французской республики, для врученія г. Мильерану вѣрительныхъ грамотъ.

Я смотрѣлъ, изъ толпы передъ посольствомъ, на это обычное для Парижа и столь значительное для Грузіи зрѣлище: произносилъ мысленно свое «нынѣ отпущаеши».. ; припоминалъ — какъ двѣсти слишкомъ лѣтъ тому назадъ, посланецъ царя Вахтанга VI, князь Саба-Сулханъ Орбеліани былъ принятъ Людовикомъ XIV въ Версальскомъ дворцѣ и просилъ помощи для Грузіи*). Его старанія не имѣли послѣдствій: король-солнце («солнце» уже почти закатившееся) былъ совершенно безсиленъ что-либо сдѣлать.

Въ тотъ-же день, 25 февраля 1921 г., совѣтскія войска вступили въ Тифлисъ, имѣя впереди одного изъ коммиссаровъ-грузинъ на бѣломъ конѣ и съ краснымъ знаменемъ въ рукахъ. Рядомъ съ нимъ, незримо, ѣхалъ на ободранной клячѣ скелетъ въ лохмотьяхъ, съ косою разрушенія въ костлявыхъ пальцахъ.

Правительство Грузинской демократіи бѣжало въ Европу, — закончивъ національною катастрофою трехлѣтнюю свою дѣятельность въ странѣ, все ему ввѣрившей и довѣрившей.

Но минуетъ память о лицахъ; пепломъ забвенія покроются ихъ ошибки.. Уже, окропленная живою водою, воскресла старая Грузія, и вновь ее умертвить можетъ лишь малодушіе собственныхъ ея дѣтей.

КОНЕЦЪ

---

*) Это было въ маѣ 1714 года. «Комплиментъ», произнесенный Орбеліани, напечатанъ въ Nouveau Journal Asiatique. T. IX. P. 1832. Тамъ-же другія данныя о его миссіи. Саба-Сулханъ — извѣстный грузинскій писатель и лексикографъ, умеръ въ Москвѣ. Превратности разныхъ «оріентацій» заставили многихъ грузинъ того времени искать убѣжища въ Россіи: теперь имъ приходится искать убѣжища отъ Россіи.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ.

Абашидзе Кита 7
Абдулъ-Азисъ султанъ 137
Абхази кн. Константинъ 238
Августъ VII
Агуэро 300
Алексѣевъ ген. 196-7
Алленби ген. 122
Андерсъ конс. 63
Андріулли Д. 223
Андроникова кн. И. М. 35
Арнавонъ 179
Ахметели Ладо 71
Агаронянъ Аветисъ ... 134, 141, 213, 232, 254, 263, 265 сл. 275-6, 291

Бальфуръ А. 159, 247, 305
Баммать Гайдаръ-бей 40-1, 134, 137
Бапстъ Эдмондъ 117, 119
Баратовъ Н. ген. 200
Битти адм. 244-5
Брантингъ 299
Бріанъ Аристидъ 310
Буше ф. 84-5

Вандервельде Э. 292
Ванситтартъ Робертъ ... 244, 254, 256, 265 сл. 272-5
Варандянъ Микаэль 212-214
Вахтангъ VI царь 312
Везендонкъ Отто ф. 38, 59, 70, 72, 80
Вехибъ-паша ..... (37, 40, 50, 60, 63-4, 84, 94-5
Вивіани Ренэ 298-9, 301, 303
Виллари Луиджи 303
Вильгельмъ II 77-79, 135, 144
Вильсонъ през. ... 170, 181, 205, 208, 226, 228, 232, 302, 305, 308
Вильсонъ сэръ Генри 243-5
Вольфъ Теодоръ 88
Врангель ген. 281, 293

Габба полк. 222-3
Гаджибековъ Джейхунъ 234
Гаджинскій Магометъ-Гассанъ 34, 39, 51, 54, 59, 234
Гамбашидзе Вахтангъ 63, 94
Гамбашидзе Давидъ ... 159, 161, 163, 177, 183, 229, 289
Ганъ К. Ѳ. 83
Гарденъ Максимиліанъ 88
Гвазава Георгій 85, 92, 133, 145
Гварджаладзе Константинъ 177, 277
Гегечкори Евгеній 27, 33, 85-6, 153, 164, 198, 210 237, 240, 249, 291, 293, 296, 304, 310
Геллатъ д-ръ 6
Геловани Варламъ 6
Гендерсонъ А. 213-214
Геппертъ д-ръ 77, 80, 84-5, 124, 154
Геппертъ д-ръ старшій 107
Гертлингъ графъ ф. 7
Гертлингъ графъ ф. 79
Гинденбургъ-фонъ 79, 128
Гинце фонъ 111, 119
Глазбергъ Н. Б. 13
Глазенаппъ фонъ 83
Гобечіа Іосифъ 276-7
Гогичайшвили Филиппъ 285, 291
Гоголашвили Іосифъ 64
Головинъ Ф. А. 8
Голушевъ 139
Григорій изъ Хандзты 57
Гунеусъ Антоніо 296
Гюисмансъ К. 213-214, 292

Давидъ Строитель IX
Давидъ с.-д. 78
Деникинъ ген. ... 191, 195-6, 198-204, 206, 210, 220, 236 239-40, 248-9
Денъ полк. 249
Джавахишвили Иванъ 4
Джафаровъ Мамедъ 7, 57, 210
Джемалъ-паша 37, 50-1
Джугели Валико 29
Дольчи Анджело 143
Драгомировъ ген. 201

Екатерина II 111
Енукидзе Авель 10

Жорданіа Ной ... 28, 33, 56, 58, 61, 110, 133, 165, 167 205, 206, 222, 285

Зока-ед-дауле 298
Зурабовъ Аршакъ 70
Изветъ-паша 135, 139-141
Ираклій II 111

Іоганнесъ 80
Іонеску Тома 296, 298
Іоффе 78, 99, 111, 123

Камбонъ Жюль 241, 242, 245, 249
Камбонъ Поль 179
Каммереръ 179-180, 254-6
Канделаки Константинъ 285, 291
Качазнуни Рубенъ 34, 39, 62, 95
Каутскій Карлъ 292
Квинитадзе Георгій 59
Кедіа Спиридонъ 18, 84
Керенскій А. Ѳ. 6-7
Керзонъ лордъ ... 241, 245, 247, 269, 279, 288, 300, 310, 311
Керръ Филиппъ 214, 243
Колби Б. 307
Колчакъ адмиралъ ... 193-5, 201-2, 223-4, 236, 239, 248
Корганов Гавріилъ 58
Кори ген. 198
Коркіа Александръ 9
Красинъ 204, 305, 310
Клемансо Жоржъ 173, 208, 227, 245-6
Крессъ-ф.-Крессенштейнъ ... 79-80, 85, 109, 146 154
Криге д-ръ І. 78-80, 86-89, 110-1, 124
Кюльманъ Р. фонъ 77, 80-82, 89-91, 99, 109, 111

Ладжъ (Lodge) сен. 157
Лафонтенъ сен. 302, 304-5
Лангъ У. 244
Ледницкій А.И. 6
Лейстъ Артуръ 60
Лиманъ ф. Сандерсъ 122
Листъ ф. 110-11
Ллойдъ Джорджъ .. 181, 208, 239, 241, 245, 247, 252 288, 300, 310-11
Лонгэ Жанъ 213
Лоссовъ ф. ген. 38, 52, 54, 56, 60, 63, 65, 70, 72, 77-80 84, 86, 89, 134-5 141
Ляцкій Е.А. 13
Людендорфъ 79, 80, 88, 144
Людовикъ XIV 312

Магерамовъ Магометъ 234, 241, 246
Мазніевъ Георгій ген. 198
Макдональдъ Рамзей 213, 292
Макиндеръ 240
Маллетъ, сэръ Луисъ 163 220
Марръ акад. 25
Мачабели Георгій кн. 80, 83
Махмутъ-паша 138
Мдивани Сисико 168
Мехмандаровъ ген. 210

Мейеровицъ 195
Мехтіевъ Миръ-Якубъ 234
Милнъ ген. 206
Мирбахъ, графъ 52
Митридатъ Евпаторъ VIII
Монзи, де 234
Морисъ Ф. ген. 303-4
Муссолини 224
Мустафа Кемалъ ... 230, 232, 259, 289, 299, 301, 305
Муціусъ фонъ 119

Набиб-бей 140
Набоковъ В. Д. 8
Нансенъ Ф. 296-7, 299-300, 302-3
Нарадунгіанъ Габріэль Эфенди ... 267, 273, 278-9
Науманъ Ф. 78
Николадзе Николай ... 34, 38-9, 51, 57-8, 60-1, 65, 71 80-2, 84, 86, 101, 105, 116, 123
Николай II 198
Николай Николаевичъ Вел. Кн. ... 71, 165, 254
Николай Михаиловичъ Вел. Кн. 81
Нитти Ф. 224, 245
Нольде бар. Б. Э. 12
Норрегоръ Б. 120
Нубаръ Богосъ ..... 168-9, 175, 263, 265 сл., 276-7, 279
Нури-паша 135
Нусретъ-бей 41, 64

Овей Э. 117, 158
Оганджанянъ Амазаспъ 70, 123, 213
Одишелидзе Илья 58, 59, 62, 85, 92, 210
Оксенштьерна гр. Аксель 244
Орбеліани С. Сулханъ 186, 312
Орханъ-бей 40, 94

Падеревскій 298
Пайеръ фонъ 107-8
Пападжановъ Михаилъ 96, 134
Переверзевъ П. 6
Петре свящ. 143
Піипъ 5
Піо свящ. 134, 145
Пишонъ С. 119, 173-4, 181, 235
Политисъ Н. 296-7
Поска 195
Пулле 297

Рагги Сальваго 222
Райкрофтъ ген. 167
Рамишвили Ной ... 61, 63, 64, 65, 92, 93, 96, 167, 197, 210
Расулъ-Заде Магометъ Эминъ 34, 39, 95, 134, 136
Рауфъ-бей 142, 155
Рей (Rea) полк. 237
Ренодель Пьеръ 213, 292

Рестрепо 298
Решадъ-Хикметъ 140, 155
Розенбергъ фонъ 77, 80, 81, 84, 85
РорбахъП. 85
Рцхиладзе Григорій 92

Сабахтарашвили Константинъ 279
Сагателянъ чл. Г. Д. 209
Сазоновъ С. Д. 178
Сафикюрдскій Асланъ-бекъ 57
Сесиль лордъ Робертъ 299, 302-3
Симонсъ д-ръ 80, 82-3
Сноуденъ Э. г-жа 292
Соколовъ К. Н. 201
Стоксъ полк. 289
Сумбатовъ Михаилъ кн. 153, 297, 299, 300
Сургуладзе Петръ 57-8, 68

Талаатъ 37, 114, 121, 122-4, 127, 133
Таки-заде 78
Тамара ..... IX, 25
Тевфикъ-паша 133, 138
Тиграновъ, Л. Ф. ген. 10, 11
Тигранъ, царь Арменіи 34
Тисса графъ 146
Томсонъ ген. 205, 222
Топчибашевъ .... 135, 195, 234, 241, 242, 265 сл., 279
Торрета маркизъ 222, 241
Тундутовъ кн. 71, 77-9

Уордропъ сэръ Оливеръ 118, 158-9, 200, 236, 241
Усубековъ Насибъ-бей 57, 237

Фаррухъ-Эфенди 122
Фердинандъ Болгарскій 130-1
Финдлей сэръ М. К. 117-119, 158
Фишеръ 297, 299
Фошъ 116, 245
Франкенштейнъ ф. 84
Фридрихъ кронпринцъ 79

Халилъ-бей 37, 40-1, 50, 60-1, 84, 94, 96
Харбордъ ген. 228-9, 230-232
Харламовъ 7
Хасмамедовъ Халилъ-бекъ 57, 135
Хаскелъ полк. 227-8, 232
Хатисянъ Александръ 34, 39, 51, 62, 96, 237
Хаузъ (House) полк. 199, 226
Хойскій Патали-ханъ 57
Хоштаріа Акакій 17, 18

Целли Энрико 224
Церетели Ираклій ... 32, 177, 179, 180, 183 сл. 189, 202 208, 213, 218, 219, 220, 241, 242, 246, 280, 292
Церетели Михаилъ 80, 83, 86, 153

Чавчавадзе Гарсеванъ 238
Чавчавадзе Илья 238
Черкезовъ Александръ 9
Чермоевъ Абдулъ-Меджидъ-бей 40, 195
Черчиль У. 204, 243, 245
Чичеринъ нар. ком. 53, 305
Чобанянъ Аршакъ 279
Чхеидзе Николай ... 177, 179, 180, 183 сл. 189 195, 218-9 222, 246, 256, 265 сл. 271, 275 сл. 286-7, 291
Чхенкели Акакій ... 24, 27-8, 33-5, 38, 41, 46, 49, 51 57-65, 71-2, 77, Ы0-1, 84, 86-7, 107, 116, 123-4, 142-4, 153,177 207, 212, 311

Шагасъ 298
Шамиль 137
Шардиньи полк. 167, 254-5
Шейдеманъ 78, 128
Шейх-уль-исламъ-заде Акберъ 234
Штейнъ бар. фонъ 84, 106-7
Шуленбургъ графъ 38, 41, 59, 62, 64-5
Шульгинъ В. 198

Энверъ-паша 112, 135
Эрцбергеръ М. 78
Эссадъ-паша 84

Юденичъ ген. 239

Исправленіе погрѣшностей.

Стр.	Строка	*Читать:*
14	загол.	133
16	прим.	стр. 12
21	2 стр.	отодвинувъ
36	посл. ст.	своего
—	8	внушительной
—	13	gratissima
40	внизу	нефти).
42	4	мѣстностяхъ
—	20	Эчміадзинскаго
45	4	осмыслялся
—	10	единственнымъ
50	8	§ 21
57		§ 24
67	15	фабрикованныхъ
77	заглавіе	Берлинѣ
88	7	власти
90	22	эти
93	15	жизненнымъ
99	7	стр. 89
—	24	нагубѣ
—	5 снизу	конференціи
103	19	хирѣвшей
111	10	политическія
123	4	сегодня
134	17	пестрѣли
143	12	отовсюду
155	1	совѣтской
158	5	которымъ
163	5	всесторонне
165	18	Закавказьи
173	15	созданіи
174	2	войнѣ
178	1	Парижъ,
195	2 снизу	осталась
197	9	признаютъ
200	26	впередъ
—	35	изложено
203	23	возстановленіе
204		§ 63
206	23	упрощенно.
221	15	зрѣнія,
232	3	Арменіи
—	15	bluff»
233	3	обремененность
236	8 сн.	самое
244	5 сн.	мѣстопребываніе
—	6	союзниками
246	19	испрашивалась
255	11	комиссію
—	3 сн.	1918
261	2 сн.	домогательствъ
263	6	перенесено
—	2 сн.	процедуры
267	3	*роль* вм. рѣчь
271	1 сн.	армяне
274	8	максимумъ
290	2	9 мая,

3-15 ς-
n2/971
ეროვნული ბიბლიოთეკა

Achevé d'imprimer à Paris,
à la Société Anonyme
„Imprimerie de Navarre",
5, Rue des Gobelins
Paris-XIII,
le 26 septembre MCMXXIV.

R 349.315
2 3
ეროვნული ბიბლიოთეკა